

№ 5(57). 2023

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Октябрь 2023 № 5(57)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +79118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Алексей Полубота – член правления Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Василий Киляков – член Союза писателей России
Римма Лютая – прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Светлана Савицкая – член Союза писателей России, учредитель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Сухейль Фарах – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.
Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 16 октября 2023 года. Тираж: по востребованности. Заказ № 1806.
Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05.

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала. Подписка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега актуальности

Сухейль Фарах. Возможен ли диалог и партнёрство цивилизаций в современном мире?	5
Слово о роде и народе. Беседа критика, доктора филологических наук Капитолины Кокшеневой и писателя Анатолия Байбородина	11
Григорий Блехман. Хрущёв – мина замедленного действия под СССР и источник СВО. <i>Документы, воспоминания, размышления</i>	21

Проза

Василий Киляков. «Светлые дали» Евсеича. <i>Повесть. Завершение. Начало в № 4-2023</i>	33
Игорь Изборцев. Варфоломеевская ночь. <i>Рассказ</i>	46
Валерий Герланец. Благословенный. Александр I и его время – исторические параллели. <i>Начало. Завершение в следующем номере</i>	53
Сергей Собакин. Тревожные люди. <i>Рассказ</i>	76
Вера Сытник. Творческая струна. <i>Рассказ</i>	81
Николай Жуков. Балтийская осень. <i>Рассказ</i>	90

Поэзия

Алексей Полубота. <i>Стихи. Вступительное слово Владимира Сорокажердьева</i>	93
Иван Молчанов-Сибирский. «Серый, серый гаснет вечер...» <i>Стихи</i>	96
Зоя Колесникова. «Этот домик на тихой воде...» <i>Стихи</i>	100
Эляна Суодене. Стихи о стихах. <i>Стихи</i>	103
Светлана Кекова. Щегол. <i>Стихи</i>	106
Сергей Воробьёв. Я выгнан из детства. <i>Стихи</i>	109
Ольга Флярковская. А душе для молитвы даются простор и молчание... <i>Стихи</i>	112
Владимир Масалов. «Просьба сына погибшего в ВОВ 1941–1945 гг.» <i>Стихи</i>	114
Руслан Кошкин. Стыдоба. <i>Стихи</i>	116

Берега юбилеев

Светлана Савицкая. Назови имя Бога. <i>Космическое эсперанто. Глава 16. Вступительное слово Павла Глобы</i>	120
--	-----

Берега Беларуси

Михаил Поздняков. «О, как прекрасно!...» <i>Стихи. Перевод на русский язык Михаила Кулеша</i> ..	124
Вениамин Бычковский. Животворящий крест. <i>Быль</i>	128

Берега Янтарного края

Наталья Советная. Колыбельный мотив. <i>Записки о Янтарном крае</i>	138
Ирина Моткова. «Пройду мимо низко свисающих вишен...» <i>Стихи</i>	153
Анатолий Мартынов. Жили-были. Горел камин. <i>Рассказы</i>	156

Берега культуры и искусства

Бэлла Пак. Беседа с князем Н. Д. Лобановым-Ростовским об американском периоде жизни, путешествиях, национальной кухне, жизни в Оксфорде, здоровом питании	166
--	-----

Александр Ралот. «За служение России к смертной казни приговорить!» *Рассказ* 173

Берега Новороссии

Виктор Николаев. Люди настроены на помощь фронту. *Беседовала Татьяна Медведева* 176

Прот. Михаил Резин. Час света воинам света. *Рассказ* 178

Берега прочтения

Нина Черепенникова. Меценат государства Российского. *О книге Геннадия Сазонова «Аршином общим не измерить...», но и не только...* 181

Вячеслав Лютый. От житейского к духовному. *Одинокий русский человек в прозе Игоря Изборцева* 187

Владимир Скиф. Иван Молчанов-Сибирский 190

Лидия Довыденко. Благодарение, благо и честь. *О книге Сергея Пылёва «Харисто»*..... 200

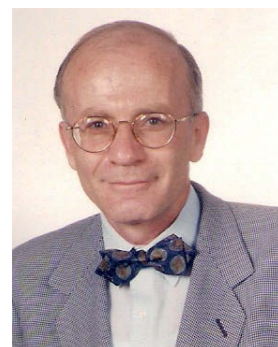
Наши друзья

О приобретении и подписке на журнал 204

Берега актуальности

Сухейль Фарах

Академик Российской академии образования, доктор философских наук, президент Открытого университета диалога цивилизаций.

ВОЗМОЖЕН ЛИ ДИАЛОГ И ПАРТНЁРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ?

Хотя идея создания ООН, а также ЮНЕСКО основывается на убеждении в том, что диалог между людьми разных культур способен возобладать над раздором, что многообразие – это всеобщее благо и что народы мира гораздо сильнее объединяет общая судьба, нежели самобытность разделяет их. Организация Объединенных Наций, как она задумана, может стать подлинным домом для диалога между цивилизациями; форумом, в котором такой диалог может разрастаться и приносить плоды во всех сферах человеческой деятельности.

Этот тезис основан на словах бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана. С этого времени прошло больше двадцати лет, в разных странах мира были проведены сотни, если не тысячи конференций, семинаров и встреч. Всё это порождает принципиальные вопросы, на некоторые из них я попытаюсь ответить.

Почему культура диалога между разными цивилизациями, религиями и сферами знаний пока не сильно распространена и признана на Западе, почему не является привлекательной среди носителей тоталитарной политической и религиозной доктрины на Востоке?

Какие динамичные принципы будут основой диалога и партнёрства цивилизаций? Какие препятствия ждут человечество на пути к взаимному доверию и партнёрству? И наконец, какие первоначальные выводы можно сделать по процессу этого диалога и партнёрства?

Не претендуя на твёрдые ответы, наоборот, оставляя вопросы открытыми для их углубления и осмысления, попытаюсь нарисовать первый эпизод целостной картины этой животрепещущей темы. Мы тщательно обдумываем систему цивилизованных человеческих ценностей, и мы не испытываем ничего, кроме состояния глубокой озабоченности по поводу её настоящего и будущего.

Это относится к трём системам ценностей: 1) либеральная система и все постмодернистские отрасли; 2) классическая социалистическая система и некоторые её современные производные; 3) религиозная система со всеми её проявлениями в сообществе людей и отношением к процессам извне.

У этого экзистенциального беспокойства есть много материальных и духовных причин, которые требуют немалого количества чернил, чтобы приблизиться к пониманию его общих причин и результатов. Возможно, рассмотрение даже капли неотложных вопросов хватит, чтобы заполнить бесконечную белизну страниц дневников жизни...

Важной является попытка ответить на роковой вопрос, который повторяет большинство людей, живущих на этой измученной планете: где Мы, какова наша судьба?

Это самый трудный вопрос в жизни всех нас, который, несомненно, требует координации. Скорее, это мобилизация всех энергий, возбуждаемых правыми и левыми, а также представителями религиозных и светских институтов и всех тех, кто вдумчиво трудится в гуманитарных и естественных науках.

И с ними со всеми – человеческая энергия, характеризующаяся критическим, аналитическим мышлением со стороны индивидуума и социума. Возможно, каждый из людей жаждет справедливости. Возможно, мудрые люди и сторонники универсальной справедливости стремятся избавиться от стареющих клеток в трёх аксиологических системах, которые мы упоминали вначале, и работает над активацией позитивного конструктивного цикла в каждой системе, направленной на построение рационально-разумных мостов между её позитивами.

Это требует от мудрых умов создания опальных цивилизационных вариантов. Возможно, что это создаст доступ в эпоху оптимистических вариантов и станет реальной альтернативой, предшествовавшей волне речей об «окончании», которую продвигали пессимисты. Их концепция строилась на таких тезисах: конец истории, конец света, конец мира, конец смысла жизни, конец человека.

В этом контексте у меня есть некоторые мысли или размышления, которыми я хотел бы обменяться с вами...

Вначале я попытаюсь очень кратко диагностировать болезнь, присутствующую в тёмной области каждой эгоцентристской группы. После этого я надеюсь очертить если не очень оптимистичный диапазон, то хороший вариант, где бы разум, наконец, мобилизовал все свои позитивные энергии, чтобы найти решения, которые вытащат его из цикла экзистенциальной тревоги. И они привели бы к рождению более справедливых цивилизованных альтернатив для более красивой, этичной и любящей системы ценностей. Я буду излагать мысли с волнующей осторожностью, направлять их глубже, скорее, для поиска и предвидения ценностей в мире завтрашнего дня. Так я вышел на двенадцать тезисов.

Первое: необходимо признать, что потерянности человека в большинстве частей мира вызвана сегодня потерей компаса материальной и духовной безопасности для его настоящего и будущего.

Второе: потеря этого компаса безопасности главным образом связана с недостатком позитивного, конструктивного доверия, которое больше не предоставляется людям в действительности, ни в либеральной системе с её классической, модернистской и постмодернистской традициями и, к сожалению, ни носителями абсолютных истин, которые опираются на определённые религиозные институты и тексты.

Третье: старые ячейки, которые были разрушены в мыслях и поведении трёх систем, не оправдывают продолжающуюся всеобъемлющую наступательную или даже оборонительную войну, которую они ведут на нескольких фронтах каждой системы против другого. Каждая система, независимо от того, что она утверждает, как работает над тем, чтобы представить материальное, психологическое, ментальное и даже духовное дарение всей человеческой расе на этой планете, утверждая, что ключ к компасу истины находится в её руках. Но действительно видимый и осязаемый результат – это дальнейшее нарастание интенсивности абсурдного и безумного конфликта между принадлежащими к той или иной системе.

Четвёртое: подчинение человека адской конфликтной игре, которую многие считают вечной и незаменимой, между понятиями или образами «ангела и сатаны», «капиталистического и пролетарского», «демократического и недемократического», «западного и восточного менталитета», «религиозного и светского» и многих других. Из «убийственных дихотомий», тех, которые делят только на чёрных и белых, все эти доводы служат только для укрепления их владельца в стенах его веры и его системы закрытого догматизма. Таким образом, он закрывает двери разумного диалога, маргинализирует творческое человеческое общение и ставит высокие барьеры, препятствующие сближению, взаимодействию и сотрудничеству лучших областей цивилизованного сообщества и извлекает выгоду из сильных сторон каждой стороны.

Пятое: опасность диктовать единую экономическую и культурную модель «могущественных глобалистов» компенсируется опасностью замкнуться в узкой идентичности «Я». Подобно тому, как проявления тьмы и узкого видения сопровождали все виды тоталитаризма предыдущей неолиберальной и коммунистической риторики, так же доминирует кампания узкой идентичности и вместе с ней сторонники религиозных сообществ, которые руководствуются духом принятия «абсолютных истин», где призрак сознательного или бессознательного участвует в этой отвратительной адской игре.

Здесь, по мнению французского мыслителя Поля Рикёра, возникает феномен «одержимости или безумства идентичности». Каждый день мы просыпаемся и видим новую волну катастроф и убийств, самоубийств, изнасилований, насильственных инцидентов, бомбардировок, поджогов, бегства, обмана и депрессии, которые выражают эти идеалы идентичности, которые мы можем найти только в качестве свидетелей тех событий, которые сейчас происходят, которые мы можем видеть и анализировать. Это требует устранения негативных последствий, которые вызваны искалеченной исторической памятью людей с узкой идентичностью.

Каждая группа из воинствующих сторон умеет злоупотреблять коллективной памятью людей. Каждая группа или община рождается в состоянии войны, и эти насильственные действия обретают легитимность благодаря так называемому «верховенству закона», но в этой войне всегда есть две

стороны: победившая и проигравшая. Для одних события – слава, для других – унижение. Празднование одной стороны сопровождается ненавистью с другой, и таким образом, хранятся в архивах коллективной памяти реальные раны и отрицание не только других, но и самих себя.

Шестое: отсутствие спокойного, рационалистического подхода ко всему, что вырабатывается физиологической, психологической, умственной и духовной энергией, создаёт «дурной нарциссический эгоизм» отдельных лиц и групп. Именно это создаёт односторонние, «центральные виденья». Каждая сторона имеет географический, культурный и религиозный характер или даже партизанскую идеологию (будь то европейский, западный, азиатский или другой корень). Из-за всего этого больного, дурно пахнущего климата взлетают ввысь волны либо превосходства, либо неполноценности той или иной расы, культуры, цивилизации или даже религии и духовного выбора. Но каждый слеп к простому человеческому антропологическому факту: мы по сути относимся к единой человеческой расе.

Седьмое: возможно, человеческая раса всё ещё находится в процессе определения приоритетов. Это «инстинктивно животное» в действиях и поведении, что сводится к инстинкту борьбы за выживание, навязывается, и отсюда мы видим, что доктрина «социального дарвинизма» преобладает и представляется в форме реального принципа сегодня. «Выживает сильнейший» – именно вирус этой доктрины твёрдо живёт в умах политиков и военных комиссаров, а также у теоретиков и практиков политических консульств и военных министерств. В итоге мы видим это не только среди «сильных игроков», независимо от различий в их позициях и ситуациях, но также и среди так называемых «слабых или маленьких игроков». Отсюда непрерывное нагнетание всех типов конфликтов и войн, которые убивают тела и души подавляющего большинства мучающегося населения планеты.

Восьмое: в настоящий момент экзистенциальная мудрость, основанная на золотой промежуточной философии, которая признала существование пространств: мира и агрессии, открытости и закрытости, света и тьмы, доступна в разных пропорциях. Задача для всех нас заключается в том, как преодолеть всю бурю агрессии и закрытые, многометровые, бетонные стены вокруг своего узкого «Я». Ни одна религиозная или светская попытка разрушить эти стены не была успешной, независимо от речи её владельца, если сам человек не начал разбирать её сам, если силы его разума, сердца и духа не были мобилизованы во всех областях.

Девятое: всё, что происходит с нами и с окружающими, не предполагает ничего, кроме разрушения, угнетения, несправедливости и разжигания всех видов экономических, идеологических и медийных войн – и психологических, и религиозных. Таким образом, машина разрушения была запущена всевозможными иррациональными силами военной техники и абсурдной адской гонкой вооружения, не обращая внимания на самые святыне и великие создания Бога на этой планете, не обращая внимания на более вечную область человеческой личности, не используя область рационального диалога и мобилизуя конструктивные энергии для расширения и углубления своей воли и разума. Люди, приверженцы партнёрства и творческого сотрудничества между цивилизациями в этом климате, существующем и на Западе, и на Востоке, кажутся изгоями. Но они мечтатели, как если бы они прибыли к нам с другой планеты.

Десятое: наш мир не изменится из-за своего экологического, демографического, финансового, геополитического и других кризисов, если он не примет культуру диалога и продуктивного, конструктивного, выгодного сотрудничества во всех областях и на всех уровнях, и в равной степени для всех людей без исключения. Научные прорывы не увенчаются успехом, если они не опираются на конструктивный, комплексный, научный подход, плюралистическую методологию и управленческие методы культурного разнообразия.

Одиннадцатое: оркестр цивилизации современного человека продолжает играть какофонию, которая наносит вред «культуре слуха» и расширяет пространство пустынь в человеческом духе. Это будет продолжаться, если каждая группа не начнёт работать над собой, чтобы поддержать общий психологический, рациональный и человеческий аспект в своей ментальной и практической деятельности. Я имею в виду шесть основных групп цивилизаций, расположенных на пяти континентах нашей планеты, а именно: европейская, американская, русско-евразийская, индокитайская, исламская и океаническая.

Двенадцатое: у человечества есть два варианта, мы не имеем третьего пути: либо преемственность, разложение через постоянную реанимацию смертельных болезней, которые разнообразные эгоисты постоянно разносят в своих практиках нарциссизма и заражают отдельных людей и группы.

Их практики основаны на сознании и поведении «правитель и управляемый», «сильный и слабый». Либо вариант, который даёт реальную надежду на продолжение справедливой человеческой цивилизации на земле благодаря бдительности мудрого ноосферного разума, который на всех уровнях жизни стремится к словам и действиям, чтобы вдохновлять и продолжать ежедневное воспитание ума, души и поведения, чтобы представлять, принимать и воплощать общие человеческие и небесные ценности, которые во многом сводятся к трём: Наука, Этика и Красота.

Истина, которую принимает каждый, приходит благодаря мудрости научного, конструктивного и открытого разума всех тайн и огней Небес. Этика представляет собой принятие и представление всех ценностей трансцендентной этики людей. И красота, в смысле Достоевского, которая представлена через постоянную работу на уровне человека и группы так, что культура языка и тепло сердечной привязанности, любви и мудрости ума всегда присутствуют, начиная от мельчайших деталей наших дневников и заканчивая принятием самых важных решений в нашей жизни.

Выходом из тупикового вектора кризисов современной цивилизации мог бы быть очень простой и почти невозможный на уровне каждого индивида и каждого социума шаг. Позитивно для общества, если каждый индивидуум внушает себе два простых слова: Я могу!

Реалистичен ли сценарий будущего цивилизации?

Предложенный мной вместе с академиком Ю. В. Яковцом оптимистический сценарий трансформации будущего мира цивилизаций может показаться нереалистичным и нереализуемым в условиях охватившего всю планету глубочайшего цивилизационного кризиса. Если провести в современных условиях глобальный опрос соотношения вероятности осуществления оптимистического и пессимистического (вплоть до катастрофического) сценариев будущего мира цивилизаций, то соотношение их вероятности может оказаться примерно 30:70 в пользу пессимистического сценария. Однако дальнейший ход исторического перехода к новой исторической эпохе приведёт к тому, что это соотношение уже к 2025 году может измениться к 40:60, а после 2030 года измениться в пользу оптимистического сценария.

Однако для этого потребуется в полной мере использовать факторы реализации оптимистического сценария будущего мира цивилизаций. Какие это факторы?

Во-первых, примерно с середины 2020-х годов начнётся переход к повышательной волне 6-го Кондратьевского, 7-го цивилизационного циклов и 3-го исторического суперцикла, что будет сопровождаться долгосрочной тенденцией ускорения темпов экономического роста и социального развития, сокращения кризисных потрясений, повышения уровня и качества жизни населения. Это приведёт к ослаблению экономических и социально-политических факторов, обуславливающих неустойчивость развития и рост противоречий.

Во-вторых, устремления США к установлению однополярного мироустройства и доминированию в мировой экономике беспочвенны и обречены на провал. США уже не обладают экономической мощью и геополитическим влиянием, способным оправдать претензии всё более оторванной от реальной жизни правящей элиты, и находятся в состоянии углубляющегося раскола и нарастающей угрозы гражданской войны. К тому же сама эта элита, представленная лидерами поколения 1990-х, всё больше вступает в противоречия с реальными интересами большинства, особенно поколения 2020-х, американского народа.

В ближайшие годы она сойдёт с исторической сцены, будет заменена более прагматичными и трезво оценивающими реальное соотношение сил прогрессивными лидерами поколения 2020-х. К тому же экономика США становится всё более паразитической и виртуальной (около 80 % в структуре ВВП занимают услуги при минимальной доле материального производства), покоится на достигнутом астрономических величин внешнем государственном долге и неконтролируемой эмиссии ничем не обеспеченных долларов как мировой валюты, которая всё больше обесценивается и теряет позиции на мировом валютном рынке.

В-третьих, следует учитывать, что закон Ньютона (всякое действие рождает равное по силе и противоположно направленное противодействие) проявляется не только в физике, но и в экономике, геополитике. В ответ на агрессивные действия США наблюдается растущее противодействие вос-

ходящих цивилизаций и ведущих держав, которые консолидируются вокруг Китая и России. Усиливается влияние сформированных ими региональных объединений – БРИКС, ШОС, ЕАЭС и других. Этому способствуют инициатива Китая «Один пояс – один путь», инициативы России «интеграции интеграций», Большое Евразийское партнёрство и крупномасштабное сопряжение этих инициатив.

В-четвёртых, обострение экологических угроз и противоречий, осознание реальности грозящей экологической катастрофы являются дополнительным фактором, способствующим объединению сил государств и ведущих держав в борьбе против смертельной опасности. Это потребует совместных планомерных действий в глобальном масштабе.

В-пятых, в мире осуществляется переход к лидерству на три десятилетия поколения 2020-х, в большей мере страдающего от глобального цивилизационного кризиса и настроенного на радикальные меры по перестройке миропорядка. В ближайшие несколько лет произойдёт смена нынешних политических, экономических, идеологических лидеров, а новые лидеры будут настроены на совместный поиск, преодоление кризисных потрясений, на конструктивный диалог и взаимовыгодное партнёрство для эффективного ответа на вызовы XXI века и в большей мере будут способны воспринять рекомендации учёных по становлению Ялтинского мира – 2.

Следует учитывать воздействие ещё трёх важнейших факторов реализации оптимистического сценария будущего мира цивилизаций.

Во-первых, это оптимистический сценарий. Он основан на глубоком научном анализе закономерностей и исторических тенденций динамики цивилизаций, смены исторических эпох, мировых цивилизаций и поколений, локальных цивилизаций, сверхдолгосрочных цивилизационных циклов и долгосрочных Кондратьевских циклов. Это создает фундаментальную базу для предвидения будущего мира цивилизаций на основе теории и методологии интегрального макропрогнозирования и стратегического планирования для осуществления назревших перемен в динамике мира цивилизаций.

Во-вторых, это энергия кризиса: кризис имеет не только разрушительную силу, но он открывает простор и распространение уже созревших элементов будущих цивилизаций, поэтому Йозеф Шумпетер называл кризис созидательным разрушением. В этот период активизируется созидательная сила новых поколений и уже зародившихся элементов будущего цивилизационного цикла, и при высокой скорости перемен из хаоса перемен рождается новый порядок будущего мира цивилизаций.

В-третьих, в условиях глобального цивилизационного кризиса реализуется закон поляризации и социально-экономического партнёрства цивилизаций и государств, социальных слоёв и поколений. На первом этапе кризиса усиливаются процессы их поляризации и противостояния и борьбы; на втором этапе формируется партнёрство на противоположных полюсах нисходящих и восходящих цивилизаций и великих держав; на третьем этапе обеспечиваются объединение прогрессивных сил перед новыми смертельными вызовами и угрозами и достигается победа над реакционными силами. Этот закон в полной мере признавался в период Первой мировой войны, и в современных условиях глубочайшего цивилизационного кризиса создаются условия для его реализации в XXI веке как важнейшем факторе перехода к новой исторической эпохе.

Всё это вселяет в нас уверенность в возможности и реальности осуществления предложенного нами оптимистического сценария будущего цивилизаций в период до середины XXI века. В то же время надо понимать, что этот процесс крайне сложный и противоречивый, не исключая возможности осуществления пессимистического и даже катастрофического сценария и требующий ясного понимания условий реализации этапов оптимистического сценария. Какие это этапы?

Первый этап. Углубление глобального кризиса и созревание предпосылок для выхода из него. Это период до 2030 года, отвечающий второй фазе шестого Кондратьевского цикла. В этот период достигает крайнего предела глобальный кризис 2020–2023 годов, формируются предпосылки и консолидируются прогрессивные силы для преодоления кризиса или перехода к новой исторической эпохе. Одновременно наблюдается раскол и ослабление консервативных сил, которые доминировали в позднеиндустриальном обществе США, Евросоюза, Японии, Китая, представленных группой 7, и НАТО. Осуществляется консолидация прогрессивных научных сил и лидеров нового поколения, формируется новая долгосрочная стратегия НАТО при активной роли ЮНЕСКО.

На втором этапе реализуется следующая фаза 6-го Кондратьевского цикла – осуществляется распространение основ гуманистически-ноосферной космической цивилизации и устойчивого многопо-

лярного мироустройства при ведущей роли восходящих цивилизаций Востока и усилении регулирующей роли системы ООН, что обеспечит преодоление кризиса и ускорение темпов экономического развития на волне нового Кондратьевского цикла.

На третьем этапе зрелости очередного Кондратьевского цикла гуманистически-ноосферная цивилизация и новая модель миропорядка (Ялтинского мира – 2) станет преобладающей в глобальных масштабах, в полной мере раскрывая свой потенциал и обеспечивая реализацию системы стратегических приоритетов нового поколения 2020-х.

Тем самым оптимистический сценарий будущего мира цивилизаций будет в полной мере реализован. Одновременно будет разработано новое видение долгосрочной стратегии на вторую половину XXI века, предусматривающее дальнейшее развитие мира цивилизаций в условиях перехода к 7-му Кондратьевскому циклу и достижение стадии зрелости 9-й мировой цивилизации – гуманистически-ноосферной космической цивилизации.

Берега актуальности

Беседа критика, доктора филологических наук Капитолины Кокшеневой и писателя Анатолия Байбородина

СЛОВО О РОДЕ И НАРОДЕ

Критик: Анатолий, в отличие от коренного европейца и нынешнего российского сребролюбца, природный русский человек не утешится, не ублажится лишь благами цивилизации, душа его жаждет духовного смысла бытия и творческого воплощения душевных и духовных поисков, метаний, страданий. Русское простолюдые, житейски бедное, к тому ж стремительно обнищавшее в начале российской перестройки, но всякий второй пишет стихи либо прозу. поголовная страсть к творчеству, особенно литературному, дело доброе – душа не омертвела, творческий дар в народе не иссяк, но эта творческая страсть, увы, породила и огромный приток в Союз писателей России, а тем паче в Российский писательский союз откровенной графомании. Сказано: «стихи не пишутся, стихи рождаются». А посему и писателями становятся или рождаются? Какие рассудочные, душевные или духовные мотивы привели Вас в литературу?

Анатолий Байборodin: В русской традиционной народной литературе писатели замышлены родовой судьбой, писателя рождает в некоем колене его рода, как выразителя рода, – суть народа. В идеале... может, недостижимом... русский народный писатель, словно приходской поп, посредник меж Богом и народом, меж небом и землёй. А начальный душевный порыв к слову, начальный творческий мотив у писателей разный; меня томила и властно требовала выражения в слове обида за все горести, перенесённые в бедном детстве и отрочестве, хотя потом я осознал и счастье детских, отроческих лет, прожитых среди прекрасной лесостепной, озёрной и речной природы. Томила обида за мать и отца, за своих деревенских земляков, вечно унижаемых и оскорбляемых. Я писал в очерке «Люблю я сторону родную»: «сколь горя пережило довоенное и военное поколение, что и не сыскать в мире народа, какой бы столь пролил крови своей, так перемучился, переломался за полвека, а посему иногда прикинешь: да как же было русскому народу не загулять, не удариться во все тяжкие, чтоб хоть в вине, в грехе утопить мучительную память о пережитом, о своём бессилии перед злой судьбой, перед бесовской чуждой волей, чтобы хоть во хмелю занять некие права, хоть в пьяном кураже заявить поприданое достоинство и... на своём же ближнем и выместить все обиды за узаконенные оскорбления, унижения. Добра-то в сём, конечно, мало, разве что понять можно, пожалеть можно... Но ведь народ и не ударился во все тяжкие, не озлобился, не изжил из души божественный свет любви к брату и сестре во Христе... А уж столь народу в середине прошлого века осиротело по России, словно и сама Россия вдруг осиротела... И если бы не потаённая, осветляющая вера в то, что по слезам и страданиям нашим отпустится счастья в тихой, навечной обители, вряд ли выстоял бы народ в долгие лихолетья, в голоде, холоде, в бесправии, в непосильном труде. Не выжил бы, озлобился, истребил друг друга, утратив из души последнюю, невыразимую в словах и даже чувствах, заветную надежду на Царствие Небесное».

Обида своя, сострадание к обиженным пробудили в душе *слово* любви к убогим, что у *Бога* ждуть милости в горнем мире, на блага земные не уповая. Это некий духовный мотив творчества, а был и житейский – выбиться из деревенской грязи в городские князи, въехать на белом коне в русскую литературу. И въехал бы – простонародную жизнь доподлинно ведал, и народный притчевый пословично-поговорочный, образный язык звучал в памяти, к тому же сельская родова отсулила мне, крестьянскому сыну, неистовую страсть к труду, неприхотливость в быту, выносливость. Но не въехал в литературу даже на пегой кобыле: всё было недосуг запрячь клячу, промешкал, и годы ушли.

Критик: Лет семь назад автор «Литературной России» писал: «Анатолий Байбородин нам по-прежнему предлагает тягомотину о деревне в духе телепередачи “Сельский час” образца конца 1970-х – начала 1980-х годов. Писатель так и не понял: то, что почиталось за смелость в застой, сегодня уже не актуально. Вот бич сегодняшнего литпроцесса в Сибири – вторичность». Смысл едкого критического выпада в том, что «деревенская», «почвенническая» литература якобы себя исчерпала, нужны новые темы, новые идеи, новое художественное слово. Всё Ваше творчество – это глубинное погружение в суть той жизни – крестьянской, народной, которая сегодня просто катастрофически не в цене. Уже и слова-то такие изгнаны, как «труд», «крестьянин», «народ». Нет ли ощущения, что время восстало против Вас и Вашего творчества?

Анатолий Байбородин: О том, что проза моя устарела, что она слабый отзвук отпевшей «деревенской» прозы, я слышу четверть века, от первых повестей и рассказов. Вот и ныне бойкие критики и молодые сочинители, что держат нос по ветру, ставят могильный крест на «деревенской», «почвеннической» литературе и ожидают некую новую, по глупости и немощи уподобляя литературу журналистике: освятила злободневную тему человеческого бытия на одном историческом этапе, пора переходить и к новой злободневной теме. А если завтра молодой писатель напишет талантливый роман о гражданской войне или о коллективизации, как Лев Толстой описал отечественную войну через десятки лет, так что же, критики его укорят: де, тема уже исчерпана писателями начала двадцатого века?! Беда новейшей российской прозы и критики – журнализм, а истинная художественная литература – не газета, освещающая социально-политические и хозяйственные кампании и проблемы. Пути русской литературы неисповедимы критике, изъеденной журнализмом.

Говорить о том, что мои романы и повести, где живёт крестьянский мир прошлого века, не современны, это всё равно, что говорить о несовременности Есенина, Клюева, Рубцова, Шукшина с их деревенской вселенной, Шолохова с его канувшим в лету казачьим миром. Упаси бог равняться с помянутыми выдающимися писателями, я говорю лишь о современности в литературе... Время восстало не против моего природного и народного литературного творчества, – много чести смерду, – лихолетье глобального технократического космополитизма ополчилось против природы – Творения Божиего, а значит, и против слитого с природой крестьянского мира, да и ополчилось против человека – образа Божиего, который в природном крестьянском мире только и был истинно счастлив. Земля и небо терпели человечество, тысячелетия живущее крестьянским и ремесленным трудом, но человечество сбилось с благословенного крестьянско-ремесленного пути, пошло по роковой и погубительной дороге научно-технического прогресса, задумав подчинить землю и небо порочным страстям. Земля и небо – кои уже не в силах выдержать человека, словно дуб свинью, выгрызающую его корни, – содрогаясь в муках, в яростном и праведном гневе обрушивают на человека природные стихии. Человечество, даже осознавая гибельность пути, разумеется, никогда уже не вернётся к спасительному крестьянско-ремесленному укладу, но стремительно будет лететь к Апокалипсису, словно ночные бабочки-метлики на огонь вселенского костра.

Но опустимся на грешную нынешнюю русскую землю и вспомним, что в нынешней России к тому же космополиты – либеральные «мировые люди» – в невольном сорабничестве с «асфальтовыми русскими националистами» – ополчились против исконного и векового русского духа, который во всей православно-детской искренности и природной мудрости, во всем двухтысячелетнем художественном гении испокон веку обретался лишь в крестьянском мире. А я, отвергнутый временем беса, лишь маловедомый певец крестьянского мира, который можно вечно осмыслять и вечно живописать, как Вселенную.

Впрочем, у меня немало и «городской» прозы – я уж лет тридцать житель городской, любящий и былую деревню, и величавые древнерусские и старорусские города, которые, кстати, как и деревни,

не противостояли природному миру, но в каменной и особенно деревянной архитектуре своей подражали природе, а перво-наперво образу Божественной Вселенной.

Хотя и повеличал я себя певцом деревенского мира, но душа моя искони противилась, когда Фёдора Абрамова, Евгения Носова, Виктора Астафьева, Бориса Можаева, Василия Шукшина, Василия Белова, Валентина Распутина, а уж тем паче Владимира Личутина критики, историки литературы для понятнейшего упрощения обзывали «деревенщиками» или «почвенниками», то есть пишущими о деревне. Но ведь Фёдор Достоевский, не писавший о деревенском мире, величал себя «почвенником» – славянофилом особого «почвеннического» толка. А «почвенники» ли Иван Шмелёв или Георгий Семёнов, живописавшие Москву на зависть певцам крестьянского мира?

Творчество выше помянутых выдающихся русских писателей второй половины двадцатого века, выше и шире «деревни» и «почвы», они – русские народные писатели, воспевшие и оплакавшие великую русскую цивилизацию, – суть крестьянскую, ибо русский человек по родовым истокам и по характеру – крестьянин. У заправдаших русских, кои уже во втором-третьем колене распрощались с деревней-матушкой, – крестьянский характер или, как ныне говорят, деревенский, природный менталитет. Не случайна российская дачная страсть, коя для европейца – дикая, варварская страсть. Можно запросто купить той же картошки, моркошки, тех же цветов садовых, ан нет, самому охота сеять, в земле ковыряться. Тянет земля дальней родовой памятью, потому что все мы, русские, из царства крестьянского. А земную тягу из души не выбить и в пяти поколениях, как и небесный зов.

Повеличенные писатели стали *народными* лишь потому, что гармонично слили воедино два творческих духа – дворянско-разночинный и крестьянский, и две традиции художественного слова – письменную, гениально воплощённую в дворянско-разночинной, классической литературе, и устную сказовую, породившую величайший крестьянский фольклор, записанный лишь на малую толику, но изданный уже сотнями томов. Сила народных писателей в том, что их произведения не вторичны, не от одной лишь письменной литературы, в их повествованиях слышны отзвуки, видны отсветы двухтысячелетнего первоисточного народного слова, воплощённого в календарно-обрядовой поэзии, в православно-житийных легендах, в мифологии, в песне, в пословично-поговорочном, образном речении. Величайший художник всех времён и народов гениально напишет сосновый бор на рассвете и закате, но бор, сущий в природе, во сто раз гениальней. Русская традиционная культура, которая создавалась в течение двух тысяч лет, сродни природе, поэтому она сверхгениальна. И четверть века я и посвятил изучению первоисточного народного слова, пытаюсь посылить воплотить его в творчестве. А посему можно повинить мои сочинения в языческих грехах, но не во вторичности, что воображается иным молодым писателям, блуждающим в поиске своего «неповторимого голоса».

Критик: Но формальный поиск в литературе имеет право быть...

Анатолий Байбородин: Разумеется... Формальный поиск неизбежен для начинающего художника, поиск и обогащает его палитру. Но если иные нынешние «языковые поисковики» из модернистов копошатся в молодёжном сленге, в блатной фене, словно в помойной яме, то у моего поколения писателей формальный, стилистический поиск имел более высокий полёт. Хотя родился и вырос я в глухом забайкальском селе за триста вёрст от «чугунки» и города, но в студенческой юности чурался и родной деревенской культуры, и традиционной русской литературы. Я был чадо гуманитарной богемы, и в студенчестве, как и мои сокурсники-филологи, не только с интересом изучал европейскую литературу XIX века, особо возлюбив Чарльза Диккенса, но и взахлёб читал модных о ту пору писателей XX века – европейских, североамериканских, латиноамериканских; и, как ни странно покажется, в раннем творчестве пережил формальное влияние Фолкнера, Маркеса, Камю, умудрившись в духе и стиле «потока сознания» написать повесть одним предложением. Чуть позже, как и другие писатели моего поколения, пережил и влияние Андрея Платонова, что избежать было невозможно, – в русской литературе трудно вообразить иного писателя, в творчестве которого выразились бы столь причудливым, парадоксальным слогом столь причудливые, парадоксальные характеры. Впрочем, проза его не надуманная, не искусственно конструктивная, как у нынешних постмодернистов, – это его платоновский мир, его язык, имеющий в русской жизни подобие.

Позже, нажив судьбу, стал открывать для себя русскую классическую литературу, а потом, тоскуя по родному селу, по землякам, – и народную, прозываемую в те годы «деревенской», которая, на мой взгляд, превзошла классическую, поскольку классическая – это всё же дворянская литература, выражающая, скажем, три процента российского населения, а народная – весь народ русский, по характеру

крестьянский. Будучи сельским жителем, возлюбив Шукшина, начитавшись Абрамова, Носова, Белова, Распутина, а позже и Личутина, писал в чисто деревенском ключе, но потом взошла в голову блажь тронуться своим литературным путём: основываясь на художественных достижениях крестьянской народной литературы, попытался предвнести в прозу христианско-психологические мотивы, что так мощно прозвучали в произведениях Достоевского. Появились герои с крайне противоречивыми и даже парадоксальными характеристиками, души которых – поле брани, где в яростной схватке сплелось божественное и демоническое.

В стилистическом поиске серьёзный писатель осторожен. Когда читатель, забывая о содержании повествования, восхищается стилистикой – «...глянь, как он, подлец, фразу-то крутит...» – значит, повествование ещё сырое, не пропечённое, надо ещё корпеть над словом. Высший образец художественной формы, когда даже причудливая, предельно насыщенная сложным образом форма при восприятии перестаёт ощущаться, не заслоняет, но усиливает для читателя, зрителя духовные, нравственные переживания героев, идеи, запечатлённые художником. Такова избранная проза помянутого Платонова и проза Владимира Личутина, у которого предельно сложная стилистика не довлеет над содержанием, но и быть иной, попроще, не может, иначе не выразить сложнейшие религиозно-мистические, психологические состояния героев.

Почитал я беллетристику (полужурналистику) неких молодых модернистов, даже якобы русских, и, «базаря» их похабным жаргоном, словно помоев опился. И дело даже не в умозрительном формальном, эпатажном поиске своего «неповторимого» голоса, встроенного в блатную феню и молодёжный сленг, дело в хладнодушии, в бессердечии, когда у героя – суть, автора – нет исповедального раскаянья во грехе, когда грешник без сострадания осмеивается, когда грех и порок смакуются с вызовом обществу, якобы лицемерному и фарисействующему.

Я вроде классический реалист, но однажды современный и модный питерский писатель прилюдно и меня подверстал в модернисты, утверждая, что моя проза с её словесным орнаментализмом с традиционным реализмом ничего общего не имеют.

Да, мои прозаические книги, над которыми от случая к случаю работал четверть века, с ходу не прочтёшь, на бегу не осмыслишь. Повествования и рассказы пахал, боронил, сеял и подсеивал, полон многожды, хотя в первых, вторых либо третьих редакциях повести и рассказы издавались в Сибири и в столице. Потом два самых отрадных года таился в лесной избе подле Байкала и, счастливо перебиваясь с хлеба на квас, доводил книгу до своего нынешнего духа, ума и ремесла, – не хотелось оставлять после себя лишнего греха, печатать то, что ниже моего, какой уж есть, духовно-художественного уровня. Столичные журналы отвергли почти все мои повести; и крепко бранили меня иные столичные журнальные редакторы – садовокольцовские русские патриоты – за этнографизм, фольклоризм и словесный орнаментализм, но я им кланяюсь в пояс за то, что подсказали мне мои достоинства, я теперь сими мудрёными словесами свои произведения и представляю. Читать мою прозу, конечно, нелегко – четверть века над ней ворожил, кудесничал, но не беллетристика моя проза, она хотя бы даст живую и полную картину народной жизни – с обычаями, обрядами, с великим образным, пословично-поговорочным языком. Избранные запойно станут читать, но, может, хоть этнографы да фольклористы будут изучать. Чтение подобных книг хоть и требует душевного напряжения, творческого вдохновения, возбуждения дремлющей русской народной памяти, но это и отдохновение от суеты сует и томления духа.

Критик: У нас с Вами есть, мне кажется, общий опыт. Смотрите. Мы помним, как враз случился культурный взрыв после «революции верхов» 1991 года. Мы помним жгучие дебаты между «патриотами» и «демократами», разделение союзов, театров по лагерям. Всё дробилось, делилось, вопило о своей правде. А что сегодня? Все дружно (и патриоты, и демократы) разрешили государству не иметь никакой культурной воли и стратегии. А если ты вдруг что-то с него спрашиваешь, то тебя тут же обвиняют в «тоске по тоталитаризму». Как Вы считаете, нужна ли таким нерыночным, почвенным писателям, как Вы, государственная поддержка? Хотите ли Вы что-то от государства, или считаете, что и оно уже бессильно признать и поддержать тех, кто считает, что любовь и вдохновение, красота и истина – непродажны?

Анатолий Байбородин: Если бы российская власть была истинно русской по духу и слову, то «бульварным писателям» она бы чинила препоны, прохладно бы относилась даже и к талантливым «интеллигентным» писателям – и патриотам, и демократам, ибо от них испокон веку нравственная

смута, но писателей, подобных мне, – простите за нескромность – власть бы на руках носила, потому что с нами слово, созвучное многовековому великому устному поэтическому слову, с нами двухтысячелетняя народная мудрость, способная созидать и укреплять нравственный и творческий дух нации. Российская власть гордилась бы народными писателями, как власти иных народов гордятся своими национальными эпосами, но власть российская, несмотря на «ура-патриотические» вопли, похожа на колониальную... Как писал я в статье «Плач по литературе», «со второй половины восьмидесятых годов русскую традиционную народную литературу, словно безродную и бездомную нищенку, чужеродная и чужезверная российская власть выпихнула на задворки культуры, отдав предпочтение зрелищным искусствам, сплошь и рядом низкого пошиба. (Пощадила власть чужеродно-либеральную беллетристику, кою испокон веку корёжило от духа русского, порождающую “гениальных” выкидышей, словно грибы-поганки в душной плесени, и под ор и визг телерекламы надувающую очередной “мыльный пузырь”, талдыча ошалевшему народу, что иной литературы и в помине нет.) <...> Винить постсоветскую государственную власть в том, что она спихнула русскую народную литературу с корабля современности, жаловаться правителю было бы смешно и горько. Это походило бы на то, как если бы мужики из оккупированной Смоленщины и Белгородчины писали челобитную германскому наместнику, лепили в глаза правду-матку и просом просили заступиться: мол, *наше житьё – вставши и за вытьё, босота-нагота, стужа и нужда; псаря твои денно и ночью батогамы бьют, плакать не дают; а и душу вынают: веру хулят, святое порочат, обычай бесчестят, ибо восхотели, чтобы всякий дом – то содом, всякий двор – то гомор, всякая улица – блудница; эдакое горе мыкаем, а посему ты уж, батюшка-свет, укроти лихоимцев да заступись за нас, грешных, не дай сгинуть в голоде-холоде, без поста и креста, без Бога и царя...* Повеселила бы мужичья челобитная чужезверного правителя, сжалился бы над оскудевшим народишком, как пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву...

Трагедия русской традиционной литературы – это трагедия перестроечной России, а трагедия даже не в том, что, искушённые чужеземным Западом, доморощенные воры и душегубцы державу в одночасье ограбили до нитки и российский народ проснулся нищим и обездоленным, великая трагедия России в том, что *окаянная и безродная власть вот уже три десятилетия с дьявольским упорством, с дьявольской методичностью работает над изменением русского менталитета*. Наши массовые зрелищные искусства, подобные бесовским пляскам на русских жальниках, даже несмотря на сопротивление Русской православной церкви, выбивают из русского характера исконные начала: любовь к Вышнему и ближнему, любовь к русской державе, братчинность, общинность, совесть, обострённое чувство справедливого мироустройства. В прошлые века, когда не было ещё в помине глобальных средств массовой информации, когда крестьянство, славу богу, не имело книжной грамотности, но имело божественный дух и вселенское природное знание, помянутые этические начала жили в народе неколебимо, и лишь в придворных и притворных российских сословиях под влиянием западноевропейской культуры происходили ментальные изменения, утрата национального характера. Но в годы перестройки, с её агрессивной и всеохватной дьявольской пропагандой, с использованием телевидения, космополитизации подвергся уже весь народ и стал утрачивать свой исконный духовно-нравственный образ».

Первое, что перестроечная пропаганда сотворила, загнала в катакомбы русскую традиционную литературу, видя в ней оберег русского народного характера. Разумеется, пропаганда не могла откеститься от выдающихся народных писателей, и почивших в Бозе, и ныне здравствующих, потому что имена их уже в советскую пору были прославлены на весь мир. Но пропаганда – и либеральная, и даже патриотическая – исподволь дала понять, что на этих именах народная литература и завершилась. А это неправда: русская народная литература жива и в поколениях, пришедших именитым вослед со своим русским народным словом, и будет жить в поколениях грядущих, пока будет жив народ русский. Неистребим твой Божий дух, Христова Русь; бескрайне щедра на таланты, вроде и голодная, холодная, хмельная и бесправная Русь.

Критик: Попутно с прозой Вы занимались исследовательской работой в области фольклора, этнографии, литературы и русского языка. Как это сочеталось с художественным творчеством?

Анатолий Байбородин: Традиционная русская литература – не беллетристика, страдающая журилизмом либо подобная «мыльным операм» и детективам; всякому серьёзному художественному произведению предшествует кропотливая и азартная исследовательская работа, порой превосходящая

даже и научную академическую, потому что требует ещё и такого художественного воплощения, когда исследовательское начало не ощущается в произведении. Но иногда скапливается изрядно исследовательского материала, который уже не вмещается в художественные повествования, и тогда рождаются некие исследовательские труды – исторические, этнографические, фольклорные, литературные и прочие.

Скажем, я не загадывал, что составлю книгу «Русский месяцеслов. Православные праздники, дни памяти и жития святых, народные обычаи, обряды, поверия, приметы, календарь хозяина». Но скопились амбарные книги выписок из календарной и житийной литературы, дневники фольклорно-этнографических путешествий по Забайкалью (в том числе и в староверческие сёла), и мне стало жалко, что пропадёт такой богатый материал, и я уже целенаправленно начал работать над «Месяцесловом». При составлении «Русского месяцеслова» была использована русская календарно-обрядовая литература XVIII–XX веков, а также материалы фольклорно-этнографических экспедиций. Книга была принята сибирскими этнографами, а доктор исторических наук, главный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук Фирс Федосович Болонев в послесловии книги «Подобных работ в истории XX века не было» писал о том, что в истории российской календарно-обрядовой литературы это первый опыт прямого слияния православного и народного календарей, как это и было в реальной жизни русского простонародья после Крещения Руси, когда подобные календари имели лишь устную форму.

Точно так же были написаны и подготовлены к изданию два тома очерков о народной культуре, живописи и литературе, также подготовлен и большой том «Мысли о русском с древнейших до нынешних времён», в котором собрано около тысячи цитат. В напутном слове к изданию сказано: «Неисповедимы пути творческие, неисповедимы были и пути рождения сего сборника цитат, в который вошли мысли и впечатления о *русском*: о православной вере, культуре, истории, этике, эстетике, идеологии и государстве русского народа, изложенные святыми отцами Русской православной церкви, богословами, писателями, учёными, государственными, общественными и культурными деятелями, а также цитаты из русских летописей, фольклорных сборников и святоотеческих православных источников. Четверть века исподволь собирались “амбарные книги” цитат – запечатлённых высказываний о *русском*, кои выписывал я либо для университетских лекций, либо для цитирования в очерках и статьях, а то и просто поразившись мудрой и украсной силой высказываний. На основе этих выписок лет пятнадцать назад стал я целенаправленно готовить сборник, который потом и назвал – “Думы о русском с древнейших до нынешних времён”».

Подобные исследования изначально не имели прагматической, научной задачи, а необходимы были для постижения русского народа в ретроспективе двух тысячелетий. Хотя, скажу, постигнуть непосильно, можно лишь прикоснуться к Вселенной Русского Духа, и то уже великое богатство.

Без серьёзного и глубинного изучения национальной этики не может быть национального писателя. К примеру, в чём сила латиноамериканского писателя Габриеля Маркеса? В том, что он ярко выраженный народный писатель, поэтому он интересен всему миру. Пушкин мог и не выделиться из дворянской литературы «золотого века», и не превзойти Жуковского, Карамзина, и даже Дельвига с Пушкиным, но он и духом, и словом пробился к народному – суть, крестьянскому – миру и стал народным писателем, вознёсся над узко сословной дворянской литературой. Размышляя о народности в искусстве, я привожу в пример иностранных туристов – они же не едут в Иркутск посмотреть спальный район с его стеклом и бетоном, они посещают этнографический музей «Тальцы», любят наши старинные храмы, деревянными кружевными домами. Туристов интересует Иркутск национально ярко выраженный. И такой же русской народной литературы в мире ждут и от российских писателей.

О рускости, народности искусства и забыли нынешние молодые писатели, а с ними и критики. Вот отброшенный нашими безродными западниками великий и спасительный, духовно-нравственный и художественный критерий искусства – *народность*, не только воплощённая в произведениях Пушкина, Гоголя, Достоевского, Лескова, но и запечатлённая в их критических статьях. Трагедия нынешнего российского искусства даже не в том, что книжные прилавки, экраны, сцены захлестнул мусорный поток поганой «маскультуры»; нет, трагедия в том, что властители «искусства» замутили нравственные и художественные критерии искусства, которые были незыблемы многие века, пережив даже революционную смуту начала двадцатого столетия.

Критик: Ваши произведения называются «Старый покос», «Не родит сокола сова», «Утоли мои печали», «Белая степь», «Не попомни зла», «Воля», «Красная роса», «Чудо», «Хлебушко», «Утром небо плакало, а ночью выпал снег», «То ли сон, то ли явь». Уже сами названия отражают совершенно особый строй жизни, который Вы в своём творчестве сохранили. Вы насквозь пронзены любовью к земле и Богу, сотворившему нашу Землю. А что сегодня – не ушли ли Ваши герои с земли? Что сегодня с сибирской землёй происходит?

Анатолий Байбородин: В освоении сибирских земель героизм проявили не столь первопроходцы из служивых и промысловых людей, сколь русские крестьяне. В глухой сибирской тайге, где от крещенских морозов птица замерзала на лету, где короткое, с заморозками, непредсказуемое лето, где зона рискованного земледелия, где вместо дорог просёлки и тропы, крестьяне сумели освоить земли, по площади превышающие многие европейские государства, – освоить и, владея лишь топором да сохой, выкорчевать тайгу под хлебородные нивы и завести устойчивое хлеборобство. Героизм крестьян-первонасельников Сибири нам, потомкам, непостижим. Своеобычная *сибирская* этика русского человека, сохранившая православный дух, выросла из двух крестьянских корней, северорусского и среднерусского, при взаимодействии с коренными сибирскими народами – эвенками и бурятами, и, наконец, с варнаками – ссыльными, беглыми поселенцами, что для крестьян оказались страшнее морозов, наводнений и пожаров.

Помянутые тяготы выковали и закалили своеобычный русский сибирский характер; крестьян спасало от воинственных инородческих племён, от бродячих ссыльных смелость и суровость по отношению к ним. Не случайно именно сибиряки остановили немцев под Москвой в декабре сорок первого и решили исход самой великой и ожесточённой битвы всех времён – Сталинградской?

Вспомнил недавно прочитанный очерк из истории Великой Отечественной войны... Ударные соединения вермахта уже занимают исходные позиции для штурма Москвы. Передовые дозоры немцев уже разглядывали в бинокли столицу. Сюда переброшена и победоносная дивизия СС «Рейх». И когда эсэсовцы с закатанными рукавами, паля от живота, приблизились к позициям сибиряков, то нарвались на убийственно точный огонь, на дружные контратаки... Парни из СС были ошеломлены тем, что сибирские мужики вдруг вырвали у них победу и выбили полдивизии. 24-я армия, сформированная из сибирских резервистов, неожиданно атаковала противника и отбросила его на семьдесят километров на запад.

Выходец из иркутской деревни Белобородов Афанасий Павлантьевич, тогда ещё полковник, командовал дивизией, которая дислоцировалась на Волоколамском шоссе, откуда танку час хода до Московского Кремля. Сталин лично контролировал Волоколамское направление как наиболее тревожное. Писатель Евгений Воробьёв служил о ту пору фронтовым корреспондентом и сообщал: «Я вспоминаю этот день в деревне Нефедьево, когда половина деревни была в наших руках, а вторая занята фашистами. На околице стоял комдив 78-й, тогда ещё полковник Белобородов. И говорил (дословно): “Понимаете, браточки, ну некуда нам отступать, нет такой земли, куда бы мы могли отступить, чтобы нам, сибирякам, не было стыдно смотреть в глаза людям”».

Вот обычный сибирский характер, непостижимо выносливый, мужественный, что, впрочем, сочеталось с христианским милосердием. Недаром в глухих бревенчатых заплатах у приворотных дверей вырубалось оконце, куда крестьяне на ночь клали немудрящий харч для бродяг. Но ворота им редко отпирали, чтоб не накликасть беду на домочадцев – бережёного Бог бережёт. Спасала и круговая порука, властвующая в сельской общине, а перво-наперво – христианское смирение, терпение, любовь к ближнему.

Вековая труженица Сибирь содержала всю Россию, и нередко с великой надсадой, как великой кровью, и защитила Россию в Отечественной войне. А как ныне выживает Сибирь, и перво-наперво сибирское село?

Нынешним летом сподобился путешествовать по алтайской земле, гостить в селе Сростки, где родился и вырос Василий Макарович Шукшин. Величавая краса открывается взору с горы Пикет, что за околицей Сросток, словно паришь поднебесной птицей и видишь, как на Божией ладони, всю благословенную алтайскую крестьянскую землю: бескрайние поля, где Катунь плетёт размашистые петли; видишь берёзовые рощи, сосновые боры, деревеньки, заимки... Хоть и сибирская то земля, а веет Московской Русью, какую ранешние художники любили писать широкими панорамами. Бродил уединённо по горе, любовался и думал, что и Василий Макарович с сыновьей любовью оглядывал

родимую сибирскую землю и со светлой печалью вздыхал: наступят жизненные сроки, и покинешь сию прекрасную землю. Жалко... Люблю Алтай, и даже не причудливый горный, а полевой, где сквозь берёзовые гривы, сосновые перелески золотисто светятся хлебородные нивы, по которым синеватыми волнами проплывает ветер. Люблю старинные алтайские деревни... Я родился и вырос в лесостепном русско-бурятском селе, что на северо-востоке Забайкалья, в семье скотоводов и скотогонов, где, в отличие от смиренных пахотных крестьян, царили нравы язычески вольные, а порой и диковатые. Если бы чудом мне пришлось выбирать себе «малую родину», и бы родился и вырос в старинном алтайском селе, может быть кержацком, в семье смиренных пахотных крестьян, кои, согласно Священному Писанию, унаследуют землю.

Хотя, словно перед концом света, тоска щемит душу, когда вижу порушенные колхозные фермы с выбитыми глазами, заросшие дурнопахляющей травой крестьянские поля, где дико воют одичалые псы, когда вижу сквозь наволочь слёз мертвеющие сёла и деревни, где доживают век старики со старухами да неприкаянно шатаются горькие пьяницы. Душа болит, говорил Василий Шукшин, и воистину: глядя на деревенский разор, ноет, стонет неприкаянная душа...

Но не столь хозяйственная поруха страшна, страшнее то, что российская пропаганда, коя в цепких дьявольских когтях, вот уже четверть века рушит исконный русский характер, вытравляя из характера любовь к Вышнему и ближнему, братчинность, общинность, любовь к православному Отечеству, совесть, насаждая пороки: богохульство, презрение к ближнему, демонический индивидуализм и гордыню. Пострадал и сибирский характер...

Хотя, пропев заупокойную скорбь, скажу и заздравное слово: хриstopродавцами некогда были порушены православные храмы, и народ обезбожился, и казалось, что до скончания света, ан нет, и церкви взялись из праха, вера затеплилась в народе, словно свечка на аналое; так и в деревенском мире возрастает новое поколение крестьян, которое щедро пополнится и горожанами, возжаждавшими стать крестьянами, которые вольно ли, невольно вынуждены будут возрождать не только многовековой хозяйственный опыт, обретать природолюбие и природознание своих предков, но и духовно-культурный, творческий мир пахотных крестьян.

Приезжаю в забайкальское село Погромна, где доживал долгий век в сто шесть лет мой дед по матушке Лазарь Ананьевич Андриевский; в Погромне и встречаюсь с внучатыми племянниками, приятелями – несмотря на молодые лета, все они крепкие трудолюбивые крестьяне, держат уйму скота, имеют свои покосы и пастбища. Они понимают, иначе не выжить, ни житейски, ни нравственно, иначе детей не вырастить, не наставить их на путь созидательной любви к ближнему и Вышнему, к родимой русской земле. И в них я чувю, слышу, вижу природно-крестьянский и христианский дух моих героев, корни коих от первого человека, созданного Богом из земли, от Адама и Евы, получивших от Господа в подарок плуг и прялку.

Критик: В ранних Ваших произведениях о стародеревенском быте вольно ли, невольно звучало и языческое поклонение матери-сырой земле, отцу-небу, живописались деревенские обычаи, обряды, в которых немало языческого, особенно когда речь идёт о гаданиях. А ныне в Ваших повестях и рассказах откровенная христианская проповедь. Как это уживается в Вашем творческом мире?

Анатолий Байбородин: В сибирском крестьянском быту народное мировоззрение, в отличие от южнорусского, окончательно освободилось от языческого поклонения матери-сырой земле, природным стихиям, взойдя к пониманию природы как Творения Божия. Хотя мелкие суеверия и выжили... А южнорусские крестьяне по немощи, по бесцерковному житью верили и во Христа, и во всякую нежить – в чары и Мару, в хозяйнушку и баннушку, в лесовика, озёрника и шишимору болотную – верили, отбивались от нежити и крестом и пестом, и молитовкой и древним наговором, крестным ходом и ночным хороводом. Верили суеверам-ворожеям, колдунам и чародеям; верили в корни приворотные, травы чародейные. Травы добрые – травушка-муравушка; злые – лихие, лютые коренья. В Сибири выжили лишь слабые отголоски языческих суеверий.

Русское язычество я, в молодую пору закоренелый материалист, воспринял в творческий дух без мистического трепета, лишь как дивную поэтическую песнь природе и старокрестьянскому миру. В молодые лета до одури начитался старин про неведомую и нечистую силу – про колдунов, волхвоток и прочую нечисть, прости Господи. Начитался про нежить и в фольклорно-этнографических сочинениях, и в мифологических сказах, и у Гоголя, Снегирёва, Афанасьева, Максимова, Сахарова, и у моих земляков фольклористов и этнографов Виноградова, Зиновьева, Болонева. И впал в прелесть:

в повествованиях «Поздний сын», «Не родит сокола сова», в рассказе «Господи, прости», в очерке «Семейский корень» живописал рождественские, крещенские, купальские и покровские гадания, святочные колядования, и о проделках водяных, русалок, леших, колдунов и ведьм. Но в более поздних редакциях убавил поэтическую прыть, осмыслил язычество как трагедию русской души, что мечется меж языческой *вседозволенной* волей и христианской волей от порочных страстей. Ощущая в народных обрядах природную красу, русский задушевный лиризм, понял, что, тем не менее, во многих было предостаточно плотского буйства, пьяного разгула, дикого любострастия, когда «кошуну и блядословие» любят больше (церковных) книги, когда откровенно «бесам жряху».

Против бесовских кобей, как говаривали в старину, – то есть против обожествления природы, чернокнижного травоволхования, огневолхования, водоволхования, суеверных обычаев, обрядов и примет, против плотского, языческого буйства в праздники, – во все наши крещёные века восставали благочестивые православные христиане, каралось это и церковной и царской властью.

Слишком сложен, слишком противоречив русский характер, в котором мучительно, нередко для души разрушительно уживались вера иступленная и разгул, слёзное покаяние и свирепый грех. Церковь и кабак. Я бы даже сказал, что он, русский характер, и самим-то русским, маловерным, подчас непостижим; они и сами-то себя не могут до конца понять, и порой даже и не знают, что ожидать от самого себя завтра. Это особенно видно из крестьянской жизни, воплощённой в том же месяцеслове.

Православные воззрения полностью переворачивают наши привычные мирские взгляды на земную реальность, а значит, и на мирскую литературу, художественно воплощающую земную реальность. Ибо литература, как и все мирское искусство, за малым исключением, опирается на мудрость мира сего, мудрость человека, что в христианском понимании – безумие, поскольку христианство видит истину лишь в мудрости горней, не от мира сего, то есть, не в человеческом мечтании, но в божественном промысле. По этой причине религиозная литература, где божественная мудрость, воплощённая в Священном Писании, в святоотеческих словах и поучениях, чаще всего несовместима с мирской художественной литературой. Нередко то, что в мирской литературе воспето как добро, в духовно-религиозной понимается как зло.

Полярное, несовместимое положение христианства и литературы начинается с самого главного, с понятия жизни человека. В мирской литературе жизнь – земное обитание человека, в христианстве жизнь – то, что следует за земным обитанием человека, то есть жизнь души в Царстве Небесном. Либо христианское учение делит человеческую жизнь на вечную (небесную либо в аду) и временную, как приготовление человека к вечной жизни. Для писателя жизнь земная, с воспетыми радостями и горестями – всё, дальше смерть и неведомо что, для православного христианина земная юдоль лишь испытание души перед вечной жизнью. А потому писатель, описывая смерть, – показывает её как великую трагедию, как страшный и непостижимый конец всего, для православного христианина умирание плоти страшно лишь с точки зрения нераскаянности земных грехов перед вечной жизнью души.

Лишь через православную веру и постиг я истину, что всё, кроме веры, – блуждание слепых во тьме. Всё в жизни, в искусстве оценил в согласии с Христовым Словом, и многое в русской классической литературе, в своих сочинениях переосмыслил согласно Истине.

Критик: «Деньги – родина безродных», – сказал кто-то из умных иностранцев. Я думаю, что Вы это очень хорошо знаете и можете сказать, почему. Почему все, кто готов проявлять безразличие к деньгам, сброшены с «корабля современности»? Я, конечно, не говорю о той нищете без Бога, о которой говорил нам Достоевский. Эта нищета страшна. Но, может быть, мы сами виноваты в том, что не хотели быть успешными в «новом мире»? Какая жизнь Вам приходится впору? Что говорит Вам собственный опыт – уже и немаленький?

Анатолий Байбородин: Меня окаянному русскоязычному времени отвергнуть было просто – писатель известный... в застольном дружеском кругу, а, скажем, Валентина Распутина или Василия Белова, тоже певцов крестьянского мира, даже ельцинская воинственно космополитическая власть не смогла загнать в небытьё, поскольку русское крыло брежневской власти, говоря нынешним языком, с таким мировым размахом «раскрутило» эти имена, что уже и неподсильно загнать их в забвение. Властвующая нежить (а она может быть и русской по крови), как и в смуту начала прошлого века, так и нынешнего, привечает литературу не русскую, а русскоязычную, где процветают и писатели-руссофобы, и писатели, русские по крови и по любви к России, но оторванные от истинно русского, суть крестьянского, духа – либо умозрительные и нервные модернисты-метафористы, либо полу-

журналисты, либо среднерусские, равнинно-серые, пишущие «инструкции от перхоти». Мне, увы, не хватило русско-советской власти, а в ту пору не хватало бойкости, чтобы обрести звучное имя, тогда бы, может, и со мной носились как с писаной торбой. Но, увы... Вообразим, что Виктор Астафьев, Василий Белов, Валентин Распутин, ещё неведомые читателю, написали бы «Царь-рыбу», «Привычное дело», «Прощание с Матёрой», и что бы их ожидало?.. Русскоязычные журналы указали бы на дверь – поцелуй пробой и вали домой, а напечатали бы помянутые произведения лишь русские журналы, если бы, конечно, некий заведующий отделом прозы – «асфальтовый писатель» – не раздолбал в пух и прах, повинив в диалектизме, этнографизме, фольклоризме и словесном орнаментализме. И русский народ, не говоря уж о мире, слыхом бы не слыхивал про этих писателей.

Советский двадцатый век для русской литературы – судьбоносный: два предыдущих века литература (повеличенная классической) была дворянской (слегка разночинной), а после смуты впервые в русской истории в искусство, в том числе и в литературу, вошёл сам народ от сохи и бороны и предвнёс в искусство двухтысячелетнюю необозримую народную культуру.

Когда вместе с Империей рухнуло государственное книгоиздание, я оцепенел, я не знал, как жить дальше, потому что десятилетия, перебиваясь с хлеба на квас, вдохновенно и самоотречённо трудился над своими повестями и рассказами, и мне светила счастливая издательская судьба (в двух столичных издательствах, в родном иркутском приступили к работе над моими книгами). В советские времена ценилась даже и крепкая проза, не говоря о талантливой, издательства выплачивали писателям щедрые гонорары, на которые можно было покупать квартиры, и мощно была развита сеть книготорговли. И вдруг всё рухнуло. И читателей в России резко поубавилось, отчего нынешний серьёзный писатель похож на сумасшедшего, который вещает зарешечённому окну. Тяжело я переживал в ту пору – утратился смысл жизни, но потом смирился, утешил себя. Не по писательской славе примет нас Господь; за славу ещё и придётся держать тяжкий ответ. Пришлось затянуть потуже ремень на брюхе и выживать – десять лет читал русскую стилистику в университете, потом служил в издательстве. С точки зрения славы и земных благ, в сравнении с вышепомянутыми народными писателями, в сравнении с «бульварными беллетристами», моя писательская судьба убога, но, видимо, в этом и был Божий промысел о моей судьбе: будь у меня слава и деньги, я, выросший в разгульном и разбитном селе, потом вдосталь хлебнувший порочного богемного житья, не устоял бы перед грешными соблазнами мира сего и пустился во все тяжкие. И без того в душе столь смуты и разлада, что порой и жизнь не мила.

Всё за упокой да за упокой, завершу во здравие... Унынье – грех. Как в народе говорят, наладился помирать, сей рожь. Будем уповать на чудо – на то мы и русские, чудные и чудные – что воцарит на Русском Престоле русская власть, обернётся благодушным лицом к своей родной, русской традиционной литературе, осознав её главенствующее положение в культуре по сравнению со зрелищными искусствами. Возрождение русского национального характера в православном воцерковлении – не обряда лишь ради, а с полной и неколебимой верой, что по любви к Вышнему и ближнему удостоимся Царствия Небесного; на земле же русское возрождение невозможно без возрождения русского искусства, истинно и глубинно престолярного по духу и слову.

Берега актуальности

Григорий Блехман

ХРУЩЁВ – МИНА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ ПОД СССР И ИСТОЧНИК СВО

(Документы, воспоминания, размышления)

Любое явление, в том числе и социальное, имеет свои корни, из которых оно рождается, развивается и даёт плоды. Либо животворящие, либо вредоносные. Последние в конечном счёте становятся губительными.

Корни, из которых вырастают плоды животворящие, человек культивирует, корни, порождающие вредоносное, развивающееся в губительное, уничтожает.

Однако последнее, к сожалению, не всегда удаётся, поскольку такие корни до поры до времени бывают слишком скрыты для распознавания и, следовательно, уничтожения.

Вот и Хрущёв, который совершенно неожиданно для подавляющего большинства людей Советского Союза после смерти Сталина оказался на вершине власти, стал инициативным звеном, которое привело к пагубным для великой страны последствиям – распаду СССР.

Однако на этом пагубность хрущёвских инициатив и их реализация не закончилась. Ведь необходимость нынешней СВО зарождалась и назревала не с 2014 года, как принято считать по инерции, которая позволяет воспринимать видимое лишь при «ближнем свете», и даже не с конца 1991 года, когда прекратил существование Советский Союз, а значительно раньше. С той самой поры, когда у власти оказался Никита Сергеевич Хрущёв.

Именно на нём и его подельниках лежит вина не только за нанесённый ущерб могучей сталинской экономике, что в конечном счёте привело к распаду великого государства под названием Советский Союз, но и за то, что выпустил из мест заключения бандеровцев всех мастей, недобитых в Великую Отечественную.

Причём не просто выпустил, а ещё и обеспечил многим из них полный жизненный комфорт, а также серьёзные должности во властных структурах Украины.

Вот это в итоге и дало через годы свои губительные плоды.

Их мы сегодня и пожинаем, будучи вынужденными начать с февраля 2022 года СВО, которая давно уже переросла в полномасштабную войну с войсками НАТО, активно поддержавшими украинских националистов.

Так что цель России в этой войне – выкорчевать потомков той части бандеровцев, которая осталась недобитой в период Великой Отечественной.

Теперь обо всём по порядку.

* * *

29 декабря 1922 года на конференции делегаций от съездов Советов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), Украинской Советской Социалистической Республики (УССР), Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР) и Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики (ЗСФСР) был подписан Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик (СССР). На следующий день – **30 декабря 1922 года** – этот документ был утверждён уже Всесоюзным съездом Советов и подписан главами делегаций. Именно тот день и **считается датой образования СССР**.

Чуть позже – 6 июля 1923 года – создаются и централизованные руководящие органы: правительство, которое в ту пору называлось Советом Народных Комиссаров, и министерства, называемые тогда Народными Комиссариатами.

Ещё через полгода – **31 января 1924 года** – после тщательной проработки специальными комиссиями была **единогласно принята на Втором съезде Советов первая Конституция СССР**.

Подробно о хронологии всех указанных процедур изложено в многочисленных статьях «**СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ 1961–1976 гг.**» (М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия»), а также в книге активного участника тех событий, одного из их идеологов, видного государственного деятеля Михаила Ивановича Калинина «**К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР (1922–1942 гг.)**» (М.: Государственное издательство политической литературы, 1942. – 32 с.).

Причины, по которым произошло образование Советского Союза, содержались **в угрозе внешней интервенции и экономической блокады указанных республик**, где после революции 1917 года установилась Советская власть.

В процессе того, как это государственное образование – СССР – очень динамично достигало **под руководством И. В. Сталина невиданных до той поры успехов** во внутреннем развитии и внешней политике – один только итог Великой Отечественной вряд ли можно переоценить, – казалось, Стране Советов уготована жизнь в веках.

* * *

Однако просуществовал СССР 68 лет – до 26 декабря 1991 года, когда лидеры РСФСР, Украины и Белоруссии – Борис Ельцин, Леонид Кравчук и Станислав Шушкевич – встретились в правительственной резиденции «Вискули», расположенной в Беловежской пуще, и подписали Договор о роспуске Советского Союза и создании Содружества Независимых Государств (СНГ).

В этом документе говорилось, что с момента официального заключения указанного Договора на территории стран-подписантов перестают действовать нормы Советского Союза.

Здесь любопытен один момент, о котором поведал потомственный советский и российский дипломат, постоянный представитель в Совете Безопасности ООН, чрезвычайный и полномочный посол СССР и России разных лет в Индии, Франции, Афганистане и США Юлий Михайлович Воронцов. Его воспоминания приведены в сборнике, составленном коллегами Юлия Михайловича в память о нём: «**ДИПЛОМАТ ЮЛИЙ ВОРОНЦОВ**» (М.: Изд. «Международные отношения», 2009. – 262 с.)

В частности, Воронцов рассказал, что, когда ещё (24 декабря) Советский Союз **не прекратил юридически** своего существования, Россия уже заняла место в Совете Безопасности ООН. Именно в этот день Воронцов привёз в штаб-квартиру ООН письмо-послание Ельцина, в котором было объявлено, что «Россия является правопреемником и продолжателем СССР в ООН».

Однако, по воспоминаниям дипломата, это заявление поначалу не получило поддержки стран, входящих в состав Организации Объединённых Наций. Причиной тому послужило название – РСФСР, поскольку на тот момент (24 декабря) Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика являлась лишь частью СССР. А часть не может являться правопреемником целого. И тут **американская сторона подсказывает юридический вариант**, который снимал возражения. Его **суть состояла в частичном изменении аббревиатуры** – РСФСР заменяют на название Российская Федерация. Этого оказалось достаточно для того, чтобы принять в ООН Россию как отдельную страну – «правопреемника» СССР.

Несколько месяцев спустя в новой – уже ельцинской – Конституции было прописано: «Российская Федерация – Россия есть суверенное федеративное государство, созданное исторически объединившимися в нём народами». После чего в главах, где прежде было записано РСФСР, это название Конституционная комиссия заменила на чуть изменённое – Российская Федерация (**КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**. М.: Изд. «Юридическая литература», 1993. – 64 с.).

С той поры и по сей день из так называемых либеральных кругов нередко слышится нечто вроде: «СССР настолько себя изжил, что стоило на него “дунуть” и он рухнул». При этом распад Советского Союза, как правило, связывают с именами Горбачёва и Ельцина.

Однако намного раньше них инициатором и **главным вредителем для колосса, которым была Страна Советов, стал Хрущёв. Именно с него всё началось и пустило свои «метастазы»,** которые и по сей день продолжают вредить нашей стране – уже современной России.

* * *

В подтверждение тому приведу один красноречивый эпизод. В ноябре 1964 года в английском парламенте праздновали 90-летие всемирно известного британского политика Уинстона Черчилля. В какой-то момент один из парламентариев предложил за него **тост, как за самого ярого врага Советской России.** На что Черчилль ответил: *«К сожалению, не могу принять этот комплимент на свой счёт, потому что имеется человек, который нанёс вреда Стране Советов значительно больше, чем я. Это Никита Хрущёв. Давайте поаплодируем ему».*

На суть приведённой фразы охотно ссылаются многие историки и публицисты, в том числе член Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по безопасности, видный российский историк, педагог, публицист, автор учебников и курсов лекций по истории СССР Евгений Юрьевич Спицын в книге «ХРУЩЁВСКАЯ СЛЯКОТЬ» (М.: Изд. «Концептуал», 2019. – 592 с.) и даже учёный-историк, профессор Принстонского университета американец Гровер Ферр в книге «АНТИСТАЛИНСКАЯ ПОДЛОСТЬ» (пер. В. Боброва – М.: Изд. «Родина», сер. «Советский век», 2021. – 464 с.).

В этой связи уместно процитировать два значимых заявления: лидера китайских (Мао Цзэдуна) и албанских (Энвера Ходжи) коммунистов, хорошо знавших Иосифа Виссарионовича Сталина по неоднократным встречам главы нашего государства и с тем и с другим. Заявления сделаны в 1963–1964 гг.

Мао Цзэдун в статье «К вопросу о Сталине» от 13.09.1963 года пишет: *«По такому принципиальному вопросу, как вопрос о Сталине, тов. Хрущёв не проконсультировался предварительно с братскими партиями, а после 20-го съезда КПСС поставил их перед свершившимся фактом, навязывая им решение съезда. Больше того, именно после 20-го съезда КПСС империалисты, воспользовавшись оглашением втайне готовившегося доклада Хрущёва, подняли во всём мире широкую антисоветскую, антикоммунистическую кампанию, развернули наступление против Советского Союза, против социалистического лагеря, против КПСС, в результате чего многие братские партии и братские страны оказались в чрезвычайно трудном положении...»*

А теперь цитирую из совместного публичного заявления Мао Цзэдуна и Энвера Ходжи «О дне рождения Сталина» от 21.12.1964 года: *«...Преступные действия Хрущёва и его сподручных будут иметь долговременные последствия: они приведут к перерождению, а затем к разрушению СССР и КПСС...»* (Журнал «Новый Китай». 1964. № 12, под ред. Мао Цзэдуна).

Не правда ли, история показала, что оба эти лидера «как в воду глядели»?

* * *

Хотя в первые без малого три года после смерти Сталина такого драматического развития событий, казалось бы, ничто не предвещало. Беспристрастные кадры кинохроники марта 1953 года, из которых можно видеть, **как советские люди прощаются с И. В. Сталиным, провожая его в последний земной путь.** Такое прощание наилучшим образом свидетельствует о высшей степени благодарности советского народа своему многолетнему вождю, который, по образному выражению видного польского и британского историка, а также публициста Исаака Дойчера: *«...получил Россию, пашущую деревянными плугами, а оставил её оснащённой ядерными реакторами; и он был “отцом победы”»,* эту благодарность полностью заслужил.

Во время этого, казалось, безбрежного прощального шествия очень многие плакали и были в расстройстве, не представляя себе, **что** станет с великим государством без такого руководителя.

К сожалению, тревога соотечественников за судьбу Советского Союза после ухода из жизни своего лидера оказалась не напрасной.

Хотя поначалу соратники Сталина заявили на всю страну, что они, «тесно сплотившись», продолжат его дело по дальнейшему развитию СССР.

В частности, такие слова звучали и из уст Никиты Сергеевича Хрущёва, избранного на пленуме Центрального Комитета КПСС 7 сентября 1953 года Первым секретарём ЦК Коммунистической партии.

ИСТОРИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ХРУЩЁВСКОЙ ЛЖИ

Не прошло и трёх лет после того пленума, как на 20-м съезде КПСС Хрущёв в корне изменил свои заверения, опорочив, как только мог, имя Сталина и все его достижения, объясняя последние лишь «использованием бесплатного труда многомиллионных узников ГУЛАГа».

Он заявил, что теперь с культом личности Сталина покончено, страна «вздохнёт свободно» и будет идти по пути строительства коммунизма, который, по словам Хрущёва, сказанным позже – на 22-м съезде КПСС, наступит в СССР к 80-му году.

Такое его публичное отношение к Сталину сразу раскололо соотечественников на два лагеря: одни – в основном определённая часть молодёжи, которая сразу стала считаться прогрессивной, – поверили Хрущёву; другие – люди постарше – отнеслись к его словам скептически, оставаясь верными сталинским идеям развития Советского Союза, воплощению которых в предшествующие десятилетия отдавали силы и **видели серьёзные результаты своих трудов**.

К тому же были живы ещё **очень многие фронтовики, для которых победа в Великой Отечественной войне незыблемо ассоциировалась с именем Главнокомандующего**. В своей книге «ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ», опубликованной в 1969 году, знаменитый советский военачальник Г. К. Жуков напишет: *«И. В. Сталин внёс большой личный вклад в дело завоевания победы над фашистской Германией и её союзниками. Авторитет его был чрезвычайно велик, и поэтому назначение Сталина Верховным Главнокомандующим было воспринято народом и войсками положительно. <...> Опираясь на всестороннюю помощь ЦК и организационную деятельность партии на местах, горячий патриотизм советского народа, поднявшегося на священную войну с фашизмом, Верховный Главнокомандующий умело справился со своими обязанностями на этом высоком посту»*.

А поскольку известно, что у нашего «Маршала Победы», как называли в мае 1945 года и продолжают по сей день называть Жукова в народе, были довольно непростые отношения со Сталиным, приведённые из его книги слова имеют особую значимость.

И послевоенное восстановление разрушенного народного хозяйства в невероятно короткие сроки тоже оставалось прочно связанным с именем Сталина. В той же книге Г. К. Жуков, вспоминая послевоенное время при Сталине, пишет: *«Оно отличалось неповторимым, своеобразным подъёмом настроения, оптимизмом, какой-то одухотворённостью, и в то же время деловитостью, скромностью и простотой в общении людей. Хорошо, очень хорошо мы начали жить»*.

Поэтому восприятие Хрущёва даже у тех, кто поверил в его слова о Сталине и в остальные обещания по развитию страны, было, мягко говоря, неоднозначным.

НАЧАЛО И ЭТАПЫ РАЗРУШЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПОСЛЕ СТАЛИНА

Чем дальше находился Никита Сергеевич на фактически главной государственной должности, тем очевиднее становилась его несостоятельность в роли лидера страны.

Вполне естественно, что при этом всё очевидней становилась и степень инициированной им клеветы на Сталина, несмотря на все старания приближённых Хрущёву людей во власти вызвать доверие к его словам.

Больше того, достаточный отрезок времени, прошедший с весны 1953 года, позволяет сегодня уверенно говорить, что **разрушение того великого Советского Союза, прочный фундамент которому был заложен при Сталине, началось не при Горбачёве, а при Хрущёве**.

Об этом свидетельствуют многие аналитические исследования. В том числе и известного учёного-историка Александра Мясникова. Своими выводами он, в частности, поделился с журналистом, кор-

респондентом газеты «Комсомольская правда» Дмитрием Смирновым (слова Мясникова из этой беседы пойдут курсивом).

«Все начинания Хрущёва в конце концов обернулись для страны колоссальными убытками. Пытаясь “догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока на душу населения”, страна надорвала деревню. При Сталине было практически запрещено продавать за рубеж сырую нефть – только продукты нефтехимии. А при Хрущёве построили нефтепроводы, на которых мы до сих пор, как на игле. Внедрение кукурузы – это вообще пародия...»

Долгое время подавляющее большинство советских людей не знали, **что** предшествовало знаменитой речи Хрущёва на 20-м съезде КПСС, где он яростно разоблачал преступления, порождённые культом личности Сталина. Оказалось, что *«за год до съезда около 200 работников МГБ (Министерства государственной безопасности. – Прим. Г. Б.) “шерстили” все архивы и уничтожали документы с упоминанием Хрущёва и его причастности к репрессиям...»*

Однако «недошерстили». Вряд ли по халатности. Её в таких структурах представить невозможно.

Скорее всего, в рядах органов госбезопасности были люди, которые не хотели искажения истории. Поэтому позже в архивах КГБ (Комитета государственной безопасности) нашлись документы и копии, свидетельствующие о том, что *«страшнее Хрущёва, как инициатора расстрелов, ни в Москве, ни на Украине не было никого. Даже Сталин говорил ему: “Никита, что ты делаешь, по полторы тысячи человек в неделю предлагаешь отправлять на расстрел!..” А на одной из записок Хрущёва – с инициативой увеличить квоту для репрессий – Сталин даже написал: “Уймись, дурак!..”*

Естественно, что, испытывая непреодолимое желание обезопасить себя от такого прошлого и свалить все грехи на Сталина, Хрущёв хотел уничтожить документы о своей роли в репрессиях.

А дальше он захотел сыграть на амнистии, где тоже сильно исказил факты: *«По амнистии Хрущёва было освобождено 200 тысяч человек. По амнистии Маленкова и Берии – миллион».*

Причём, если Маленков и Берия амнистировали главным образом людей, попавших в плен, находясь в безвыходных положениях, когда они уже не могли сопротивляться – при серьёзных ранениях, контузиях, находясь в окружении, полностью исчерпав боеприпасы... – то **Хрущёв инициировал и провёл амнистию обвинённых по уголовным делам – в подавляющем большинстве случаев были выпущены на волю бандеровцы всех мастей**, о чём речь пойдёт немного позже.

Потом Никита Сергеевич принял деятельное участие в реформе сельского хозяйства. Как помнит поколение 50–60-х, ему надо было *«догнать и перегнать Америку...»* в этой области. Причём он непременно хотел, чтобы всё это было связано лишь с его именем – с «мудрым руководством». Поэтому любые крупные здравые начинания в аграрном секторе, которые были связаны с другими именами, уничтожал.

Например, начинание Маленкова, который с марта по сентябрь 1953 года на посту председателя Совета министров СССР фактически руководил страной. *«Именно Маленков разрешил приусадебные хозяйства: держать коров, свиней, огороды... что заметно оживило развитие сельского хозяйства».*

В связи с именем Маленкова следует привести слова российского военного и общественного деятеля, доктора исторических наук, профессора, президента Академии геополитических проблем, генерал-полковника Леонида Григорьевича Ивашова, сказанные в интервью главному редактору газеты «Аргументы недели» Андрею Угланову: *«В прошлом году американцы рассекретили один важный документ. 5 марта 1953 года, как известно, скончался Иосиф Виссарионович Сталин. А уже 13 марта американцы принимают меморандум об использовании смерти Сталина в национальных интересах США. Больше всего они хотели, чтобы в Советском Союзе после смерти вождя не сложилось монолитное руководство, и главной опасностью для них являлся Маленков. Хрущёв вообще как руководитель не котировался. На втором месте стоял Берия, но главным претендентом был Георгий Максимилианович Маленков...»* («Аргументы недели». 10.02.2021. № 5 (749)).

Естественно, Хрущёв прекрасно знал о кадровых приоритетах Сталина и после кончины вождя очень ревностно следил за деятельностью этих людей. А они – ближайшее окружение Сталина – первыми, что естественно, увидели бездарность действий Хрущёва на посту Первого секретаря ЦК КПСС. Поэтому готовились на ближайшем съезде КПСС обсудить этот вопрос, чтобы высший партийный орган власти принял коллективное решение о дальнейшей судьбе Хрущёва на руководящей должности.

Однако спецслужбам Хрущёва стало об этом известно, что позволило ему действовать упреждающе. На пленуме ЦК КПСС в июле 1957 года он объявил об «Антипартийной группе» в составе Маленкова, Молотова, Кагановича и «примкнувшего к ним Шипилова», и пленум вывел их из состава ЦК.

А перед этим – ещё в декабре 1953 года – с помощью своих подельников Хрущёв подло расправился с Лаврентием Павловичем Берией, всенародно оклеветав его после ареста в июне 1953 года. Подробно о самой процедуре этого ареста и его последствиях написано много. В частности, в книге видного российского политического аналитика, публициста, журналиста, основателя и главного редактора патриотической газеты «Дуэль» Юрия Игнатьевича Мухина «УБИЙСТВО СТАЛИНА и БЕРИИ» (М.: Изд. «Крымский мост – 9Д», «Форум», 2002. – 731 с.), а также в книге известного учёного-историка, профессора, выпускника Принстонского университета американца Гровера Ферра «АНТИСТАЛИНСКАЯ ПОДЛОСТЬ» (М.: Изд. «Родина», сер.: Советский век. 2021. – 454 с., перевод с английского В. Боброва). В главе «БЕРИЯ. ЕГО “КОЗНИ” и “ПРЕСТУПЛЕНИЯ”» (с. 117–125) автор, основываясь на документальных источниках, исторических фактах и свидетельствах соратников Сталина, убедительно опровергает ложь Хрущёва и его единомышленников по отношению к Берии.

К сожалению, неблагоприятную роль в процедуре ареста сыграл Георгий Константинович Жуков, выполнив просьбу Хрущёва. Наиболее подробно об этом поведал позже очевидец происшедшего в тот день Вячеслав Михайлович Молотов во время многочисленных – на протяжении семнадцати лет – бесед с известным советским поэтом, прозаиком и публицистом Феликсом Ивановичем Чуевым, которые тот записал и изложил в книге «140 БЕСЕД с МОЛОТОВЫМ. ВТОРОЙ ПОСЛЕ СТАЛИНА» (М.: Изд. «Родина», 2022. – 656 с.).

После этого судьба каждого из остальных соратников Сталина сложилась по-своему. В частности, Маленков был переведён на должность директора электростанции в Усть-Каменогорске, потом теплостанции в Экибастузе, а в ноябре 1961 года – сразу после 22-го съезда КПСС – исключён из партии.

Вот так Никита Сергеевич снял все опасения американцев в том, что в СССР после смерти Сталина «сложится монолитное руководство».

* * *

С 1959 года Хрущёв усиливает активность своих реформ. Сначала уничтожает МТС (машино-тракторные станции) и велит колхозам самим заниматься сельскохозяйственной техникой. К чему они были совершенно не готовы, поскольку не имели технической базы.

Потом *«устроил гонение на приусадебные хозяйства, обложив их таким налогом, что они стали людям невыгодны. Его главный тезис “Всё должно быть обобществлённое” ни к чему хорошему не привёл. Обложили налогом даже яблони. И люди со слезами вырубали яблони в садах, коров резали...»*

Ну и, естественно, предшествующие достижения в аграрном секторе стали неуклонно уменьшаться.

В итоге *«в стране случился голод, хлеба было не купить. Никому не могло прийти в голову, что победившая в войне страна станет голодать. Именно при Хрущёве страна стала продавать золотой запас для покупки зерна. Американцы спросили Хрущёва – почему бы ему не платить те же деньги советским крестьянам. Он ответил, что это категорически нельзя, так как они станут богатыми и независимыми».*

Как говорится, комментарии к такому ответу излишни.

Пребывание Никиты Сергеевича во главе страны отмечено и двумя событиями массовых расстрелов. Первый случился в августе 1959 года в Темиртау на комсомольской стройке металлургического комбината. Приехавшие туда люди долго терпели систематические перебои с питьевой водой, снабжением продовольственными продуктами, отсутствием нормального жилья, плохими условиями труда. Местное начальство никак не реагировало на многочисленные обращения. В итоге строители не выдержали и взбунтовались: разгромили столовую, близлежащий универмаг, магазины...

К месту восстания были стянуты войска. *«Солдаты отказались стрелять в безоружных, тогда прислали охрану из лагерей...»*

По официальным данным, убиты были 11 человек, ранены 32, из которых пятеро скончались потом. Остальные разбежались.

А в 1962 году случился расстрел в Новочеркасске. Там взбунтовались рабочие Новочеркасского электровозостроительного завода из-за резкого ухудшения уровня жизни и плохих условий работы. Этот расстрел привёл к значительно большему числу жертв, чем в Темиртау.

Естественно, всё это тщательно замалчивалось, поэтому ни в каких советских средствах массовой информации тогда не появилось.

К тому же «такого при “кровоном режиме Сталина” не только не было, но и быть не могло, поскольку забота о людях и уровень их жизни были значительно лучшими. Уже в 1948 году объём промышленного производства и производства сельскохозяйственной продукции не только достиг довоенного уровня, но и стал его превосходить. Это позволило Сталину ежегодно при росте заработной плат, пенсий, стипендий... снижать цены на товары первой необходимости. Последнее такое снижение состоялось после его смерти лишь однажды – 1 апреля 1954 года. Однако это было ещё по инерции действия мощной экономики Сталина. В дальнейшем же – при Хрущёве – уже ни о каком снижении цен и росте благосостояния трудящихся речи быть не могло».

В этом контексте очень показателен анализ известного историка, экономиста и писателя Алексея Алексеевича Чичкина, который он даёт в книге «АНАТОМИЯ КРАХА СССР. КТО, КОГДА И КАК РАЗРУШАЛ ВЕЛИКУЮ ДЕРЖАВУ», где, останавливаясь на деятельности Хрущёва, пишет: «...В конце 50-х Хрущёв начинает ликвидацию в России “неперспективных деревень”, которая продлилась практически до краха СССР и стала приговором русскому пекарю... Эта ликвидация стала одним из классических примеров того, как под благовидным названием “революций”, “преобразований”, “перестроек”, “оттепелей” и “реформ” запускаются гибельные для страны процессы.

С начала 60-х Советский Союз превратился в хронического импортёра мяса и зерна...» Причём это было настолько непривычно после правления Сталина, что даже министерство сельского хозяйства США в своём докладе госдепартаменту и президенту отмечает особо: «...беспрецедентно ошибочные мероприятия советского руководства в региональной политике и в сельском хозяйстве, включая, например, методы освоения целинно-залежных земель и распространения посевов кукурузы, ликвидация травопольных севооборотов, приусадебных хозяйств колхозников и скота на личных подворьях, устранение так называемых “неперспективных” деревень в РСФСР приведут к деградации советского сельского хозяйства и растущей зависимости СССР от импорта сельхозпродукции. Что пагубно скажется на экономике, обороноспособности, внутренней стабильности и внешнеполитических возможностях СССР и его союзников...»

Собственно, сегодня всё это мы и видим. Причём, что парадоксально, из-за океана такой результат предсказали ещё в далёкие 60-е, а Хрущёв и его окружение не увидели этих «перспектив» под «собственным носом», заложив тем самым мину замедленного действия под великие достижения эпохи Сталина.

Недовольны Хрущёвым были и военные. В январе 1960 года по его инициативе упразднили МВД СССР, рассредоточив его функции по республиканским министерствам, **лишив тем самым внутренние войска координированного всесоюзного управления.**

В течение этого же года почти на треть от численного состава сократили армию.

Всё это было связано с постоянно ухудшающимся экономическим положением в стране, которое в свою очередь существенно подрывало и её обороноспособность.

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1961 ГОДА – ЕЁ ГУБИТЕЛЬНЫЙ ИТОГ ДЛЯ СТРАНЫ

Неэффективность действий Хрущёва в любом разделе реформаторских преобразований этого горе-руководителя, куда бы он ни приложил руку, чувствовали уже все. И чтобы окончательно не угробить пока ещё могучую, благодаря трёхдесятилетним усилиям Сталина и его соратников, державу, нужно было что-то делать.

И тут Хрущёву с его советниками пришла мысль о проведении денежной реформы, которая была осуществлена в стране с 1 января 1961 года. Людям объяснили, что в результате этой реформы произошёл якобы простой обмен старых денежных знаков на купюры нового образца без какой-либо конфискационной составляющей.

То есть как при сталинской реформе 1947 года, когда все находившиеся до этого в обращении денежные знаки обменивали в следующем соотношении: 10 старых рублей на 1 новый. **И цены на все товары, тарифные ставки зарплат, пенсий, стипендий, пособий, платёжных обязательств, договоров и всего остального поменялись в том же соотношении.**

Однако **при денежной реформе в 1961 году всё было далеко не так.** Тут таилась одна хитрость или немаловажная деталь, на которую тогда мало кто обратил внимание: до проведения этой реформы доллар стоил 40 копеек, после неё – 90 копеек. Поскольку подавляющее большинство советских граждан долларами в ту пору не интересовались, их вполне устраивала официальная информация о том, что рубль стоит дороже доллара. Они и не обратили внимания, что **на самом деле доллар существенно подорожал** – в 2,25 раза (с 40 до 90 копеек в новом исчислении).

То же самое в точности произошло и с золотым содержанием рубля: вместо 2,22 грамма чистого золота в нём осталось лишь 0,98 грамма.

В результате того, что рубль оказался недооценён в 2,25 раза, его покупательная способность по отношению ко всем импортным товарам уменьшилась на такую же величину.

И получилось, что **в 1961 году Хрущёв разрушил независимость рубля от доллара, поскольку рубль при Сталине был обеспечен золотым запасом страны.** Следовательно, тем самым Хрущёв инициировал процесс нашей финансовой зависимости, последствия которого мы пожинаем по сей день.

Такая резкая девальвация нового рубля и новый курс по отношению к доллару во многом были результатом влияния двух важных факторов: сугубо объективного, который выразился в крайне нестабильном внешнеторговом балансе СССР, балансирующем, как выражаются экономисты, на уровне «около ноля», и чисто субъективного – давлением на Москву тогдашних руководителей ГДР: Вальтера Ульбрихта и Отто Гротевоя, которые серьёзно опасались значительной девальвации своей марки по отношению к западногерманской.

Конечно, тогда об этом почти никто ничего не подозревал, и происшедшее вызвало серьёзную тревогу лишь у небольшого числа специалистов в области финансов. В частности, у такого «финансового зубра», как бессменный министр финансов СССР, знаменитый «сталинский нарком» Арсений Григорьевич Зверев, занимавший свой пост ещё с января 1938 года.

Когда Зверев узнал, что ещё 4 мая 1960 года **Хрущёв без согласования с ним** подписал Постановление Совета Министров **«Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами»**, он в знак протеста тут же подал в отставку, поскольку **в сложившихся тогда условиях жизни в стране понимал, к чему эта, казалось бы, «простая деноминация рубля»** приведёт.

Однако Хрущёва это не смутило, и он тут же назначил министром финансов СССР своего давнего приятеля Василия Фёдоровича Гарбузова – бывшего директора Киевского финансово-экономического института, потом председателя Госплана УССР, а с 1953 года первого заместителя Зверева.

В связи с разговором **о сравнительном анализе сталинской денежной реформы 1947 года и реформы Хрущёва 1961 года** необходимо также отметить и ещё одно очень важное обстоятельство. **Сталинская реформа обеспечивала существенное снижение розничных цен, что значительно увеличивало меновую стоимость нового рубля.** Такой результат был важен как минимум по двум причинам:

В тот период (*после победы в Великой Отечественной*) был создан социалистический лагерь, и **независимый рубль выходил на международный стоимостный уровень, заменяя американский доллар** в качестве расчётной единицы на всех уровнях финансовых расчётов.

Опять же, тот период отмечен крайне агрессивной политикой Федеральной резервной системы (ФРС) США, которая опиралась на Бреттон-Вудские соглашения 1944 года (*их суть состояла в том, чтобы доллар стал мировой резервной валютой; Сталин эти соглашения не подписал*). Эта система привела экономики многих стран мира к фактической долларизации, то есть к выходу всей денежной массы из-под реального контроля национальных банковских структур и переходу их под полный контроль со стороны ФРС США.

С учётом перечисленных обстоятельств при сравнительном анализе двух денежных реформ (1947 и 1961 гг.) последствия **такой хрущёвской реформы 1961 года оказались губительными** для нашей страны. Эта реформа привела к тому, что:

Резко подорожал весь импорт, в том числе зарубежные товары ширпотреба, которые для большинства советских покупателей и до этого были малодоступны. Теперь же они вообще перешли в разряд предметов роскоши. Причём, как оказалось, задача снять ажиотажный спрос на импортный ширпотреб, объём которого в конце 50-х годов был равен промышленному импорту машин и оборудования (около 25 %), стала одной из главных причин **искусственного удорожания всего импорта**. Цель всего этого декларировалась вроде бы привлекательно – поднятие собственного производства. На деле же или фактически привела к развитию спекуляции «из-под полы».

Розничные цены в **государственной торговле** изменились ровно в 10 раз, тогда как на **колхозном рынке** в 4–5 раз. В результате такой разбалансировки цен начался довольно быстрый и неконтролируемый отток ценных продуктов из государственной торговли на сильно подорожавший колхозный рынок. Это ощутимо ударило по благосостоянию подавляющего большинства советских граждан и **послужило началом зарождения и очень быстрого развития коррупции** в советской государственной торговле: руководители многих продовольственных магазинов стали через своих агентов сбывать самый ходовой товар – мясо, колбасы, молочные продукты... – на колхозный рынок, что давало им возможность не только выполнять план, но и получать в результате такой нехитрой операции существенную прибыль в собственные карманы. По оценкам экономистов, в течение 1962–1963 годов **скрытый рост цен в государственной торговле составил более 60 %**. Особенно тяжёлое положение сложилось в регионах, потому что в столицах союзных республик и других крупных городах положение в государственной торговле, хоть и далеко не полностью, но всё же контролировалось местными властями. А в большей части краевых, областных и особенно районных центров многие виды продовольственных товаров практически полностью исчезали из государственной торговли и плавно перетекали на колхозный рынок. В результате этого **сталинское магазинное изобилие, к которому после 48-го люди в начале 50-х стали привыкать**, сменилось в одночасье полупустыми прилавками. И чтобы хоть как-то компенсировать отток основных продуктов на колхозный рынок – мяса, колбас, молочных изделий... – **было решено повысить цены в государственной торговле**. Так, 31 мая 1962 года вышло печально известное Постановление ЦК и Совета Министров СССР **«О повышении цен на мясомолочную продукцию»**.

Ещё одной причиной проведения денежной реформы оказался, как ни странно на первый взгляд, существенный (семикратный) рост добычи нефти – с 21 до 148 млн тонн к маю 1960 года. И именно тогда – в мае – Хрущёв, при поддержке нескольких членов Президиума ЦК, прежде всего Ф. Р. Козлова, Н. В. Подгорного и А. И. Микояна, **продавливает** решение о начале **широкомасштабного экспорта сырой нефти** за рубеж.

Следует отметить, что **в первые послевоенные годы экспорт сырой нефти и нефтепродуктов из СССР был очень незначительным и во внешней валютной выручке страны составлял менее 4 % от всего её внешнеторгового баланса**.

Подводя итог всем финансово-экономическим реформам Хрущёва, можно констатировать, что они привели к очень печальным последствиям для страны, нанеся экономике СССР непоправимый вред, повлёкший за собой **две хронические беды: зависимость от нефтяного экспорта и постоянный дефицит продовольствия**.

Всё это впоследствии и станет одним из главных экономических факторов, погубивших могучий сталинский Советский Союз.

Подробно о фактологических материалах, изложенных в этом разделе, можно прочитать в документальных исследованиях таких известных историков, как:

Панин А. Н. ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1961 г. (по документам РГАНИ) // Денежные реформы России: История и современность: сборник статей. М.: Изд. «Древлехранилище», 2004. С. 199–210;

Катасонов В. Ю. ЭКОНОМИКА СТАЛИНА / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Издательский дом «Кислород», 2016. 416 с.;

Спицын Е. Ю. ХРУЩЁВСКАЯ СЛЯКОТЬ. Советская держава в 1953–1964 годах. М.: Изд. «Концептуал», 2019. 592 с.

Следовательно, случившаяся в октябре 1964 года отставка Хрущёва напрашивалась во всех отношениях.

ХРУЩЁВ – ИИЦИАТОР НЕОНАЦИЗМА НА УКРАИНЕ

Однако преступные действия Хрущёва для экономики и, как результат, обороноспособности Советского Союза **не исчерпываются** уже сказанным. Больше того, как **оказалось, отголоски его политики и сегодня наносят ощутимый вред современной России**. Документальных материалов для этого накопилось более чем достаточно, чтобы наглядно убедиться в степени его вредоносных для страны манипуляций.

Суть дальнейшего разговора состоит в том, что **сегодняшняя Россия вынуждена вести войну с потомками тех, кого породили недобитые по вине Хрущёва бандеровцы**, являющиеся явными неонацистами. А поскольку любое следствие всегда вытекает из его причины, то вспомним, как появилась эта причина. Иными словами – её источник или «откуда ноги растут».

* * *

17 сентября 1955 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» («ВЕДОМОСТИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР», 1955 г. № 17, ст. 345). Согласно этому Указу, снималась судимость и поражение в правах бывшим прислужникам гитлеровцев, что позволяло им вернуться из мест лишения свободы и даже из эмиграции. Причём, как выяснилось позже, сумевшие сбежать от справедливого возмездия за границу были сразу завербованы там спецслужбами США, Британии, ФРГ.

Так по инициативе Хрущёва началось активное освобождение бандеровцев, власовцев, «лесных братьев», полицаев...

Согласно архивным данным республиканских МВД, **только в период с 1955 по 1958 год** разрешение на постоянное место жительства на территории Украины получили больше 25 тысяч амнистированных. Из них больше 7 тысяч отправились во Львовскую область. И везде им предоставляли жильё, возвращали или возмещали конфискованное имущество, а также давали возможность устраиваться на любую работу. **Даже на руководящие посты разных уровней. В том числе и в органы власти.** Они активно «перекрашивались» в коммунистов и комсомольцев. Некоторые даже умудрялись менять биографии и фамилии. Об этом подробно пишет Евгений Юрьевич Спицын в упомянутой уже книге «ХРУЩЁВСКАЯ СЛЯКОТЬ», где со ссылками на документальные источники представляет следующую картину происходящего. **В партийных, общественных и хозяйственных организациях УССР уже к 1959 году (то есть за эти четыре (с 1955) года) было амнистированных националистов и членов их семей не менее трети.** Особенно много в обкоме КПУ и райкомах Львовской, Волынской, Ивано-Франковской и Тернопольской областей – от 35 до 50 %. Наиболее активно это происходит в последний год правления Хрущёва (с июля 1963 года), после того как по его прямой рекомендации главой ЦК компартии Украины был избран Пётр Шелест, не скрывавший своих националистических взглядов. Именно при нём в 1970 году начал карьеру в ЦК КПУ будущий первый президент независимой Украины **Леонид Кравчук**.

Этот факт выделен не случайно, поскольку в конце 1991 года, когда в Верховной Раде Украины зашла речь об «освободительной миссии» ОУН – УПА, **Кравчук с гордостью поведал**, что сам в детстве, проживая в селе Великий Житин близ Ровно, **носил в лесной схрон продуктовые передачи бандеровцам**.

Пояснения:

УПА – так называемая «Украинская повстанческая армия» или украинская военная организация в период Великой Отечественной войны. Действовала в основном с весны 1943 года на территории Западной Украины, а отдельные её отряды – на территории Восточной Украины, то есть на Донбассе. И даже на Кубани.

Состав этой армии – идейные националисты дивизии СС «Галичина», бывшие полицаи и дезертиры из Красной армии. Её численность доходила до 400 тысяч человек.

ОУН – Организация украинских националистов. Включала в себя различные слои населения: учителей, врачей, учёных... По сути, была «пятой колонной» или внутренним врагом для Советского Союза на территории УССР.

* * *

Необходимо отметить, что, несмотря на подавляющее превосходство РСФСР и в численности населения, и в экономическом вкладе для развития СССР, у коммунистов России, в отличие от коммунистов других республик, не было собственной коммунистической партии. Была общая – КПСС – и компартии каждой их союзных республик. Именно поэтому КПУ обладала самым большим весом в КПСС: как компартия второй по численности населения республики. Вот почему и большая часть союзного руководства была при Хрущёве представлена выходцами из УССР.

Это полностью соответствовало его желанию иметь прочную опору своей власти. А кто мог ею быть? Его выдвиженцы во властных структурах всех уровней. Поэтому по мере того, как после 20-го съезда Хрущёв и его ставленники устранили из руководства страны – партийных, государственных и хозяйственных органов – сталинцев, на их места тут же назначали выходцев из Украины. Тем самым власть Хрущёва всё больше укреплялась.

Таким образом, досрочное освобождение бандеровцев, власовцев, полицаев и прочих военных преступников вполне вписывалось в политику хрущёвской «перестройки» и десталинизации.

ЦЕЛЬ ХРУЩЁВА В ПЕРЕДАЧЕ КРЫМА УКРАИНЕ

Усиление опоры своей власти среди номенклатуры УССР, которую Хрущёв возглавлял более десяти лет, он задумал ещё и благодаря присоединению к Украине Крыма. После своей поездки по этому полуострову в середине ноября 1953 года Хрущёв принял решение о передаче Крымской области из состава РСФСР в УССР. Этот план он обсудил в Киеве с бывшим тогда Первым секретарём ЦК КПУ А. И. Кириченко. Вполне естественно, что, получив эту высокую должностную позицию благодаря Хрущёву, Кириченко поддержал желание своего покровителя. И тогда Хрущёв вместе с его ставленниками начали активно утверждать, что передача Крыма в состав УССР необходима по сугубо экономическим причинам: якобы РСФСР «очень плохо справляется с восстановлением крымской экономики». Хотя в ту пору для людей, даже мало-мальски анализировавших происходящие «телодвижения» Хрущёва по отношению к УССР, в этом аргументе была видна абсолютная надуманность. Дело в том, что в СССР незыблемо существовал единый народно-хозяйственный план экономического развития всего государства.

Может, кто-то в высших эшелонах власти и задал ему тогда этот «неудобный вопрос», но какой-либо информации в документальной исторической литературе пока не появилось.

Хрущёв же в ту пору очень хотел выгодно для себя воспользоваться ещё одним моментом или хитростью – приурочить это присоединение к 300-летию Переяславской рады (*вхождения Украины в состав русского царства*), которое как раз наступало в 1954 году.

Поэтому уже 25 января 1954 года под председательством главы Совета Министров СССР Г. М. Маленкова состоялось заседание Президиума ЦК, на котором присутствовали члены Президиума ЦК Н. С. Хрущёв, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин; кандидаты в члены Президиума ЦК Н. М. Шверник, П. К. Пономаренко, а также секретари ЦК КПСС М. А. Суслов, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин.

Обращает на себя внимание, что по непонятной причине отсутствовал один из ключевых представителей высшего руководства страны – первый заместитель председателя Совета Министров и министр иностранных дел СССР В. М. Молотов, а также тот факт, что, согласно протоколу (№ 49) того заседания, упоминание Хрущёва в списке присутствующих членов Президиума ЦК стояло после Маленкова первым. Это исподволь ставило его вровень с Маленковым, который юридически был ещё в ту пору лидером государства.

Название указанного протокола «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» красноречиво свидетельствовало о цели заседания, в котором значилось всего два пункта:

«утвердить с поправками, принятыми на заседании, прилагаемый проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР;

Признать целесообразным провести специальное заседание Президиума Верховного Совета СССР, на котором рассмотреть совместное представление Президиумов Верховных Советов РСФСР и УССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР».

Почему так торопился Хрущёв, понятно. Однако непонятно, почему **вся эта процедура выполнялась юридически неграмотно**. Ведь, согласно советскому законодательству, решение о передаче любой территории в пределах СССР из одной республики в другую (*что влекло за собой и изменение границ между этими республиками*) было прерогативой высших органов государственной власти – **Верховных Советов**. В данном случае – Верховных Советов СССР, РСФСР и УССР, а не Президиумов правительств или Президиумов Верховных Советов конкретных республик. Об этом гласит Конституция СССР (статья 49), Конституция РСФСР (статья 33) и Конституция УССР (статья 30). **Поэтому решались такие вопросы на сессии Верховного Совета СССР и сессиях Верховных Советов соответствующих республик**. В данном случае – РСФСР и УССР.

Тем не менее 17 июня 1954 года Крымская область, благодаря очень активным стараниям Хрущёва, была **юридически незаконно** передана из состава РСФСР в состав УССР.

В тот период вряд ли кто задумывался о последствиях совершённого акта. Всё равно ведь такая процедура происходила в пределах Советского Союза. И трудно, даже думаю, невозможно было себе представить, что кто-нибудь мог тогда подумать или вообразить, **как это аукнется через много лет**.

Что касается Севастополя, то он, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР № 761/2 от 29 октября 1948 года, **продолжал оставаться «самостоятельным административно-хозяйственным центром со своим собственным бюджетом»** и по-прежнему относился к категории городов республиканского значения **в составе РСФСР**. То есть Севастополь не входил в состав Крымской области, и Хрущёв, как бы ему этого ни хотелось, не имел возможности включить его в состав УССР.

Вся процедура, связанная с передачей Крыма Украине, особенно подробно, последовательно и документально изложена в книге нашего видного историка Евгения Юрьевича Спицына «ХРУЩЁВСКАЯ СЛЯКОТЬ. СОВЕТСКАЯ ДЕРЖАВА в 1953–1964 годах», глава «Крым: роковое решение Н. С. Хрущёва» (М.: Изд. «Концептуал», 2019. – 592 с.).

Следует отметить, что даже за рубежом есть немало исследований о вредоносной для Советского Союза эпохи «хрущёвщины». Наиболее тщательно и объективно в зарубежной литературе этот период проанализирован в книге известного французского историка-советолога Николя Верта «ИСТРИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА» (М.: Изд. «Прогресс»: «Прогресс-Академия». 1992. – 400 с., перевод с французского).

* * *

Таким образом, открывшиеся архивные документы и воспоминания современников Хрущёва отчётливо свидетельствуют о том, что его желание **любыми путями** оказаться во главе государства, не имея на то должных способностей (в чём довольно скоро убедились все), нанесло в конечном счёте непоправимый вред могучему сталинскому СССР, а также Украине и России. Да и другим государствам, входившим до конца декабря 1991 года в состав Советского Союза в качестве отдельных республик.

Исторический анализ показывает, что именно от Хрущёва тянутся вредоносные и для нас, и для Украины корни, которые дали плоды в виде сегодняшнего положения, когда мы вынуждены вести боевые действия, первоначально названные руководством страны как СВО. Хотя **эта СВО уже давно стала полномасштабной войной России с коллективным Западом**, который всеми средствами – оружием, боеприпасами, финансированием, наёмниками из стран НАТО, организацией диверсий на нашей территории, постоянно расширяющимися экономическими санкциями против Российского государства, пропагандой в СМИ... – поддерживает **потомков недобитых в Великую Отечественную бандеровцев, выпестованных Хрущёвым**.

Эти потомки с их единомышленниками давно уже определяют внутреннюю и внешнюю политику Украины.

Проза

Василий Киляков

Василий Киляков – родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал дежурным электриком, мастером на заводе (почтовый ящик) в городе Электросталь, служил в армии (Киевское высшее зенитное ракетное инженерное училище), фельдъегерем по спецпоручениям Главного центра спецсвязи (Москва), затем – начальник отдела Главного центра спецсвязи, личная охрана, Росгвардия. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького в 1996 году (мастерская М. П. Лобанова). Публиковался в журналах: «Берега», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Новый мир», «День и ночь», «Литературная учёба», «Подъём» и др. Лауреат Всероссийских литературных премий: «Традиция» (1996), им. Б. Н. Полевого (1996), премий «Умное сердце» (2010), «Дойче Велле» (Берлин, 1992) и др. Обладатель «Бронзового Витязя» (2019) Международного славянской литературного форума «Золотой Витязь». Лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского совета РПЦ (2019). Член Союза писателей России с 1996 года. Живёт в городе Электросталь Московской области.

«СВЕТЛЫЕ ДАЛИ» ЕВСЕИЧА

Повесть

Завершение. Начало в № 4-2023

...С пологой горы сползал «пазик», блестя лобовыми стёклами, за ним серым нескончаемым шлейфом поднималась пыль. Надсадно изнывал мотор, колёса утопали в глубоких колеях, разъезженных тракторами. Солнце пряталось за островерхие высокие ели, и было ещё жарко и душно даже в этой низине. Высокие травы и подсолнухи – всё никло и жухло. Томившиеся ожиданием и бабы и ребята устремились к автобусу, запущенному, грязному, который, как печь, нёс тот же жар и пахнул бензином так, точно бак его был худой и протекал.

Кошёлки, ведра, сумки – словно на базаре выстроили на полу «пазика». На своё место, к продранным сиденьям с провалившимися пружинами, Юра лез, наступая на ноги сидевших. Шофёр в грязной, засаленной спецовке с равнодушным сонным лицом молча собрал деньги в потёртую облезлую сумку из дерматина, развернул автобус и покатил в сторону Заозёрья. Он объезжал глубокие колеи с жёлтой водой и вдруг так врубил шансон по приёмнику, что Юра не выдержал и, протягивая деньги за поезд, попросил:

– Шеф, выключи, что-то непруха сегодня на такие песни.

Водитель, с любопытством глядя на него в салонное зеркало, ответил, не поворачивая головы:

– Ты не здешний? Это же «Лесоповал», Миша Танич.

– Да мне хоть Танич, хоть Круг, хоть Звездин-Северный. Слышь, потуши конфорку. Прошу. Пожалуйста.

– А вообще, уважаю, – сказал шеф всё так же не поворачивая головы. – Вежливо просишь, всё такое. А чего не любишь блатняк?

– Не люблю. Ложь сплошная.

– А в чём?

– Во всём. Мать-отца любим, молимся на них, а из зоны в зону шныряем, и родители на грязных простынях умирают... Все вокруг сволочи, посадили ни за что, и всё прочее...

– А-а, понял... это вроде как «Калина красная», так, что ли?

– Да при чём тут «Калина»? Да вот, хоть Танич этот до самого конца кричал, «я политический». А на деле пять лет лагерей за пьяную драку в порту, ведь это скрывают. «Русский радиоприёмник

поругал, а немецкий похвалил, и сразу посадили» – это официальная версия Танича, для дураков. А папа у него, у этого яростного борца с режимом, знаешь, кто был?

– Кто?

– Исак Танхилевич, заместитель начальника мариупольской ЧК.

– Да ты чё, парень, ты откуда, с Луны, что ли, свалился? Да в самой Москве в Кремлёвском зале шансон слушают – полные залы. Полковники, генералы... А подтанцовка-то какая... – это просто балет, ты хоть видел? С блатными прикидами, в лепеньках тузовых.

– Видел, – ответил Юра угрюмо. – Что да, то да. И полковники в зале, и генералы МВД. И переодетые в офицерское подпевают блатному солисту, бородатому, небритому, и не зазорно...

– Точно, сидишь и думаешь: почему все они по эту сторону колючки, а не по ту? – Шофёр с интересом стал бросать быстрые взгляды на Юру, засмеялся в профиль за баранкой, показывая рондольный, под золото, оскал зубов.

В автобусе стало трудно дышать, и пьяные мужики совсем очумели. Ходили курить и мочиться к задним дверям.

– Вы бы хоть детей посовестились, – укоряли их бабы.

Тот, что был моложе, с волосами грязными, ниспадавшими до плеч, вдруг запел:

Издалёка, с Колымского края
Шлю тебе я, Маруся, привет,
Как живёшь ты, моя дорогая,
Напиши поскорее ответ.

Мужик постарше вдруг соскочил с сиденья, хватаясь руками за перекладки, наступая кирзовыми сапогами на ноги соседям, стал подниматься, кренясь, вытягиваться, но повалился на старух и ребятишек, между тем голос молодого набирал силу, он завозился, вставая, и тоже запел, поддерживая первого. Нездешней тоской ступевалось его лицо, челюсть отвалилась, жилы на висках набрякли, желваки заходили под кожей щёк, продублённых чифирём до смуглости:

Вы гуляйте, дешёвки, на воле,
Приходите вы к нам в лагерь, –
Вам на воле цена три копейки,
В лагерях вам дадут три рубля...

– Господи, – взмолилась старушонка, крепко сжимая ведёрко с лисичками и маслятами, припорошенными сверху листьями дикой смородины, душицы. – Господи, хоть бы ноне добраться до дому без греха...

Всё на старушке было чисто, ладно, домовито: и чёрный платок в белую горошину, прилаженный острым коньком на голове, и юбка, натянутая на коленях.

– Ну и время пришло: по лесу скитаюсь, индо в раю, ни зверя лесного, ни лешего, ни василиска – никого не боюсь. А как в автобус – за нож вострый! А всё за грехи наши, за безделье, за слова нечистые... Ишь, ведь, вовсе не стоит, да ещё горлом давит, поносит. – И она быстро-быстро закрестилась часто и мелко: – Мать – Царица Небесная, спаси и сохрани. Оборони!

...Вы на воле обос...ы, грязны,
Вместо юбок носили мешки...
С алкоголиком спали в навозе, –
Вы не девки, а стерво-куски...

– Оп-па, асса! Половина колбаса, остальное яйца! – заорал двухмесячный дед, хлопая в ладоши, выпуская поручень вверху и валясь на пассажиров.

Юра, всё ещё не оправившийся от ссоры с этими головорезами, стоял в тесноте возле выхода спиной к спине с какой-то грузной женщиной. Грудь его давила никелированная стойка, дыхание спирало. И глядя на этот разгул пьяных, он внутренне удерживал себя, уговаривал не связываться с ними. Заточку, финку или шабер блатные никогда не показывали. Это для зэка «западло». «Предупреждать – дело ментов», – просто ткнут в бок, под ребро, а чаще в спину, и всё, «ваши не пляшут».

– Говорят, что в Финляндии в таких случаях останавливают автобус и пьяных высаживают среди дороги... – нарочно громко, рассчитывая на поддержку, заговорила женщина неизвестно для кого. – А как в других цивилизованных странах?

– Что ты гонишь порожняк в натуре?.. Ты хвальник закрой, а то!..

...В стенку, отделяющую шофёра от кабины, заколотили ногами. Шофёр остановил автобус, вошёл в салон. Протолкавшись к экаму, он ровным невозмутимым голосом проговорил что-то на фене. И заключил:

– Не прекратите ор – высажу. Вылетите как голуби, понятно? До Байдана базар держать не буду, я за баранкой. Баланду травить тещам будете. А мне восьмерить и втирать нечего... – Он сказал громко и без волнения в тишине замершего салона какое-то вовсе непонятное слово, – если только можно назвать салоном вдоль и поперёк искромсанное чрево «пазика».

– Но всё, всё, шеф... Ув-важуха, шеф, ты мне, я тебе, и разбежались. Запара пришла. Кумар накрыл ребят, понимаешь, не слепой, – забормотал пожилой, обращаясь уже не к шоферу, а к своей ватаге, ероша серую щетину на бороде...

И этот внезапный тон, ровный и невозмутимый тон сильного и справедливого, остановил пьяных. Они смолкли, ладком уселись и разом задремали.

Автобус из речного распадка, теряя скорость, вкатился на вершину пологого холма. В пыльных окнах показалась колокольня без креста и обшивки на куполе. Чернели глазницы узких окон, тучи ворон вились над церковкой. Вытопанный, выбитый скотиной выгон был пуст и гол. Валялись возле дороги старые сапоги, калоши и сгнившие в прах какие-то лохмотья, гнутая арматура, обрывки буксирного троса. Замелькали деревца, и за ними медленно прошли дома с жестяными крышами, сиренью, утлой рябиной в палисадниках, с колодцами во дворах.

Автобус остановился перед магазином. Как и по всей России, – здесь стояли за гречкой и за сахаром для самогона, который вот-вот должны были подвезти: и женщины, и старухи. Перед дверью ругались и для порядка записывали-выводили и выкликали номера на руках.

Вывалившие из автобуса помятые пассажиры тотчас один за другим стали пристраиваться к этой очереди. Пьяные мужики мучительно долго продирали глаза и выбирались. Обнявшись, двинулись они к дверям магазина.

Юра Хломин помог аккуратной старушке выйти из автобуса, вытащил ведёрко и поставил на траву, закиданную мелкими окурками. На удивление, разговорчивая старушка спросила:

– Ты чей же будешь, сынок? Что-то не угадаю тебя...

Юра спросил, как пройти на улицу Луговую.

– Да ты к кому? – всё пыталась бабка.

Юра стал было рассказывать, живописуя лицо, протез выше левого колена и вместо пальцев левой руки – култышки. Бабка даже обиделась, когда Юра назвал имя и отчество.

– Евсеич-то? – недовольно пропела она. – Да как же я его не знаю-то?! Ой, малый, некошнóй. Да мы с ним тут по ночам бегали, играли... Он, Евсеич-то, первый балалаечник был... Фому-то не знаю? Сроду военных портóк не снимал. А тогда любили военных-то, ой, девки-то любили... Всё где-то служил он, а после войны – глядь, является без ноги, беспальный...

Юра шёл со старушкой пыльной улицей. Уже вечерело. Длинные тени легли на уезженную дорогу. Стройные великаны-тополя трепетали листьями.

– Тут деревня была... – рассказывала бабка. – А завод построили, понаехали чужаки, которых выпускали из загорожек. А Фома, слыхано, где-то в охране работал. Теперь пенсию получает. Отца-мать, сестру похоронил, бобылём живёт. И не женился. Не дай бог так-то... Я его на День Победы видала: пиджак и портки военные, ордена на груди, маненько выпимши был...

Бабка торопилась рассказать, что знала, и, когда надо было Юре свернуть в переулочек, заключила:

– Об нём теперь нехорошо говорят, ой нехорошо. Убивцем называют. Бог его знает, а я не верю, чтобы он был нехороший. Женихались с ним...

– А что ж, прикажут и застрелишь, – пытаюсь до конца понять старушку, сказал Юра.

– Эдак, эдак... Приказ. Тогда так было. Приказы выполнялись строго тогда. Говорю же, как взяли его служить, он военных портóк не снимал. Ну, сынок, теперь и сам найдёшь. Во-о-н рябинушку видишь кудрявую? А то я всё смотрю на тебя и не угадаю, наш или не наш. А ты кто же ему, Евсеичу, ай по сестре сродственник?..

– Ага, по сестре... Спасибо...

Юра уже вспомнил место и рябину под окном. Перешёл дорогу и, стуча каблуками по дощатой панели из гнилых, провалившихся горбылей, споро подошёл к воротам. Окна дома косились. Ошалёванный «в ёлочку» дом врос в землю до подоконников. Кто-то стучал за сараем.

– Фома Евсеич! – крикнул Юра, отвалив калитку и вступая на пустынный двор.

– Аюшки, кто там? – И, опираясь на клюку, далеко выкидывая левую протезную ногу, Евсеич вышел из-за сарая. – О, Юра! Ну, здравствуй, дорогой. – И, не выпуская из рук клюку, обнял Юру. – Письмо-то с открыткой получил, знать?

– Получил. Уж больно грустное письмо-то... Суровое.

– Да как не загрустить. Иди-ко, иди-ко, садись вот тут. Вот так. Там у вас Подмосковье – это остров. А вся Россия – она острожная, она вокруг вас. Хуже стало, чем было. Яма. Поневоле загрустишь. Как тут у нас говорят, поеду за три речки: «за Тужу, за Пержу и за Вою...» – Евсеич засмеялся, гусиные лапы морщин вокруг его глаз двинулись вниз. – Давай-ка раздевайся, я что-нибудь совастожу, состряпаю.

Зашли в дом. Фома, всё ещё улыбаясь, качал головой. Хромая, затащил Юрину сумку в сенцы. И в сенцах, и в кухне, и в горнице была какая-то даже излишняя чистота, как у вдовы, лишь только занавески на окнах выдавали холостяка: они были тоже чисты, но плохо, по-мужски, отглажены.

– А я на завод сбегая, по накладным отчитаюсь и командировку отмечу...

– Фельдъегерский? – кивнул Евсеич на портфель. – Знаю...

– Откуда?

– Ну, не первый раз замужем. Вали, беги, я ждать буду, – сказал хозяин, затворяя ворота.

– Ты особо-то не хлопочи, полковник! У меня всё есть...

– Эка, куда хватил. Забыл, что ли, старший лейтенант?.. Бывший.

– А по мне – полковник, – забирая под мышку кирзовый фельдъегерский портфель с красной металлической обечайкой, отозвался Юра уже издали. – Звезды три. А размеры этих звёзд каждый по-своему видит и ценит.

– Три звезды. Скажи тогда ещё «генерал-полковник», насмешил ты меня, сынок.

Поправив в горнице покрывало на кровати, накинув коврик на отцов кованный сундук, Евсеич повесил фартук и принялся месить тесто для пельменей, то разминая правой рукой, то тыкая култышками пальцев левой руки. Раскатал-таки тесто в тонкий лист. Лицо горело, на лбу блестел пот, на подбородке белела мука, как пудра.

Солнце малиновым шаром закатывалось за деревьями, за домами. Вечерние тени спутались. Редкие прохожие шли мимо окон, а те, что постарше, здоровались с Евсеичем.

Отдавливая тонким стаканчиком кружки теста, он начинал их фаршем, складывал рядом, поглядывал в растворенное настезь окно. И когда, крепко топя каблуками, показался Юра, Евсеич сел на скамейку, закурил. «Вот бы мне сына такого...» – говорил его взгляд.

– Отметился?

– День приезда, день отъезда – один день...

– Знаю я эти порядки, – затягиваясь вонючим дымом дешёвой сигареты, говорил Евсеич. Лоб его блестел в свете вечернего солнца.

– Напрасно ты всё это затеял, полковник. У меня есть чем поужинать.

– Э-э, товарищ лейтенант, не знаешь ты наших свычаев-обычаев. Тут, брат, не всё так просто. У нас говорят: соль-вода есть, можно пельмени стряпать. И не просто пельмени, а с уважением: «пельмяни», вот как... Да и гостей всегда встречали именно с пельмянями. Дорогое блюдо для дорогого гостя. А я тебя ждал. Знал, что приедешь, не мог не приехать. Ты же мне писал... Пельмяни, брат, первое дело для гостей...

Сизый дым сигарет пластами стоял в комнате, нисходил в окно. Вода в кастрюльке закипела. Евсеич тяжело встал, отставив протез, высыпал пельмени. И аромат варёва наполнил кухню. Спрашивая между делом про город, про цены на спиртное, мясо и колбасу, Евсеич приказал Юре:

– Режь хлеб, ставь рюмочки на стол, ужинать будем!

То замирая с ложкой в руке, то умаляя пламя газовой коптилки, то звучно пробуя бульон на вкус, сказал:

– Готово, сорви-ка лучок в палисаднике, пёрышки.

– Есть! Будет сделано, полковник, – шутливо отбарабанил Юра, чувствуя праздник, именины сердца.

Они уселись за стол в вечерних сумерках. На улице было ещё светло, а в доме уже темнело.

– С этим переводом часов на летнее время вся жизнь на дыбы, – сказал хозяин.

На столе, покрытом старой льняной скатертью, была небогатая снедь, дымились пельмени. Желтел яблочный уксус, салаты.

Евсейч постучал ножом по бутылке дорогого импортного коньяку, сказал:

– Пересолил, лейтенант. Думаешь, что у старика так-таки и нет ничего? Шалишь, брат, открой-ка шкаф, там кое-что ждёт тебя... Нынче и у меня праздник, возможно, последний.

Брови Евсейча нависли над серыми глазами. Изрытое оспой, задетое осколками мины лицо – с бороздами печали.

– Ну, что так сурово, полковник? Это не к лицу нам.

– Чистые дали не замутит ничто, даже смерть, верно?... Как, сынок?

– Чистые?

– Чистые! Я тебе сказал – сам своё, не в книжке прочитал. – И старик поднял голову. Брови его вдруг скатились на весёлое место. Наполняя рюмки, он сказал глухим, твёрдым голосом:

– За чистые души, за чекистов!

Посыпая чёрным перцем и макая пельмени в раствор уксуса, Юра хорошо закусывал, а Евсейч подгонял: «Ешь, кушай, на меня не гляди... Я старый, много мне не надо...»

За окном становилось совсем темно. Юра включил свет, заблестели семейные пожелтевшие фотографии на стенах, выскочила кукушка из очка часов и прокуковала одиннадцать.

– Да, полковник, если верить газетам и товарищу Солженицыну, Исаяя-вичу, не Исаевичу же... так? – много вы тогда дров наломали...

– Много, – сказал с грустью в голосе Фома. – Уж раз Исаяя-вич напирает на Россию, на Русь-матушку. Много, а вы больше наломали. Да сколько ещё и наломаете. Вся эта межнациональная резня, оплёвывание страны и Вождя и растаскивание по национальным квартирам армии к добру не привели. Ругают Вождя – для того, чтобы нас с тобой опозорить да обмишулить, мол, коли у них вождь такой «вурдалак», кровопийца будто бы, то каковы же они сами, эти русские? Тут, брат мой, Юра, в корень смотри. Тост послевоенный за русских – ведь Вождь же и поднял? Значит, и тем более и русские, и СССР никуда не годились и не годятся. Это ведь даже и не чехи, поляки, болгары да латыши – памятники нашим героям сносят. Это мы уступили, поддались пропаганде «обличителей». Доверились подлогам, вот в чём беда. И два десятка партий нынешних – тоже не дело, а мудня. Была-де одна партия, да то не та. И толку не было и теперь нет. А десяток партий соберутся – и будто бы согласие найдут? Ложь всё это и подмена демократии видимостью её... Была «диктатура» – ругали Хозяина. Диктатура и впрямь? Тогда как среди диктатуры пришёл троцкист? Верили в светлое будущее, в светлые дали. Что такое «коммунизм», «коммунизм», по-хрущёвски, никто тогда не понимал, да и теперь не понимает. Что на что поменяли? Сейчас безвластие, охлократия, лучше? И что, выкусили? Не знаю, что лучше: иметь надежду, веру и смысл, или не иметь. Скорее всего – и то и другое – крайности, но надежда живительна. Была диктатура? Пожалуй, но всё-таки диктатура народа. Теперь стали нас путать, смешали намеренно свободу с... распушенностью. Снова перегнули палку.

– ...Да, это так и есть, точно. Распушенность заменила закон. Кому-то выгодно это было... Сегодня ехали «свободные», ваши заозёрские.

И Юра рассказал про пьяных мужиков.

– ...Ну, вот видишь... А ведь и тогда тоже пили, и пили не меньше, а языки не распускали. Боялись? И боялись, конечно, тоже. Страх и слабость – причина жестокости... Так преподносят нам, и, на первый взгляд, – кажется, верно. Трусость, разумеется, не сила, а слабость, следовательно, и жестокость. Сила солому ломит, только сила и остаётся, когда нет любви. Ветхозаветная истина. Неоспоримая. А страна и сильна была, – не только фашизм подмяли, а и двенадцать наций и национальностей вместе с ним. И любовь была: вспомни, какие фильмы, книги, какой театр был... И всё мы позволили оболгать, осмеять, переписать историю свою позволили, и кому? Кому?! Ничтожествам «в общем глобальном масштабе»! И ничто нас не научило – ничто ровным счётом! Мы так ослабли, такая сейчас противоречивая политика, что Америка так или иначе, похоже, что с плетью придёт и к нам. Не станет государственности – и не станет ничего, всё, амба! Америка – страна с давно накатанной

политикой, хитрой и изворотливой. В войнах она всегда отделялась шинельками да консервами, воевала, если вообще воевала, исключительно на чужой территории. А когда дело доходило до серьёзного – уходила в кусты. Америка по-крупному никогда не станет сражаться, нигер не вояка. Она даст оружие новейшее, даст ботинки, даст шамовку, военные берцы – странам с глупой политикой, по-русски сказать, – дураков найдёт. И всё в долг с процентами... Они действуют проще: желаешь прибыль? Не покупай завод, купи директора завода... У них теперь за кордоном семьи, дети. На кого они будут работать, эти директора, бывшие «красные»?

Евсейч не сказал, у кого «у них». Но было и так понятно.

– Но ведь и Америка воевала...

– Да. Во Вьетнаме воевала. В Кампучии тоже... Воевала, да... Только ковровыми бомбардировками да чужими руками и на чужой земле. И что это были за войны? Избиение младенцев, раздутое прессой до катаклизма. Там, брат, хорошо подумают, прежде чем своих в ад войны послать, решиться на что-то серьёзное, воевать своими солдатами. Физический урон для них неприемлем не только потому, что они не вояки. Это русский сначала пукнет, а потом оглянется, а там – шалишь...

Юра по-мальчишески засмеялся и пролил коньяк. Опять налили. Меж тем Евсейч горестно вздыхал.

– И заметь, запахнет жареным, все кинутся стелиться под англосаксов. И немцы, которых в сорок пятом от ядерной бомбы спасло только то, что они успели подписать акт о капитуляции. И японцы, горевшие в Хиросиме и Нагасаки заживо. Все под америкосов лягут. Даже сербы – и те, и «братушки» наши болгары... Все перебегут-переметнутся, знаем, проходили и это... Кто больше всех воевал? Немцы да русские. И вот ведь как-то немцы вытащили экономику, а мы достукались до ручки. Почему? Да всё потому же: пукнем, а потом оглянемся. Оглянулись – стыдно стало... Обмарались в очередной раз. А как мне обидно, представь. Всю жизнь служил своей стране и верой и правдой. Даже семьи не нажил. Эх, брат, и навоевался я! Грехов на мне – не счесть! Сколько душ загубил, столько «в расход» отправил по приказу, что теперь и не то что в рай, в ад теперь не попаду? И во ад не достоин, так, что ли, получается? А почему, оттого ли, что головушку мою заморочили, или от чего другого? А? Вот и живу, потому что никак земля не принимает...

– Врагов же... «в расход», – пригубив рюмку, попробовал возразить Юра.

– «Врагов»... Людей! И теперь вот, оглядываясь, смотришь на всё по-другому. Я знаю эти души, охранял их, водил на работы. Лучше бы многие из них вовсе не родились, а в чреве сгноились... Такие и не должны были жить. Не мне их судить? Так я и не судил. Был приказ привести приговор в исполнение. И всё-таки это были люди... Это ты охранял мелкую сошку, синюшников, воров, ну, может быть, кого-нибудь из «тени». Мелкота. – И тут Фома Евсейч махнул култышкой. – А я вот имел дело с публикой покрупнее... Меня ночами мучают эти души. Незабываемые лица. Да вот: Сталин и Берия, что их объединяло? Ведь Лаврентия-то «вождь народов» вытащил с низов. Каким делом, чем они были так связаны?.. И почему, когда Сталин умер, Берия радостным голосом крикнул будто бы своему шофёру: «Хрусталёв, машину!» Нет, тут были дела, возможно, ещё при Ленине. А возможно, и до него. Загадочные кавказцы. Прямо скажу – загадочные. И расстреляли Лаврентия подозрительно быстро. Одни говорят, из пулемёта прямо в окна, потом в ковёр завернули тело и вынесли. В центре Москвы, на Никитской. По приказу Никиты, торопился очень расстрелять. В окна из пулемёта расстреляли, а судили подставного, который лица не показывал, шарфом прикрывался... А Сталин с Берией работал и с проектом по атомной бомбе. А Никита испугался... Чего он испугался? Значит, было чего пугаться. Другие пишут, что Маленков всё подстроил, вроде бы пост министра железных дорог прочили Берии, а не расстрел, да всё пошло не так, как следовало. Ящиками сжигал компромат Хрущёв, торопился, а расстрелял будто бы сам Конев на Малой Никитской в особняке...

– Жуков, он сам признавался, был нужен как авторитет именно Жуков. Он сам писал об этом, как два часа ждал сигнала от Хрущёва в подвале, а вверху в кабинете Маленкова проходило заседание ЦК КПСС...

– Не верь, ложь. Берию кончил другой кто-то, на московской квартире. Когда Жуков будто бы брал Берию, того уже не было на свете. Двойника брали. Спектакль. Хоть Жуков и сам мог о том не знать. Я вот эти дела расстрельные, крутые, знаю из первых рук. Так быстро идейных и тогда не стреляли... А судили двойника, повторяю... Пол-лица всегда было закрыто на суде шарфом, чтобы

ни по подбородку, ни по голосу не разобрать было, кто это. Берия спас мир от атомной войны. Но ты посмотри уровень и требования дисциплины – взять, вот хоть ты и Берия – а в расстрельную комнату извольте под белые руки... А теперь? Вор. Четыре убийства на нём, миллионы выкрал у государства, но он свой и поэтому на воле.

– Далековато хватил, полковник, – сказал Юра, как бы норовя убавить сердечный огонь Евсеича, принимая дальний прицел за простой трёп.

Про конвойную службу, про службу надзирателем Евсеич не любил рассказывать. Но что-то сегодня зацепило за живое.

– Дело прошлое... были дела. А с чего всё началось...

– С чего?

– Да с малого. По комсомольскому набору пошёл служить. Вот как ты после армии в свою фельдсвязь. В то время модно было, шли в авиацию, во флот. А меня в энкавэдэ занесло. Это мне, конечно, так казалось, «просто» занесло. А время было страшное. После убийства Кирова – очередная чистка рядов партии. Троцкисты, подпольные организации – это не выдумка, и слухи: «до родного вождя» добираются – были не лишены оснований. Слушай, Юра, мне очиститься хочется, душа горит! А-а, всё равно скоро туда, под бугор. «Геместир» или «Готтосакер». А как у нас говаривают: «домой, под сосенками на погосте»... Знаешь, теперь предстоящая смерть мучить стала. Раньше думал: «дело правое», а теперь, веришь ли, земля уходит из-под ног...

Евсеич шоркнул рукавом рубахи по глазам, отвёл взгляд в сторону растворенного окна. И только тут Юра заметил, что у него странные, трагические уши – как свинухи осенние – большие, прилизанные назад, к затылку, и раковины ушей диковинного излома, как у борца. И лицо трагическое, невозможно смотреть: лоб и виски чуть ниже испаханы шрамами, в глубоких морщинах – чёрные жирные линии, как у старых шахтёров; под глазами набрякли тяжёлые мешки. Узкие плечи овалом, и рубаха казалась не по плечам, и только крепкая челюсть говорила о несокрушимом характере...

Высокий, сдвинутый назад косой лоб – тоже в морщинах, и всё лицо косое, овалом – в яйцо... Нет, это лицо не злодея – это лицо исстрадавшейся, смертельно усталой души...

– По нынешним временам, – говорил Евсеич, и в горле его стоял ком, – по нынешнему, если верить печати, меня надо расстрелять как собаку бешеную, «шлёпнуть», как мы тогда говорили... В конвое, в тюрьмах надзирателем, исполнителем высшей меры. Стычки с бандеровцами. «Лесные братья» мину на тропе устроили, и тут только я успокоился, в госпитале, – думалось: на веки вечные. О, Господи, сколько довелось перестрадать... И как ещё тогда, в команде особого назначения, не пустил себе пулю в рот? А сколько их было на моей памяти, этих «особистов»! Стрелялись, вешались, сходили с ума... Лет десять по уходе из органов ни одного не встречал, кроме врача, где они?.. Да и я сам давно дышу на домовину. И слава богу, дело к развязке, сколько можно страдать? И за что?.. Но, знаешь, за что обидно, знаешь, что? Эти... нынешние...

Часов около двенадцати, когда горели редкие огни в домах, укладывались спать, чекисты и не думали тушить свет. Изрытая огнями тьма за окном не спасала от дум, воспоминаний, сколько ни смоли в неё табачным дымом. Висело густое облако, горькое и грозное, хоть топор вешай.

– Ты... Ты был всё-таки палачом?.. – спросил Юра, вдруг ужаснувшись той бездне трагизма в душе Евсеича.

– Ну да, исполнителем. Чего ты так испугался-то. Не бойся, не застрелю. Так вот: когда уходил, в госпитале проверили меня, посоветовали в Дом инвалидов войны лечь. А врач, мой дружок, так и сказал: «Мой тебе совет: дома помирать». Чудак, ей-богу... Я, говорит, дома буду помирать и тебе советую... дома...

– Да какая разница, где помирать, – сорвался Юра.

– Умер Максим, да и... хрен с ним.

– Да что ты всё про смерть свою, полковник, помереть не мудрено, как сказал поэт: «Сделать жизнь значительно трудней...»

– Сказал и сам застрелился... Некого мне просить, а тебя попрошу, Юра. Похоронишь, как помру? Гробовые есть у меня... Евсеич прятал взгляд.

– Похороню... Вот, помирать он собрался.

– Я уж и место себе присмотрел... И сирень там посадил прошлой осенью, пусть будет в головах... Я ведь ещё до войны начал помирать, когда самого первого «перманентного революционера»,

ещё из «ленинской гвардии» уложил. И до последнего времени работал в аппарате областной прокуратуры, был старшим помощником прокурора области. Первым старичок был у меня, седенький, невзрачный. И умер он как-то тихо: после выстрела ткнулся так, даже не вскрикнул. А я ночей не спал: правда, что враг? – думалось. А кому скажешь? С кем посоветуешься? Бумаги оформлены, с делом дали ознакомиться, и приговор – высшая мера. Бланки с грифом «совершенно секретно» и постановление особого отдела при НКВД...

– И много ты их...

– Помню всех. И хоть специальных инструкций на этот счёт нет, приходилось надзирать за исполнением приговора. Ты знаешь, что такое человек, осуждённый на «вышку»? Если человек приговаривается к расстрелу областным судом, а затем Верховный суд оставил приговор без изменения, в прокуратуру шли так называемые «красные лапки» – телеграммы такие правительственные. После этого я должен был побеседовать с осуждённым и всегда предлагал ему написать прошение о помиловании. Составлял специальный акт, если человек отказывался...

– А что, бывало и отказывались?

– Да, было. Один кричал мне в лицо, рецидивист, брызгая слюной: «Писать к помилованию? Нет, не буду! В тридцать седьмом убили отца, “врага народа”, на фронте погибли братья, так убейте и меня, убейте последнего Сидорина, чтоб уж весь род под корень! Чтоб и следа нашего не осталось на этой поганой земле!» Три покушения на убийства и изнасилование малолетнего. А смерть ему заменили пятнадцатью годами, бывает и так...

– Да, кому быть повешенным, тот не утонет... Так ты, что же, был и священник, и палач одновременно?

– Выходит, что так. Исповедовал перед воротами ада... или рая? Не знаю. А теперь вот тебе исповедуюсь сам.

– Прямо в камере исповедовал?

– Нет, для этого был специальный кабинет. Прямо в наручниках. Исповедовал в наручниках. Кстати, это не мешало говорить по душам. У человека в предчувствии смерти совсем иное отношение ко всему, чем в миру.

– А камеры смертников, они что, страшны?

– Нет, обычные камеры в дальнем, отдельном крыле тюрьмы. Отдельный коридор с усиленным надзором. В камере по одному, иногда по два человека.

– Говорят, что стреляют по шесть-семь человек солдат, и никто не знает, у кого боевой?

– Ну, это только в фильмах. Исполнитель, нажимая на крючок, знает, что у него боевой...

– Так расстреливает один?

– Не всегда. Как-то раз с приисков бежал человек, рыжий, высокий, такой силы звериной, чутьё какое-то, тоже звериное... Всемером вытаскивали из камеры. Разорвал наручники. Надели двойные...

– А как же он дал себя убить?

– Дал. Буйны они только в камере, да и то не все. А извлечёшь из камеры – и он как рачок. Послушен и тих становится. Ведь камера – его последняя крепость, оплот, где теплится его жизнь. А затем он приведён на место исполнения; ему объявляется, что прошение о помиловании отклонено, и опять шок, покорность. Ставят на колени лицом к стене и стреляют в затылок.

– Что же, стреляют в камере или во дворе?

– Да, в камере без окон, и она длиннее обычной. И стены обшиты досками. Был случай: один с колен увернулся, я промахнулся, и пуля обожгла мне шею. Пол в этой камере ещё при царе был выложен булыжником. Последней была женщина.

– Молодая?

– Для меня – нет. На ней моя карьера и кончилась исполнительская. Когда вёл на место, в коридоре незаметно кобуру расстегнул. Она, верно, поняла, куда ведут, да и понимать-то нечего: чугунные щиты, загородка с отверстиями, пол стальной... Как она обернулась, выкатила сумасшедшие глаза, закричала дурным голосом: «Убийцы, будьте вы прокляты!» Помню, как где-то топали, бежали по лестнице, я выпустил в неё всю обойму, в голову, а она жива, и даже кровь не идёт. Чудовищная живучесть, а может быть, она была невиновна... Сам испугался, месяц отлёживался в больнице, руки дрожали от сомнения – что это? Врачи не знали, в чём дело, думали, от водки...

– А ты не пил?

– Что ты, таких сразу освобождали от службы с дальнейшим надзором. Кстати, садистов – тоже... Всё должно было быть в рамках разумного, если только можно считать разумным этот сумасшедший мир... Все же наблюдали друг за другом. Доносили. Нервы, алкоголь, промах... Что ты! Государственное же дело. Что тогда было для нас Государство?! «Жила бы страна родная, и нету других забот». Если бы хотя раз позволил себе выпиться – быть бы мне алкоголиком. А спивались, и ещё как. Даже один раз побывавшие на месте – и те спивались. Даже женщина-врач – и та, то ли нервы, то ли... И ушла навечно. Тот, кто хоть один раз выпивал, – больше не работал. Срывались и так, без бутылки. Молодого дали одного. Он только глянул на меня, а я на него – и понял: ему у нас не работать. Комиссовали его со второго раза: шизофрения. Попал он в психбольницу, но даже и в бреде не проговорился ни разу о том, где работал. Вот как нашего брата шпиговали! Что значило: чекист! Да, привыкнуть к чужой вынужденной смерти – невозможно. У меня и у самого в этот день особый – сохли губы, пил воду бидонами. Потом, когда вёл, – губы трескались в углах рта до крови, знаешь, как у детей от ананаса. Сильно терял вес. Спасался тем, что принимал холодный душ и отвлекался чем угодно. Обязан был ежедневно стрелять или держать на время утяжелённый макет пистолета, чтоб рука не тряслась.

– Что же, снились трупы, хрипы расстрелянных?

– Нет, и хватит об этом... Я считал себя санитаром людского леса. Но раз приснилось, что попал к заключённым. И вот живу среди них, хожу, принимаю пищу. Они не знают, кто я такой, но вот-вот узнают...

– Сколько же всего было смертей?

– Не скажу. Скажу, что однажды, в один год – около ста... Но часто, часто вспоминаю того троцкиста, первого. Маленький, седоватый, вроде бы безобидный... На смерть шёл как-то легко, словно и не его должны стрелять, так его заморочили, что ли...

Объявился ему отказ в апелляции, он как-то ахнул, никак не мог понять, что надо встать на колени... Поставили его... Как-то всё невзрачно. А ведь произошло ужасное. Мир утратил человека. Мир стал беднее на целый мир, ведь как-то хорошо сказал поэт, что умирают не люди, а миры... Мне даже кажется иногда: смерть для человека – это ничто, но каждая человеческая смерть для мира – трагедия. Просто нам этого не дано знать. Мы знаем только то, что нам позволено. Да, теперь оглядываешься, и тогда приходит расплата... За многое. Помню, как меня очень удивило, что жизнь и смерть – вот так рядом, и... прекрасно уживаются... Вот только что шёл, кряхтел, шмыгал ногами и вдруг стал неизвестно где и никому неподвластен и недоступен... Нет его... И никогда не будет. И какой-то жёванный обрывок от мундштука папиросы прилип на подошву его ботинка... Помню, я ему ещё в камере сказал: «Завяжи шнурки...» – «Зачем?» – спросил он, подслеповато и близоруко глядя на меня через очки. «А действительно, зачем, – подумал я, – ведь его через несколько минут не станет?..» Он так и шёл впереди меня, спотыкаясь и наступая на шнурки... Конечно, это было нарушение...

– А жалко ли было кого-нибудь ещё?

– Да, так называемых дезертиров. Некоторые из них были награждены орденами. Они переоценили жизнь. На колени не вставали: «Русский солдат умирает стоя!» В штаны не наваливали.

– А было, что и наваливали?

– Конечно. В основном блатные или из тех, которые насильовали, расчленили трупы. Это трусы, которые умирают, ещё сидя в камере или по пути. От разрыва сердца. Ведёшь стрелять уже покойника, зомби, мумию. Один, переживая, как от проказы, покрылся сплошь коростой, струпьями, красными пятнами. Глядеть страшно. Иные умирали ещё до выстрела. Поставишь на колени, а он хлоп на бок – и готов. Страшнее всего – осечки, но бывало и такое. Реакция – дикая до бешенства. Они же думали осечка – значит, всё, прощены, свободны. Это, знаешь, как при царях – узелок на верёвке виселицы или обрыв – и гуляй, свободен и прощён, и взятки гладки. Бог помиловал.

– Ты исповедовал? А часто исповедовались?

– Всегда, только четверо не сознались в убийствах. Один – истерзавший священника и всю его семью, другой – родную мать. Кстати, по Библии, это самые страшные грехи, и умерли они так и не покаившись. Ты знаешь, Юра, ведь исполнители – это специально подобранные офицеры НКВД. Подбирали таких, чтобы им можно было довериться по всему, и по притягательности, по обаянию, что ли, тоже... Как в попы, да...

– И были льготы? – спросил Юра. Такой человек сидел перед ним, какой силы воли! Человек, которого всё-таки страшат последние дни... Почему, ведь жизнь прожита, так какая же разница, как встретить небытие?

– Нет, без обиды говорю, ни льгот, ни денег в избытке не имел. Но мы-то тогда думали, что кто-то должен это делать, не мы – так другие. Так вбивалось в голову иными идеологами, и впоследствии, когда я осуществлял надзор, исполнители получали лишний паёк, обмундирование, путёвку на курорт...

– А что, на самом деле стреляют на рассвете?

– Очень много подготовки, прежде чем нажать на курок. Всё в строжайшем секрете, знали только двое: я – по надзору и тот, на котором организационная работа. Особенно тщательно скрывают от тюрьмы. Тюрьма в зависимости от расстреливаемых авторитетов и может подняться. Ничего нельзя упустить. Всё делается после захода солнца. На рассвете – только в кино: вот, дескать, жизнь пробуждается, а тут убивают... Кстати, это не только традиция, ты же служил, знаешь, что вечером в тюрьме после последнего приёма пищи прекращается всякое движение. Не отправляют на этапы, всё тихо и спокойно. Да, тут прав Солженицын, но, пожалуй, только тут. В остальном – предвзят... В это время никто не услышит, даже и случайно, глухого выстрела из-за двери.

– Стреляли один раз?

– По-разному. Бывало и кричали: «Добейте, гады!» Здесь главным было не потерять самообладания.

Евсейч, казалось, совсем успокоился.

– Что ж ты не бросил эту... работу, что, чувствовал удовлетворение?

– Пожалуй, порой... Что вот, занимаюсь таким, что не каждому под силу. Для защиты Отечества, для Государства. К тому же убив хоть однажды там, а затем на фронте – уж грешен, уж одно всё к одному... Ведь стреляли не только «политических», как это пишут сейчас, а и подонков, негодяев, зверей в человеческом обличье. И чувство такое, чем скорее убьёшь гада, тем лучше. Для всех. И для него тоже, кстати. А они и вели себя соответствующе: бросались горло грызть. Так, однажды в тюрьме в Кутаиси армянин прятал в камере гвоздь. Алескеров, здоровенный, как шимпанзе, с заросшей шерстью грудью. Запорол двоих насмерть, кричал: «Не один уйду, и вас прихвачу». Зэк из Жилкино старику перерезал горло, так тот зэк и перед расстрелом кричал: «Мне пулемёт, так я бы вас всех...»

– А давно ты отказался от этого... от исполнения?

– Я же сказал: после той бабы идейной, пламенной... После отправленной к Богу женщины. Невероятно показалось: столько выстрелов и – жива! Чуть не свихнулся, как выдержал – не знаю... И впрямь помогло сознание, что делаю нужное дело. А всем тем, кого сопровождал в расстрельную камеру, поделом было: преступники...

«Что за человек, – думал Юрий, – он, этот Фома, видел сотни людей в пресловутой “тамбурной” зоне, между жизнью и смертью, между прошлым и будущим... Его и их отделяли друг от друга секунды, мгновения и – вечность. Этот человек видел столько страшного, что хватило бы и на тысячи жизней, и вот не озлобился от всей виденной им жестокости, сидит перед ним, обыкновенный...» Непонятно было Юре, как можно после этого остаться человеком...

– Они были враги, полковник?

– Да теперь совсем о другом думаю, и свербит в душе: они были люди. Всё перемалываю в себе... А тогда старался не думать. Было время, когда и сами себя боялись. Да и намерения-то были благие: всё делалось для-ради «светлого будущего». Коммунизму дырку сверлили к нам через стену. И «одной ногой уже стояли...» – так фраер Плешатый, кукурузник говорил. Благими намерениями вымощена дорога в ад...

И непонятно было Юре, почему жизнь так жестока к человеку, чекисту, исполнявшему свой служебный долг. Где была совершена ошибка? Чего ради? Им – тогда, или – теперь, в наши дни? Теперь вот только и пишут, что шмотками пользовались, посылками, в ресторанах с бабами гуляли... «Магами» звали... «Маг» – это надо же такое выдумать!

– Возможно, на Лубянке в Куропатах, когда расстрелы были массовыми. Кто-то чего-то и выгадывал. Да и то вряд ли. Никто чужого не брал. За нами смотрели. Да была и честь офицерская. Платили как младшему офицерскому составу. Все считали, что были свободными, в особом почёте... И этого хватало с избытком, даже гордились. И всё не так как-то... Если обманули нас, то кто и когда? Уж

точно не в ту пору героическую, вот что... Вот Таисья Кривокорытова, с которой ты ехал в автобусе, моя невеста была, всегда как-то с состраданием смотрела, хоть и не знала она ничего. Чувствовала, как всё непросто. Отпустили меня тогда на три дня. Баловали с ней возле клуба. Ко мне подошёл человек в штатском, я его не знал. Много не говорил, спросил только фамилию, имя и сказал культурно: «Вас на службе ждут». И во сколько явиться сказал. Вроде бы и свобода, а как овца на приколе. Как стёклышко я должен быть на службе. Это сейчас пишут: спирт в бочках, пьяные исполнители, недочитанный приговор... Язык без костей. В войну, возможно, и было, но не у нас...

– И что же, после дел с бабой списали? – спросил Юра.

– До самой войны счетоводом работал в артели, в войну перевели в СМЕРШ, «смерть шпионам и диверсантам!». Контрразведка. После войны – на Западной Украине. Там бандеровцы орудовали. Хуже войны. Бывало так: деревня. Висит на колу частокола или плетня горшок или шапка, сушится. Ну, висит и висит. А это сигнал: мол, тут чекисты. Дважды ранен был, выходили. Потом в Прибалтику уже старшим лейтенантом. Там на мину наскочил, «лесные братья» подложили. Вот результат. – Евсеич постучал кулышкой по протезу. – И что заслужил? Вот всё, что ты видишь, – отцовское и от сестры-покойницы осталось. Моё вон обмундирование, ордена и медали. Ну, пенсия нищенская. Да это что! Мне и не надо ничего. А почёт какой? Еду на День Победы в автобусе, нас собирали в Доме культуры... Сижу, гляжу на праздничных людей. Подходит хорошо одетый, видно, что из интеллигенции, опрятный такой... Трогает орденские колодки и говорит, змеёныш: «Сними эти побрякушки, цацки, ляльки, сними, душегубец...» Я как хватил его, гада, за холку, думал, пьяный, нет, трезвый. Схватил и держу. Ключкой хотел его отходить, встать не мог, теснота была. На него женщины закричали, выкинули на остановке. Вот тебе и почёт. И думалось мне тогда же, в автобусе: кто во все времена больше всего мутит воду, морочит голову работному люду?

– Кто? – спросил Юра слабым усталым голосом.

– Интеллигенция эта самая. Во все времена эта гнилая интеллигенция шарахается по сторонам, шаткая и трусливая. Всё время они натаскивают чужеродные идеи, забивают головы простому народу. Что, например, крестьянину или рабочему идеи были нужны? Простые люди всегда думали, как прокормить семью, обуль-одеть, а люд этот загоняли в тесноту красных уголков и кормили обещаниями, идеями... Морочили голову. Хватается за орденские колодочки! Он мне их вешал?! Что он, сука, сопляк, что он знает про эти награды? Интеллигент с «гаврилкой» на шее, с «собачьей радостью» или как её, масонскую эту штуку, называют, не знаю ещё... – Ладно, давно пора спать, – взглянув на часы, с сердцем сказал Евсеич. – Всего не расскажешь, ночи не хватит. Да и утро уже, кажется, дождичек пошёл...

...В окно проглядывалось мглистое серое утро. Угадывался белыми разводами клокастый сырой туман, похожий на мутную горную реку вдоль улицы. Серой фланелью стояло низкое небо, и несильно потряхивал листочки в вишняке мелкий неспешный дождичек. Перед окнами тяжело висели гроздь рябины. Невесело и недружно чиликали голодные воробьи.

Вставал тяжёлый мокрый рассвет, робко, медленно, грустно; думалось, вовсе не будет уже светлого дня, яркого солнца.

Евсеич похлопал по подушкам, снял покрывало и постлал чистую простынку.

– Вали, ложись, тебе на работу, – сказал он Юрию, дремавшему за столом. – Я в сенцах себе постелю, там топчан у меня есть.

– Нет, полковник, я тут устроюсь, на диване. Я привычный.

Громко стуча протезом, без клюки, при каждом шаге взмахивая руками, Евсеич принёс одеяло, матрац и подушку. И когда укладывались, всё молчали. Евсеич вспоминал прошлое, перебирал накопившее сегодня. Сравнивал.

– Ничего не изменилось... Ведь эту теперешнюю свободу разлитую, кто её придумал? Интеллигенция вшивая и выдумала. А свобода для них – рваться к кормушке, стучать глоткой, правдами или враньём – выдвинуться... Да примерно то же было и раньше. Я знавал и таких: родную мать, гад, застрелит, лишь бы выдвинуться, покомандовать... У меня есть один интеллигент, так он, представляешь, для «красно-коричневых», на будущее, казнь такую придумал, никогда не догадаешься. Всем казням – казнь. Залить медицинским клеем половой орган. Кормить солёной рыбой и воды не ограничивать. Представляешь, три языка знает, подлец! Три! А ты говоришь – свобода! Вот и возьми этих дураков, съешь их с кашей. А? Каково... Или хоть этих пьяных возьми, про которых ты,

Юра, говорил, они так и понимают слово «свобода»: пей, гуляй, на работу хочешь иди, а не желаешь – наплюй, не ходи. «Пусть работает железная пила, не для того меня мамаша родила...» Так же и тогда про коммунизм думали. Хочешь – иди работай, нет – лежи, спи. Кстати, и Ленин любил этих «умников»-интеллигентов. Эх, жизнь – жестянка ржавая! Прожил, как в преисподней побывал, эх, я и по-па-рил-ся... Сколько мук пережил...

И старый и молодой – оба улеглись. В доме было тихо. Уже рассвет восстал. А всё то же висело серое небо, шатром мрачным; крапал дождь и пятнил стекло, то смелел и усиливался, то отпускал шорох.

– Да-а-а, – закрывая глаза, зевая, вполголоса сказал Юра. – Ну, дела-делишки. Как говорил наш кум на «пятёрке»: «Кругом шашнадцать выходит».

– Как? – Евсеич изо всех сил приподнял голову. – Как ваш кум говорил?

– Кругом шашнадцать!

– Да, выходит так... Хм... – Фома Евсеич заулыбался. – Юра, а Таиска-то Кривокорытова много обабок набрала?

– Старуха-то? Целое ведро! Там у неё не одни обабки и были, да маслята ещё... Что-то ты вспомнил про неё, полковник?

– Да так. Молодыми ещё бегали. Первая красавица была, и юбка на ней такая узкая, серая, и накидка, как говорили тогда, «я те дам». Помню и туфли красные на кожаном ходу. Эх, и девка была! Заглядень! «Где мои шестнадцать лет!»

– Всё проходит, полковник, и хорошее и плохое, всё, – заключил Юра с закрытыми глазами.

Евсеич улыбнулся его глубокомыслию:

– Да, да, всё проходит, даже любовь проходит. Остаётся только память. И та не навсегда.

Юра встал, надел в сенцах глубокие калоши, от которых сделалось больно в щиколотке, вышел и помочился с крыльца, чтоб не ходить по дождю. Сумка его валялась в сенцах, вспомнился полушубок. Юра вытащил из сумки полушубок и повесил на вешалку. Запахло керосином.

– Зачем ты его привёз? – сказал Евсеич. – Говорил же тебе – не вози.

– Он же ещё хороший, зачем вещами разбрасываться, чуть вот тут моль побила. И память твоя, сам же говорил.

– Возьми, возьми себе, у меня всё равно пропадёт. Портному отдай, он тебе верх сделает, покроет крепким материалом, оверлочит края.. Будешь ходить как Башмачкин. Только не по Питеру, а по Москве...

– Я так и сделаю, полковник, а в чём ты будешь ходить зимой?

– Зимой, похощь, он мне не пригодится. Зимой я буду в другом месте. В лучшем из миров, в раю!

– Брось ты, что ты заладил... Жестоко это. А хочешь, поедем ко мне, у меня поживёшь зиму. Мама разрешит, она добрая, моя мама. В городе в госпиталях подлечат малость.

– Спасибо на добром слове, но мне уже не надо. Некуда, ни к чему. Везде я успел. Даже слишком. Как сказал мой друг, бывший тюремный врач, «лепила»: «Ты только с виду здоровый, а внутри – труха. Хоть сейчас на активровку». Давненько это было... Чёрт, «лепила», хоть бы соврал. Он и тогда так же точно «констатировал» смерть. Когда умру, – продолжал Евсеич каким-то совсем другим, грудным голосом, – когда умру, должно быть по осени, побудь на могилке. Посадил я сиреньку молодую, поправь её в возглавии, в головах... И сам приходи разок-другой, а лучше почаще, слышишь, за милую душу... Больше некому.

Юра не слышал, он уже спал.

– ...И Таиску Кривокорытову, если увидишь, скажи ей, что я любил её. Женился бы, да тут жизнь так сложилась... Эх-ма, ладно. Нет, лучше не говори... Побеседовали ладком, как мёду наелись... Горького мёду, брат ты мой... От сердца отлегло, как в церкви побывал, ровно на молебне исповедался...

Юра спал напряжённо и зло. Снился ему огромный тулуп Евсеича, который вместо карты России висел исподом вверх в кабинете начальника фельдсвязи. Источенный молью, он будто бы оседал, сползал вниз с крепежей, этот тулуп-карта, и угрожал страшным падением. И непонятен был этот страх, откуда он? И из-за него ли, точно ли из-за этого тулупа? И как бы из другой комнаты, ширмой которой он и являлся с широкими полами, один за другим выходили те, по чьим судьбам были решения и исполнения.

Выходили они друг за другом, пригибаясь под тяжестью отодвинутой полы, – и они не расстрелянные были все, а живые...

И во сне он, Юра, всё беспокоился и всё никак не мог понять, не мог объяснить сам себе, за что же люди так страдали, если всё, даже лучшее в «перестройку-революцию» низвергнуто в прах. Поругано, отнято, поделено теперь по карманам этого тулупа и припрятано в его бездонных подкладах. Присвоено и переименовано. Ради чего люди жертвовали собой? «Не жалея здоровья и самой жизни», – ради того, как сказано в присяге? И только?

Он пытался объяснить им всем, что они не виновны, что не виновен и старик Евсеич, которому приказывали именем революционного закона исполнять... Но кто виновен и с кого именно спросить за всё, он не знал и сам. И получалось так, что если и был героизм, если и была жертвенность – то теперь кто-то смог «обнулить» её и даже насмеяться над всем тем, что ставили люди во главу угла и целью самого своего существования... Не «жертвы», а исполнители, те, которым ставили задачу общего блага и счастья выше самой жизни на этой земле, – они на деле и оказались жертвами. И всё обесценилось, но отчего?.. И это было непонятно, беспокоило, мучило и томило во сне – как в большом бреде. И вдруг последним из-под тулупа, отодвигая точёную молью полу, вышел сам Евсеич. Он пригнулся и сложил руки на груди, как к потиру – причастник. Не старый, а молодой. Засмеялся страшно и белозубо, выхватил «ТТ» и нацелился в него в самого, в Юру, и, вздрогнув, он проснулся.

...Умер Фома Евсеич, и впрямь не дожив до зимы, тихим октябрьским утром. Вставало яркое солнце, темнело мокрое от инея по утрам крыльцо его заколоченного дома. Темнели под окнами гроздь рябины, налитые соком. С каждым днём всё слышнее гомонили вороны за гумнами и летели мимо усадеб, крутя крыльями.

А весной молодая сирень зазеленела в его возглавии, зацвела ранним душистым цветом. Молодой, ладный по-солдатски паренёк в голубой рубахе приезжал из далёкого областного города, положил букет полевых цветов на аляповатую серую плиту под красной звездой. Сидел, думал, зябко пожимал плечами, плакал, что ли, – не поймёшь. Проходила мимо старушка, гнутая, неприветливая, в чёрном рваном фартуке, похожем на подрясник, в рваных же голенастых кирзовых сапогах.

– Не надо плакать, – сказала она сердечно, – не надо... Это счастье – умереть в своём доме, там, где родился...

– Опасался он, что земля не примет...

– А приняла земля-то, ишь, как ладно лежит. Один, на отлёте. Как барин или – король. Никто не мешает, – привольно так-то ему. Свободней. Вот она и свобода. Здесь свобода. Люди ищут её, мучатся. А она здесь. Сама их ждёт. И ищет. «Придите ко мне все труждающиеся и обременённые, и Аз успокою вы...» – Мудрено? – спросила она с чувством, пристально и не мигая глядя на могильную плиту, молвила ещё: – И-и, милый, земля всех примет. Она, матушка, для всех ласкова.

И, перекрестившись, пошла шепча: «Господи, не суди нас по грехам нашим, а суди по милости Твоей...»

Шла, опиралась на клюку, крестилась.

И всё так же на отшибе, на отвале, над горой села стояла заозёрская церквушка с колоколенками... Со взлетающими дружно и при каждом испуге голубями.

Стояла церковь, как и могила Фомы Евсеича, без креста.

Игорь Изборцев

Игорь Александрович Смолькин (творческий псевдоним Игорь Изборцев) – прозаик, публицист, председатель Правления Псковского регионального отделения Союза писателей. Является действительным членом Академии российской словесности и Петровской академии наук и искусств. Автор 20 книг прозы и публицистики. Лауреат Всероссийской литературной премии им. св. благоверного Великого князя Александра Невского, Всероссийской литературной премии им. В. Я. Шишкова, «Отчий дом» им. братьев И. В. и П. В. Киреевских, литературной премии им. Михаила Алексева, им. Расула Гамзатова, Международной литературной премии «Югра», премии администрации Псковской области, премии Союза писателей России «Слово-2019»; лауреат литературного конкурса «Новая библиотека» в номинации им. Ф. М. Достоевского, номинант XII Патриаршей литературной премии им. Свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия, на-

граждён призом «Золотой Витязь», грамотой Издательского совета Русской православной церкви, Патриаршим знаком «За вклад в развитие русской литературы» и др.

Является председателем жюри Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Очарованный странник», Всероссийской литературной премии за лучший художественный перевод «Словес связующая нить». Живёт в Пскове.

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ

Рассказ

Накануне местный гидрометцентр в прогнозе назавтра пообещал ясную и безветренную погоду, но, похоже, очередной раз обманулся: с раннего утра небо надулось облаками и наглухо заштопило ими солнце. «Расстоится?» – с сомнением думал Пётр Варфоломеевич, поглядывая за окошко; на то, как нахрапистый ветер измывается над худосочными дворовыми деревцами. Пётр Варфоломеевич прихлёбывал остывающий, высветленный долькой лимона чай и мысленно повторял загодя приготовленные к предстоящей встрече слова. Выходило, вроде бы, гладко и вполне убедительно. «Аргументы железные, куда супротив них?» – успокаивал себя Пётр Варфоломеевич, однако буравчики сомнений нехорошо свербели в душе и донимали сердце. Масла в огонь, как всегда, добавила супруга, Александра Георгиевна, не ко времени выскочившая из ванной. Она утёрла красными, распаренными от стирки руками лицо и едко поддела:

– Что, самым умным хочешь быть? Зря стараешься, не выйдет у тебя ничего. Лучше бы стекло на лоджии вставил.

Пётр Варфоломеевич молча ковырял пальцем треугольную заусеницу на клеёнке, с незапамятных времён лежащую на обеденном столе и теперь уж представляющую из себя нечто с ним единое и неделимое. Красные клеточки на клеёнке вытерлись и поблёкли, а белые, напротив, болезненно пожелтели и напоминали скучные лица соседей по палате в гепатитном отделении, где Пётр Варфоломеевич в прошлом году провёл три недели кряду. «Зарекался ведь открывать ей свои планы, – попенял он на себя, – и чего давеча не сдержался и всё ей выложил?»

– Что, помоложе не нашли? – бурчала жена, колыхаясь дебёлым телом у плиты. – Будешь там крутить носом перед молодыми секретаршами.

– Да какие секретарши? – не сдержался Пётр Варфоломеевич. – Какие? Знаешь же, зачем иду. Божье дело. Меня на это батюшка благословил.

– Благословил, – передразнила жена, заталкивая палкой в исходящее паром ведро вздувающуюся пузырём простынь. – Кто тебе подаст, старому хрычу? Шёл бы на паперть и просил Христа ради на своё Божье дело.

– Язва ты, Шурка, – обиделся Пётр Варфоломеевич и в сердцах потянул на себя заусенцию. Та крякнула, поддалась и красно-жёлтым клином потянулась вверх, обнажая заляпанную частичками её клеевидного естества бурую столешницу.

– Язвой ты была, – повторил Пётр Варфоломеевич, испуганно прикрывая ладонью только что созданную им на столе клиновидную брешь, – язвой и помрёшь. Прости, Господи...

– Вот-вот, – Александра Георгиевна колыхнулась телом в сторону супруга, – жену ты мастер обидеть. Покаяться не забудь на исповеди, а то всё пыль пускаешь людям в глаза: вот, мол, какой я праведник.

– Да ну тебя! – махнул рукой Пётр Варфоломеевич и подался из кухни прочь.

В комнате он затеплил лампадку пред иконой Божией Матери Казанской, перекрестился и зашептал: «Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице, надеющиеся на Тя да не погибнем, но да избавимся Тобою от бед: Ты бо еси спасение рода христианскаго». Этот тропарь из вечернего правила следовало прочитать сорок раз для успеха предстоящего дела. «Милосердия двери отверзи нам... – снова и снова твердил Пётр Варфоломеевич.

С молитвкой этой у Петра Варфоломеевича было связано одно приятное воспоминание – тогда он лишь начинал ходить в храм, и каждый шаг сопряжён был с опасениями сделать что-то не так. Случилось ему познакомиться со старушкой Макриной – имя редкое, доселе такого и не встречал. Помнится, замедлил он у свечного ящика, где только что купил большую пятирублёвую свечу, и растерянно озирался по сторонам, оглядывая подсвечники пред иконами. Стоящая рядом пожилая женщина легко коснулась его руки и тихо спросила:

– Что задумался, мил человек?

– Не знаю, куда поставить, – признался Пётр Варфоломеевич.

– А ты о чём молиться хочешь? Если о здравии, – старушка кивнула на стоящий в центре храма аналой с иконой, – туда ставь. А коли за упокой, то надо к кресту.

Пётр Варфоломеевич проследил за её указующим перстом и у северной стены храма увидел большой крест с распятием.

– Да нет, – замялся Пётр Варфоломеевич, – мне другое надо.

– И чего же? Чего же главнее, чем помолиться о здравии и спасении родных и близких или о родителях покойных? – старушка перекрестилась и склонила голову в поклоне.

– Да я понимаю, – Пётр Варфоломеевич тоже торопливо перекрестился, – но чтобы здоровым быть, нужно хлеб покупать, за квартиру вовремя платить, в общем – деньги какие-никакие иметь. А если зарплату не платят, тогда как?

– И что ж, совсем туго? – участливо склонила голову старушка.

– Совсем, – закивал Пётр Варфоломеевич, – куда уж хуже. И главное, начальство получает, и бригадир наш, и кое-кто из моей смены, а мне всё задерживают. И пенсию зажимают.

Старушка на минуту задумалась, а потом, тронув Петра Варфоломеевича за рукав, сказала:

– Ты вот что, ты Божией Матери свечку поставь. Она главная наша заступница и молитвенница. И молитву ей прочитай «Милосердия двери отверзи нам...». Знаешь такую молитву?

Пётр Варфоломеевич отрицательно покачал головой.

– Найдёшь её в начале вечерних молитв. Молитвослов купи и заучи на память. А перед тем, как пойдёшь просить, сорок раз прочитай, Пресвятая Богородица тогда и поможет...

Пётр Варфоломеевич был человеком самостоятельным, с собственным на всё мнением, но, удивительное дело, старушкиному наказу последовал. Ухватился, как утопающий за соломинку, и прямо-таки загорелся тайной надеждой.

Нет, сомневался, конечно, – что было, то было, – но исполнил, однако, всё в точности и с внутренним трепетом пошёл в заводскую бухгалтерию. И что же? Выдали зарплату. Выдали! Кому-то опять не хватило, а ему отсчитали всё как положено. Вот так! И как не верить ему после этого в силу молитвы?

Закончив правило, Пётр Варфоломеевич с сожалением взглянул на дрожащий золотистый огонёк и осторожно дунул. «У Макрины неугасимая горит, – подумал, – а здесь? Она, конечно, другое дело –

сама себе хозяйка». Но что тут попишешь, у них в семье свой уклад, у них – голова всему Александра Георгиевна.

– Ты что, из ума выжил? – вскипела она, как только увидела теплящуюся, по её мнению, без дела лампаду. – Пожар устроить хочешь? Погорим, по миру пойдём.

– С чего вдруг? – попытался успокоить супругу Пётр Варфоломеевич. – Бог не выдаст, свинья не съест. Просто так ничего не бывает, на всё Божья воля.

– Нет уж, – отрезала Александра Георгиевна. – Я на старости лет по углам мыкаться не собираюсь! Впрочем, таким порядком жили они с той поры, как вышли из-под венца – на супругу характера Петру Варфоломеевичу никогда не хватало...

И как же странно всё у них складывалось. Пётр Варфоломеевич, когда был помоложе, на хождение жены в церковь смотрел искоса. Посмеивался даже, глядя, как крестится она у иконы и что-то шепчет. Если б кто сказал ему тогда, что сам он в своё время будет терпеливо выстаивать каждую воскресную и праздничную службу, приходя загодя к началу; научится аккуратно креститься и класть поклоны – рассмеялся бы в лучшем случае. Вот так... Но человек, как известно, предполагает, а Бог располагает. Перевернулась вся его жизнь, как-то тихо и незаметно. Вроде бы и скорби особенно не одолевали – так, мелкие неурядицы да неудобства, хроническая нехватка денег, например. Но разве ж это скорби? Тем не менее со свечечки пятирублёвой да с молитовки, заученной на память, началась для него другая жизнь. «Будем теперь с женой на пару, – думал он, выстаивая первую литургию, – она ведь у нас давняя богомолка». Однако не так всё просто оказалось. Хотя Александра Георгиевна умела и покреститься у божницы и пошептать что-то, но в церковь не шибко ходить любила. Зайдёт лишь свечку поставить на Пасху да на Рождество – вот и вся недолга. Что уж там говорить об исповеди да причащении? И так уж вышло, что теперь она посмеивалась над своим благоверным. «Ну что, богомольник, – поддевала она с ехидцей, – грехи-то все батюшке своему отнёс или утаил чего? Смотри, иначе в Рай не пустят». Пётр Варфоломеевич, хоть и неопытен был в делах духовных, быстро распознал, в чём дело, понял, что есть Вера и вера. Первая – живая, деятельная, как у Макрины, например. Такую веру с большой буквы нужно писать. А другая – холодная и словно мёртвая, с маленькой буквы, одним словом. Держась такой веры, можно и перекреститься и пошептать что-то, но только пустым это останется делом – не шевельнётся ничего в душе, не зазвучит. «Эх, Шурка, Шурка, – жалел Пётр Варфоломеевич супругу, – не научили тебя толком ничему. Кособокая твоя вера, хворая на обе ноги. Вот и дочка наша такая же – вся в тебя». К нему же самому это пришло – накатило откуда-то изнутри, из глубины сердечной. Всё разом стало на свои места, понятным всё стало и оттого – разумным и нужным. Зачем каяться и причащаться? Да разве ж это объяснишь кому, пока сам не испытаешь, пока не ощутишь спокойствие и радость от понимания, что наконец-то сделал в жизни что-то важное и нужное. А лёгкость какая приходит?словно неземная – вот-вот и взлетишь, словно груз многотонный с плеч долой. Ну, как такое растолкуешь? Где слов нужных найдёшь? Пытался объяснять что-то супруге, да без толку...

Пётр Варфоломеевич спустился по лестнице и вышел из подъезда. Ветер, словно только его и поджидая, тут же швырнул ему в лицо пригоршню злых холодных дождинок. Пётр Варфоломеевич втянул голову в плечи и поднял воротник плаща. На мгновение он замедлил взгляд на разбитом «москвиче» пенсионера Семёнова из двадцать первой квартиры. Машинёшка уж невесть сколько времени стояла на приколе прямо под хозяйскими окнами, мозоля своим неряшливым видом глаза здешнему народу. Семёнов давно махнул на неё рукой, и жильцы свыклись, а Пётр Варфоломеевич всё никак не мог преодолеть чувство брезгливости и, каждый раз проходя мимо, мысленно вышвыривал развалюху прочь со двора. Он хотел сделать это и сейчас, но, увидев, как по коричневому от грязи лобовому стеклу слезинками сбегая тонкие дождевые струйки, пожалел: «Пусть себе стоит, может, и починит когда хозяин». Сунув зонтик под мышку, он посмотрел на часы. «До назначенного времени час с четвертью», – отметил он удовлетворённо и, невзирая на непогоду, решил идти пешком. Вспомнил, как с сомнением давеча качал головой батюшка. На визит-то благословил, но не было уверенности в его глазах.

– Ладно, – махнул наконец рукой, – на всё Божья воля, может быть, и дадут чего. Богачи ведь тоже люди.

– А то как же, – поддакнул Пётр Варфоломеевич, – газеты не зря ведь пишут. Есть, конечно, такие, что никому ни в жизнь ни рубля, но другие помогают. На Божье ведь дело. Грибов точно даст. У него денег, что фантиков.

Пётр Варфоломеевич лично не знал ни Грибова, ни других богачей, разве что по телевизору видел. Про всех остальных Пётр Варфоломеевич определённого мнения не имел, но вот о господине Грибове много чего слышал. Уж больно красиво расписывал тот свои добродетели, когда в депутаты выдвигался. Не так давно это было; тогда газетами с его портретами завалили все почтовые ящики, так что, хочешь не хочешь, а узнаешь, что Грибов и детей любит, и старикам помогает, и на дорогие операции тяжелобольным денег не жалеет. Вот такой вырисовывался человек – щедрый на милости и безотказный.

– Нет, не откажет, – убеждённо повторил Пётр Варфоломеевич, глядя, как батюшка задумчиво тербит бороду. – Нам же не для себя. Понятное дело, если крыша в храме и дальше будет течь, рушиться всё начнет. Опять же, пол подгнил – перестелить надо? Надо. Ему же всё обратно вернётся. Ведь сказано: не оскудеет рука дающего. Сказано?

– Сказано, – подтвердил батюшка. – Вот только если бы все на Бога упование имели, разве ж пришлось тогда просить? Сами бы принесли. Ан не несут.

– Грибов даст, – Пётр Варфоломеевич ладонь на ладонь сложил перед собой руки. – Благословите, пойду просить...

Он ещё раз потербил свою память, вспоминая, всё ли необходимое исполнил? Выходило, что всё: и Божией Матери помолился, и о своём предстоящем визите заблаговременно предупредил. Накануне Пётр Варфоломеевич лично дважды звонил в приёмную Ивана Сергеевича: в первый раз его просьбу о встрече записали и обещали доложить самому. Во второй раз передали высочайшее согласие и время назначали – аккуратно на одиннадцать утра. «Ну вот, раз сам назначил, значит, примет, – успокаивал себя Пётр Варфоломеевич. – А там уж, думаю, не откажет». Ему представлялось, как встречает его сановитый Иван Сергеевич с распростёртыми объятиями и внимательно выслушивает о горестях и бедах православного прихода, украдкой вытирая слезу. Умиляется его, Петра Варфоломеевича, стараниями и трудами. «Да что вы, Господи, говорит, и просите-то всего? Я втрое супротив этого дам, да ещё и иконостас новый вам выстрою»...

Таковыми мыслями Пётр Варфоломеевич незаметно не на шутку растрогал своё сердце и чуть не пустил слезу. «Какой же всё-таки замечательный человек», – с теплотой и благодарностью думал он о Грибове, уже более не сомневаясь в положительном исходе дела, как будто всё уже было подписано, согласовано и, более того, выдано на руки...

Пётр Варфоломеевич шёл по мосту через Великую. Дождик уже закончился, и только тяжёлые тёмные облака напоминали о непогоде. Они раздутыми овечьими шкурами напоздали из-за спины Петра Варфоломеевича и массивными террасами громоздились впереди, как раз там, где предположительно и находилась конечная цель его путешествия...

Он попытался вызвать в памяти не раз виденное на портретах крупное волевое лицо Грибова, быть может, чуть-чуть одутловатое и обрюзгшее от бессонных ночей, проведённых в заботах и трудах, но выходило как-то не так: то брови слишком густыми выходили, то лысина великоватой. Оставив это пустое занятие, Пётр Варфоломеевич взялся прикидывать, где сподручнее мастеров найти, чтоб пили не шибко и дело знали. На заводе, где уж второй год Пётр Варфоломеевич работал вахтёром, вроде бы и имелись кандидаты на такое дело, – своя строительная бригада, – да только все, как на подбор, сильно пьющие да и с ленцой. А уж то, что через каждое слово матерщина, про то и вообще вспоминать не хотелось. Как таких на Божье дело? Никак нельзя...

В последнее время в жизни Петра Варфоломеевича появилось много этих самых «нельзя». Но привык, стерпелся, и большие и маленькие «нельзя» его уже не тяготили. С маленькими, конечно, было труднее. Ну что за беда, к примеру, яичко в пост съесть или кефирчика испить? Смешные запреты, но... нельзя. Если в этом себе слабинку дашь, то и в большем не устоишь. Таков закон. Вроде бы и жалко Терентьевича, пытающегося что-нибудь с завода уворовать – мелочь какую, ведь свойский мужик... но нельзя. Нельзя потворствовать воровству, чем тогда сам лучше? Назвался груздем, полезай в кузов; на вахте сидишь – пусть и не своему, но сторож. Терентьевич теперь недобро косится, бормочет что-то по углам, но в его смену нести не рискует... Однажды ночью Пётр Варфоломеевич задержал целую группу «несунов»: разобрали ценный японский прибор – и ну его через проходную по мелким частям. Остановил. То-то слёз пролилось, ведь три девицы в это дело нечистое вляпались. И жалко их было, по-человечески жалко, но нельзя на такое сквозь пальцы смотреть. Директор потом выяснял: «В чьё, мол, дежурство, кто задержал?» – «Да Варфоломеич и задержал», – сказали. «Мо-

лодцом, – директор пожал руку и с улыбкой добавил: – Устроил ты им Варфоломеевскую ночь». Так, с лёгкой руки директора, и стали дежурства Петра Варфоломеевича называться «варфоломеевскими ночами». «Чей черёд завтра?» – «Варфоломеевская ночь». – «Ну да? Эх, и выпить не придётся...» В другое-то время несли, находили общий язык с охраной – известное ведь дело, если нельзя, но очень хочется... то можно. Можно, всё можно! А раз так, то давай, Емеля, пили сук, на котором сидишь. Можно! «Вот так и пилим, – с тревогой думал Пётр Варфоломеевич, – и падаем себе вниз, а скоро, глядишь, и всё дерево рухнет. Где ему устоять, если всё можно? Нет, нельзя так...» Частенько размышлял об этом Пётр Варфоломеевич, вот только с кем поделиться? На заводе кому это интересно или в семье? Посмеются. Чем это, скажут, на старости лет голову забиваешь? Ну, батюшке можно доверить, без ответа не останешься. Только он больше старушками занят, обихаживает их, с требы на требу спешит. Можно и с Макриной... Да, вот с ней действительно можно. Старушка Макрина на удивление легко входила в затруднения Петра Варфоломеевича и давала советы. Чаще всего сводилось к одному – молитве. «Молись, Пётр Варфоломеевич, молитва всё превозможет и как должно образует...»

– Ведь как бывает, – объясняла Макрина, – ты просишь Заступницу нашу усердную помочь тебе, смягчить чьё-то чёрствое сердце, раз, другой, третий просишь, и Она, как скорая помощница, нисходит по твоим молитвам и касается Своей благословляющей десницей этого омертвевшего сердца. И то сразу оживает, как засохший цветок после дождя, и откликается помощью на твою просьбу и нужду. Потом этот человек и сам, может быть, удивляться будет, с чего это он вдруг тебе милость оказал. Но такова сила Божия, которая и мёртвого способна оживить...

У входа в офис Грибова Пётр Варфоломеевич замедлил, перекрестился. «Господи, благослови, Пресвятая Богородица, помоги», – попросил и тронул рукой большую стеклянную дверь. Охранники долго куда-то звонили, выясняя, действительно ли следует пропустить к Самому пенсионера такого-то. Трубка о чём-то невнятно шипела, и стражи с подозрительным прищуром с ног до головы оглядывали Петра Варфоломеевича. А тот оробел, даром что и сам-то был таким же охранником-вахтёром. Хотел уж было сказать об этом, но не решился. А тут как раз и пропустили... Приёмная, не в пример их директорской, была меблирована изящно, с иностранным вкусом: лёгкие удобные кресла и низкие столики с журналами для посетителей; широкие, как Среднеевропейская равнина, секретарские столы, уставленные телефонами, компьютерами и прочей офисной премудростью; под стать всему – дородные стенные шкафы, заполненные книгами и толстенными папками. Петру Варфоломеевичу указали на свободное кресло и велели подождать, однако присесть он не отважился – больно хрупким показалось кожаное сидалище – и подошёл к книжному шкафу. Среди объёмных фолиантов со сводами законов он тут же усмотрел два знакомых, тиснёных золотом корешка: жития святых Димитрия Ростовского за июль и сентябрь. «Ага, бывает тут наш брат, – подумал Пётр Варфоломеевич, – им помогли, а они, значит, одарили благодетеля». Воодушевлённый этой догадкой, он подошёл к креслу и испытующе покачал его рукой за подлокотник.

– Да не бойтесь, они и слона выдержат, – пропыхтел сидящий рядом толстяк и ткнул свёрнутой газетой, которой только что помахивал перед лицом, в кожаное сиденье. – Италия – не какая-нибудь там Серёдка.

– Почему, и у нас могут делать, – возразил Пётр Варфоломеевич, опускаясь в кресло.

– У нас только бананами могут торговать, – пренебрежительно просипел толстяк, – да и то африканскими.

Пётр Варфоломеевич, хотя и не согласен был, промолчал и оглядел прочий собравший по случаю в приёмной народ. Рядом с толстяком примостились две скромного вида женщины, похожие на учительниц, далее – насупленная особа в очках, тоже женского пола, по виду бухгалтер или кадровик. Её как раз пригласили в начальственный кабинет, и освободившееся место занял нервный молодой человек с кипой бумаг в руках. В приёмную вообще непрерывно кто-то заходил, справлялся о чём-то у секретарей и тут же удалялся прочь. При всем этом постоянно звонили телефоны и стрекотали факсы. «Ну и жизнь, – подумал Пётр Варфоломеевич, – не позавидуешь».

– Примет до обеда или нет? – с сомнением покачал головой толстяк. – Сегодня вроде в настроении хозяин?

– А у меня на одиннадцать, – глядя на часы, показывающие уже одиннадцать с четвертью, поделился Пётр Варфоломеевич, – сейчас, наверное, меня...

– А! – пренебрежительно махнул рукой толстяк. – Забудьте. Эти вон с девяти сидят, – он кивнул в сторону словно окаменевших учительниц, – и ещё столько же просидят, будьте уверены.

– Я, конечно, не знаю, – пожал плечами Пётр Варфоломеевич, – но ведь должен быть порядок...

– Это я не знаю, – оборвал его толстяк, – денег сунут в зубы или просто в зубы.

– А вы по какой надобности? – спросил Пётр Варфоломеевич, предположив, что и сосед пришёл к Грибову с какой-то просьбой.

– По самой насущной, – скривился толстяк, – вот думаю, уволят меня или премией поощрят? Работаю я у хозяина директором одного производства. Вроде и нормально всё, но, с другой стороны, может, место моё кому понадобилось? Вчера по телефону наорал, вызвал срочно. Вот и думай, зачем?

Тут на Петра Варфоломеевича накатило и обволокло густое парфюмерное облако. Он оторвал взгляд от собеседника и увидел, как в приёмную вливается массивных размеров женщина, плотно упакованная в куцую во все стороны одежку, уж слишком явно недостаточную для столь крупных габаритов хозяйки. Всё, что оставалось вне костюмчика, неопрятно выпирало и колыхалось, как студенистое желе. Однако женщину, похоже, это вовсе не смущало. Она уверенно подошла к секретарским столам, постучала пальцем по своим ручным часикам и кивнула на дверь кабинета Грибова. Одна из секретарш отправилась к хозяину для выяснений, а обширная мамзель, кокетливо оглядев всех присутствующих мужчин, махнула из-за спины рукой: в приёмную стайкой, как юные гусыньки, втянулись несколько молодых девиц в вызывающе коротких юбках. Парфюмерный запах совсем загустел, и Пётр Варфоломеевич, сделав задумчивый вид, устремил взгляд на свои колени и незаметно зажал нос. Всё же он успел заметить – или показалось? – что обложенные тушью глаза новых посетительниц внутри пустые, словно выедены червями – не глаза, а дыры, одним словом. Прогоняя это глупое видение, Пётр Варфоломеевич всё же озадачился: «А этим-то что тут надо?»

– Мамка привела новых абитуриенток, – зашептал толстяк ему прямо в ухо.

– Каких абитуриенток? – так же шёпотом спросил Пётр Варфоломеевич.

– Ну, – толстяк хихикнул, – девиц, для гостиничного бизнеса.

– А при чём тут Грибов? – искренне удивился Пётр Варфоломеевич. – Они-то что у Грибова будут просить?

– А чего им просить? – самодовольно ухмыльнулся толстяк. – Они у хозяина статья дохода, если и не основная, то достаточно существенная. Сейчас их сам осмотрит, ощупает и в дело направит...

Пётр Варфоломеевич отвернулся, сделав вид, что ему совсем не интересно слушать соседа. «Может, и врёт со злости, наговаривает? – мысленно успокаивал он сам себя. – Мало ли зачем люди пришли?» Однако на сердце у него стало как-то грустновато, да и стрелка часов перевалила за двенадцать...

Около часа пополудни, когда в кабинете у Ивана Сергеевича Грибова успели побывать и мамзель с девицами, и сосед-толстяк (высочивший прочь как ошпаренный, с перекошенным красным лицом: может, и правда в зубы получил?), и какие-то бритоголовые молодцы, шумно обещавшие кого-то завалить и заколбасить, Пётр Варфоломеевич совсем загрустил, и только мужественный вид закаменевших от ожидания учительниц удерживал его на месте. А те, наконец, дождались...

– Вашу просьбу Иван Сергеевич частично удовлетворил, – сказала им улыбающаяся секретарша, – к сожалению, принять он вас сегодня не сможет, но вот, – секретарша потрясла перед их глазами листом бумаги, – на вашем письме сам написал: выделить для детского дома одну бочку краски. Так что не напрасно сидели.

– Но зачем краска? – растерянно спросила одна из учительниц. – Нам же мебель заменить обещали, постельное бельё, денег на продукты. А краска зачем?

– Ну, этого я не знаю, – спрятала улыбку разом построжавшая секретарша. – Краску можете получить на складе в любое время.

Учительницы молча переглянулись, взяли письмо и двинулись прочь из приёмной.

– Ишь, ещё и не довольны, – проворчала им вслед секретарша, – им, видишь ли, бесплатно дают, а они...

Петру Варфоломеевичу стало совсем невмоготу, и он выскочил в коридор.

– Подождите, – окликнул он удаляющихся женщин, – одну минутку.

Женщины обернулись и вопросительно посмотрели на семенящего к ним Петра Варфоломеевича.

– Постойте, – выдохнул он на ходу, – давайте я адрес ваш запишу, телефон. Мы с батюшкой что-нибудь придумаем, прихожан подключим, на заводе, в конце концов, что-нибудь попрошу...

– Да не в этом дело, – покачала головой та самая женщина, что только что разговаривала с секретаршей, – мы ведь и раньше жили без помощи Грибова и дальше проживём. Но ведь он сам обещал: перед выборами был у нас с телевидением, уговорил нас подтвердить, что, дескать, регулярно оказывает помощь нашему детскому дому – тут тебе и мебель, и постельное бельё, и продукты. Золотые горы обещал: ни в чём, мол, не будете знать недостатка. Мы, как дуры, поверили и наговорили всего в объектив, и теперь вот бочка краски...

– Да ладно, Мария, Бог ему судья, – устало махнула рукой вторая женщина. – Пойдём, нам ещё вон сколько обратно добираться. Извините, – склонила она голову в сторону Петра Варфоломеевича.

– Вы адрес всё же оставьте, – настойчиво попросил он.

– А вот берите, – Мария протянула Петру Варфоломеевичу письмо с резолюцией Грибова, – там всё написано, можете, кстати, и краску получить: нам она всё равно без надобности...

После ухода женщин Пётр Варфоломеевич в растерянности гулял по полутёмному коридору. В голове у него что-то перепуталось и поменялось местами: ему вдруг вообразилось, что он сейчас у себя на заводе, несёт свою вахту, и что сейчас ночь – его, варфоломеевская. Мимо проходили люди, и он подозрительно их оглядывал: мало ли что несут. Но потом, оказавшись в очередной раз у двери в приёмную, вспомнил про Грибова и застыл. Его вдруг осенила важная мысль. «Как это Макрина говорила? – припомнил он. – Нисходит Пресвятая Богородица и касается Своими пречистыми перстами омертвевшего сердца? Так?» Пётр Варфоломеевич зажмурился и хлопнул себя ладонью по лбу: «Да как же я, старый недоумок, могу Её просить коснуться такого сердца? Оно же не просто омертвевшее, оно разлагается и смердит». Пётр Варфоломеевич ужаснулся от такой мысли и хотел уж было бежать прочь, но отчего-то совершил обратное: потянул на себя ручку двери в приёмную и вошёл...

У секретарских столов стоял сам Иван Сергеевич Грибов. Он полуобнимал молодую секретаршу и, улыбаясь, шептал ей что-то на ушко. Та же вся цвела и трепетала, словно прижимался к ней не плешивый и животастый Грибов, а какой-нибудь Алан Делон.

– Вы ко мне? – строго спросил Грибов, заметив Петра Варфоломеевича, и скинул руку со спины секретарши. – Я сегодня приём закончил.

– Этот гражданин с утра ждёт, он из церкви какой-то, – подала голос секретарша, – его письмо у вас на столе, Иван Сергеевич.

– Да? – Грибов насушился. – А почему гражданин? Господин. Теперь все господа. Чего вы просите? Пётр Варфоломеевич молчал и задумчиво смотрел на книжные стеллажи.

– Так чего? – нетерпеливо переспросил Грибов. – Может, вам бочку краски? Нам тут два вагона лишних... – он оборвал себя на полуслове, видно не желая далее откровенничать о делах, и вопросительно взглянул на Петра Варфоломеевича. А тот, выйдя наконец из задумчивости, указал на книжную полку:

– Нет, мне вот это, – он быстро подошёл к книжному шкафу и вытащил два томика с житиями святых, – мне вот эти книги, не откажите, пожалуйста.

– Книги? – Грибов удивлённо поднял брови. – Зачем? Для библиотеки или вы молитесь по ним?

– Да, да! – нетерпеливо кивнул Пётр Варфоломеевич. Ему совсем не хотелось вдаваться в рассуждения, к горлу подкатывал тошнотворный ком и хотелось скорей уйти прочь, на воздух.

– Ну, если для библиотеки, берите, на благое дело не жалко, – Грибов вальяжно махнул рукой, – только они там вроде подписаны мне, вы заклейте. Да, Нинель, – кивнул он секретарше, – отметь для какого храма отпускаем, потом в газету: пусть знают избиратели. Всего хорошего, – Грибов широко улыбнулся и протянул Петру Варфоломеевичу руку. Тот на мгновение опешил, потом сделал вид, что подавился, закашлялся и, схватившись за живот, выбежал прочь...

На улице было светло и ясно, тяжёлые тучи расползлись, да и ветра совсем не стало. Однако Пётр Варфоломеевич ничего этого не замечал: для него всё ещё продолжалась начавшаяся в офисном коридоре варфоломеевская ночь. Он бережно, словно спасённое от недоброжелателей ценное имущество, нёс под мышкой книги с житиями. «Ничего, чай не пустой иду, – утешал сам себя, – не зря сходил. Да и каково им было бы там стоять?»

Только на подходе к мосту через Великую он заметил солнце. Ночь затаилась у него за спиной, а потом неслышно унеслась в сторону родного завода, чтобы дожидаться там своей привычной очереди. Всё возвращалось на круги своя...

Проза

Валерий Герланец

Валерий Ильич Герланец – известный на Донбассе и далеко за его пределами писатель, драматург и публицист, заслуженный деятель искусств ДНР, член Союза писателей ДНР и Союза писателей России, многократный победитель международных и республиканских литературных конкурсов и премий. Его произведения для детей и юношества издавались в Белоруссии, Германии, Израиле, Канаде, России, США, Чехии, на Украине, а также ставились в профессиональных театрах, театральных коллективах школ искусств и дворцов детского и юношеского творчества, звучали по радио и телевидению.

Ряд прозаических и поэтических произведений давно вошли в школьные хрестоматии и учебники, выходили отдельными книгами в престижных альманахах и литературно-художественных журналах, в том числе в журнале «Берега».

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ

Александр I и его время – исторические параллели

Начало. Завершение в следующем номере

Про Наполеона написаны тысячи книг, и все они полны восхищения великим полководцем и правителем, но почему-то забывают восхититься человеком, который его переиграл и разгромил, – Александром I.

Анри Валлотон, швейцарский дипломат и писатель

ГЛАВА 1

ДИСГАРМОНИЯ В ПРИРОДЕ И... ДУШЕ

Ночью Александру приснился кошмарный сон. Государь метался по постели, импульсивными взмахами рук отгонял страшные видения, пытался спрятаться от них под одеялом, но они, словно морские волны в штормовую погоду, накатывались вновь и вновь, заставляя его вскрикивать и покрываться холодным потом. А привиделась ему, причём в мельчайших подробностях, насильственная смерть родного отца, императора всероссийского Павла Первого.

...Александр отчётливо видел, как по мрачным дворцовым анфиладам Михайловского замка, гулко стуча каблуками, идут дюжие гвардейцы, которых в государевы покои вели генерал Беннигсен и Платон Зубов. Убрав со своего пути двух полусонных лакеев, они врываются в царскую спальню.

Толстая свеча, горящая в руке Зубова, выхватывает из полумрака то огромные картины в золочёных рамах, то стоящие под ними кресла, то узкую кровать Павла. Она пуста. Зубов ощупывает простыню и извещает сообщников: «Гнёздышко ещё тёплое, значит, птичка недалёко». Офицеры шарят по углам спальни, их гигантские тени мечутся по её стенам и потолку.

За стоящей возле камина ширмой генерал Беннигсен замечает чьи-то голые ноги. Резким движением он отбрасывает ширму в сторону и обнаруживает за ней императора, облачённого в белую рубашку и ночной колпак. Его испуганные глубоко посаженные глаза шныряют по сторонам, плечи нервно подрагивают. «Что вам здесь нужно?!» – срывающимся голосом кричит Павел. «Вы арестованы, государь», – как-то буднично отвечает Беннигсен. «Но за что?!» – благим матом вопит император.

К нему подбегает Платон Зубов: «От имени нашего отечества мы просим Ваше Величество отречься. Безопасность Вашей особы и соответствующее содержание будут гарантированы Вашим сыном и государством». А Беннигсен добавляет: «Ваше Величество не может управлять миллионами подданных. Вы делаете их несчастными каждый день и каждый час. Отрекитесь! Обещаем, что на Вашу жизнь никто посягнуть не посмеет. Подпишите акт отречения и ступайте с богом».

Сгрудившиеся подле Павла офицеры начинают подталкивать обезумевшего от подобного ультиматума императора к столу. Один из них разворачивает перед ним заранее заготовленный документ об отречении, другой протягивает перо. Но Павел сопротивляется и предпринимает попытки вырваться из окружения незваных ночных гостей. Начинается потасовка. Кто-то хватается за стоящую на столе золотую табакерку и что есть мочи бьёт ею императора по голове. Его перекошенное болью лицо обгагрывается кровью. Он падает, и в то же мгновение заговорщики набрасываются на него, нанося удар за ударом, словно мстя за все унижения и обиды, полученные от этого странного, явно психически неуравновешенного создания. Император пытается отбиться и орёт благим матом. Кто-то из офицеров набрасывает ему на шею свой шарф и начинает душить. Павел с испуганным и окровавленным лицом издаёт предсмертные хрипы: «Воздуха! Воздуха!..»

В комнату входит граф Пален. Офицеры расступаются, открывая на всеобщее обозрение лежащее на полу безжизненное тело государя в окровавленной ночной рубахе... И вдруг по узорчатому паркету и стенам государевых покоев стала разливаться кровь, извивающиеся змейками потоки окрашивали всё в пугающий красный цвет и устремлялись к нему, престолонаследнику, словно указывая всем, кто истинный виновник заговора и отцеубийства...

Александр вдруг отчётливо видит угрюмое лицо Палена, генерал-губернатора Петербурга, который буквально впился в него взглядом и вкрадчиво шепчет: «Россия на краю гибели! Ваш батюшка довёл народ до крайности, Англия грозит нам войной, к которой мы не готовы. Если вы согласны взять бразды правления в свои руки, то я с группой надёжных людей отстраню государя от власти. Его сумасбродная политика грозит погубить империю». Александр испуганно отшатывается: «Но я не могу, не имею права... Он же мой отец!» – «А он имеет право объявить наследником престола не своего старшего сына, а Вюртембергского принца Евгения, за которого желает выдать сестру вашу Екатерину? Он заявил, что после свадьбы хочет его усыновить и объявить своим единственным наследником, а вас заточить в тюрьму». Александр ошеломлён этой новостью и не знает, что сказать. Наконец его стеклянный взгляд оживает, и он, запинаясь, произносит: «Только, умоляю вас, без кровопролития». – «Безусловно, – пытается успокоить великого князя умудрённый интриган Пален. – Мы просто потребуем от него отречься в пользу законного наследника. После чего ему будет дозволено удалиться от дел в одно из своих владений. Он сможет проживать там хоть с матушкой вашей Марией Фёдоровной, хоть с княгиней Гагариной, хоть с обеими вместе. В общем, как он сам решит...» – «А я?..» – «А вы, великий князь, взойдёте на престол и сделаете всех своих подданных счастливыми...»

Государь проснулся в холодном поту, едва забрезжил рассвет. Свесив с кровати ноги, он помассировал виски, затылок, похлопал ладонями по своим бледным щекам, которые обрамляли белёсые курчавые бакенбарды. Однако мигрень после привидевшегося дурного сна голову так и не отпускала, давая о себе знать болезненной пульсацией то справа, то слева, то в области затылка.

От завтрака Александр наотрез отказался, только выпил крепкого чаю с янтарным майским мёдом и приказал седлать своего любимого скакуна Эмира, тонконового, светло-буланого окраса с густой чёрной гривой, для традиционной конной прогулки. Императору нравились окрестности Петергофа, где он со двором проживал в летний период и постоянно обследовал их, поражаясь каким-то первобытным очарованием местной природы. Здешние пейзажи успокаивали, вселяя оптимизм и уверенность в правильности принимаемых им исторических и более мелких сиюминутных решений.

Александр жадно вдыхал спасительную свежесть утра, наполненного запахами июльского разнотравья, чувствуя, как обруч, с ночи сдавивший всю голову, ослабевает, возвращая мозгу прежнюю ясность и логичность. Эмир двигался лёгкой рысью по извивающемуся среди полей и изумрудных рощиц просёлку. Чуть поодаль от императора следовали четыре конника – Его Императорского Величества конвой, костяк которого составляли лихие кубанские казаки.

«Какая вокруг красота! Какая гармония в природе! – восхищался Александр и вдруг задумался: – А может, мы просто выдаём желаемое за действительное? В чём красота и гармония приро-

ды?.. В том, что звери, чтобы продлить своё существование и дать потомство, пожирают друг друга? И люди, наделённые разумом и являющиеся вершиной Божьего творения, от них далеко не ушли? Они приручили многих животных и выращивают их, чтобы потом умерщвить и набить их плотью своё брюхо. А ещё люди любят охотиться на животных и птиц, любят ловить рыбу... Выходит, что по своим устремлениям мы абсолютно ничем не отличаемся от зверья и даже превосходим его в своей кровожадности... Особенно в период войн и дворцовых переворотов... Такая вот всеобщая “гармония”, порождающая потом ночные кошмары...»

Лёгкий ветерок принёс запах сырости и лесной прели. Конь без какого-либо понукания перешёл с рыси на аллюр и вскоре оказался на берегу ручья, рассекающего небольшую берёзовую рощу надвое. Плеск бегущей воды, шелест листвы и трели обитающих в ней невидимых птах рождали дивную мелодию жизни, которая дарила столь желанные умиротворение и покой. Мысли о дисгармонии окружающего мира сами собой улетучились. Александр почувствовал, как отступила куда-то мигрень, возникшая после страшных ночных видений, как разгладились на лице морщины, а душу словно озарили золотистые лучи солнца. Император реально ощущал тепло и игривость этих лучей, хотя небо с утра и по сей час было затянуто плотной облачностью, столь привычной в летнюю пору для этих мест.

Увидев поваленную ветром берёзу, ствол которой у основания треснул и теперь, словно клык гигантского хищника, заострённой частью смотрел в затянутые клубящимися облаками небеса, Александр натянул удила и спешил. Почувствовав свободу, Эмир тут же спустился по пологому, поросшему густой травой берегу к ручью и, зайдя в его звенящую прозрачную воду, стал жадно пить, периодически фыркая и прядая ушами. Перекликавшиеся друг с дружкой лягушки, облепившие оба берега ручья, при появлении коня и спрыгнувшего с него седока дружно попрыгали в воду и притаились – так, на всякий случай.

Император подошёл к поваленной берёзе. Судя по свежести кроны, словно в низком поклоне припавшей к земле, шквальный порыв надломил и повалил её недавно. Пострадавшее дерево так до конца и не осознало трагичность произошедшего, пытаясь выжить, высасывая из почвы живительные соки для сохранения хотя бы части своих ветвей и листочков. Однако продержаться с такой огромной рваной раной белокорой красавице суждено было максимум до конца осени. Ну а потом морозы и лютые ветры окончательно добьют её природное стремление к жизни и ежегодному цветению, когда дерево ещё до появления листвы покрывалось длинными серёжками, выбрасывающими жёлтую пыльцу.

Александр вспомнил, как в этот период его младший брат Костя покрывался красными крапинами, начинал чесаться, и у него поднималась температура. Вызванные бабушкой лейб-медики запрещали страдальцу бывать на улице, приписывали ему какие-то горькие пилюли, а во дворце по два, а то и три раза на день проводилась обязательная влажная уборка. Сам же юный престолонаследник аллергией не страдал и рос достаточно крепким и здоровым ребёнком – рослым, кудрявым и розовощёким. Бабушке он очень нравился, и о своей привязанности к старшему внуку, не по годам смыслённому и рассудительному, она не раз упоминала в переписке с видными европейскими мыслителями и монархическими особами.

Александр провёл ладонью по стволу пострадавшей берёзы и увидел, что на ней осталось несколько полупрозрачных, на ощупь шелковистых плёнок, отшелушившихся от коры, которая от низа до верха была покрыта более тёмными по цвету «чечевичками» – сосудами для дыхания ствола, придающими бересте особую красоту и декоративную выразительность. Он припомнил, как в туесах и лукошках из «берёзовой рубахи» местные крестьяне доставляли во дворец лесные ягоды и грибы, а в более объёмных коробах – карпов и карасей из ближайших прудов. Будучи в Пруссии, ему не раз приходилось пить пиво из берёзовых кружек, так называемых «биркенмайеров», внешнюю сторону которых неизменно украшала береста. Он прошагал вдоль печально поникшего ствола, словно подсчитывая, сколько биркенмайеров из него получится, если бы он вдруг попал в умелые руки прусского столяра. «Десяток, а то и полтора точно бы выточил, – мысленно подытожил Александр. – Вот только не дам я никому подобного сделать: никому не удастся берёзку эту ни в кружки превратить, ни в дрова».

Александр ловко расстегнул широкий кожаный ремень с позолоченной бляхой, опоясывающий его талию, и махнул остановившемуся неподалёку караулу. Казаки тут же приблизились к императору и спешили.

– Ну что, спасители государевы, давайте сообща красавицу вот эту спасти попробуем. Да поможет нам Господь! – перекрестился император, и его примеру последовали конвоиры.

Четверо дюжих казаков, обхватив ствол пострадавшего от непогоды дерева, оторвали его от земли, предприняв попытку вернуть на прежнее место. Берёзка сопротивлялась, хрустела и, наконец, издав стонущий звук, вновь устремила свою раскидистую крону в пасмурность прибалтийского неба.

– Держать! – выкрикнул Александр.

Он ловко обхватил ремнем искалеченный ствол и, наметив место для дырки, в которую должен для надёжности войти длинный металлический язычок пряжки, проделал её кончиком кинжала, предусмотрительно протянутого начальником конвоя. Царский ремень надёжно зафиксировал покалеченную буйным ветром берёзку, и теперь у неё появился шанс выжить, сопротивляясь новым природным напастям.

«Когда между самодержцем и народом такое взаимопонимание, в государстве будут царить порядок и процветание», – посетила императора мудрая мысль, но от произнесения её вслух он почему-то решил воздержаться.

ГЛАВА 2

ДОКТРИНА МОНРО: СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ ДИКТУЮТ МИРУ СВОИ ПРАВИЛА

Дворцовая площадь северной столицы жила своей суетной повседневной жизнью. По её булыжному панцирю чинно прогуливались молодые и пожилые парочки, пробегали озабоченные делами чиновники и мещане, бесцельно шатались ничем не занятые обыватели, а конные экипажи, оглашая улицы цоканьем копыт, спешили доставить пассажиров по нужным адресам. За всей этой житейской круговертью зорко наблюдали представители полиции и казацки караулы, обеспечивая должный порядок и спокойствие.

А в это самое время в одном из залов Министерства иностранных дел Российской империи, чей главный фасад взирал на Дворцовую площадь, проходило заседание, на которое его министр в чине канцлера Карл Нессельроде убедительно попросил прибыть Его Императорское Величество. Александр обдумал поступившее приглашение и решил ехать, хотя в глубине души ему не очень-то хотелось покидать тихий, пасторальный Петергоф, чтобы вновь оказаться в городе, напоминавшем огромный муравейник.

С детства воспитанный на строгом порядке и пунктуальности, Александр появился в Министерстве иностранных дел точно в обозначенный день и час. На стенах зала заседаний в покрытых позолотой рамах висели живописные портреты наиболее выдающихся государственных деятелей, верой и правдой служивших российским монархам и отечеству, для процветания которого сделали много полезного. За длинным овальным столом сидели высокопоставленные сановники, два статс-секретаря, дипломаты, отдельные члены Государственного Совета, курирующие вопросы внешних сношений.

Главная тема созванного заседания: доктрина Монро, с которой президент Соединённых Штатов Америки буквально ворвался в международную политику, желая подмять её под нужды своей молодой, но весьма настырной державы. Александр прочитал этот документ на языке оригинала – спасибо дальновидной бабушке, пригласившей в своё время для его обучения протоиерея Андрея Самборского. В Лондоне он многие годы был настоятелем православной церкви, женился там на англичанке и возвратился в Россию с прекрасными знаниями английского языка и привычками англиканского пастора.

Смысл и дух прочитанного документа не удивили императора – каждое государство имело полное право отстаивать свои интересы, чётко очерчивая сферы своего влияния. Главное, чтобы заинтересованность одних не вступала в противоречия с интересами других государств и не приводила к военным конфликтам. Хотя довольно часто дипломатия оказывается бессильной, и тогда решение возникшей проблемы переносится из зала заседаний на поле боя. Государь вспомнил вдруг слова Вольтера, с которым много лет состояла в переписке его великая бабушка. В одном из писем Екатерине Второй французский просветитель написал следующее: «Война превращает в диких зверей

людей, рождённых, чтобы жить братьями». Только быть братьями не получается – неуступчивость и высокомерие не позволяют...

Император осматривал собравшихся, из которых лично знал половину, а быть может, даже и больше. Вот она – разноликая, наделённая достаточно широкими полномочиями дипломатическая элита России, от которой в определённой степени зависело дальнейшее развитие державы, сохранение её места на международной политической арене, а также возможности влияния на происходящие процессы в совершенно недружественном нам мире. Избитая истина: дипломатия – это поиск компромиссов. Но как сложно прийти к ним, когда представитель каждой стороны защищает интересы и выгоды исключительно своей страны. Начинается игра, которая по многосложности и каверзости значительно превосходит шахматы. Помнится, в юности любимейший из учителей Лагарп, рассуждая об искусстве дипломатии, попытался сказать об этом не высоким штилем, а искренне, так, как думал: «Дипломатия – это умение творить подлейшие дела и высказывать подлейшие вещи самым милейшим образом и в самых милейших выражениях...»

«Сколько лет прошло, а эта фраза зацепилась и сидит занозой в памяти до сих пор, – подумал Александр. – Ведь посланник той или иной державы должен лгать и изворачиваться для её же блага. Потому как там, где кончается дипломатия, начинается жестокая распря».

Император вспомнил, каким наивным и неискушённым он был в первые годы своего нахождения на престоле. Даже внутренние дела требовали определённых дипломатических навыков, без которых можно было совершить непоправимую ошибку. Без подобных умений, к примеру, было бы невозможно лавировать между двором бабушки и двором отца, которого она видеть на троне не желала, зная его сумасбродный нрав. Представители этих дворов открыто враждовали, потому что были очень разными по своим философским взглядам, духу и устремлениям. Воспитанный на идеях эпохи Просвещения, Александр больше тяготел к политике, проводимой бабушкой, чем к подчас безрассудным действиям отца, отравленного идеями европейского масонства.

Государь мысленно прокручивал былое, воскрешая в памяти то, с каким трудом ему приходилось разбираться в хитросплетениях международных отношений, как он учился выбирать приоритеты и предугадывать ходы сопредельных и отдалённых государств. Причём дипломатия западная во многом отличалась от дипломатии восточной, но, как ни странно, порой они переплетались... И вот в эту огромную запутанную паутину международных связей пытаются вплести свою нить ещё и Соединённые Штаты Америки – далёкая заморская держава, отразившая недавно очередное британское вторжение и продолжающая свою экспансию на Запад, к столь вожделенному тихоокеанскому побережью.

С официально поступившим в Министерство иностранных дел документом – доктриной Монро – собравшихся ознакомил канцлер Российской империи, ведавший также её иностранными делами, Карл Нессельроде. Небольшого роста, тщедушный, с огромным лбом и таким же заметным на художавом лице носом, он отличался достойным образованием и острым умом. С годами приобрёл ещё два важнейших качества: стал более прозорливым и осмотрительным, что помогло ему довольно долго удерживаться на своём месте.

На свет будущий российский канцлер появился в семье немецкого графа и дочери купца-еврея из Франкфурта. Его отец в тот период был посланником России в Лиссабоне и как раз на корабле возвращался оттуда в Петербург. Именно там, среди бурных морских волн и раздутых ветром парусов, и появился на свет Карл. Поэтому не было ничего удивительного в том, что первым местом службы Нессельроде-младшего стал флот. Однако карьерные перспективы были не столь уж радужными. Российский флот во многом уступал флотам великих европейских держав, таких как Англия, Франция или Испания, сумевших покорить практически полмира. К тому же Карла начинало тошнить даже при небольшой качке, что весьма усложняло его пребывание на флоте.

Тогда по ходатайству отца Карла определили в Конную гвардию. Туда обычно зачисляли широкоплечих рослых молодцев, которые гарцевали на огромных конях, вооружённые длинными палашами. Плюгавенький Нессельроде в стальных кирасах и треуголке на двухметровом жеребце, на которого он запрыгивал исключительно с разбега, выглядел ещё более карикатурно, чем в облёванной морской форме.

Однако Павел Первый, хорошо знавший Нессельроде-старшего, взял его сына под своё императорское покровительство. За два года Карл дослужился до полковника Конной гвардии и вышел

в отставку, получив придворное звание камергера. Вот тогда он и решил пойти по дипломатической части – нутром чувствовал, что это та стезя, на которой можно реализовать все свои потенции и преуспеть. Какими-то сокровенными фибрами души ему было дано точно знать, когда начальству давать совет, а когда стушеваться или глубокомысленно промолчать, когда представить откровенно коварный план, а когда всё спустить на тормозах.

– Декларация принципов внешней политики Соединённых Штатов, объявленная президентом страны Джеймсом Монро в своём ежегодном послании Конгрессу, не нова. Идея об исключительном статусе и господствующей роли этой страны на территории всего американского континента зародилась задолго до этого, – знакомил с доктриной императора и высокое собрание Нессельроде. – Подобную стратегию внешней политики предлагали ещё его предшественники – Джордж Вашингтон и Томас Джефферсон, которые предостерегали против тесного политического сотрудничества с европейскими державами...

Александр делал вид, что внимательно слушает выступление главы Министерства иностранных дел, однако на самом деле всё глубже и глубже погружался в собственные мысли о дипломатии и её основных принципах.

«В большой политике всё предельно запутано, даже куда сильнее, чем в делах альковных. Одна держава ищет дружбы с другой или несколькими против третьей. Или рассыпается в комплиментах, подписывая договор о мире и дружбе, а сама усердно плетёт интриги и совершает провокации, подло растоптав все ранее достигнутые договорённости. В международной жизни постоянно случаются изменения: бывшие враги становятся друзьями, а друзья переходят в стан ваших недругов. В этих бесконечных играх не действуют нормы морали и нравственности, присутствуют только прагматизм, цинизм и высший державный интерес. И рушатся в одночасье выстраиваемые десятилетиями принципы дипломатии, выбрасываются на помойку общепринятые нормы международного права и заключённые договора... Как только некая держава приобретает дюжину оснащённых пушками фрегатов, существенно увеличивает численность своей армии, она, чтобы добиться нужного, начинает наглеть. В ход идут запугивание, шантаж, подлейший компромат, угрозы, ультиматумы, торги, экономическое давление... Всё это разнообразные формы дипломатии, применяемой для достижения нужных внешнеполитических целей. Дипломатию можно сравнить с двуликим Янусом. Один его лик обращён в сторону рутины: организаций переговоров, встреч в верхах, участия в работе международных организаций, урегулирования военных конфликтов, а другой лик – в сторону того, что в итоге к этим самым военным конфликтам и приводит», – Александр возвратился к реальности, повернув голову правым ухом к выступавшему, так как на левое он с юных лет был глуховат.

– Господа, считаю своим долгом познакомить вас с основными положениями доктрины Монро. Их всего четыре: США воздерживаются от вмешательства во внутренние дела или военные действия между европейскими державами; США признают и не будут вмешиваться в дела уже существующих колоний в Западном полушарии; исключается возможность дальнейшей колонизации Западного полушария; любые действия европейских держав, направленные на покорение или установление господства над независимыми государствами в Западном полушарии, будут рассматриваться как недружественные по отношению к США. Вот так – ни много ни мало!.. – продолжал доклад Карл Нессельроде.

О пожеланиях американцев российский император знал, понимая, что хотеть – это одно, а вот добиться желаемого – совсем другое. Он вновь отключился от обсуждаемой темы проходящего совещания, погружившись в прерванные глубокомысленные размышления:

«Взойдя на престол, я сразу же оказался в круговороте происходящих политических событий... Пришлось маневрировать – то заключать союз с Наполеоном, то входить в антифранцузские коалиции. Потом я был вынужден заключить позорный Тильзитский мир, который лишь укрепил положение Франции в Европе. Другого выхода не было, так как Россия исчерпала все свои военные и материальные ресурсы. В то же время прекращение войны в Европе давало возможность нам завершить затянувшиеся конфликты на восточном направлении – с Турцией и Ираном, а на северо-западе – со Швецией. В результате российская территория приросла землями Восточной Грузии и ряда закавказских ханств, тем самым получив выход в Каспийское море и присоединение Великого княжества Финляндского. Это явные плюсы! Но были и досадные минусы: французы устроили англичанам континентальную блокаду, что ударило и по России. Мы вынуждены были сократить экспорт хлеба

и резко снизить импорт многих товаров. Затем Наполеон присоединил к Франции герцогство Ольденбургское, наследный принц которого был женат на моей сестре Екатерине. Война России с Францией становилась неизбежной. Вот такая уродливая дипломатия...»

– Государь!.. Государь, высокому собранию очень бы хотелось услышать вашу оценку доктрины Монро. Сможет ли его декларация реально повлиять на международный процесс или это попытка Нового света заявить о себе Старому? – поинтересовался глава МИДа у сидевшего в глубокой задумчивости императора.

Из одолевавших раздумий Александр возвратился в реальность и сосредоточенным взглядом обвёл собравшихся. Они тоже прекратили разговоры, а кто-то и дрёму и сосредоточили всё своё внимание на государе. Александр прокашлялся и, глядя на висевший на стене портрет первого министра иностранных дел России графа Воронцова, заговорил, причём, как и все тугие на ухо люди, достаточно громко, подчас даже громче, чем это было необходимо:

– Мы внимательно ознакомились с текстом вышеназванной доктрины и смеем предположить, что сей документ – чистое коварство, обёрнутое в трогательную заботу о бедных и беззащитных странах американского континента. Соединённые Штаты Америки очень бы хотели прибрать к рукам сей лакомый кусок, однако их слабая военная мощь не позволяет пока осуществить задуманное. На наш взгляд, доктрина Монро всего лишь протокол о намерениях, не более того. Однако, с другой стороны, сей документ должен содействовать исключительно американским интересам. Таким образом, Соединённые Штаты застолбили огромную территорию, на которую, по их мнению, никто больше не вправе претендовать.

– К сказанному Вашим Величеством я бы ещё добавил, что доктрина Монро – это своего рода сигнал, прежде всего британцам и французам, по поводу того, что американцы не допустят их аннексии на данных обширных и благодатных территориях, – дополнил императора Нессельроде.

– У большинства европейских держав сейчас нет серьёзных намерений восстанавливать свои колониальные владения в Латинской Америке. Скорее всего, американский президент смотрит в будущее, когда подобные намерения вполне могут появиться. И потом, сей документ – дитя односторонней инициативы весьма юной державы – не может считаться частью международного права. Или у вас другое мнение, канцлер?

– Сегодня всё обстоит именно так, но кто знает, что станет с этой молодой державой завтра, когда она расширится до тихоокеанского побережья?

– Судя по тому, сколь отчаянно Соединённые Штаты борются за своё место под солнцем, как набирают политический вес и силу, эту страну ждёт большое будущее. Быть может, в отдалённом от нас времени она станет великой державой... Однако допустить сие отнюдь не в интересах Российской империи, в состав которой, как вы знаете, ещё в прошлом веке были включены северо-западные земли американского континента, открытые нашими землепроходцами, – продолжил Александр. – Там появились русские поселения, а затем указом моего покойного батюшки создана Русско-Американская компания с правом пользования промыслами и полезными ископаемыми на Аляске. Высокому собранию также известно, что много южнее наши переселенцы основали форт Росс. Для закрепления наших прав на эти земли я подписал манифест, в котором объявил Берингово море внутренним морем России. Такой поворот событий очень не понравился США, да и британцы стали ворчать и, как всегда, гадить. Пришлось пойти на уступки касательно мореплавания и рыбной ловли... Просто из-за недостатка средств мы не смогли установить на столь отдалённых землях закон и порядок. Но сделать сие крайне необходимо. Мы считаем, что доктрина Монро никоим образом не касается законно принадлежащих нам на американском континенте территорий, о чём просим незамедлительно известить президента США на уровне вашего министерства.

– В ближайшее время мы подготовим и отправим такой документ, – заверил императора Нессельроде. – Все принадлежащие России земли и населяющие их народы неукоснительно должны трудиться на её благо и чувствовать себя защищёнными... Однако хотелось бы уточнить некие детали. Год назад на территории Латинской Америки под испанской колониальной властью осталась Боливия и несколько островов в Карибском бассейне. Остальные страны провозгласили свою независимость. Однако, как многие из присутствующих здесь знают, на недавнем Веронском конгрессе европейские державы поддержали планы Священного союза по поводу восстановления испанского господства над латиноамериканскими колониями. Это определённо не устраивало Великобританию, опасующуюся

за своё доминирующее положение на тамошних рынках. Она обратилась к США с предложением принять совместную декларацию о координации усилий, которые бы смогли противодействовать предстоящей колонизации Латинской Америки. Но те решили не брать в компаньоны британцев и сделали одностороннее заявление.

– Ваш пример весьма показателен. Американцы амбициозны, алчны и невероятно авантюристичны. Они могут пойти на любые подлости и преступления ради достижения своих целей. Каждый представитель этой молодой нации напоминает Наполеона Бонапарта, стремившегося покорить весь мир. Бонапарта нам в своё время удалось урезонить, урезоним и Монро, – завершил своё выступление император.

ГЛАВА 3

УТРАТА ДОЧЕРИ

Ежедневно государь приходил в свой кабинет и просматривал поступившие бумаги: доклады, законопроект, пояснительные записки, ходатайства, рапорты из губерний, судов и различных канцелярий, письма... Среди этого скопища бумаг, бесспорно важных и нужных, он в первую очередь выискивал отчёты министра иностранных дел Нессельроде и доставляемые фельдъегерем лично для него сообщения о здоровье Софьи Нарышкиной. Шестнадцатилетнюю красавицу съедала скоротечная чахотка, остановить которую не могли ни придворные лейб-медики, ни даже самые именитые в Европе доктора.

Софья была плодом любви государя императора и Марии Нарышкиной, урождённой княжны Святополк-Четвертинской. Она имела польские корни и не скрывала, что обеспокоена незавидной судьбой своей родины, разделённой между тремя государствами, а потому собирала вокруг себя таких же истых польских патриотов. В придворной среде упорно циркулировали слухи, что принятие польским сеймом конституции страны не обошлось без участия Нарышкиной.

Однажды на балу во время Масленицы двадцатичетырёхлетний цесаревич Александр Павлович обратил внимание на чрезвычайно обаятельную, наделённую прекрасными манерами и одетую по последней европейской моде молодую даму из свиты своей супруги. Как оказалось, она была женой придворного вельможи, гофмейстера Высочайшего двора Дмитрия Львовича Нарышкина. Фрейлина была невысокого роста, но сложена столь безупречно и грациозно, что волей-неволей приковывала к себе внимание как мужчин, так и дам. Её жгучая красота гармонично сочеталась с явно не женской логикой ума и одновременно с полным отсутствием какой-либо выгоды, которую она вполне могла бы извлекать из флиртов с кавалерами высокого полёта.

Александр обожал новые любовные интрижки и, чего уж греха таить, был падок на красивых женщин, но относился к своим прегрешениям весьма снисходительно. Его жена Елизавета, которую, как ему казалось, он не просто любил, а буквально боготворил, была признана первой красавицей Европы. Она получила прекрасное образование и воспитание, знала пять иностранных языков, на которых говорила без заметного акцента, и, будучи иноземкой, пользовалась искренней любовью русского народа. В постели она была одновременно трогательно нежна и, быть может, излишне деликатна, но... чужие замужние и незамужние красавицы всё равно кружили ему голову, и он, учитывая свой высокий статус наследника престола, легко покорял их сердца, не задерживаясь надолго в одних и тех же объятиях. Такова изначальная мужская природа, суть молодого самца, постоянно доказывающего другим окружающим его самцам и самкам свою состоятельность. «Полигамия – вполне нормальное явление, – обаятельно улыбаясь, говорил Александр в дружеском кругу. – Никого ведь не удивляет, что восточные правители имеют по нескольку жён и наложниц».

Менее чем через месяц после того памятного для Александра бала император Павел был убит заговорщиками, и он, его старший сын, а следовательно, законный престолонаследник, стал Императором Всероссийским со всеми вытекающими последствиями и огромной ответственностью, сразу же свалившейся на его плечи. Это только так кажется, что царствовать просто и легко, однако на самом деле всё куда сложнее. Один двор чего стоит со своими вечными амбициями, безмерной алчностью, подлыми кознями и интригами. А ведь есть ещё внешняя политика, политика внутренняя, извечные финансовые проблемы, то и дело возникающие междержавные распри, поступающие со всех сторон

света предложения «дружить против кого-то...». Одно неверно принятое решение, и ты, словно беспечный лесной зверёк, попадаешь в уготованную тебе ловушку.

Несмотря на стремительную череду событий в жизни великого князя, он не забыл о Марии Нарышкиной и постоянно вспоминал о столь взволновавших его душу волшебных флюидах после первой встречи с этой необычайно яркой женщиной. Память вдруг воскресила его вторую встречу с придворной красавицей, с обжигающими поцелуями и объятиями – такими магнетически притягательными и одновременно пугающими своей звериной страстью. Он реально, словно всё происходило сейчас, наяву, вдруг ощутил упруго вздымающиеся груди фаворитки, исходящий из глубокого декольте тонкий пьянящий запах духов, маленькую, невероятно возбуждающую родинку на её тонкой фарфоровой шее. Рука императора скользнула под шуршащие кринолины и оказалась на бедре, кожа которого по своей нежности, пожалуй, не уступала лепестку розы... А потом... Потом произошло то, что и должно было произойти между двумя влюблёнными, души которых охватил испепеляющий огонь любви.

Император встряхнул курчавой, рано начавшей лысеть головой, словно пытаясь освободиться от неожиданного интимного наваждения. Оттолкнув назад кресло и выйдя из-за рабочего стола, он стал широкими шагами мерить пространство своего обширного кабинета. Начищенные до блеска сапоги печатали шаг, словно он сейчас ходил не по натёртому до блеска паркету, а по плацу, готовясь к предстоящему смотру войск. Однако образ Марии не исчезал, да и не мог исчезнуть, учитывая, что их любовная связь продолжалась впоследствии без малого пятнадцать лет... Да, он не раз заставлял игривую польку с другими мужчинами, но прощал подобные шалости, якобы поверив её насквозь лживым оправданиям. Он действительно многое прощал этой красавице, оказавшись в её хитро-сплетённых тенётах.

Машенька, так ласково Александр её называл, родила ему дочь Софью. Появление у императора ребёнка от фаворитки не стало при дворе тайной, подобное случалось довольно часто и обществом не осуждалось: мол, чего уж там, дело-то житейское. Сам Александр оправдывал своё поведение тем, что законная жена так и не смогла родить ему наследника престола. Две появившиеся за время его официального брака девочки умерли в младенческом возрасте. Поэтому всю свою отцовскую любовь Александр перенёс на Софью, окружив внебрачную дочь вниманием и заботой. Интересовался он и родившимся позднее Эммануилом, которого после долгих сомнений тоже признал своим. При встречах со своим дальним родственником Нарышкиным он неизменно спрашивал, здоровы и нуждаются ли в чём-либо его дети? И Дмитрий Львович, грустно улыбнувшись в пышные усы, отвечал вопросом на вопрос: «О чьих детях печёшься, государь, моих или твоих?» Александр вдруг вспомнил, как, подписывая указ о назначении Нарышкина обер-егермейстером, он в присутствии своих секретарей и советников вслух произнёс язвительную фразу: «Так как я поставил ему рога, то пусть он теперь и заведует оленями...»

Исходяв вдоль и поперёк весь свой кабинет, Александр вновь уселся за стол и углубился в изучение пришедших в его адрес бумаг. Прочитывая каждую из них, он неизменно в верхней части оставлял резолюцию и роспись, причём почерком, который вполне мог бы стать ярчайшим примером каллиграфического искусства. Видимо, домашние учителя, которые в своё время занимались обучением Александра и его брата Константина, не зря ели свой хлеб.

Раздался робкий стук, и в приоткрывшуюся, украшенную резьбой деревянную дверь просунулась голова одного из дежурных его личной охраны:

– Пакет Вашему Величеству, велено вручить лично.

Император жестом руки призвал охранника к себе и, забрав у него скреплённый сургучом конверт, торопливо его распечатал. Мария Нарышкина сообщала, что два часа тому их дочь Софья скончалась от «грудной болезни во цвете молодости и красоты, как раз накануне свадьбы с графом А. П. Шуваловым».

Александр леденящим шёпотом прочитал эти слова ещё и ещё раз. Он подрагивающими ладонями обхватил своё лицо, вмиг побледневшее от страшной вести, и зарыдал горестно и громко. Это были даже не рыдания, а какой-то орлиный клёкот вперемешку с протяжным звериным рыком. Неистово крестясь, император сполз с кресла на пол и, встав на колени, стал причитать:

– За что, Господи, за что ты наказываешь меня столь жестоко! Возможно, лично я грешен, но... но Софьюшка, этот ангел во плоти, в чём повинна она?..

Слёзы градом скатывались по пухлым, обрамлённым поникшими бакенбардами щекам Александра и капали на сукно мундира, оставляя на нём более тёмные причудливые следы. Император пребывал в столь отчаянном и горестном состоянии, что в эти минуты ему не хотелось жить. И окажись сейчас в его руках стилет, он, не раздумывая, всадил бы его в своё сердце. Ведь та, ради которой ему хотелось жить, совершать благие поступки и сеять добро, покинула этот свет, и покинула навсегда.

Он резко вскочил и подбежал к висящей в дальнем углу кабинета иконе, освещённой тускло мерцающей лампадой:

– Сначала ты забрал у нас с Елизаветой Алексеевной двух дочерей, так и не дав мне потом шанса на наследника. Потом стал забирать детей у Марии Антоновны... и у меня. Трёх забрал... У богоизбранного государя императора, который не дал Бонапарту разорить моё отечество и освободил от власти этого деспота всю Европу... Неужели я не заслужил твоей милости?.. Да, ты подарил мне красавицу дочь, но всё равно забрал её, напрочь лишив меня счастья быть отцом. Чем же я так винен перед тобой, Господи?! Поясни мне, неразумному, подай знак!..

Однако Божий лик безучастно взирал на разбитого горем императора, не собираясь ни утешать его, ни оправдываться перед ним. Покорно склонившись перед иконой, Александр замер, и только его широкие плечи то и дело вздрагивали от пришедшей скорбной вести. Государевы слёзы капали на паркет, и в каждой из них отражалась его уменьшенная в десятки раз согбенная фигура вместе с крошечным огоньком лампадки.

Наконец он поднялся с колен и, достав из кармана батистовый платок, обмакнул им влажные глаза и щёки. Александр вызвал своего секретаря и попросил его срочно разузнать, где сейчас находится императрица. Оказалось, что она дня четыре тому отправилась в Санкт-Петербург по каким-то срочным благотворительным делам, которыми многие годы усердно занималась вместе со своими фрейлинами. Государь отдал распоряжение готовить экипаж для поездки в столицу. Он увидел, что за окнами Петергофского дворца начал буйствовать июньский дождь, словно сама природа оплакивала кончину его юной дочери, щедро изливая свои печальные чувства.

«А я, я даже не заметил её отсутствия, – не без доли смущения подумал Александр. – Прекрасно помню, какими счастливыми мы с Лизой чувствовали себя в первые годы после венчания. Нас даже называли ангельской парой... А потом как-то отдалились, потеряли всякий интерес друг к другу... Хотя где-то в глубине души я продолжал её любить, оказывал знаки внимания... И она в трудные для меня дни тоже всегда была рядом, подставляя своё плечо, давая мудрые советы... Мы изменяли друг другу, не хранили верность... Мало кто из рода человеческого может устоять перед сим коварным искусом. К сожалению, таковы жизненные реалии, таков запутанный мир человеческих страстей. Но и я, и моя супруга всегда хранили верность Богу, России, её народу. И я безмерно благодарен императрице за столь искренние чувства. Она, пожалуй, единственная в великосветском петербургском окружении оставалась на моей стороне в решении не заключать мира с сидящим в разорённой Москве Наполеоном до полного изгнания его полчищ из России. И это в то время, когда аристократия, словно загипнотизированная личностью французского полководца, пыталась убедить меня принять его мирные предложения...»

За час с небольшим кони домчали императорскую карету в столицу, к величественному Зимнему дворцу, и Александр сразу отправился в покои жены. Елизавета Алексеевна ничуть не удивилась внезапному появлению супруга, да ещё с покрасневшими глазами, взиравшими на всё опустошённо-горестным взглядом.

– Меня известили о твоём... о нашем горе... – императрица подошла к мужу и прижалась к его широкой груди, пытаясь утешить своим искренним сочувствием. – Мы ведь пытались Софье помочь, не правда ли? Оплачивали её поездки на лечение в Крым и за рубеж, но коварная болезнь взяла верх, и Всевышний прибрал её к себе. А ранее он прибрал двух ангелов – наших с тобой дочерей! Он всегда забирает лучших...

– Получается, все те, кто остаётся на грешной земле, худшие?..

– Просто их черёд ещё не наступил. Рано или поздно уйдут все: я, ты, каждый, кого нам довелось повстречать – случайно или намеренно...

Елизавета Алексеевна, взяв мужа под руку, подвела к небольшой изящной софе и, усадив его, сама устроилась в стоящем рядом кресле с такой же шёлковой обивкой.

– Хочу с тобой посоветоваться, Элиз, – глядя прямо в ясные, как небеса в солнечный день, глаза императрицы, проговорил на французском Александр. – Ты же знаешь, я давно об этом мечтал, мы вместе с тобой мечтали... Но я как-то не решался... Не мог вдруг взять и переступить через возложенную на меня миссию, через долг, который я исправно выполняю уже без малого четверть века...

– Не совсем понимаю, о чём ты, Александр Павлович? – тоже по-французски спросила императрица.

– Я пытаюсь объяснить. Ведь на всей земле не существует человека, который бы так понимал и чувствовал меня, как ты. Сегодня я сломался... моё сердце сжалось от горя и остановилось... Я даже не знаю, забилось оно снова или нет... Я чувствую себя эдакой сомнамбулой... В общем, хочу, точнее, я принял твёрдое решение – отречься от престола. Приобретём дом где-нибудь на юге – тебе ведь ввиду слабого здоровья доктора прописали юг – и будем жить там с тобой как частные люди, наслаждаясь полной свободой действий и общением с природой.

– Милый, я поддерживаю твоё... точнее наше, обоюдное желание, – прошептала Елизавета Алексеевна, и на её щеках заблестели слёзы радости. – Ведь я страстно желала этого с первых дней нашего знакомства. Скажу, как на исповеди: меня всегда тяготили обязанности, коими наделена российская императрица, всё то, что я должна была делать не по зову души, а потому, что это предписано определёнными правилами и вековыми устоями. Потому что превыше всех богатств – это свобода, опьяняющая свобода делать всё, что ты хочешь, и жить так, как ты хочешь. Именно это дороже модных нарядов, денег, дворцов, золота и бриллиантов...

Александр поднялся с софы в свой полный гренадерский рост и, притянув к себе хрупкую супругу, поцеловал её в чуть припухлые губы.

– Ты, Элиз, единственная на всём белом свете, кто меня понимает... После похорон Софьюшки я сразу же отправлюсь в Таганрог, а потом, возможно, и в Крым – там, прямо на берегу моря, я посмотрел имение... Врачи не раз говорили, что сырой петербургский климат тебе не подходит. Нужен тёплый, залитый щедрым солнцем юг. Вот там мы вдвоём и проведём отпущенное нам Провидением время.

– Неужели это произносят твои уста, Алекс?

– Просто я созрел... созрел круто изменить и свою и нашу с тобой жизнь...

ГЛАВА 4

РУСЬ ИСКОННАЯ И РОДНАЯ

Семейство Нарышкиных пожелало провести обряд погребения дочери по давней старославянской традиции – в белоснежном подвенечном наряде. То есть они таким образом как бы представляли Софьюшке, почившей накануне свадьбы, возможность выйти замуж, чтобы её девичья душа могла обрести вечный покой. Александр поначалу возразил такому противоестественному переплетению траура с весельем, но потом согласился, настаивая лишь на том, чтобы поминки по усопшей прошли именно как поминки, а не как свадебные гуляния. И так, как он попросил, всё и свершилось.

После похорон дочери Александр надолго впал в меланхолию и глубокую печаль. Душа его словно покинула тело, и он продолжал жить по инерции. Император потерял интерес не только к обычным человеческим радостям, но и к управлению государством, переложив свои функции на исполнительного и жёсткого графа Аракчеева. Этому человеку государь поручил проведение крестьянских и военных реформ, вызвавших широкое недовольство в обществе.

Тиски великого горя отпустили Александра только два месяца спустя, и он сразу же отправился на Урал. По пути посетил ряд городов российской глубинки, побывал на Златоустовских заводах, оружейной фабрике и крупном золотом прииске... Странствия государя, который сам себя называл не иначе как «жителем коляски», продолжились и в новом 1825 году. Поездки по стране отвлекали от грустных дум и громоздящихся проблем, принося свежие впечатления и эмоции, обладающие удивительно живительными силами.

Как только император вновь возвращался в Петербург, настроение у него портилось: он начинал нервничать, совершать необдуманные поступки или замыкался в себе, не желая никого видеть и

слышать. Вот почему он с таким желанием отправился в поездку на юг. Там, близ моря то ли Азовского, то ли Чёрного, государь лично хотел подыскать место для пребывания императрицы Елизаветы Алексеевны, которой было предписано сменить климат, причём как можно быстрее.

В дальний путь Александр в сопровождении свиты отправился глубокой ночью. Первую остановку царский конный поезд сделал возле Александро-Невской лавры. Император проследовал внутрь и был сопровождён к гробнице Александра Невского, в честь которого по воле своей бабушки был назван при крещении. Возле его мошей он помолился, попросив у Господа и святого поддержки и защиты. После этого государь пожертвовал монастырю свечей, ладана и масла почитай на год вперед.

Вторую остановку Александр сделал при выезде из Санкт-Петербурга возле заставы с полосатой будкой, со шлагбаумом и двумя застывшими навтыжку солдатами. Он вышел из кареты и погрузившим взглядом долго смотрел на покидаемый им город, словно прощался с ним навсегда. Мысли в голове переплетались и путались, нагоняя отчаяние и вызывая докучливую мигрень.

Перекрестившись, император сел наконец в карету. Кучер щёлкнул кнутом, и лошади, дружно тронув экипаж с места, стали прибавлять в беге, оставляя за собой лишь клубящиеся облачка пыли. Поплыли до боли знакомые пейзажи: покатые холмы с пасущимися коровами, рощи и левады, деревеньки с церквушками и речки с переброшенными через них бревенчатыми мостами. Русь – обескураживающая великолепием и нищетой, яркими умами и вековой отсталостью, имперской мощью и светлыми улыбками юродивых. Русь – совершенно не понятная иноземцам, всегда ненавидящих её культуру, веру, трудолюбие и милосердную душу. Вот она за окнами – неоглядная Русь, исконная и такая родная его сердцу земля...

Мигрень как-то сразу отступила, и Александр, удобно устроившись на мягких диванных подушках, задумался, за сколько дней его кавалькада покроет расстояние до портового города Таганрога. «От столицы до тех мест где-то полторы тысячи вёрст будет, а то и более, – в уме подсчитал он. – Минимум – три недели, а то и месяц пути. И это хорошо, потому что жизнь, как подметил один философ, – есть движение!»

Уже оставив далеко позади северную столицу и передвигаясь по почтовому тракту, Александру пришла мысль осуществить наконец давнишний наказ матушки своей Марии Фёдоровны: встретиться со старцем Серафимом Саровским, монахом-затворником Дивеевского монастыря, что находился в далёком Темниковском уезде Тамбовской губернии. «Конечно, придётся вёрст на двести отклониться от намеченного маршрута, но встреча с таким человеком того стоит. Быть может, дар его провидческий поможет мне принять трудное решение о передаче власти, – размышлял он. – Но для этого я более чётко увидеть должен, что впереди ждёт Россию, её племена, род мой Романовых? Туда ли мы движемся, или у державы нашей свой особый путь? От кого ждать нам бесовских козней и подлостей? Ибо нет у меня в душе тишины и мира...»

Александру было известно, что родители его в своё время ездили к некоему монаху-тайновидцу Авелю и имели с ним сокровенные беседы на особо заботящие их темы. Тот выдал также монаршей чете и пророчества, явившиеся ему раньше срока на век, а то и полтора, кои он посчитал долгом своим письменно изложить для пользы государственной. Многие его предсказания пугали, внушая жуткий страх перед таинственным грядущим.

От матушки своей Александр знал, что в Гатчинском дворце есть небольшая зала, в центре которой на пьедестале стоял ларец, украшенный затейливыми узорами. Он был заперт на ключ и опечатан. В нём хранился конверт, собственноручно вложенный туда Марией Фёдоровной, якобы по велению её супруга Павла, незадолго до его насильственного свержения с престола и убийства группой заговорщиков. На конверте рукой императора было начертано: «Вскрыть Потомку нашему в столетний день моей кончины». Именно в этом конверте, ожидая своего часа, хранились пророчества того монаха, наделённого самим Всевышним даром провидения...

В ту памятную для его матушки встречу монах посоветовал ей обязательно побывать и в Дивеевском монастыре, где в ежедневных духовных трудах проводит дни свои монах Серафим. «Не погрешу перед истиной, – признался императрице тогда Авель, – но Серафим ещё яснее и далее, чем мне Господом дозволено, видеть горазд». Эти слова матери врезались в его мальчуковую память, и теперь, вдруг вспомнив их, Александр загорелся желанием побеседовать с удивительным старцем. Это была не глупая прихоть, а задача государственного значения, твёрдое убеждение, что такие знания в итоге помогут ему принять единственно правильное решение.

В середине третьей недели путешествия император и вся его разноликая свита пересекли границу Тамбовской губернии, где их встретил местный генерал-губернатор Александр Дмитриевич Балашов, герой войны с Наполеоном, во время которой он находился при Александре порученцем по особо важным делам, за что тот по завершении военной кампании наградил его орденом Святого Владимира I степени.

Встреча Его Императорского Величества со своим давним знакомцем, показавшим себя героически в годы французского нашествия, стала для Александра по-настоящему радостным событием. Но он не столько ударился в воспоминания о былом, сколько детально расспрашивал о нынешних проблемах и их решении. К примеру, ожидать ли к осени достойного урожая, или правительству следует предпринять превентивные меры по предотвращению голодного прозябания народа. Поинтересовался император и настроениями людей: что их заботит, чего опасаются, каких преобразований ждут.

– Нам новые Кондратии Булавины да Емельки Пугачёвы ни к чему, – обратился он к Балашову и сопровождавшим его чиновникам. – Они только власть на местах и в центре порочат да дело своё чёрное на радость врагам нашим вершат. Ведь ослабления Российской империи и поляки, и англичане, и шведы, и турки, словно голодная волчья стая, ждут. Но не дождутся!

– Мы от столичной жизни, слава богу, далече находимся. А потому у нас, государь, всё тихо, спокойно. Нет тут ни масонов, ни тайных сообществ, не говоря уже о бунтовщиках и смутьянах, – постарался успокоить высокого гостя Балашов.

– Ещё проблема из проблем – крепостное право. Одни советуют мне его отменить. Мол, оно – вериги, которые не дают державе нашей развиваться. Другие убеждают, что крестьяне к такому повороту пока не готовы. Не привыкли они что-либо решать самостоятельно, в основном на барина уповают. Это всё одно, что дитя малое от мамкиной сиськи отлучить – не выживет оно само.

– Непростой вопрос, Ваше Императорское Величество, ох непростой! С одной стороны, конечно, народная инициатива весьма полезна, а с другой – как бы она нам потом боком не вышла. Народ, коли поведья ослабить, такое творить начинает. Вы вот давеча сами изволили Кондратия да Емельку вспомнить. Крепко они в своё время народ взбаламутили...

Местные чиновники одобрительно закивали головами, поддерживая тем самым слова, сказанные Балашовым. Император любил подобные беседы и находился в приподнятом расположении духа. Обведя всех присутствовавших взглядом, он, как бы подводя итог обсуждаемой теме разговора, произнёс:

– Демократия на принципах равенства и свободы – безусловно, вещь прогрессивная, но Россия до неё пока не доросла. Не вижу смысла в том, чтобы деспотизм свободы сменил деспотизм монархии. Я вижу смысл в другом: возвести Отечество наше на верх славы.

Все захлопали и дружно подняли бокалы во славу Российской империи.

После обильного ужина Александр поделился со своим тёзкой горячим желанием пообщаться с монахом-провидцем Серафимом.

– Коль уж я, преодолев столько вёрст, оказался на тамбовской земле, грех с таким разумником и прозорливцем не поговорить. Уж больно много решений ответственных мне принимать приходится, потому, уверен, информированность подобная не помешает.

Балашов пообещал завтра же организовать такую встречу, высказав желание самолично сопроводить императора в Дивеевский монастырь, в полутора вёрстах от которого на живописном берегу речки как раз и находилась обитель старца. Стремясь к затворничеству, Серафим в тридцать четыре года удалился в пустынь, чтобы уйти от мира и всё время проводить в молитвах. Он был убеждён, что только постоянное общение с Богом делает его по-настоящему свободным и счастливым.

– К старцу нашему со всей Руси люд православный стекается. Он ведь целитель знатный, словом Божьим, человеколюбием, травами и водой родниковой от любых хворей излечивает, – с нескрываемой гордостью стал рассказывать Балашов. – Не обессуди, Государь, но водички из чудотворного источника, что преподобный Серафим своими собственными руками облагородил, советую обязательно испить. Ну а в путь-дорогу мы ещё пару бочонков воды сей живой обязательно наполним.

Ещё не забрезжил рассвет, Александр в сопровождении Балашова и четверых конных казаков из его конвоя отправился в Дивеевский монастырь. Императору было доведено, что при благоприятном стечении обстоятельств, связанных в основном с вычурами погоды, добраться до места можно будет часов за девять-десять, и то на почтовых. Потому как если случится ливень, то придётся оста-

навливаться на ночлег в одной из деревень – не пробиться карете сквозь грязь непролазную, только лошадей загубить можно.

Поехали без многочисленной свиты, причём не на императорской карете, а на широкой повозке на четырёх колёсах с кожаным верхом – эдакая помесь кибитки с тарантасом. В пути Балашов рассказал императору, что тракт Тамбов – Саров, находившийся в ведении Тамбовской епархии, обеспечен станциями, а следовательно, подставами¹, и передвижение по нему достаточно оживлённое. Простой люд и монахи двигались в Саров пешим ходом, а вот люди состоятельные и архиереи Тамбова – на почтовых. Ямщик на очередной станции, заслышав перезвоны колокольчика, запрягал лошадей, прибывшие перепрыгивали из тройки в тройку, и свежие лошади тут же пускались в галоп. Так что тройка продолжала оставаться наиболее удобным и быстрым видом транспорта.

Тронулись и вскоре выехали на тракт, освещённый мягким светом ещё не угасшего месяца. По пути давние знакомцы вспомнили былое: яркие эпизоды Бородинского сражения, охваченную пожарами Москву, в которой, как в ловушке, оказался Бонапарт, позорное бегство его спесивых вояк, победное шествие русской армии по Европе аж до самого Парижа... Ну и, конечно же, высокие государственные чины не могли не коснуться волнующих их политических тем. Отечественная война в итоге коренным образом изменила расстановку сил в Европе, перекроила государственные границы, вынудила сильных мира сего сесть за стол переговоров, чтобы совместно разработать иную архитектуру дальнейшего сотрудничества держав. Всё менялось стремительно и неотвратимо и поэтому вызывало страхи как в правящих кругах, так и у аристократии. Политический бомонд Европы был весьма удручён победой России, подарившей народам целого ряда стран свободу от тирании «французского революционера». Получив её, они пришли в замешательство, не зная, что теперь с нею делать и по какому ветру держать нос. Деятельность завязтых интриганов и лжецов почему-то дала сбой, и грозный русский медведь в очередной раз наступил им своей когтистой лапой на горло, да так, что перехватило дыхание...

Александр очень гордился, не скрывая этого, тем, что за годы его правления Российская империя приросла обширными территориями и населением. И Пётр Великий, и бабушка, Екатерина Вторая, сделали очень много во благо России, но и он, Александр, не ударил в грязь лицом. За время своего правления добился присоединения к ней Восточной Грузии, Менгрелии, Гурии, Имеретии и ряда закавказских ханств. В состав империи вошли также Финляндия, Бессарабия и большая часть Польши. Такая её откровенная политико-экономическая экспансия заставляла правителей других государств нервничать, а в отдельных случаях спешно сколачивать антироссийские коалиции. Ведь мощно развивающаяся держава, имеющая выходы во все окружающие её моря, им была не нужна – она пугала своими возможностями и непредсказуемостью.

Разгорячившись темой, которая давно не давала Александру покоя, он, энергично жестикуюлируя, рассуждал:

– Из века в век европейцы называют нас свирепыми казаками, дикарями, азиатскими варварами. Они не хотят признавать нас такими же равноправными жителями европейской цивилизации, как они сами. Всегда стараются говорить свысока, через губу, менторским тоном, словно патриций с плебеем. Их уже поседевшие от времени мечты – затормозить наше развитие, принизить достижения и успехи, втоптать в грязь наши духовность и культуру, сеять смуту и плести заговоры внутри, поссорить с соседями снаружи... Однако на территории, которая простирается от наших западных рубежей до Уральского хребта, поместится семь Франций, девять Швеций, более тринадцати Италий. Да на ней вся Европа со всеми своими империями, протекторатами и княжествами поместится. Это не мы – восточная окраина Европы, а они – её западные задворки!

– Помните, как, выполняя условия перемирия, французская регулярная армия покинула Париж и в город вошли русские войска вместе с подразделениями союзников? – ударился в воспоминания своей молодости Балашов. – Столичные жители со страхом ожидали, что начнутся мародёрство, кутежи, насилие. Однако ничего этого не произошло. А ежели кто и затевал подобное, наказан был, и строго! Французы глазам своим не верили: на их землю пришли «азиаты», а ведут себя великодушно, без каких-либо бесчинств и эксцессов. Удивили мы их тогда, и здорово! Особенно вы, Государь. Они думали, что русский император в Елисейском дворце поселится, а он выбрал скромный особняк дипломата Талейрана. Полагали, что с огромным кортежем разъезжать будет, а он без охраны гулял

¹ Подстава – лошади, приготовленные на пути следования для смены уставших.

по Елисейским Полям, добродушно беседуя с парижанами. Да такого не мог себе позволить даже их бывший император!

– Вот это их и пугает. Не могут они прочесть наши мысли, а уж тем более понять логику нашей души. Из разного теста Господь нас сотворил – и, видимо, не случайно...

Пока экипаж, сопровождаемый конным конвоем, двигался по степной местности, он поднимал вверх густые клубы пыли. Но потом дорога пошла через сосновый лес, где пыли не было вовсе, и она перестала докучать. На всём протяжении движения по обочине тракта в сторону монастыря шли богомольцы. Каких только калек они не тащили в самодельных тележках в надежде на их исцеление или хотя бы облегчение их участи.

Где-то часа за два до приезда в монастырь мчавшая императора тройка поравнялась с молодой бабой на придорожной обочине, которая рыдала, воздевая руки к небесам. Она стояла на коленях рядом с распростёртым на траве худеньким телом девочки лет десяти-двенадцати. Несчастная судорожно изгибалась и дёргалась, а из её рта шла пена.

Александр попросил кучера остановить лошадей и выскочил из повозки, следом за ним спешно последовал и Балашов.

– Что стряслось, болезная? – поинтересовался у голосящей бабы император.

– Дарья, дочка моя, помирает. Точно бесы в неё вселились и душу вытягивают.

Александр опустился перед судорожно дёргающейся девочкой с перекошенным побледневшим лицом и развернул её на бок. Затем достал свой носовой платок и обтёр ей рот. Тем временем мать, прекратив голосить, туго свернула в скатку цветастую шаль и подсунула её под голову дочери.

– Раньше с ней подобное случалось? – спросил у женщины Балашов.

– Было, барин, раза три уже было... Потому и решила к Серафиму отвести... Чтоб он молитвой праведной бесов энтих изгнал.

– Судя по всему, у девочки падучая, – сказал Александр. – Держите её за ноги и руки, чтоб она себя не покалечила. Сейчас приступ закончится.

Мать стала придерживать ноги, а генерал-губернатор – руки девочки. Как только судорожные движения стали угасать, Балашов поинтересовался:

– Сами-то откуда?

– Спасские мы, – ответила баба.

– Это вы, почитай, уже полтора ста вёрст прошли. Ещё сутки, не меньше, идти осталось...

Минут через пять Дарья стала приходить в себя: конвульсивные движения прекратились, она открыла ясные, как озёрная синь, глаза и удивлённо осматривала окруживших её людей.

Император улыбнулся и, обхватив девочку обеими руками за худенькие плечики, поставил на ноги, поинтересовавшись, как она себя чувствует.

– А я что, упала? – спросила Дарья.

– Такое бывает, – улыбнулся Балашов. – Иной раз и на ровном месте споткнуться можно.

– Поедете с нами, – сказал император и кивнул в сторону своего экипажа. – А то вы к старцу и через сутки не дойдёте.

Крепкая, широкобёдрая и грудастая баба, на вид ей было не больше тридцати, стала отнекиваться от столь заманчивого приглашения, но потом, осеняя спасителей дочери крестными знаменами, всё же согласилась. Она понимала, что повстречавшиеся ей в дороге господа, облачённые в дорогие военные мундиры, птицы высокого полёта, но то, что один из них всероссийский император, явно не догадывалась.

Ближе к вечеру тройка с высокими гостями подъехала к монастырским стенам, за которыми виднелись купола церквей с золотыми крестами, а затем стала спускаться вниз к реке, где в собственноручно срубленном ските обитал, врачевал и молился старец Серафим. Видимо, предчувствуя скорые отдых и кормёжку, кони бежали очень резво и через несколько минут остановились возле его обители.

– Александр Дмитриевич, – обратился к Балашову император, – не в службу, а в дружбу попроси старца Дарьюшку посмотреть.

– Так ты же, Александр Павлович, с ним тоже побеседовать хотел.

– А я и побеседую, обязательно. Только завтра.

ГЛАВА 5

ОТКРОВЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА

Преподобный Серафим, как и всегда, встал очень рано – ещё до первой зорьки. Он помолился, попросив у Господа физических и душевных сил, прозорливости и мудрости, столь необходимых ему для предстоящей беседы с помазанником Божьим. После чего взял веник и навёл порядок в келье, в которой кроме икон в красном углу, стола с двумя лавками и узкой дощатой кровати больше ничего не было. На столе под горящей свечой лежала Библия в толстом кожаном переплёте. Вся обитель старца была пропитана молитвами и благодатными запахами ладана и воска. Этот скит на берегу реки Саровка, за которой начинался вековечный бор, он срубил сам сразу после того, как взял на себя подвиг пустынножителства.

Старец был поджарым и сухощавым, а лицо обрамляли длинные до плеч седые волосы, усы и окладистая борода. Спина монаха была согбенна и сильно уменьшала его рост. По мнению одних, Серафим стал сутулым от бесконечных поклонов и молитв, по мнению других – от жестоких побоев, которые нанесли ему три пришлых незнакомца. Не найдя в келье никакой поживы, они в дикой злобе стали избивать монаха кулаками и топором. Нанесённые ими раны чуть не лишили его жизни. Однако Серафим чудом выжил, вот только спину его согнуло калачом. Об удивительном старце ходило окрест и много других былей и легенд.

Серафим перекрестился и вышел на крыльцо. Навстречу ему, лучезарно улыбаясь, бодро шёл Александр. Его золочёные пуговицы на мундире и сапоги с высокими голенищами поблёскивали в лучах солнца, появившегося над тёмными верхушками сосен. Государь был без свиты и, судя по всему, из монастыря, где он провёл ночь, шёл пешком.

– Здравствуй, преподобный Серафим! – низко поклонился он старцу.

– Христос воскрес, радость моя!

– Сказывали мне, что ты, будучи великим светильником и подвижником, стяжал дар прозорливости.

– Я, Государь наш благословенный, всего-то грешный раб Божий. Что мне Господь повелевает, то я и передаю требующему. На самом деле я не ведаю, что у моего собеседника на душе, а только верую, что так мне указывает воля Божия для его пользы. То же самое рёк я много лет тому и матушке твоей Марии Фёдоровне. Пусть пребывает она в здравии и радости.

– И тебе, преподобный, здоровья и бодрости на долгие годы.

Старец завёл Александра в келью и, усадив на лавку по одну сторону стола, сам сел напротив – на другую лавку. Потолок в жилище монаха нависал так низко, что рослому императору пришлось идти, глубоко пригнувшись.

– Что привело тебя сюда, за сотни вёрст, мне ведомо, – проговорил Серафим. – Маета души, сомнения и надлом внутренних. Такое с каждым бывает. А уж у государя российского, что в делах и заботах праведных изо дня в день пребывает, тем паче.

– Солдата после двадцати пяти лет службы домой отпускают, а я ведь без малого столько же служению родине отдал. Устал... Россия ныне более чем когда нуждается в государе молодом. А я уж не тот... утомила меня суета каждодневная. Вот и приехал спросить: какая участь мне Всевышним Провидением уготована? Удалиться вовремя или остаться на престоле всероссийском?

Серафим молчал, глядя прямо в глаза сидящего напротив императора, словно считывал его мысли и душевные переживания, наконец заговорил:

– Решение твоё за советом приехать – со всех сторон правильное. Уж больно много всего на кон поставлено. Тебе, помазаннику Божьему, ни Господа, ни народ свой подвести никак нельзя. И то, что сомнения тебя гложут, – хорошо тем паче. Значит, путь к Богу торишь, потому как зарос он лебедой повседневных забот и тревог, переживаний и скорбей... Жизнь, она ведь, как известно, не только лепестками роз усыпана, но и шипами утыкана. Потому не виновать себя в том, что чего-то сделать не успел, а что-то сделал, да не так, кому-то помог, а кому-то не догадался, что ошибался... Не ошибаются только лоботрясы завзятые, и то потому, что никогда ничегошеньки полезного не делают...

– Но я ведь... – попытался что-то сказать Александр, однако старец поднятой вверх рукой не дал ему этого сделать и продолжал:

– Мысли верные и благородные Господь тебе посылает, да и силами физическими и духовными наделил сполна. А то, что опоры и поддержки ищешь со стороны супруги своей, порыв богоугодный. Нет на земле ни в наших, ни в чужих пределах человека, любящего тебя так, как она – всем сердцем, всей душой. Направлена царевна была тебе не случайно и крест свой несёт подобающе и достойно. Жаль, что не взял ты её с собою.

– Однако наследника престола так и не произвела, – возразил старцу Александр. – Двух дочерей родила, но и их Господь ещё в младенчестве прибрал.

– На всё воля Божия. А дело твоё многотрудное, когда час придёт, один из младших братьев достойно продолжит.

– Брат мой Константин от престолонаследия отказался, Николай – тоже не очень стремится на себя сей тяжкий груз взваливать.

– Воля же Господня такова: не следует тебе от престола всероссийского отрекаться. Деяние сие только врагам нашим службу сослужит. В Европах хоть и не очень тебя любят, а всё одно «царём царей» нарекли. А царь царей хандре и слабостям подвергаться не должен.

– Значит, служить мне ещё, как тому медному котелку? – полюбопытствовал у собеседника император.

Вдруг затрещала и стала мерцать лампадка под иконой Богоматери. Старец с приткостью, совершенно не соответствующей его солидному возрасту, подхватился и спешно поменял порожнюю лампаду на заполненную елеем. Несколько раз перекрестившись, он прочитал перед святым ликом Матери Христа короткую молитву и воротился на место.

– Править будешь столько, сколько тебе Господом отпущено. Не мне, рабу Его грешному, оглашать конечную дату твоего царствования. Одно могу сказать: имя твоё ещё при жизни золотыми буквами на скрижалях истории начертано и навечно там останется.

– И всё же я хотел бы узнать эту дату.

– Не всё мне открывается. Многое так и остаётся в тумане времени... Вижу тебя, причём смутно весьма, под иной личиной. Уже не как императора всероссийского, а как... монаха-отшельника, вроде меня... Люди к тебе тянутся, хотят слово заветное услышать или исцелиться... Почему-то Феодором тебя кличут. Феодором Кузьмичом... Но ты это или не ты – не разобрать...

Махнув рукой, старец словно отогнал видение и вновь поднялся со своего места. Прошагав к дубовой бадье, он зачерпнул из неё черпаком воду и, осторожно перелив её в серебряный стакан, принёс и поставил его на стол перед Александром.

– Родниковая, от любых хворей лечит и усталость на раз снимает.

Император поблагодарил и отпил несколько глотков той самой «живой воды», которую по пути сюда ему так нахваливал местный генерал-губернатор.

– А скажи-ка мне, Серафим, что с девочкой той, которую мы вчера с Балашовым привезли?

– С Дарьюшкой... Падучая у неё... Созревает она, взрослеет, вот падучая и обнаружилась. Недуг нехороший, но жить можно. Люди вон без обеих ног или рук живут... Я ей отвар дал из трав целебных, он в таких случаях помогает. Жалко Дарьюшку, однако избавить от недуга сего её только Творец всего сущего может.

– Спасибо, преподобный, за доброту твою и сострадание, – поблагодарил старца Александр.

– Это я благодарить тебя должен. За душу твою светлую, милосердную. Ни девчушка, ни мамка её ведать не ведали, кто им вчера руку помощи протянул.

Посидели молча, погрузившись в обуревавшие каждого мысли. Первым вернулся в реальность Александр, который обратился к старцу с вопросом очень важным и насущным:

– Многое меня тревожит, но первое всего судьба державы нашей великой. Уж больно много недугов вокруг неё злым воем воют да оружием бряцают. Можешь ли ты, преподобный, взором своим пророческим, умом праведным охватить времена ближайšie и более отдалённые?

Старец на какое-то время снова ушёл в себя, и его благообразное лицо сразу сделалось серьёзным, а во всегда просветлённом взоре поселилась вселенская печаль.

– Не покривлю душой, Государь, тяжкие грядут времена. В северной столице бунт великий зреет. Завершится он кровопролитием, ну а для главных зачинщиков – виселицей и ссылкой далёкой. Позднее в море, что Чёрным зовётся, битва случится – неудачная и позорная для России. Англичане, французы и османы своего добьются, правда, ненадолго... Но враги наши извечные не оставят Рос-

сию и будут кружить вокруг неё, аки вороны над полем брани. Большая война начнётся и страшная революция. Бунты разинский и пугачёвский – ничто в сравнении с тем, что тогда случится... Погибнет множество верных отечеству людей, реки крови русской прольются. Повсюду люди будут не созидать, а рушить, грабить и осквернять... Не избежат сего ни церкви, ни монастыри... С приходом антихриста начнутся гонения на христиан, и ангелы едва будут поспевать брать их души.

Глаза старца наполнились влагой, а на щеках заблестели скупые слёзы. Горестное предчувствие мгновенно передалось и императору, словно он вместе с Серафимом оказался вдруг в том страшном и жестоком будущем.

– Выходит, труды наши бессмысленны и тщетны, если весь мир в итоге погибнет? – прямо спросил Александр. – Неужели весь смысл жизни на нашей грешной Земле лишь в том, что жизнь исчезнет?

– Люди одумаются, сплотятся и вернуться к идеалам веры. Расцветёт страна. Не только нам у иностранцев придётся учиться, а им доведётся бывать в нашей земле да учиться у нас и вере, и трудолюбию, и благочестию. Господь помилует Россию, и она станет превыше всех царств земных.

Император встал и, пригнув голову с большой плешью надо лбом, прошёлся по келье, остановился напротив икон и трижды осенил себя крестным знаменем. Вернувшись на место, изрёк то ли всерьёз, то ли в шутку:

– Вначале страхов на меня нагнал, все казни египетские описал, а под конец решил елей в уши влить?

– Всё, что тебе изложил, говорил как на духу, – спокойно глядя государю в глаза, отвечивал тот. – Какими дали дальние мне открылись, такими я их узрел и описал. Потому как сказы сказывать не умею, не моё сие занятие.

– И всё же после беседы нашей предельно откровенной, остался я в большом замешательстве: выживет ли держава наша, или не будет ей спасения? Радостна её планида или печальна?

– Уготовано ей через сонм страданий пройти. Держава наша не только выживет, но и закалится духовно, окрепнет материально, мощью ратной превзойдёт все иные царства земные. Бог будет медлить с помощью, но потом окажет её сполна. Так что умерь свои опасения и страхи, а положишься на волю Создателя всего сущего. Невозможное человекам, возможно Богу – таков высший закон.

Александр снова встал с лавки, показывая тем самым, что беседа завершена, поднялся и старец.

– Ведомо мне, что в последние годы стали тебя суставы беспокоить. Дам я тебе от сей хвори мазь чудодейственную на барсучьем жиру. Сам её готовлю, давно применяю и пользу превеликую чувствую.

Старец направился в дальний угол кельи и, сняв с полки глиняный горшочек с обёрнутым пергаментом горлышком, протянул его государю.

– Спасибо, преподобный. Убедился, что ничто от взгляда твоего прозорливого ускользнуть не может – видишь ты и тело моё, и душу насквозь.

Серафим посмотрел просветлённым взглядом в глаза Александра и, осеняя его крестным знаменем, проговорил с лёгкой тревогой в голосе:

– А ещё, радость моя, скажу напоследок: не следует тебе в Крым ехать. Не спрашивай почему, но не следует... Храни тебя Господь!..

ГЛАВА 6

ТРУДНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ С БОНАПАРТОМ

Александр сидел на пустынном песчаном берегу в раскладном деревянном кресле, сиденье и спинку которого заменяла полоска белой парусины. Он задумчиво взирал на идущую от скрытого дымкой горизонта бесконечную череду волн. Море рождало приятную слуху музыку всплесков, перекатываний бурунов и шелеста песка, в которые гармонично вплетались гортанные крики вечно голодных чаек. Словно неприятельское войско, свирепые волны одна за другой устремлялись к береговой линии и, возмущённо вспениваясь, исчезали в песке, оставляя на нём лишь пучки морской травы, ракушки и трепыхающихся мелких рыбёшек.

Пляж заканчивался подмытой морем у основания кручей, на вершине которой, окружённый зеленью, стоял одноэтажный дом, принадлежавший таганрогскому градоначальнику. Точнее, ранее

он действительно принадлежал градоначальнику Петру Афанасьевичу Папкову, который после небольшого ремонта умудрился весьма выгодно продать его городу. Местные чиновники вначале никак не могли сообразить, что делать с этой насильно навязанной им недвижимостью, но потом решили превратить дом у моря во временную резиденцию для высокопоставленных лиц, которые довольно часто целенаправленно посещали сам стремительно развивающийся южный городок или ночевали здесь по дороге в Крым.

Александр вспомнил, что лет семь назад ему уже доводилось останавливаться в этом особняке, и, несмотря на скромность архитектуры и аскетичность внутреннего убранства, здесь было покойно и уютно. В стенах этого длинного одноэтажного здания, похожего на казарму гвардейцев, он вдруг ощутил всю полноту жизни, почувствовал ту нравственную гармонию, которой порой ему так не хватало. В немалой степени его радостному настрою способствовали местная провинциальная неторопливость, дешевизна продуктов, а также морские виды, которые открывались из окон, обращённых к синим азовским далям, или из увитой виноградной лозой беседки во дворе. Чтобы попасть на пляж, нужно было спуститься вниз по длинной каменной лестнице, которую построил и передал в дар городу один из местных меценатов. Она насчитывала 142 ступени и имела 13 площадок. Архитектор специально сделал нижние ступени лестницы несколько шире верхних, поэтому у спускающихся по ней исчезал страх высоты из-за иллюзии, уменьшающей её реальные размеры. Спуск, а затем возвращение домой по крутым ступенькам были своеобразной зарядкой, дарившей Александру бодрость и прекрасный аппетит.

Император, прищурившись, всмотрелся в грозные морские волны, которые в его воображении олицетворяли несметные вражеские полчища, желающие захватить нашу землю. Волны накатывались и накатывались гряда за грядой, чтобы, шипя и пенясь, умереть в прибрежных камнях и толще песка. Одни волны угасали, но рождались новые и новые, устремляясь к берегу, чтобы его захватить и объявить своим.

Аналогичное видение у него возникло летом 1812-го, когда он гостил у Леонтия Беннигсена в Закрете, где генерал построил летний трёхэтажный дворец с мансардами. Александр, удрав от назойливой свиты и сопровождавших его штабных офицеров, бродил тогда по диким берегам реки, и её вздыбливающиеся ветром волны казались ему вражескими лазутчиками, которые вот-вот с дикими криками начнут выпрыгивать на берег, убивая и круша всё, что возникало на их пути.

Он прогнал прочь глупые видения и вдохнул полной грудью. Вроде бы ничего особенного: журчит речка, листва трепещет, лёгкий ветерок обдувает лицо и шевелит бакенбарды, а ты остро ощущаешь всю полноту жизни. «Господи, как же я завидую всем тем, кто живёт тихой частной жизнью! Эти счастливики не несут на своих плечах ответственность за огромное государство, за народ, его настоящее и будущее... Они не переживают по поводу ошибок в принятии политических решений, проводимых военных действий или так и не проведённых до конца экономических реформ... Ну почему, Господи, ты послал мне столь тягостные испытания, сотворив меня принцем крови, прямым наследником престола?..»

Он наслаждался своим временным одиночеством, которого так всегда не хватало. Свобода, подаренная ему побегом на лоно дикой природы от суетности и цивилизации, опьяняла, пожалуй, куда сильнее шампанского «Вдова Клико» или бургундского.

Продираясь сквозь густую поросль, Александр споткнулся о притаившийся в густой траве пенёк и кувыркком полетел с прибрежной высоты вниз. От падения в воду его спасла толстая ветка, за которую он успел ухватиться обеими руками. Подтянувшись, а силушкой природа его не обидела, император изловчился и не без труда выбрался на край крутояра.

– Чем не вражеский лазутчик, – рассмеялся он и неторопливо пошёл дальше к тому месту, где река, несущая свои воды к Неману, делала крутой поворот.

Здесь его и нагнали два запыхавшихся офицера, которые сообщили, что сегодня наполеоновские войска начали переходить Неман, нарушив тем самым все ранее подписанные договорённости с Российской империей о мире и взаимопомощи.

«Бонапарт посмел ступить на нашу землю. Следовательно, все обещания, данные им ранее, ныне не стоят и ломаного гроша! Таковы нравы политиков, замешанные на подлости и цинизме!..» – подумал он тогда и вместе с офицерами, принёсшими мрачную весть, торопливым шагом направился в сторону генеральского дворца, чтобы отдать все соответствующие моменту распоряжения, как требовали его высокий статус и долг...

Император вдруг вспомнил свою первую встречу с Наполеоном Бонапартом. Она состоялась близ Тильзита, посреди реки, на плоту, посреди которого возвышался, обтянутый парусиной небольшой павильон. Александр добирался до места встречи на лодке со своего берега, Бонапарт на таком же плавсредстве – с противоположного. Длилась эта встреча чуть больше часа, но поговорить с человеком, который тогда был для Александра образцом для подражания, удалось об очень многом.

«Почему я согласился встретиться с главным узурпатором Европы?.. Потому, что был крайне удручён разгромом наших войск под Аустерлицем и нашими дипломатическими промахами. Я понимал, что русская армия нуждается в реорганизации и перевооружении, но на это требовались время и средства... – Александр мысленно прокручивал ситуацию, сложившуюся в тот период. – Пришлось начать переговоры с Наполеоном, чтобы добиться хотя бы временного мира. Кроме того, я был намерен сохранить вдоль российских границ защитную зону, обезопасив таким образом нашу территорию от вражеского вторжения... Французы при каждом удобном случае пытались нам диктовать позорные, а потому неприемлемые условия, и я не мог допустить превращения России во французскую провинцию вроде Пруссии или Австрии. Об этом меня не раз предупреждала и мать, упрекая подчас в нерешительности и принимаемых полумерах. А Константин горячо убеждал вступить с непобедимым корсиканцем в переговорный процесс о мире и пойти на уступки. В принципе, и мать, и брат оказались правы. Наша армия была дезорганизована, из ряда вон плохо доставлялись провиант, фураж и боеприпасы, а новобранцы не могли заменить павших в битвах ветеранов. Вот тогда я и направил своего адъютанта в Тильзит договариваться о встрече двух императоров...»

Александр вновь вернулся в реальность. Он увидел, что небосвод над морской стихией очистился от туч и посветлел, и на душе тоже стало как-то легче и светлее. Вдыхая полной грудью целебный запах южного моря, он вновь погрузился в воспоминания о былом, считая подобное состояние признаком приближающейся старости.

«Там, в Тильзите, и состоялась моя первая встреча с Наполеоном. Я пытался сохранить внешнее спокойствие, но сердце готово было выскочить из груди... Мне удалось справиться с волнением, потому что вопрос определения сфер влияния на европейском континенте требовал незамедлительного решения. От этого напрямую зависела безопасность России и всех вновь присоединённых к ней территорий... В итоге родился документ, вошедший в историю как Тильзитская договорённость, за который меня как только ни называли: и прихвостнем корсиканца, и беспринципным соглашцем, и даже предателем отечества... Было доведено также мнение моего знаменитого визави: “Невозможно быть умнее императора Александра, но в его характере есть какой-то изъян, и я затрудняюсь определить – какой”. Любопытное наблюдение! В отличие от Наполеона, я нахожу у себя значительно больше изъянов...»

Тильзитская встреча настолько сильно врезалась в память, что Александр до мелочей помнил её, словно она случилась вчера, в крайнем случае – позавчера. Когда дипломатическая часть разговора была завершена, императоры, как бы психологически прощупывая друг друга, стали дискутировать и на другие темы. Александр был предельно искренним и ждал такого же от своего собеседника, который, как ни странно, вполне оправдал его ожидания.

– Я был воспитан одним из ярых приверженцев идей эпохи Просвещения – республиканцем Лагарпом, – признался русский император. – Мальчишкой с восторгом впитывал в себя изрекаемые им главные принципы этого переломного времени: равенство людей перед законом, свобода каждой личности, осуществление демократических преобразований, вера в безграничные возможности разума... Я всем сердцем поддерживал эти идеи, но когда занял трон...

– ...ты понял, что все эти идеи не более чем политическая трескотня, – перебил Наполеон с ехидцей в голосе. – «Свобода! Равенство! Братство!» – красивые слова, которые пробирают до слёз, но ведут общество к анархии и экономическому краху. В итоге монархи остаются не у дел, уподобляясь шекспировскому королю Лиру. Управлять государством нужно исключительно железной волей и твёрдой рукой, а для этого нужна абсолютная власть.

– Но такая власть – прямой путь к деспотии, – возразил Александр. – Один человек не может быть и законодателем, и исполнителем, и судьёй, и главнокомандующим...

– Отчего же? История знает десятки примеров, когда властители превращали свои ничем не примечательные государства в могучие империи. Юлий Цезарь, Александр Македонский, Чингисхан, Карл Великий, Пётр Первый... Не уверен, что они смогли бы осуществить свои планы, если бы

уповали на все эти придуманные для ушей плебса бредни! Кстати, твой покойный батюшка был ярким приверженцем жёстких мер в государственном управлении как во внутренней, так и внешней политике. Наши методы во многом совпадали, что помогло Франции и России сблизиться, а Англии занервничать. Особенно после того, как я возвратил домой русских пленных, захваченных в различных военных кампаниях, предоставив им обмундирование, оружие, боевые знамёна... Ах, если бы наши страны объединились, то через несколько лет весь мир лежал бы у наших ног.

– У меня отсутствует подобное стремление. Я лишь хочу содействовать спокойствию Европы.

– Твой батюшка тоже хотел спокойствия и мира, но кого-то подобная перспектива не устраивала. Павел Первый поплатился за свою политику, а ты, заняв его трон, почему-то обратил свой ясный взор на Англию, Австрию и Пруссию.

– Это дипломатия, и она совершенно не направлена во вред Франции или какой-то другой державы, – возразил Александр.

Российский император вспомнил, как в самом начале своего царствования восторгался Наполеоном, считая его гениальным государственным деятелем и полководцем. Он жаждал с ним познакомиться, хотел походить на него... Да, да, именно такие мысли постоянно посещали его, когда к нему доходили новости из Европы...

«Я даже мог породниться с этим тщеславным “сыном французской революции”, когда тот после переговоров в Эрфурте неожиданно посватался к моей сестре Екатерине. Однако провидение Божье предотвратило этот ужасный брак, который, безусловно, повлиял бы и на дальнейший ход исторических событий...»

Катюша была младше старшего брата на целых одиннадцать лет и, по сути, являлась самым близким ему человеком. Чувства, которые он всегда к ней испытывал, выходили за рамки просто братской любви. Ему нравились её пленяющая красота и живость эмоций, незаурядный ум и глубина суждений, дерзость и упрямство в отстаивании своего мнения. Он всю жизнь переписывался с сестрой, советуясь по весьма сложным и запутанным вопросам международной политики и экономики, в которых, как он считал, сестра разбиралась лучше всех его советников и дипломатов. А ещё он регулярно слал ей нежные письма, изливая в них своё восхищение её красотой и неуёмным любовным пылом... Александр стыдился своей противоестественной страсти, ругал себя последними словами, но ничего поделать не мог, ревнуя сестру к каждому посмотревшему в её сторону мужчине.

С двенадцатилетнего возраста Катюша считалась одной из самых завидных невест Европы. За ней пытался ухаживать Багратион и был безумно влюблён князь Михаил Долгорукий, её руки добивались принцы из Баварии и Пруссии, поэтому не было ничего удивительного в том, что породниться с российской императорской семьёй возжелал и амбициозный Наполеон Бонапарт. Однако великая княгиня Екатерина Павловна была неумолима: «Лучше я выйду за русского истопника, чем за этого корсиканца!»

Первый раз красавица вышла замуж за своего двоюродного брата принца Георгия Ольденбургского, а второй раз – тоже за родственника по материнской линии – короля Вюртемберга Вильгельма I. Тридцати лет от роду Катя неожиданно умерла, погрузив Александра в жуткую печаль и слёзное состояние. Император остро ощутил себя брошенным и совершенно одиноким. Его императрица-мать после убийства мужа во всём произошедшем винила старшего сына и открыто выступала против его политики и проводимых реформ. У него была красавица-жена, которая вроде бы считалась близким человеком и единомышленником, но их чувства друг к другу давно угасли, перечеркнув интимные отношения. У него была любовница, но она была всего лишь объектом страсти – мало того, и он знал это точно, она изменяла как своему законному мужу, так и ему, императору, при любом удобном случае. Да, у него были случайные любовные связи... десятки женщин горели желанием оказаться с ним в одной постели, и оказывались. Но никто из них не стал столь близким для него человеком, как Катюша, человеком, которому бы он безоговорочно доверял, с которым бы мог посоветоваться, излить душу.

«Наверное, одиночество – удел всех коронованных особ. Друзья детства и юности, законные жёны и дамы на час, даже некогда близкие родственники одной с тобой крови по истечении времени отдаляются или настолько обременены каждодневной суетой, что забывают обо всём на свете, в том числе и о бывших дружбе и приязни. Но вот что я стал замечать: насколько непереносимо одиночество в молодые годы, настолько оно приятно в зрелости. Ведь одиночество – это безграничная свобода во всём. Господь Бог тоже одинок...»

Александр почувствовал, что отвлекся от воспоминаний по поводу своих встреч с Наполеоном, которого до переговоров в Тильзите боготворил и любил как старшего брата... Незадолго до смерти, уже будучи узником острова Святой Елены, экс-император французов прислал Александру письмо, в котором признавался в своей любви к российскому коллеге и в лютой ненависти к его стране и народу. Подобное раздвоение сознания Александра совершенно не удивило, так как аналогичным способом мышления обладали практически все монархи больших и малых стран раздробленной Европы. Ненависть к огромной православной стране, нависающей над их карликовыми государствами, процветала всегда, а разбойные планы покорить её безграничные пространства, получив в придачу неисчерпаемые природные ресурсы и рабов, зрели во многих горячих головах, в том числе и в голове воинственного корсиканца.

Бесспорно, Бонапарт был очень умён, образован и красноречив. В присланных им письмах то и дело встречались точные наблюдения и афористичные мысли. Самые яркие и мудрые из них Александр прекрасно помнил до сих пор. Наполеон утверждал: «Самое важное в политике – следовать своей цели: средства ничего не значат. Народ, не желающий кормить свою армию, вскоре будет вынужден кормить чужую. Если поставить баранов во главе львов, то львы баранеют, а наоборот – то даже баран будет иметь львиное сердце. Правительства, в которых высказываются противоположные мнения, годятся, пока царит мир...» Но больше всего Александру понравилась мысль императора французов о том, что «гениальные люди – это метеоры, призванные сгореть, чтобы озарить свой век».

Император поднялся с кресла и, подойдя ближе к бьющимся о берег волнам, с пафосом произнёс, словно именно они являлись его собеседниками:

– Думаю, моё правление стало именно таким и хоть ненадолго озарило темноту этой огромной державы. Моей главной задачей было и остаётся вознести Россию на верх славы и справедливости. Достанет ли мне сил продолжать начатое, не знаю... Душу раздирают усталость и опустошённость.

Он заметил, что по пустынной пляжной полосе по направлению к нему стремительным шагом двигается высокого роста флигель-адъютант.

– Срочная депеша, Ваше Величество, – офицер вытянулся в струнку и вручил императору пакет, скреплённый сургучной печатью с двуглавым орлом. В пакете находилось письмо от её Величества Елизаветы Алексеевны, которая извещала, что, если так будет угодно Господу, то завтра пополудни она прибудет в Таганрог.

В сыром Петербурге, особенно в последние годы, императрице нездоровилось, и лекари советовали ей больше времени проводить на юге, где климат для лёгких и бронхов более благотворный. Месяца два назад, узнав о намерении царской четы на какое-то время уединиться в Таганроге, местный градоначальник тут же отдал распоряжение начать ремонт дома для высокопоставленных гостей и прилегающей к нему территории. Под покои императрицы было отведено восемь комнат, для императора – две. По его просьбе обставлены они были без излишней роскоши – только самое необходимое.

– Ты там передай кому надо от моего имени, чтобы покои императрицы к завтрашнему дню были готовы. Я лично проверю, – проговорил Александр.

Флигель-адъютант тут же рысцой побежал выполнять данное императором поручение, а Александр вновь сел в кресло и погрузился в одолевавшие его воспоминания.

Из глубин памяти, словно из туманной дымки, возник Эрфурт, где состоялась его вторая встреча с Наполеоном. В центре городка высилось стройное здание кафедрального собора, вокруг которого теснились островерхние домики с крышами преимущественно красного цвета. Главный город Тюрингии был избран для встречи двух императоров не случайно: он как раз находился на полпути между Парижем и Петербургом.

После победы под Аустерлицем Наполеону в очередной раз захотелось показать свою военную мощь. Повод нашёлся: щедрые английские субсидии позволили Австрии перевооружить свою армию, и этот факт превратился в реальную опасность как для Франции, так и её союзников в Германии. На дипломатическом поле этот вопрос не нашёл понимания с российской стороны, и поэтому император французов решил встретиться и переговорить со своим российским коллегой.

«В тот период меня очень беспокоила судьба Пруссии. Так случилось, что в руки Наполеона попало письмо прусского министра барона Фридриха Карла фом унд цум Штейна, в котором он утверждал, что стремится к временному союзу с Францией исключительно для того, чтобы получить

передышку, а затем жестоко отомстить за пережитый позор. Наполеон опубликовал это письмо с собственными едкими комментариями во всех подконтрольных ему газетах, поэтому шансов напрямую вести переговоры с “узурпатором” у беспечных пруссаков не осталось. Пришлось мне вмешаться в сложившуюся ситуацию и отправиться на переговоры в Эрфурт. Я считал, что необходимо убедить Наполеона в том, что его и наши интересы во многом совпадают. Эти переговоры мне были нужны исключительно из тактических соображений – мы не были ещё готовы к войне, приход которой, как я понимал, был неизбежен».

Императоры встретились на веймарском тракте. Увидев приближающийся экипаж русского императора, Наполеон спешил и, распахнув дружеские объятия, пошёл навстречу вышедшему из коляски Александру. Императоры обменялись взаимными приветствиями и похлопываниями по плечам. Затем по знаку Наполеона царю подвели верховую лошадь, оседланную по-русски – с чепраком из меха горностая. Въезд в Эрфурт был очень торжественным и потому запомнился Александру в мельчайших подробностях. Он проходил мимо стройных шеренг французских гвардейцев под колокольный звон, барабанный бой и орудийные залпы. То и дело слышались восторженные выкрики: «Виват, императоры!»

А потом в течение недели проходили заседания, на которых рассматривались будущее Польши и Пруссии, а также взаимоотношения империй с Австрией и Турцией. Наполеон не только внимательно следил за тем, что говорил Александр, но также за его изменчивым настроением, мимикой и жестами, считывая таким образом всю необходимую ему для переговоров информацию.

«Я тоже следил за перепадами настроения корсиканца, пытаюсь разгадать его тайные помыслы и последующие реальные действия. Переговоры в Эрфурте шли очень трудно, и сие понятно, потому что от их итогов напрямую зависела жизнь народов многих стран Европы, в том числе и моего. Один неверный шаг, и большая часть европейского континента погрузилась бы в кровавую бойню... Хитрюга Талейран, бывший министр иностранных дел Франции, постоянно пытался меня склонить на свою сторону, повторяя и повторяя, что государь российский должен быть союзником французского народа. Заметьте: не императора, а народа... “Пусть франко-российский союз вас не страшит, – убеждал он тогда меня, – заключённые соглашения ведь можно сопроводить различного рода оговорками, туманными рассуждениями и умолчаниями...” В то же время в беседах с глазу на глаз Бонапарт убеждал меня, что ждёт поддержки России в предстоящей войне Франции с Австрией. Я, как мог, уклонялся от подобной затеи и в свою очередь настаивал на том, чтобы его войска покинули территорию Пруссии.

После моих слов лицо Наполеона сделалось багровым. Он сорвал с головы свою шляпу-треуголку и в бешенстве принялся её топтать. “Вы вспыльчивы, а я упрям, – произнёс я. – Гневом от меня ничего не добьёшься. Давайте продолжим разговор, или я уйду...” Наполеон мгновенно успокоился, и наше эрфуртское свидание продолжилось. Однако подобные распри отнюдь не нарушали обширной программы переговоров. Вместе с Наполеоном я присутствовал на военном смотре, вместе с ним ездил на охоту в Эттерсбергский лес, побывали на театральном представлении и обедали у великого герцога Саксен-Веймарского... Помнится, на военный смотр я забыл взять шпагу, и Наполеон подарил мне свою. “Я никогда не обнажу её против Вашего Величества”, – пообещал я ему тогда... Но в 1812-м, когда его войска перешли границу Российской империи, пришлось обнажить десятки тысяч шпаг. Или он хотел, чтобы русские тут же сдались на милость врагу?..

Подписанная нами конвенция подтверждала ранее достигнутые тильзитские соглашения и устанавливала главную цель: всеобщий мир. А ещё мы договорились вступить в диалог с Англией, причём непременными условиями таких переговоров было признание Лондоном присоединения к России Финляндии, Молдавии, Валахии и сохранения целостности Турции. Я в очередной раз подтвердил, что выступлю на стороне Наполеона, если австрийцы вдруг на него нападут... И всё же прошедшей встречей император французов остался крайне недоволен, но вида не подавал...

После позорного поражения наших войск под Аустерлицем мной владела жгучая мысль о реванше, но окончательно она созрела только тогда, когда европейский узурпатор начал против нас войну. Наполеон или я, он или я, но вместе мы существовать не можем! – убеждал я себя в течение всей военной кампании... В итоге грозный захватчик был повержен и позорно бежал! Надеюсь, что и впредь народ наш своей силой и доблестью сможет одолеть любого врага, который захочет покуситься на нашу землю!..»

Завершение в следующем номере

Проза

Сергей Собакин

Сергей Собакин – прозаик, публицист, поэт-песенник, композитор. Член Совета молодых литераторов Союза писателей России (Москва), ЛИТО им. Ф. Шкулёва (Видное, Московская обл.), Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги (ОППЛ). Участник Всероссийского совещания молодых литераторов СПР (Химки, 2023); финалист II Международной литературной премии им. А. И. Казинцева для молодых прозаиков (журнал «Наш современник», 2023); лауреат I Всероссийского литературного фестиваля «Литературная карусель», посвящённого детской и юношеской прозе (РСПЛ, 2023); лауреат I степени VII Открытого областного литературного конкурса «Звёздное перо» им. Г. Н. Кольцова (МГО СПР, 2023); лауреат III Молодёжного межрегионального литературного

православного конкурса «Волжский благовест – 2023» (СМЛ СПР Ульяновской обл. по благословению митрополита Симбирского и Новоспаского Лонгина); дипломант общественно-литературной премии «Тэффи» (МОО СПР, 2023). Автор романов, рассказов и повестей в жанре мистический реализм, духовно-психологической (православной) прозы, сатиры, детской литературы. Публикуется в журналах «Москва», «Берега» (Калининград), «Артбухта», «Наш современник», «Профессиональная психотерапевтическая газета» и др..

ТРЕВОЖНЫЕ ЛЮДИ

Рассказ

В 1926 году к известному психиатру пришёл изнурённый до дистрофии пациент, судя по манерам – «из бывших», с жалобой на беспричинную тоску и апатию, из-за которых он совсем не может есть и спать. Осмотрев его, врач посоветовал ему читать юмористические рассказы:

«Лучше всего, батенька, возьмите томик Зощенко. Может быть, вам покажется простовато, этак по-пролетарски. Но смешно! Этот Зощенко – большой весельчак».

«Доктор, – грустно вздохнул ипохондрик. – Я и есть Зощенко».

Советский анекдот на реальной основе

Психастения, знаете ли, дело такое... Уж очень надоедливая характерологическая особенность, которой наделены, к их большому несчастью и без их ведома, тревожные люди. Эти представители человечества постоянно беспокоятся, ибо с младых ногтей, или, проще сказать, с рождения они «награждены» так называемой базальной тревожностью, то есть базовой, которая заложена в них генетически.

Отсюда вывод: люди эти страдают постоянно, пребывая в нудных ипохондрических раздумьях: «А не болен ли я чем-то неизлечимым и неизвестным медицине?» И как следствие, они перманентно находятся в тревожном состоянии, которое действует на них столь губительно, что порой они только и делают, что пекутся о своём драгоценном, золотом здоровье и могут целыми днями говорить о разных болячках и симптомах.

Кстати, несмотря на то что они мучаются приступами ипохондрии, то есть выискиванием у себя невиданных доселе болезней, эти люди, как правило, наотрез отказываются идти к врачам, которых до этого момента обошли уже больше сотни, потому как просто-напросто не доверяют даже самим светилам медицины, считая их либо шарлатанами, желающими нажиться на беспокойном пациенте,

либо неучами. Этот факт свидетельствует о полной убеждённости психастеника в том, что врачи, мол, залечат до смерти.

Вот такие вот две крайности. Поэтому, как сказал всемирно известный писатель Антон Павлович Чехов (кстати, доктор по профессии, если кто не знал), меланхолик (психастеник) – это такой вид человека, для которого роднее знахарей, шептунов, бабок-гадалок никого нет...

Так вот. Эта краткая предыстория была нужна, чтобы ввести вас в курс дела, мои дорогие читатели. Ну а теперь самое интересное...

Как я уже сказал, тревожные люди всегда найдут повод о чём-нибудь побеспокоиться, так как просто жить они не могут, точнее, не умеют. На самом деле они обладают таким жизненным потенциалом, растрчиваемым впустую, постоянно эксплуатируя психическую энергию не по назначению, что на ум приходит только одна мысль: если бы эти «тряпки» собрались и использовали хотя бы какой-то процент затрачиваемой энергии не на каждодневное самобичевание, а, скажем, на творчество, то, возможно, мировая культура и искусство в широком смысле этих слов обогатились бы не одной сотней талантливых, да что там, гениальных деятелей.

Довольно часто психастеники не имеют много друзей, потому что, как я уже сказал, ипохондрия заставляет их вести достаточно замкнутый, ограниченный образ жизни. Они боятся, что в один прекрасный день будут разоблачены и вся их «ненормальность» станет всеобщим достоянием, когда, не дай бог, у всех на виду они, как говорится, сядут в лужу или, хуже того, позорно умрут на глазах у десятков ничего не понимающих прохожих.

«Вот срамота-то!» – тревожно размышляет психастеник и предпочитает шумным гуляньям в городе гордое одиночество в собственной квартире, а ещё лучше – в деревне, подальше от мирской суеты сует, если вы понимаете, о чём я. Но иногда случается, что психастеники находят друг друга, и порой, а я бы сказал, довольно часто если и не становятся друзьями, то уж точно хорошими приятелями. Они могут с упоением – с пеной у рта, как говорится, – целыми днями напролёт рассказывать друг другу о разных симптомах и о борьбе с таковыми, так же как и о походах к врачам, которые, в свою очередь, видя в сотый раз эту хмурую харю и тревожные глазёнки, нервно бегающие из стороны в сторону, словно бешеные таракашки, когда на кухне внезапно включили свет, делают незаметную чёрточку-минус на карточке больного, предупреждая будущих коллег-диагностов, что этот человек, дескать, не до конца вменяем и что с этим пациентом всё в порядке в физическом плане, но в душевном (и тут нет никаких сомнений), мягко говоря, не совсем; что пациент, мол, попросту болен и нуждается в психиатрическом освидетельствовании и помощи...

Вот как-то раз и встретились два таких тревожных гражданина-невротика прямо в кабинете кардиологии, когда один, получив заслуженный «минус» на медкарточку, выбегал пулей из кабинета, а другой, такой же озабоченный работой своего сердца, заходил следующим по списку.

Один – измождённый ожиданием в очереди, весь покрытый обильной испариной и с трясущимися, как при диком треморе, руками, а второй – в нервном припадке после проведения процедуры велоэргометрии, весь красный, с округлившимися от страха глазами и бешеной тахикардией (отнюдь не от нагрузки, а всё от того же – животной паники в ожидании вердикта врача).

Две кисейные барышни (а по-другому этих двух мужчин среднего и молодого возраста и не называть, поскольку уж очень они нежные и подвижные в плане психики) сразу заметили друг друга, как будто внутренний локатор сработал. Собрат по несчастью увидел собрата: оба астеничного, субтильного сложения, высокие и худощавые очкарики с нескладным телом – руки и ноги болтаются, словно плети, шея тонкая и хрупкая, как у лебедя, а кожа – очень бледная, с зеленцой. И, разумеется, непременно наличие у обоих индивидуумов нервной одышки, куда же без неё...

Увиделись они, значит, в проёме процедурного кабинета, обменялись сочувствующими, болезненными до тошноты жалобными взглядами, и каждый пошёл своей дорогой: один на «пытку», второй – с неё, придумывая себе несуществующий диагноз. И виной всему, естественно, вышеупомянутая базальная тревожность, то есть врождённая, постоянная, что свойственно людям тревожно-мнительным и впечатлительным, чувствительным до любой житейской неурядицы... А уж что касается собственного здоровья и тем более работы сердца, самого важного органа, то здесь стоит сказать отдельно: кардиофобия, или, проще говоря, кардионевроз (для справки, мои дорогие читатели), – это самый распространённый классический недуг, преследующий невротика на протяжении всей его, как правило, долгой, но очень беспокойной жизни...

Когда «клиент был готов» и уже выходил из клиники на улицу, судорожно считая пульс, он заметил, как второй несчастный делал то же самое в попытке побороть учащённое сердцебиение, держась за артерии на горле, – страдалец не раз видел этот приём в телесериалах про скорую помощь. Правда, там эту технику применяли судмедэксперты и врачи, чтобы узнать – а жив ли вообще человек?

Так вот, значит, стоит этот неврастеник и суетливо хватается за все места, пытаясь унять свою ужасную тревогу, которая загнала его, прямо скажем, в иступление. А второй, более опытный, что ли, подходит к нему и говорит:

– Ну что, брат, намучился ты, видать?

– А т-т-то... Разве не ви-ви-видно?! – обеспокоенно произнёс молодой человек.

– Может, таблеточку?

– За-за-зачем? Ду-ду-думаете, поможет?! – задыхаясь, отозвался парень. – Как бы че-чего не вышло...

– А почему нет? Мне всегда помогает даже само наличие при себе таковой! Я когда из дома выхожу, то беру с собой все необходимые лекарства: от давления, от сердцебиения, от желудка, от тошноты, от кишок, то бишь поноса, по-нашему, успокоительные разные. И знаете, помогает даже одна мысль, что всё это добро всегда со мной, в заднем кармане джинсов, – возбуждённо сказал мужчина и демонстративно похлопал себя по правой ягодице, где, судя по всему, лежал драгоценный запас всего необходимого для «бестревожного» существования.

– Да, а я во-во-вот «новенький», – напряжённо плотая воздух, сказал юноша.

– А-а-а, – как бы радостно, сквозь волнение и тревогу, задумчиво произнёс мужчина. – Тогда я вам всё расскажу и покажу, если позволите. Вы только возьмите пилюлю, пожалуйста, а то жалко смотреть на вас. Помрёте ещё тут... Ха! – попытался состричь мужчина, думая, что этим он разрядит обстановку.

– По-по-помру!? Здесь?! – закричал в припадке юноша.

– Да это я так. Шучу, конечно, – одумался «юморист».

– Н-н-ну и шуточки у вас, од-д-д-днако!! – завопил парень на всю улицу.

– Да говорю же вам! – перебил его мужчина. – Возьмите вы уже наконец эту несчастную таблетку и положите под язык, там ей самое место! Уверяю вас – через пятнадцать минут от вашего панического приступа ничего не останется!

– Не б-б-буду я никакие пи-пи-пилюли глотать! – истошно закричал юноша, и вокруг парочки стал собираться любопытный народ. – Те-те-тем более от не-не-незнакомца!

– Да возьмите же, говорю вам! – заламывая руки новому знакомому, вторил мужчина, который насильно хотел впихнуть таблетку в рот «мученика».

– А-а-а! Ка-ка-караул! По-по-помогите! – истерично заверещал парень, брыкаясь ногами.

Надо сказать, что мужчине удалось-таки протолкнуть сквозь сомкнутый ряд зубов злополучное лекарство. На этом все зеваки стали потихоньку расходиться, потому что юноша вскоре обмяк и успокоился, а мужчина как более опытный собрат по несчастью оповестил всех присутствующих, что, дескать, всё улажено и не о чем больше беспокоиться – просто, мол, парень перенервничал.

– Николай Валентинович, – представился мужчина, протягивая юноше руку.

– Антон Павлович, – вяло ответил парень и вроде даже перестал заикаться.

– Чехов, что ли?! Ха! Ха-ха! – снова неудачно пошутил Николай Валентинович.

– Ха-ха! – нехотя передразнил юноша. – Очень смешно... Вы не первый и далеко не последний, кто пытается шутить на эту тему...

– Кстати, – продолжил мужчина, – Чехов, он же Антоша Чехонте, тоже был достаточно тревожным человеком – мы это проходили на группах в библиотеке у психотерапевта Тихона Исидоровича...

– У кого, у кого? – переспросил юноша. – В какой библиотеке?..

– Ну как же, – бодро ответил Николай Валентинович, – Тихон Исидорович Юнга, всемирно известный профессор, психотерапевт, между прочим, и его метод – бессознательная книготерапия!

– К сожалению или к счастью, не слышал о таком методе и о профессоре тоже...

– Это не беда, – радостно сказал Николай Валентинович, – я сегодня как раз иду туда! Айда со мной, Антон Павлович!

– Ну, – сомневающимся голосом промолвил парень, – я даже не знаю... А чему там учат?

– Как раз таки тому, как справляться с характерологическими трудностями и расстройствами!

Николай Валентинович и Антон Павлович как-то незаметно подружились и, когда градус тревоги снизился, двинулись вместе по шумной улице в сторону метро. Нужно сказать, что сама подземка – это ещё то испытание для истинного невротика, который боится как открытых пространств (площадей, торговых центров, многолюдных улиц), так и замкнутых, одним из коих является и метро. Но, на удивление, оба мнительных паникёра за приятными отвлекающими беседами преспокойно доехали до нужной станции и даже ни разу не воспользовались аптекарским «сокровищем», что лежало в заднем кармане Николая Валентиновича.

Новые друзья вместе пришли на занятие в библиотеку психотерапевта к Тихону Исидоровичу, где сегодня темой беседы было творчество Михаила Михайловича Зощенко – известного советского писателя и по совместительству такого же тревожно-мнительного человека, какими являлись герои нашей «весёлой истории».

К слову сказать, Антону Павловичу очень понравилось занятие и само творчество великого советского писателя, которое отзывалось в душе юноши каким-то чудным, родным чувством; и, придя домой уже совсем поздним вечером, молодой человек не стал дожидаться утра, а тут же открыл отцовский книжный шкаф – домашнюю библиотеку – и принялся с остервенением перебирать стопки плотно стоящих книг в надежде отыскать на пыльных полках хотя бы один том творений Михаила Зощенко.

Шли месяцы, которые плавно переходили в годы. Антон Павлович очень подружился с Николаем Валентиновичем и Тихоном Исидоровичем и не пропускал ни одного занятия, каждый раз с нетерпением ожидая следующей встречи.

Под воздействием метода бессознательной книготерапии юноша, к своему удивлению, начал творить: он писал прозу и стихи, рисовал картины и играл на музыкальных инструментах. И казалось, что прежняя тревога, которая одолевала его долгие годы, «испугалась и спряталась»; ушла если не навсегда, то уж точно в долгую спячку, чему были неслыханно рады все: сам лечащий врач Тихон Исидорович, домашние и, разумеется, лучший друг – Николай Валентинович, который заменил Антону Павловичу старшего брата.

Но вот пришла очередная весна, которая выдалась очень дождливой и снежной. А как вы, наверное, знаете, мои дорогие читатели, в межсезонье обычно обостряются все недуги человеческие. Собственно, душевная сфера не является исключением. Диспансеры и клиники неврозов стали настырно, как спартанцы, атаковать люди с подвижной психикой, которым хотелось хоть на мгновение унять тягостную душевную боль. Антон Павлович тоже захандрил и предался сначала светлой грусти и печали, которая постепенно переросла в безразличие ко всему, а вскоре и в убивающую душу апатию и отчаяние, которые завершились всем известной депрессией.

С этим, мягко говоря, «букетом» Антон Павлович и пришёл к Тихону Исидоровичу, которому пожаловался на чувство полной безысходности. Профессор, как полагается, провёл положенное количество сессий и назначил фармакотерапию, так как хотел, чтобы Антон Павлович быстрее пришёл в себя, и наряду с психотерапевтическими методиками решил подключить лекарственную поддержку, чтобы, как говорится, сделать двойной удар и нокаутировать нестабильное состояние пациента.

Антон Павлович хорошо воспринимал лечение, которое, ко всему прочему, как-то само собой настраивало его на мечтательный лад: вот, говорил он, если бы мне каждый раз платили за ипохондрические выкрутасы, с которыми я обращаюсь ко всем подряд докторам, то, наверное, я вскоре стал бы самым богатым человеком на всём белом свете.

Тихон Исидорович отшучивался и не воспринимал слова пациента всерьёз, пока однажды, много лет спустя, тихим летним вечером, сидя на даче возле озера, не включил портативный телевизор, где говорили об Антоне Павловиче, который неслыханно разбогател после того, как в очередной раз обратился в поликлинику.

Дело в том, что Антон Павлович стал первым человеком, у которого обнаружили частицы золота в... кишках. Точнее сказать – в аппендиксе. Чему, по понятным причинам, не было никакого научного объяснения. Как рядовые врачи, так и светила медицины, которые впредь осматривали диковинного пациента, дружно разводили руками и в один голос заявляли: «Удивительно! Как такое могло случиться?! Это же просто уму непостижимо! Как бы это из него вышло?..»

Вскоре Антона Павловича, как и следовало ожидать, перевели в закрытую экспериментальную клинику. Во время пристального наблюдения десятками специалистов, которые посещали его ежедневно и носились вокруг «чуда из чудес», как заводные зайцы из рекламы батареек, Антон Павлович

сильно разбаловался и довольно-таки быстро пришёл в себя, сумев побороть одолевающую его тревожность. Казалось, что обследуемый наконец справился с приступами ипохондрии, которая давеча загоняла его в иступление, и уговорил-таки старуху-депрессуху, мучившую его годами, если не сказать – десятилетиями, чтобы та стигнула в небытие; о чём, как отмечали многие доктора в ту пору, знавшие Антона Павловича, могли красноречиво говорить два обстоятельства: стабильное, ровное эмоциональное состояние пациента и, как бы это забавно ни звучало, наличие у него, прежде измученного и хилого, золотистого румянца на щеках.

Но никто из них тогда не догадывался: это было лишь свидетельством того, что в аппендиксе мужчины всё накапливалось и накапливалось золото, которое из нескольких граммов уже превратилось в целый слиток...

На консилиуме неравнодушных учёных и медиков заключили (у каждого из присутствовавших, естественно, был свой мотив), что нужно, дескать, срочно избавить мученика от его золотой ноши и, разумеется, провести неотложную полостную операцию, дабы извлечь из кишок страждущего предмет его страданий, – целый килограмм чистейшего драгметалла. На что, ясное дело, Антон Павлович ответил категорическим отказом. Вся эта ситуация вокруг его персоны постепенно начала действовать ему на нервы, поэтому он снова, уже по старой и давно известной «отработанной» схеме, по проторённой, как говорится, дорожке начал скатываться в ипохондрическую пропасть и в конце концов завяз-таки в болоте сомнений и тревоги. А тут ещё, как и полагается, об этом уникальном случае прознали бульварные газетёнки и журналы, а также разного пошиба СМИ, которые мечтали сорвать большой куш и норовили собрать все материалы о доселе невиданном и неслыханном чуде. Они всё подсылали и подсылали в клинику папарацци, чтобы те сделали хотя бы один снимок «Золотого человека», как окрестили они Антона Павловича.

Увещевания докторов, к слову сказать, не имели положительного, должного эффекта, и Антон Павлович так и не согласился на операцию, хотя проблема стояла достаточно остро. «Резать или не резать? – вот в чём вопрос...» – размышляли многие врачеватели и склонялись скорее к варианту «резать»; ибо, по их словам, пациент может просто умереть от повышенной интоксикации, вызванной переизбытком золота в организме...

Несмотря на жуткий страх, духовную немощь и душевное бессилие, Антон Павлович, пренебрегая советами учёных, решил, как он выразился, ждать своей участи и не вмешиваться «в процесс созидания Всевышним чистого совершенства». После чего позвали и религиозных деятелей – священников, профессоров-богословов, философов и прочих религиоведов. Они должны были повлиять на мнение несчастного, дабы он отказался от своей безумной идеи, которая вполне могла привести к смерти; чего, конечно же, никто не хотел – ни учёные, ни медики, ни тем более госслужбы, потому что уж очень много было поставлено на карту...

По прошествии пяти месяцев с того момента, как Антон Павлович изрёк вышесказанную мысль, и девяти с момента обнаружения докторами частиц золота в червеобразном отростке, пациент разродился тремя килограммами драгметалла и стал самым известным и богатым человеком в мире, который побил все мыслимые и немыслимые рекорды и собрал всевозможные награды и премии (и всё это без учёта вознаграждения от государства; гонораров за различные интервью и передачи прав для постановок и экранизаций своей биографии); а также удостоился звания самого выдающегося представителя человечества, который останется в летописи как «Золотой человек».

После этого занимательного случая всех тревожно-мнительных, ипохондриков и иже с ними депрессивных персоналий поставили на особый учёт, предрекая новые открытия. И, как нетрудно догадаться, вышеуказанные личности вовсе не торопились уклоняться, скрываясь от пристального надзора со стороны учёных и правительства, наоборот – все они добровольно вышли из тени и скопом побежали на медосвидетельствование, заполонив буквально все медучреждения, в том числе психиатрические больницы и психдиспансеры. Как вы понимаете, дорогие читатели, с того времени появилось очень много лжеипохондриков, которые хотели во что бы то ни стало прославиться на весь мир и неслыханно разбогатеть. И даже появился такой психиатрический термин, как «синдром золотого человека», при котором люди сходили с ума в попытках найти у себя хотя бы грамм золотой ноши: «исследовали» и истязали собственный организм так, как если бы это было не их собственное тело, а взятый напрокат костюм человека... Но это уже совершенно другая история, дорогие читатели... О которой, возможно, будет совсем иной рассказ.

Проза

Вера Сытник

Вера Сытник – журналист, писатель, член Международной гильдии писателей. Автор нескольких книг рассказов и романов. Пропагандирует отечественную литературу в Китае, сотрудничает с журналом «Русское искусство и литература». Лауреат многочисленных конкурсов и премий. Живёт в Китае и России.

ТВОРЧЕСКАЯ СТРУНА

Рассказ

I

С утра Мигунова повело не в ту сторону.

Обычно после завтрака он садится за компьютер и бродит по Интернету в поисках занимательных историй. Или, если приводят внуков, возится с ними: строит из кубиков башню, читает книжку, рисует. Но сегодня мальчиков не привели, а к компьютеру почему-то не тянет. И вообще, настроение такое, что хочется завывать, сжав зубы. И завыл бы, не будь рядом жены. Она включила телевизор и жадно уставилась на экран, где очередное шоу рассказывало о чьих-то пьянках, драках и бедных детях, живущих впроголодь. Мельком взглянув на приглаженные рожи, Мигунов почувствовал тошноту. С чего бы это? Вроде вчера не пил, ничем не травился. Однако тошнит. Тошнит от одного вида картин чужой жизни. Нищенской, омерзительной в своей безысходной откровенности. Наверное, хотят вызвать у зрителей жалость, сострадание? Но получается мерзостная гадость.

Впрочем, тошнит и от вида вполне благополучной, уравновешенно-смешливой, ужасно расплывшейся в талии супруги. Эта женщина – сама доброта! Всем поможет, обогреет, накормит и успокоит. Но вот же... Не смотрел бы. Тошнит от вида уютной комнаты с крепкой, но уже старой, вышедшей из моды мебелью; от вида ленивой толстой кошки, нагло разлёгшейся на подоконнике среди цветов; от вида облезлого крикливого попугайчика в клетке, понурившегося, но упрямо повторяющего: «Ерунда на постном масле!» Мутит от вида серого дня за окном и череды однообразных пятиэтажных домов, построенных бог весть когда. Город погрузился в дождливую дымку, свойственную началу весны, а Мигунов – в непривычное для него настроение.

При взгляде на всю эту картину его озарила мысль, от которой тошнота сделалась невыносимой, хоть в туалет беги. Он подумал, что сегодняшнее воскресенье ничем не отличается от субботы, пятницы, четверга и остальных дней недели. Всё тот же, до отвращения надоевший телевизор как центр бытия и до оскомины опостылевший толстый синий ковёр на полу, который мозолит глаза с момента, как Мигунов привёз его из очередного морского похода лет сорок назад. Кажется, из Италии. А может, из Гонконга. Теперь не вспомнить. В голове все порты, похожие друг на друга, перемешались. В советское время не сильно-то разрешалось разгуливать по городам, куда приставал пароход. Поэтому довольствовались пристанями. Но куда это годится! Сорок лет ступать по одной и той же тряпке, к несчастью, оказавшейся отменного качества: краски не потускнели и ворс не вытерся.

Мигунов, когда его всего сжало при взгляде на компьютер и на любимую кофейную кружку, всегда стоявшую рядом с мышкой, понял, что дело тут не в алкоголе или пищевом отравлении. Подобное не имело места последние полгода. Дело в другом. В том, что он вдруг отчётливо, так ясно, до сердечной боли и спазма в горле ощутил свой возраст. Его пронзила мысль, что всё самое лучшее давно закончилось. Морские просторы, новые города и континенты затерялись в прошлом и не имеют значения для теперешней жизни. Главный повар круизного лайнера! Когда такое было? Задор, весёлость, дерзкое желание всё успеть! О, молодость, молодость... От неё, по большому счёту, остался лишь этот ковёр да смутное чувство, что не успел, пропустил что-то важное. Может быть, главное?

Молодость ушла. Превратилась в размытые образы, живущие в сознании и имеющие ценность только для тебя одного. Притаилась в осколках чувств да в желании философствовать. Иногда взглянешь на студенческую фотографию – и так и обдаст тебя прохладой летнего парка или на языке вдруг проклонется вкус «Жигулёвского» пива. Тотчас захочется пуститься в разглагольствования о текучести жизни, об её несправедливости. Да и где же тут справедливость? Кажется, только вот-вот отслужил армию, получил диплом технолога пищевого производства, уехал из Ессентуков в Одессу, вышел в море, вернулся назад в родной город, командовал всеми ночными клубами Кавказских Минеральных Вод. Думалось, круговорот интересных событий никогда не закончится. И вдруг – на тебе – пенсионер! Можно сказать, вынужденный. После перестройки клубы, рестораны, столовые и кафе постепенно закрылись. Работать стало негде. Чтобы выжить, таксовал. Но не это страшно. Страшно, что горизонт с годами сузился. Всё ограничилось Ессентуками, улицей Фрунзе, родительской квартирой – правда, уже без отца и без матери.

Горизонт горизонтом, но ощущения от жизни и сейчас не притупились. Порой даже кажется, что стали острее. Так и режут по живому. Давят на чакры, сбивают дыхание. Ну когда бы в молодости обратил внимание на золотую осень, расфуфыренную, будто иная девушка в национальном наряде? А сейчас поднимешь бордовый листок с земли, лоснящийся, словно его покрыли лаком; повертишь в руках, поражаясь краскам природы, и что-то так и защежит в груди, так и заноеет. Или ветер, к примеру. Раньше внимания на него не обращал, если, конечно, дело происходило не на корабле и за бортом не билась волна в пять баллов. Всё тогда было нипочём, главное – идти, плыть, бежать. Что же нынче? Прислушиваешься к малейшему движению воздуха – и даже в ласковом летнем ветерке улавливаешь нечто печальное, тоскующее, зовущее тебя то ли в начало, то ли в конец твоей жизни.

Впервые грядущая старость испугала Мигунова, хотя по нынешним понятиям шестьдесят лет – разве это возраст? Силы ещё есть, голова работает. Пенсии, которую недавно оформил, конечно, маловато на роскошную жизнь, но хватает, чтобы зубы на полку не класть. Да и что такое роскошь? Всё относительно. В молодые годы Мигунов гонялся за богатством. Кое-что скопил, приобрёл квартиру, машину. Ну и что с того? Квартиру подарил сыну, с машиной сплошная морока. А молодость не вернёшь, она густо припорошена временем. Правда, Бог здоровьем не обидел. Есть, разумеется, медицинские проблемы, но пока с ними справляется.

Жить бы да жить да наслаждаться, глядя на мир. Мигунов до сегодняшнего утра так и поступал – радовался, помня, что жизнь коротка и что многие его одноклассники уже отрадовались, покинув сей мир. Откуда же такая отчаянная тоска? Такое гнетущее, болезненное чувство в груди? Будто кто-то рвёт его на части. Царапает когтями внутри и выкручивает душу, как жена выкручивает половую тряпку. Почему вдруг такая ненависть ко всему и великое омерзение? Не иначе как тяжесть возраста придавила? Точно, годы дают о себе знать. Годы, которые проредили, выбелили шевелюру волос и сделали некогда гладкое широкоскулое лицо Мигунова похожим на печёное сморщенное яблоко. Всё оно было изборождено глубокими складками: высокий лоб, опавшие щёки, сдувшийся подбородок. Один нос сделался больше и опустился над провисшей верхней губой, из-под которой, если Мигунов улыбался, выглядывали жёлтые прокуренные зубы.

Чтобы унять тоску, Мигунов машинально побоксировал воздух и потянулся к альбому с карандашами, лежавшими на тумбочке. Сел в кресло и стал, не задумываясь, рисовать, устроив альбом у себя на коленях. Никогда раньше он этого не делал, не рисовал. Почему-то не делал. Вернее, рисовал с внуками, подстраиваясь под детскую наивную манеру. Примитивные деревья, домики, машинки и люди – всё было по принципу «точка, точка, два крючочка, ручки, ножки, огуречик – вот и вышел человечек». Сейчас его рука двигалась размашисто, смело, уверенно, будто кто-то ею водил. Спротивляться не хотелось. Карандаши сменяли друг друга, мелькая над белым альбомным листом. Мигунов словно выплёскивал на бумагу настроение сегодняшнего незадавшегося утра. Он продолжал злиться на себя, на жену, на квартиру, на кошку и попугайчика. Но главное – хотел заглушить страх, вызванный приближением старости.

Мигунов вспотел и скоро забыл, где находится. Казалось, он весь сосредоточился на карандаше и перетёк с его кончика в рождающуюся картинку. Поэтому, когда, закончив рисунок, отклонился, некоторое время взирал на него непонимающим взглядом. И вздрогнул, услышав жену:

- Коля, Коля! Что с тобой? Зову тебя, зову, а ты ноль эмоций. Посмотри... Ой, это кто нарисовал?
- Что... нарисовал?

Мигунов глубоко вздохнул, освобождаясь от недавнего напряжения.

– Николай, не придуривайся. Это же ты нарисовал?

Мигунов взял альбом и упёрся взглядом в то, над чем только что трудились его руки. На листе плескалось море, грозя перелиться за край листа. Море волновалось и то поднимало, то опускало свою мощную грудь, по которой среди волн пробирался баркас. Баркас и море, больше ничего. Вдали немного тёмных гор, занимающих часть горизонта. Всё освещено невидимым солнцем. И было непонятно, закат ли нарисован или рассвет. Наверное, закат, судя по ядовито-огненным пятнам на поверхности воды. Только закат может дать такой глубокий цвет, пресыщенный дневными оттенками, несущий в себе тягучую усталость и страстное желание покоя. Рисунок был прекрасен. Во всяком случае, таким его увидел Мигунов, потому что почувствовал тяжёлое дыхание огромного моря и дерзкую настырность маленького баркаса. Те, кто им управлял, были смелые люди. Не побоялись удалиться от берега и теперь пытаются к нему вернуться.

– Почему ты не говорил, что умеешь рисовать, Коля? – спросила жена.

Она оторвалась от телевизора и разглядывала рисунок. Взяв альбом, вертела его и так и эдак, словно не верила, что он настоящий, тот, в котором рисовали её внуки, два пятилетних мальчика-близнеца.

– Я не знал, что умею, – ошарашенно ответил Мигунов. – В школе по рисованию у меня была четвёртка, по черчению в десятом тройка. Я даже в стенгазетах не участвовал! Откуда вдруг? Что это?

У него слегка дрожали руки. Достал сигарету и закурил. Чувствуя патетику момента, супруга не стала ругаться и выгонять на кухню, к форточке. Она ободряюще следила за мужем, который, казалось, выплыл из мрака и теперь с удивлением оглядывался и только что не ощупывал себя, проверяя на реалистичность. Дрожь унялась, наступило странное умиротворение. Словно Мигунова вытрясли, освободив от пыли, и вывернули наизнанку, чтобы он просушился. Стало невероятно легко и немного весело. Так бывает, когда предвкушаешь что-то очень приятное, интригующее.

Докурив, Мигунов снова потянулся к альбому и карандашам. Он рисовал, не отрываясь, часа три. Закончились свободные листы. Жена подсунула новый альбом. Мигунов этого не заметил. Он лишь успевал переворачивать бумагу, заполняя её набросками великолепных кораблей, готически возвышенных домов, каменных колоколен, деревянных покосившихся избушек; лицами юных и старых женщин и мужчин, печальных и радостных. Полноценные рисунки, на которых сквозь дождь и снег проступали глаза и улыбки людей, сменялись этюдами. Фрагменты крыш соседствовали с облаками, а рядом с деревенской мельницей бродили гуси. Карандаши часто ломались. Он тоже не замечал. Жена их точила и подкладывала на тумбочку.

Закончив набросок одесского дворика, где росла вишня и тянулась железная витая лестница по внешней стороне выцветшего дома, Мигунов остановился, сражённый усталостью. Он не захотел пересматривать рисунки. Закрыв альбом и положил на тумбочку. Сверху вниз, почти бросил. Мол, вот вам! В резком жесте были уверенность, и радость, и осознание незыблемости приобретённого навыка. Мигунов уже не удивлялся, откуда и почему к нему пришло умение рисовать. Довольно того, что он видел альбом и помнил каждую чёрточку в нём, каждую линию.

Жуткое опустошение овладело Мигуновым. Было тихо. Телевизор молчал. Жена копошилась на кухне, готовя обед. Изредка доносилось позвякивание посуды. Мигунов встал, потянулся. Окинул комнату медленным взглядом, словно узнавая её. Погладил кошку, переместившуюся на диван; щёлкнул по клетке попугая, на что тот завопил: «Позор! Позор!» Неторопливо прошёлся по ковру, невольно отмечая его мягкость, и очутился у окна. Посмотрел на город, уже свободный от дождевой дымки, а потому выглядевший умыто и бодро, вернулся к дивану и рухнул на него, мгновенно уснув.

II

В последующие дни Мигунов лихорадочно рылся в Интернете, осваивая уроки по живописи. Они помогли ему понять несовершенство первых рисунков. Но это не испугало его. Напротив, придало радостного азарта и оживило любопытство, свойственное ему в юности, но приглушённое годами. Всё узнать, увидеть, успеть! Догнать! Настроение молодости вернулось. Он купался в нём, как, бывало, купался в синих водах Тихого океана, ощущая свои молодецкие силы и магическую силу воды. Мигунов с ходу ловил советы виртуальных учителей, как будто всю жизнь занимался искусством. Чётко понимал теорию, а что не понимал, улавливал интуицией или брал настойчивой практикой.

Многое на уроках казалось ему знакомым. Будто он уже слышал это и даже применял на деле, но потом зачем-то отвлёкся на море и ночные клубы. Композиция, колористика, жест, эмоции мазка, накал страсти в столкновении линий, мощь пятна, нежность полутени – всё было близким, будто бы забытым, но легко и быстро возвращающимся к жизни.

Стоило Мигунову взять в руки кисти, как настроение его улучшалось. Куда-то отодвигался дом, жена, внуки. Забывалось прошлое. Не думалось о будущем. Переставало существовать настоящее, в котором, как в борще овощи, были смешаны болезни, безденежье и суета. Никчёмность жизни отступала. Кисти, краски и холст меняли не только настроение Мигунова, они меняли мир вокруг него. Всё, что он видел рядом с собой, теперь имело иной оттенок и даже суть. Привычные предметы могли вызвать самую неожиданную ассоциацию. Почерневший, влажный после дождя поваленный дуб, который уже не хотел выпускать листья, напомнил ему Гаити, бухту залива Гонаив, куда их лайнер зашёл на день, а пробыл три из-за непогоды.

Мигунов вспомнил шторм и обломок дерева, заброшенный, как спичка, на палубу волной. Перед выходом в море его столкнули в воду. Эту сцену наблюдала молодая гаитянка с берега. Она была в сарафане и в сандалиях. Волосы её трепал ветер. Девушка приставила козырьком ладонь ко лбу, защищаясь от солнца, и пыталась что-то разглядеть на пароходе. Гибкое тело её, поддаваясь внутреннему настроению, извивалось и тянулось вверх и вперёд и выражало отчаяние.

– К нам, my girlfriend, к нам! – закричали ей моряки.

Мигунов знал, кого ищет красавица. Он встал на кромку палубы и помахал обеими руками. Девушка, увидев его, подпрыгнула раз, другой, третий, а потом села на валявшийся неподалёку ящик и заплакала, чем насмешила моряков и удивила Мигунова. «Чудная, – подумал он. – Или маньячка». В первый день стоянки, когда не было шторма и туристы отправились в Порт-о-Пренс, он бродил по местной барахолке, ища дешёвую спортивную обувь. И нашёл в бутике, где хозяйничала Юлали. Так звали девушку. Разговорились на плохом английском. Гаитянка, пока Мигунов делал примерку, не спускала с него сверкающих неестественной яркостью чёрных глаз. Буквально ела глазами, будто хотела сжечь. Мигунов выбрал обувь, рассчитался и собрался уходить, но продавщица не отпускала его. Она упала на колени, не обращая внимания на других покупателей, обхватила ноги Мигунова и заплакала.

– Беби, беби, – бормотала она. – Делать беби, белый лицо. Ты Аллен Делон.

Мигунов сообразил, чего хочет девица, и поразился несоответствию её изысканной красоты с низостью дела, которым она попутно занималась, продавая обувь. До этого он видел некрасивых, незатейливо-грубых проституток. Вид Юлали, ладненькой, крепкой, аккуратной, без краски на лице, обескуражил его. На секунду он даже поверил ей. Поверил, что она хочет иметь светлого ребёнка. И принялся объяснять, что это невозможно, что так детей нельзя делать походя. В бутике откуда ни возьмись очутились три громадных толстогубых парня, которые начали теснить Мигунова к малюсеньким дверям в глубине помещения. Сообразив, что к чему, он по возможности мягко разжал руки девушки и выскочил из магазина...

Он вспомнил Юлали, её прекрасные плечи, страстные глаза и не по-девичьи сильные руки. Вспомнил, как она плакала, сидя на ящике, и захотел её нарисовать. Картина получилась живой: замусоренная пристань, белоснежный корабль, хрупкая фигура плачущей чернокожей девушки и корявое дерево, качающееся на голубых волнах между берегом и кораблём. Мигунов смотрел на полотно и, кажется, чувствовал влажновато-солёный запах гаитянского дня. Так, прислушиваясь к собственным ощущениям, стараясь не выходить из расслабленного состояния, Мигунов и работал. Что сознание подсказывало, то и рисовал, не задумываясь над сюжетом картины.

Всё выходило само собой, без напряжения. Городские пейзажи, никогда им не виденные, рождались из его представлений о счастливых городах. Его разношёрстные герои приходили к нему из ниоткуда и оставались жить на холсте. Возможно, это были отголоски прошлого, чего-то мимолётного, мечтательного. Но Мигунову верилось в другое. Основу внезапной, новой для него деятельности составляла струна, звучание которой он слышал в своей душе. Слышал отчётливо, как если бы рядом играли на однострунной арфе. Как и откуда она появилась, Мигунов не знал, но принимал её колебания, которые освежали память, озаряли душу и вливали в тело энергию. В такие минуты он устремлялся в угол комнаты, где устроил мастерскую, и хватался за кисти. «Творческая струна запела!» – радовался Мигунов, забыв о страхе перед близкой старостью.

Он попробовал работать фломастерами, акварелью, маслом и акрилом. С акварелью не справился. Не хватало в ней цвета, дерзости, энергии. Фломастеры оставил детям. Масляные краски тоже отклонил: слишком резко они пахли. Для них была нужна отдельная мастерская, а не угол в трёхкомнатной квартире, куда постоянно приходили дети. Поэтому остановился на акриле: ни запаха, ни какой-либо сложности с их разведением водой. Сохнут быстро, держатся долго, запросто можно положить поверх одного рисунка другой. А уж цвет – фантастика, мечта! Картон и бумага тоже были отмечены как слишком прозаические вещи. Только грунтованный холст!

III

К середине лета скопилось много картин. Сначала они стояли на свободных поверхностях, а потом были свалены в кучу и превратились в источник недовольства жены. Она взяла в привычку тихо ворчать всякий раз, как проходила мимо художественного «хлама, съедающего пенсию». Кошка порвала несколько холстов и норовила точить когти о рамки. Попугай яростно кричал: «Базар! Восторг!» Но Мигунов продолжал работать. Однако игнорировать подковырки супруги не получалось. Язвительный шёпот перебивал звучание творческой струны, и та стала давать сбои. Когда струна молчала, Мигунов начинал подумывать насчёт продажи картин. Занятие живописью оказалось дорогим удовольствием. Пенсии не хватало, таксовать было некогда. Всё чаще он рассуждал: «Чем я хуже других самоучек, выставляющихся в Курортном парке на центральной аллее перед бюветом, где особенно много отдыхающих? Говорят, раньше, в советское время, уличные художники могли за сезон заработать на машину». Соблазн иметь дополнительный доход не давал покоя. Впрочем, не до жиру: не на машину, так на колёса и новую обивку для салона заработает.

И однажды решился. Выбрав пятнадцать отменного качества работ, отправился в парк. Разложил всё недалеко от источника и стал нервно прохаживаться рядом, не выпуская сигарету изо рта. Слева и справа расположились местные художники. Все они имели скучающие физиономии, но оживились при появлении Мигунова.

– Давно малюешь? – спросил тот, чья галерея была представлена видами двуглавого Эльбруса и других известных на Кавказе гор.

– Пять месяцев, – ответил Мигунов.

– Шутишь? – не поверила пышнотелая средних лет художница. Её картины пестрели мордами разномастных кошек со стеклянными глазами.

– Где учился? – поинтересовался третий, видимо любитель натюрмортов, ибо стоял в окружении помидоров, яблок, груш, винограда и прочей фруктово-овощной снеди.

– В Интернете! – признался Мигунов.

Он уловил ревностную настороженность, исходившую от коллег по цеху. Оценив обстановку, понял, отчего такая реакция. Его работы были, конечно, сильнее неживых пейзажей, статичных кошек и шаблонных натюрмортов. Всё, что он видел, являлось мазнёй, ширпотребом. Ну и картинки... Без капли души! Без динамики и настроения. Убогость. Свои полотна он не мог так назвать. Не потому, что сам их создал, а потому, что видел разницу в технике исполнения. Да что там «разницу»! Пропать. Природное чутьё давало ему трезво взглянуть на чужое и личное. Может быть, ему далеко до профессиональных мастеров, но творческая струна пела-подсказывала: у него получилось. Да и любопытство людей, окруживших выставку Мигунова, говорило о многом.

В этот день купили четыре картины. Из тех, которые он определил для себя как средненькие. Каждая ушла по четыре тысячи рублей. Мигунов обомлел. Он старался не смотреть на соседей, хмуро поглядывавших в его сторону. А дома первым делом убрал картины подальше от кошки. Довольная, примолкшая жена выделила для них несколько полок, предварительно убрав книги. Мигунов блаженствовал. Глянул в зеркало и лихо подмигнул своему отражению: «Видал? Шестнадцать тысяч заработал! Почти моя пенсия!» Несмотря на поздний час, взялся за работу и написал небольшую картину: одинокая беседка на пригорке, окутанная зеленью клёнов. У подножия – лунообразный цветник. В картине не было ничего необычного, но чередование мелких и крупных мазков, экспрессия дневных теней и переход одного тона в другой создавало волнующее впечатление: пейзаж дышал. Мигунов остался доволен, получив подтверждение своего мастерства. Под сказочную песню тайной струны уставший художник уснул.

Через три месяца он с огромным разочарованием понял, что публике нравится примитив. Что люди не против лупоглазых кошек, статичного Эльбруса и каменных натюрмортов. И был удивлён, когда увидел, что лучшие его работы оставляют зрителей равнодушными. На них даже не смотрят, отдавая предпочтение тому, что не имело ценности. «Ну что ж, – решил Мигунов, – если такое дело, можно пойти народу навстречу». Он стал придумывать простенькие сюжеты, выжимать их из себя, вытаскивать. Не следовать тому, что подсказывало сознание, о чём нашёптывала вдохновенная струна и что само просилось на холст, а натужно писать пустышки. Ради экономии холстов он приловчился закрашивать картины, на которые более двух недель никто не засматривался, и писать поверх них новые. Более понятные, декоративные. И такие «шедевры» продавались.

Активная торговля раздражала коллег. Художники бойкотировали удачливого соседа, не вступая с ним в разговоры. Однажды, уже перед зимой, Мигунов отлучился на несколько минут, чтобы попить минеральной воды. Когда вернулся, увидел, что несколько его картин испорчены. Кто-то разрезал полотно, и они болтались ключьями. Выругавшись, Мигунов оглянулся. Горе-мастера стояли на обычных местах и, казалось, были заняты созерцанием своих творений. Искать справедливости, ссориться с ними? Глупо. Эх... Не денег жалко, а поруганной души. Среди испорченных картин была и та, где продолжала плакать чернокожая гаитянка и тихо качался на синих волнах обрубок толстого дерева. У Мигунова рука не поднималась закрасить эту работу. Он выставил её, но без всякой надежды на продажу. Лишь бы находилась рядом. С ней ему было тепло.

Увидев, что линия разреза прошла по фигуре девушки, Мигунов вздрогнул, похолодел, а потом к горлу подступила тошнота. Он убежал за киоск, где его вырвало. В груди стало больно, как будто там лопнула струна, дающая вдохновение. Мигунов замер, прислушиваясь к своим ощущениям. Так и есть: душу объяла пустота, в которой не было места арфе. Он вытер губы и долго стоял, приводя чувства и мысли в порядок. Вроде полегчало. Собрав картины, ушёл домой и несколько дней бездумно валялся на диване, слушая крики попугая. Приходила жена, сын с внуками. Он машинально что-то отвечал, ужинал с ними, но пребывал в потере сознания. Морщины на лице углубились, концы бровей печально повисли вниз. Он курил больше обычного и много молчал. Жена пробовала успокоить его:

– Жили без этих денег и дальше проживём, – приговаривала она, поглаживая супруга по спине. – Ну, испортили четыре холста. Забудь.

– Да не в деньгах же дело, Маша!

– А в чём, Коля?

– В душе, в душе! В которую плюнули. Представь, я не могу теперь писать картины. Что-то надломилось внутри.

– Разучился?

– Не разучился. Души в них будет мало. А без души зачем холсты портить? Стать похожим на одного из тех, кто Эльбрусы и кошек штампует? Понимаешь, ушло настроение, исчез полёт, руки не просят красок.

– Ну-у-у, – протянула жена, – если не разучился, можно и без души. Можно и без настроения рисовать. Главное, деньги будут. А в наше время, сам понимаешь, они лишними не бывают. Ты отдохни, отдохни, и всё наладится.

– Эх, Маша, Маша. Пойми, испортили лучшую вещь! Ведь я писал не ради наживы. От чистого сердца, повинуюсь вдохновению. А это выше всего, потому что не имеет границ. Ведь когда во мне вдруг проснулось художество, я будто вышел за горизонт. Увидел мир таким, каким раньше не видел! Я был здесь, в комнате, но был далеко от неё. Там, где находились корабли, шёл тропический ливень или жарило нездешнее солнце. Я жил вместе с героями, дышал воздухом, которым дышали они! Лазил на скалы, на которые они взбирались! А сейчас? Я снова не вижу горизонта! Снова тупик и духота.

– Правильно, не видишь, потому что из нашего окна его не видно.

– Да я о другом! О другом горизонте говорю. Эх, Маша, как надоел мне этот ковёр. Осточертел. Может, сменим?

– Теперь к ковру прицепился. Он-то в чём виноват? Ещё сто лет прослужит. Деньгами сорить незачем.

– Оставь меня. Хочу подумать.

Он несколько раз подходил к мольберту и уходил, не в силах к нему прикоснуться. Тем не менее в понедельник неожиданно вспомнил, что хотел купить зимние шины на автомобиль, поэтому сел за работу, понукая себя мыслью о желанной покупке. Писать картины без ощущения музыки внутри себя было непривычно. Ещё недавно всё вокруг забывалось, оставалась только однострунная арфа. Она струилась нежнейшей вдохновенной мелодией, которая заполняла слух Мигунова изнутри, оживляя каждую клеточку организма неизъяснимым восторгом. Теперь же внутри зияла темнота, а его слух отравлялся визгами телевизора, шагами жены, криками попугая, гудением автомобилей, скрежетом близкого лифта. Шумовая отравка была привычной. Интоксикация от неё, так же как и от сигарет, воспринималась в качестве неотъемлемой части жизни. А раньше? Заслышав звуки струны, Мигунов улетал в невесть какие дали, отдавал полёту всю энергию до последней капли и возвращался, как сдутый пузырь. Неизвестно, как оно лучше-то: или со струной, или без неё.

Так, мало-помалу Мигунов снова взялся за кисти и продолжил выжимать из себя сюжеты и темы для этюдов. Он видел, что этюды, а за ними и картины выходили вялые, тусклые по внутренней наполненности. Однако технически были безупречны. Гладкие для восприятия, они не затрудняли взгляд покупателей поисками потаённого смысла. Да и кому он нужен, этот смысл? Люди устали от безденежья, от безнадёжности. Свой взор останавливали на том, что отвлекало их от тяжких дум, на чём-то ярком и понятном. Мигунову нынешние свои картины не нравились, но он продолжал трудиться, потому что зимние шины он купил, теперь нужны были новые колодки для машины.

Полного погружения в сюжет не происходило. Мигунов смотрел на своих героев отстранённо, холодно, не зажигаясь от происходящего на полотне. «Однако в каком-то смысле, – думал он, – такое положение дел сберегает нервы». В их с женой возрасте это не лишнее. Да, творить под звуки внутренней струны, по звучанию похожей на арфу, прекрасно. Это поднимало его на огромную высоту! Кидало за горизонт, делало взгляд всеобъемлющим, проникающим в суть предметов! Но ведь как выматывало, как забирало силы! Буквально выхолащивало, опустошало. И приходилось курить сигарету за сигаретой и без меры заливать в себя кофе. А так, без струны, малой себе на здоровье! Тишь да гладь. Главное, чтобы было в тему, чтобы нравилось толпе.

IV

Зимой продажи упали. Отдыхающие окружали уличный вернисаж Мигунова, подолгу рассматривали некоторые из картин, но денег не доставали. Особенно любопытные задавали вопросы о том, с какой природы были срисованы скалы, район города или девичье личико. Мигунов в ответ раздражался и ничего не отвечал. Как объяснить бестолковым, что вся его натура – в голове? Что денег не наберёшься ездить по всем местам, что изображены на полотнах. С другой стороны, подобные вопросы удовлетворяли его авторское самолюбие: если спрашивают, значит, видят интересное для себя, значит, что-то цепляет в картинах.

Однажды к нему приблизилась компания из троих молодых мужчины, одетых щеголевато, по-европейски, в дорогие тёмные пальто и вязаные шапки. Поздоровались и принялись внимательно рассматривать выставку. О чём-то переговаривались между собой и поглядывали на курящего, съевшегося от холода Мигунова.

– Это ваши работы или вы только продавец? – спросил один, в рыжих замшевых ботинках.

– Мои, – буркнул Мигунов. Почему-то он испытывал к незнакомцам враждебное чувство.

– Недурно, весьма недурно. Весьма неожиданно встретить в провинции тонкую выразительность. Вы долго пишете одну картину?

– По-разному. Могу за день. Или за неделю. Смотря как работа пойдёт.

– Прекрасно. Не хотите выставиться в Москве?

– Не понял?

– Вы собираете все свои работы, приезжаете в столицу, а мы организуем для вас вернисаж в нашем арт-клубе. Довольно известный в Москве.

– Для вас это ничего не будет стоить, – добавил второй, укутанный в полосатый шарф. – Только проживание в гостинице. Если, конечно, захотите присутствовать во всё время выставки. Обычно такие мероприятия длятся по месяцу.

Эти трое выжидательно уставились на Мигунова.

– Что мне это даст?
– Известность. И двадцать пять процентов от продажи картин. Остальное – арт-клубу. За аренду и организацию проекта. Понадобится реклама, презентация, фуршет. Что скажете?
– Не-е-е-е, братцы. Это не для меня.
– Почему?
– Мне и здесь хорошо. Своя клиентура, весь доход мой.
– Ну, смотри, – насмешливо произнёс третий. – Если предпочитаешь стоять на морозе, дело твоё. Вот наша визитка. Надумаешь – звони. Картины у тебя классные, коммерческий нюх у тебя отличный. Такое нечасто встретишь. Можно было бы сделать хорошие деньги. Подумай.

Мужчина сунул в руки Мигунова визитку, и тройца, попрощавшись, удалилась.

Дома он долго обсуждал с женой тему поездки, и оба пришли к выводу, что дело это зыбкое. Ехать в Москву, тратить деньги, а будет ли результат? Нет, нет, всё остаётся как есть. Лучше синица в руках, чем журавль в небе. Во время разговора что-то затрепыхалось в груди Мигунова. Заволновалось и начало расти, пробуждая забытые возвышенные чувства. Как будто давешняя творческая струна, возродившись, приготовилась снова запеть. На секунду показалось, что ещё мгновение – и горизонт раскроет ему свои объятия, что сюжеты и образы, как бывало прежде, польются из подсознания, а руки сами запорхают над мольбертом. Но Мигунов усилием воли стряхнул с себя наваждение. Рассудок взял верх. «Нет, деньги надо зарабатывать с холодной головой, без всяких там полётов в никуда», – подумал он и сказал жене:

– Ехать в Москву – значит, бросить жилу, которую только-только нащупал, отдаться искусству. А мне хочется побывать на море. Как считаешь? Заработаю денег, поедем в Турцию. Хочу ещё раз вдохнуть морского воздуха.

Супруга в ответ согласно кивнула.

V

Три последующих года Мигунов упирался изо всех сил. Работал у мольберта каждый день, не давая себе отдыха. В результате набил руку и мог рисовать с закрытыми глазами – настолько изучил размеры холстов и настолько часто повторялись сюжеты картин. Писал их быстро, не задумываясь. Шёл по намеченному плану, ни шага в сторону. Для облегчения усилий и для увеличения скорости теперь не брезговал шаблонами. Набрасывал на два-три холста один и тот же рисунок, затем раскрашивал с точностью до сантиметра. В итоге получалось несколько одинаковых полотен, которые разлетались в течение двух-трёх недель. А если не разлетались, он молниеносно, без сожаления замалёвывал их, нанося новый рисунок. Казалось, и мыслить Мигунов стал шаблонами: столько-то картин в работе, столько-то готовы к продаже, столько-то заработано денег. Если рисовал море, то непременно с прогулочным кораблём и белой палубой, на которой изящные девицы потягивали коктейли из бокалов. Если городской пейзаж, то обязательно с кустом облетающей сакуры. Если портрет, то исключительно тонкого, с правильными чертами молодого лица.

Он подружился с художниками, когда-то испортившими четыре его холста. Покуривая, вместе с ними рассуждал о неразвитости художественного вкуса отдыхающей публики, которая приезжала в Эссентуки попить минеральной воды с разных концов России. Смеялся над простодушной наивностью людей, которые выбирали картины, исходя из желания украсить квартиру. Мигунов теперь хорошо разбирался в запросах чужаков. Знал, что именно нужно рисовать для прихожей, для кухни, а что для спальни комнаты. Различия между этими задачами были существенны, и относиться к ним следовало со всей серьёзностью. В противном случае зрители чувствовали подвох, насмешку и с обиженным видом уходили прочь.

Так, на кухню требовались только яркие натюрморты и лирические пейзажи. И ни капли абстракции! Иначе – не купят. Для прихожей предполагались гарцующие лошади, охотники с собаками, средневековые замки или городские виды. И опять же – никакого потаённого смысла. Всё должно лежать на поверхности. Для спальни брали цветы и жанровые сценки, в которых допускался намёк на любовь. Желательно на счастливую, чтобы радовала глаз и веселила сердце. Всему, связанному с морем, отводилось место в гостиной, в зале. Там же могли повесить картины с изображением Эльбруса, Машука, Бештау. Да, горы Кавказа и другие популярные туристические места Кавказских

Минеральных Вод заняли прочное место в работах Мигунова и больше не казались ему чем-то недостойным его внимания.

Исчезла нужда в деньгах. Семейный бюджет укрепился. Они с женой расслабились и задышали спокойнее. О деньгах уже не думали, не считали рубли. Всё, что уходило на холсты и краски, не шло ни в какое сравнение с доходами от продажи картин. Оказалось, что даже в трудное время люди не чураются прекрасного. Да, конечно, то, что теперь создавал Мигунов, находилось далеко от настоящего искусства, но всё равно было вправе таковым называться, ибо выражало его эстетическое отношение к миру. А уж какова эта эстетика – его личное дело и никого больше не касается. Главное – за неё дают деньги.

Через три года он подкопил сумму, чтобы лететь на Средиземное море. И они с Машей отправились в путешествие. Посмотрели Турцию, поплавали, понежились на пляже, попробовали знаменитую пахлаву и пишмание из сахарного сиропа и обжаренной муки. Вернулись довольные, загорелые, полные солнечной энергии. Мигунов прилетел воодушевлённым. Две недели он мечтал о том, что по возвращении домой тотчас сядет за мольберт и будет рисовать, рисовать! Отдаст холсту новые впечатления, выплеснет наружу печаль от встречи с морем. Печаль, граничащую с восторгом. Прочь, прочь шаблоны! Прочь комнатные жанры с их пустотой и несносной убогостью! Прочь запросы публики! С этого момента – только истинное, одухотворённое искусство. Только то, что идёт от сердца. О, сколько прекрасных картин возникало в его воображении, сколько выразительных образов толпилось в его голове! И всё это восхитительное великолепие срочно пролилось на полотно.

Мигунов так и сделал. Оставив жене разбирать чемоданы, переоделся в домашнее и стремительно бросился к мольберту, испытывая жгучее желание творить высокое, вечное, мудрое. Творить красоту. Такую, какая ещё не появлялась в его галерее. Он быстро, привычным жестом установил холст, взял кисть, нетерпеливо открыл краски, сосредоточился, весь уйдя в свои мысли, занёс руку над мольбертом и – беспомощно замер. Серый холст смотрел на него и, казалось, давил чистотой, которую Мигунов почему-то страшился нарушить. Рука не двигалась навстречу будущей картине. Холст, будто почуввав нерешительность Мигунова, осклабился. Возможно, это была игра теней, падавших из окна. Но Мигунов не сомневался: ему в лицо злорадно усмехался холст. «Наверное, дорожная усталость, – подумал он и потряс головой. – Сутки не спали. Мерещится всякая ерунда». И он пошёл на кухню к жене, которая готовила чай.

После чая прилёг отдохнуть, а вечером, при свете лампы, снова встал к мольберту. История повторилась. Он не мог сделать и одного мазка. Рука была словно замороженная. Словно кто-то сдерживал её, не давая водить кистью по холсту. Когда же Мигунов, взмокнув от напряжения, сумел-таки начать рисунок, он с ужасом ощутил скованность во всём теле. Несвобода! То, что появлялось на холсте, было далеко от совершенства и напоминало технику, в которой он работал последние два года. «Халаянная» – так он её называл, подразумевая живопись на скорую руку, ради лёгкого заработка. Морской пейзаж, который Мигунов силился воссоздать, был похож на шаблонную картину для гостиной. Никчёмность интерьерного жанра поразила его. Убила. Как ни пытался, он не мог выйти за рамки укоренившейся привычки. Под рукой рождалась очередная серость, пустая внутри, но технически безупречная. Не об этом мечтал Мигунов, а о чём-то, близком к гаитянской теме. О картине, где каждый мазок одухотворён и проникнут светом.

Со страшной силой захотелось взвыть. И он бы взвыл, если бы не жена, которая после чая включила наконец телевизор и жадно уставилась на экран. Не стоило пугать Машу. Поэтому Мигунов тихо опустился в кресло рядом с мольбертом и окинул взглядом комнату, в которой отсутствовали попугай и кошки – их перед отъездом отнесли к сыну. Он снова услышал страх в своей груди. То был страх грядущей близкой старости, мерзкой, как и его последние картины.

18–23 декабря 2022 г., Ессентуки

Проза

Николай Жуков

Николай Викторович Жуков – родился в Донецке в 1957 году. Окончил среднюю школу № 21 Донецка, Донецкий техникум физической культуры и спорта с «отличием». В 1976 году был призван на Краснознамённый Балтийский флот. Делегат 18-го съезда ВЛКСМ. Окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище, Гуманитарную академию Вооружённых Сил РФ. Служил в морской пехоте, на боевых кораблях и в спецназе Балтийского флота. Решал задачи боевых служб, парашютист, офицер-водолаз спецназа, мастер боевых искусств, награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени. Уволился в звании капитана 2-го ранга. Работает в МБОУ гимназии № 7 им. Константина Покровского города Балтийска, преподаватель-организатор ОБЖ высшей категории, обладатель гранта «Лучший учитель», победитель конкурса «Учитель года – 2022», лауреат, победитель, призёр и дипломант многих литературных конкурсов.

БАЛТИЙСКАЯ ОСЕНЬ

Рассказ

Унылая пора – очей очарованье,
Приятна мне твоя печальная краса,
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса!

А. С. Пушкин

Есть люди, которые любят весну – пору, когда оживает красавица природа, другим приятно и радостно ощущать летнее тепло, вкус зрелых плодов, запах разнотравья и красоту мира цветов. Зимний холод, прелесть морозного воздуха и разнообразие снежных пейзажей прельщает третьих. Но мне всего дороже осень – это время года, когда я впервые увидел мир!

Осенью школьники, гимназисты и лицеисты, студенты и курсанты начинают очередной учебный год. Возобновляют свою деятельность спортивные, музыкальные и художественные школы. В учебных заведениях включается механизм интенсивной работы – от налаживания тематического планирования до проведения предметных олимпиад. Осенью все процессы в человеческом обществе набирают мощь, силу и скорость!

Пятнадцатого октября работники жилищно-коммунального хозяйства начинают отопление наших уютных жилищ, цена арбузов достигает минимума, заканчивается время строительства нового жилья для военнослужащих и бестолкового ремонта дорог ямочным методом, завершается бабье лето.

Осенью тысяча девятьсот семьдесят шестого года, мои короткие морпеховские сапоги впервые отстучали звонкую флотскую чечётку по брусчатке Балтийска. «Приветливо» встретила молодое пополнение замечательная осенняя калининградская погода, безжалостно поливая нас своими мелкими бесконечными дождями. Пронизывающие до костей балтийские ветра, под звуки барабанов, сдували новобранцев-«чижиков» с огромного серого и скользкого плаца полка морской пехоты. Случайно полученные нами ранки и потёртости на руках превращались в воспалённые и болезненные нарывы. Серая и мрачная погода одела новоявленных гвардии матросиков в чёрные флотские шинели. Вот так и пришло начало новой воинской жизни. «Попал в гвардию – гордись, не попал – радуйся!» – гласит матросская мудрость.

Моё появление в самом западном городе Советского Союза, скорее всего, не было случайностью. Попав в бывшую Восточную Пруссию, я сразу же почувствовал в ней что-то родное и близкое. Неизвестной и в то же время знакомой показались мне её природа и готическая архитектура. Наверно, сыграли свою роль прочитанные в детстве красочные книги со сказками Гофмана и братьев Гримм, таинственные истории о подземных городах, «секретном фарватере», рассказы о подвигах русских солдат и матросов всех времён.

И как же разительно отличалась калининградская природа от природы донецкой, что провожала меня на воинскую службу. Меня встретили смешанные леса, чередующиеся с широкими полями, непривычные растения и деревья, покрытые мхом, изобилие лесных грибов и ягод. А там, далеко на родине, остались просторные чернозёмные степи, распаханые человеком и подготовленные к следующему севу.

Здесь, у Земланда, седая Балтика упирается в разновысокую полосу белых песчаных, хрустящих, как снег в морозную погоду, дюн, за которыми прячутся прекрасные буковые рощи, созданные руками человека.

В лесных зарослях даже в холодные месяцы осени можно найти зелёную траву, цветы, переспевший шиповник, падающий с веток боярышник, гроздь рябины, дикие яблоки или груши. А как прекрасен аромат упавшей листвы, влажной пожухшей травы и потемневших желудей, сильно напоминающий запах крупных грецких орехов и листьев, растущих на огромном дереве во дворе родительского дома!

До сих пор мало кто из местных знает, насколько полезны и вкусны семечки чинар (так на Кавказе называют буки). Говорят, что по своей калорийности они не уступают кедровым орешкам!

Некоторые из этих удивительно стройных и красивых деревьев с белыми стволами покрыты вечнозелёным вьюнком, тянущимся ввысь к их вершинам. Ему не страшны ни холода осени, ни зимние морозы. Много лет назад чинары поразили меня своей белизной и величиной, отчаянным стремлением дотянуться до солнца. Тогда среди морских пехотинцев была примета, если напишешь на стволе бука своё имя, месяц и год призыва на службу, то вернёшься домой вовремя – день в день!

Прошли годы, и я в который раз пытаюсь отыскать следы тех самых надписей на чистой белой коже старых лестных великанов, но тщетно! Деревья с годами меняются и очищаются от прошлых ран, нанесённых снарядами осколками, пулями и острыми ножами наивных матросов. Они продолжают тянуться к солнцу, становясь ещё более могучими.

Осенью в этом поистине королевском лесу я всегда нахожу душевное утешение и божью благодать. Блеск позолоченных деревьев и звонкий щебет многочисленных птиц помогают мне снимать многочисленные, травмирующие человеческую душу стрессы.

Я прихожу в восторг от широколистных клёнов и роскошных лип, от прибрежных приземистых сосен и огромных стройных лиственниц, от величественных могучих многолетних каштанов и зарослей лесных орехов. Меня завораживают древние дубы-колдуны, повидавшие на своём долгом веку и рыцарей-тевтонцев, и солдат шведского короля Густава-Адольфа, и наполеоновские штандарты, и разъезды донских казаков генерала Платова, и плащ-палатки, и красноармейские звёзды бойцов генерала Гурьева. Бывает, прижмёшься к стволу дерева, и кажется, что многовековая мощь и здоровье растения передаются мне, омолаживают мой уставший организм.

Порой вместе с родными и друзьями мы ходим на экскурсии к заброшенным немецким артиллерийским укреплениям, местам, где когда-то стояли дома и усадьбы прусаков, находились старинные кладбища. Здесь жили другие люди, была совсем иная цивилизация, иная история. Она манит своей таинственностью.

Прекрасны виды на сказочный лес, Приморскую бухту и Калининградский залив, когда стоишь на берегу у Восточной Гривы. Заросли камыша местами прорезаны путями диких кабанов и уже редко встречающихся косуль. К воде тянутся тропки каких-то водоплавающих зверьков, которые, передвигаясь к береговой черте, брюшком тянут за собой стебли травы, указывающие направление движения животного. А ещё лет тридцать назад, поздней осенью, мне приходилось видеть символ Восточной Пруссии – гигантского красавца лося, который останавливался у КПП танкового батальона морской пехоты и долго с недоумением наблюдал за шоссе Балтийск – Калининград, всякий раз удивляясь появлению в своих владениях наглых непрошенных гостей – рычащих автомобилей.

Бывали случаи, когда целые семьи диких кабанов, утомлённые встречами с многочисленными грибниками, выходили прямо на дачные участки. А однажды во время очередной пробежки мне посчастливилось встретить целое стадо косуль из пяти особей. Не почувствовав моего приближения, они стремительно разлетелись в разные стороны, и казалось, прыгни, как футбольный вратарь к близстоящему животному – дотянусь до его звонкого копытца! Как-то раз в холодном ноябре во время раннего снегопада я встретил среди лесных зарослей ослепшую от белизны лису. Ветер дул с её стороны, и зверь не почувствовал моего приближения. И я, продолжая свой кроссовый бег, шуточно попытался догнать Патрикеевну, но тщетно, через пять десятков метров её и след простыл! Именно таким таинственным способом умеют уходить от вражеской погони моряки-спецназовцы и разведчики морской пехоты, выполняя непростые задачи флотских учений.

Юные кадеты моего класса всегда поражаются тому, что спустя десятилетия на балтийской земле остались нетронутыми глубокие шрамы от былых штурмов и сражений, как густо она начинена «эхом войны»! Каждый год она выдавливает из себя всё новые и новые снаряды, мины и гранаты времён Великой войны, создавая поле деятельности для сапёров. То там то здесь возле посёлков Мечниково и Павлово среди берёз, клёнов, буков и осин хорошо просматриваются осыпавшиеся траншеи, одиночные солдатские и танковые окопы, миномётные и зенитные позиции, огромные чёрные воронки, остатки блиндажей и землянок, шпалы и насыпи узкоколеек, поворотные железобетонные артиллерийские площадки.

Порой под многолетним слоем упавшей с деревьев листвы можно обнаружить россыпи автоматных и винтовочных гильз, ещё чёрные пулемётные ленты, магазины легендарных ПППШ, кинжалы и тесаки, трёхгранные русские штыки, металлические тубусы для немецких пулемётных стволов и не истлевшие отвороты чёрных морских шинелей, на пуговицах которых изображён не наш якорь. То и дело между песчаными холмами-курганчиками встречаются кованные немецкие матросские ботинки с высокими берцами, простреленные пулями лоскуты синих фланелевых рубах и лопаточные кости человеческих останков. Очевидно, всё это когда-то принадлежало защитникам фашистской военноморской базы Пиллау или воинам-гвардейцам армии генерала Галицкого, сцепившимся друг с другом в беспощадной, страшной и смертельной схватке. В тех жестоких боях погиб каждый четвёртый советский воин – чей-то отец, дед или прадед!

Северный ветер шевелит микроскопические песчинки береговых дюн, перенося их на дальние расстояния. И в очередной раз оголяются новые артефакты ушедшего времени. Эта земля хранит ещё множество неразгаданных загадок и нераскрытых тайн!

Будто было это только вчера, как появился я на этой благодатной земле. Но за плечами уже тридцать пять лет, что прожиты на своей новой родине – в гордом, мужественном, негнибаемом Балтийске.

Казалось бы, что мечта моей жизни реализовалась не полностью, я не стал боевым адмиралом, хотя шёл к этой цели, служа по-честному. Но вот совсем недавно один из моих закадычных друзей, который является родителем моего ученика-кадета, сообщил мне новость, что за глаза, оказывается, в нашей гимназии меня называют «Адмиралом». Так что, невзирая на отставку, я дослужился до высшего звания, звания, что присвоили мне мои ученики. А потому мечта сбылась. Сбылась тут, на героической балтийской земле.

Закончилось короткое бабье лето. Ещё недавно величественное Балтийское море было тёплым и ласковым, позволяющим мне вместе с кудрявым фокстерьером Бонифацием весело купаться в его изумрудных волнах, вместе лакомиться ягодами пляжного шиповника и ежевики, гоняться за птицами и наглыми зайцами. Миновали тёплые деньки, и небеса сменили свой колер. Они стали тёмно-серыми, сливающимися на горизонте с потемневшим свинцовым морем. Мощные дождевые заряды безжалостно поливают ещё не опавший лес и бело-зелёные дюны.

Скоро начнётся зима. А пока я жду свой день рождения, день рождения дочери и жены, дни танкиста, моряка-надводника, морской пехоты, советской военной разведки, спецназа ГРУ и праздник учителей всей России! Все они касаются меня непосредственно, так уж распорядилась короткая жизнь обычного человека. А в общем, «Адмиралу» есть о чём поговорить со своими шумными и недисциплинированными кадетами. Вперёд полный! Жизнь продолжается! Продолжается на замечательной калининградской земле – второй родине, ничуть не хуже первой – Донецкой. И такой же многострадальной.

Поэзия

Алексей Полубота

Алексей Викторович Полубота – поэт, прозаик, секретарь Правления Союза писателей России. Лауреат ряда международных и всероссийских литературных премий и конкурсов. Автор четырёх опубликованных поэтических сборников. Инициатор и вдохновитель Всероссийского фестиваля им. Николая Тряпкина «Неизбывный вертоград», Международного поэтического конкурса им. Евгения Курдакова «Купина неопалимая», Международного поэтического конкурса им. Павла Беспощадного «Донбасс никто не ставил на колени». Главный редактор литературно-краеведческого альманаха «Неизбывный вертоград». Автор цикла репортажей с мест военных действий в ДНР и ЛНР в 2014–2023 годах, режиссёр документального фильма «Зайцево. Храм на линии фронта», вошедшего в официальную программу 24-го Международного фестиваля православных фильмов «Радонеж». Награждён медалью «Михаил Шолохов» Союза писателей России.

У Алексея Полуботы вышла новая книга «На ослепительном снегу», в которой собраны его лучшие стихи о Русском Севере и Арктике, написанные за четверть века. В заключительной части книги помещено литературоведческое исследование кандидата филологических наук Ольги Блюминой «Белое сияние лирики Алексея Полуботы». Предлагаем вниманию читателей рецензию поэта Владимира Сорокажердьева, а также подборку стихов из книги.

В ПРОСТОРЕ, ПОЛНОМ БЕЛИЗНЫ...

Поэзия Алексея Полуботы непроста, задумчива, таинственна, в то же время доступна и понятна, без плетения стилистических кружев и позы, она в русле русской поэтической традиции – Пушкин, Кольцов, Некрасов, добавим к ним и более близких к нам по времени поэтов – Тряпкин, Рубцов, Передерев.

Поэзия его начиналась в Мурманске, родном городе, в местном литературном объединении, а продолжилась в Литературном институте им. А. М. Горького – важном сообществе для поэтического роста и культурного развития.

Молодой поэт приехал в Москву не с пустыми руками, а с зорким видением мира, в котором живёт, северной природы, «где всё живое к камню жмётся». Природа отложилась в его душе живописными сопками, крутолобыми валунами, низкорослыми берёзками, обнажёнными соснами, форелями на прозрачной струе, ослепительным снегом в пути на лыжах или с удочкой на озере. Снег – основной символ Севера. Именно этот ослепляющий весенний снег дал название книге.

Природа – основа поэтического мировоззрения Полуботы, с ней он в тесном общении – слушает, наблюдает, набирается мудрости.

*Золотое солнце, золотой
Снег искрится на весёлых сопках.
Ночь сбежала, спрятавшись за мной
Тенью недоверчивой и робкой.
Из-под снега смотрят валуны,
Лучших я не знал друзей на свете!*

*В сумерках задумчиво грозны,
А сейчас доверчивы, как дети.
Голубого неба тишина
Рядом – протяни лишь только руку.
Прямо в небе замерла сосна,
Тишину боясь нарушить звуком.*

Стихи Полуботы образны, напевны, народны, некоторые с лёгкой стилизацией, например стихотворение «Варзуга», что подчёркивает древность поселения, известного Успенской церковью и рыбным промыслом.

*Речка сёмгой серебристою
На порогах звонких плещется,
Где взмахнёт хвостом, там тысячи
Золотых сверкают брызг.*

*То ревёт, как будто сердится,
На камнях вскипая пеною,
А то вдруг воронкой солнечной
Улыбнётся берегам.*

Народная интонация проявляется у поэта и в стихах гражданского звучания («Воинам Заполярья»), стихов о войне в данной книге почти нет, хотя знаю, в творчестве Полуботы они есть – о нашей современности, навеянные многочисленными поездками на воюющий Донбасс. В них он патриот и лирик.

Впрочем, разве не патриотичны его стихи о мурманском Севере, где «цветов невзрачные черты», о святом Трифоне, Валааме, Соловках, Суздале, написанные с глубоким уважением к православию и людям. В них – автор, русский человек, в полной гармонии с окружающим миром, историей, это – его позиция.

Поэзия Полуботы – в русской традиции, но не в подражании. Он создал свой удивительный лирический мир, весьма отличный от творчества учителей и сверстников по Мурманскому литературному объединению, внутренне шире и богаче. Своей новой книгой он значительно раздвинул рамки поэтического восприятия Севера, России.

Владимир Сорокажердьев,

*поэт, член Союза писателей России с 1978 года,
почётный гражданин города Колы, Мурманск*

РОДИТЕЛЯМ

На ослепительном снегу
Ни пятнышка, ни тени.
Спят облака, как на бегу
Застывшие олени.

Знакомый с детства снежный край!
Край замерших просторов,
Где в тишине собачий лай
Мерещится озёрам.

Где редкий куст, увяз в снегу
Валун – старик угрюмый,
При ярком солнце и в пургу
Свои лелеет думы.

* * *

Дремлет солнце-лежебока
На плечах могучих сопки,
Не бывает одиноко
В этом царстве далее топких!

Валуны – тюленьи туши –
Что-то там урчат друг другу.
Перекат врачует душу,
Словно близкий голос друга.

В тёплый ствол сосны шершавый
Я вращу на миг руками...
Где-то там за облаками
Море дышит величаво.

* * *

Плывёт по небу мгlistая заря,
Мороз вцепился крепко в лапы сосен.
О, царство ледяного янтаря,
Где снега скрип безмолвию несносен!

Здесь понимаешь, как безмерна Тишь,
Та, что слова случайные объяла.
И, как природа строгая, молчишь
У замершего вечности Причала.

* * *

А мне бы стать отшельником на Севере:
ловить форель, молиться в небеса
на тихий свет, сквозь облака просеянный,
и слышать Трифона¹ и братья голоса.

Расчёсывать укусы комариные
и, укрепляясь муками Христа,
поститься терпкой горечью рябиновой,
не думая о трудности поста.

* * *

Над Имандрой вздымались облака –
Морозные оранжевые горы –
Как будто лёд пробившая река,
Разлилось солнце над немом простором.

¹ Святой преподобный Трифон Печенгский – основатель самого северного в мире Свято-Троицкого Трифонов Печенгского монастыря.

Оцепенев до кончиков корней,
В сугробах вязли маленькие ели.
И всё же в очертаниях теней
Таился звон обманчивой капли.

Я был один в сияющей глуши,
За сопками вдали скрывался город.
И был невыносимым для души
Тот мир, где был я бесприютно молод...

* * *

Останусь строчками,
останусь песнями.

Николай Колычев

Вновь расцветает Кольский край
Морошковыми кочками.
А где-то рядом Николай
Звонит над тундрой строчками.

Поэтам русским не впервой
При жизни горько маяться.
А после – ветер над сосной
Их словом отзывается.

На неприметном валуне
Светло о Коле вспомню я,
И отразится в сердце мне
Его улыбка скромная.

Не много делаем добра
Мы в этой жизни суетной,
Но всё же люди у костра
Нас вспомнят в светлых сумерках.

За то, быть может, что верны
Себе не понарошку мы...
Средь незакатной тишины
Стихи его – морошкой.

* * *

О, Валаам, взыскующий и грозный,
Простёрший длань к горящим Небесам!
Так долго шёл я в темноте беззвёздной
К твоим, познавшим Вечность, островам.

Горят, горят Небесные Пределы,
И вспыхнул в облаках Нетленный Крест,
И я душой, от чуда онемелой,
Молюсь Тому, кто выше всех чудес.

* * *

И всё же вернулся. Судьба моя – Мурманск.
Мерцает могуче залив.
Сквозь бури и штиты пролёг сюда курс мой,
к причалу студёной земли.

Пускай уезжают туда, где теплее,
Где яблони нежно цветут.
Здесь сердце ручей снежной пеной согреет
и в детство тропинки ведут.

Рассыпано солнце на кочках морошкой,
в озёрах не спят облака.
Ещё не истлела глухая сторожка –
счастливый приют рыбака.

ПЕСНЯ МОСКОВСКОГО МУРМАНЧАНИНА

До чего же редкие над столицей звёзды!
До чего же чахлые в небе облака.
Мне бы в тундру-матушку, да с душой развёрстой,
Чтобы поразвевалась грусть-печаль-тоска!

Валунами-гирьками мне бы позабавиться,
Всколыхнуть дремучие зеркала озёр,
Чтобы расплескались в них звёзды-раскрасавицы,
Эхом раззадорился – эх! – родной простор!

С водопадом-батюшкой мне бы почеломкаться,
В ледяные пригоршни окунуть лицо,
Чтобы чудо-всполохи тьму на сердце скомкали
И навек размыкалось чёрное кольцо!

* * *

На Север, на Север, на Север,
Туда, где болотные мхи
Так ярко блестят на пригреве
И сопки безмолвно глухи!
Туда, где танцуют берёзки,
Дождавшись погожего дня,
Цветы красотою неброской
Давно зазывают меня.

* * *

А в Сибири берёзы русские
разбегаются по полям...
Как бы так меж ракетными пусками
умудриться припасть к корням?!

Дым и грохот над полигонами,
мечет пламя стальной вулкан...
А берёзы, в простор влюблённые,
дарят золото облакам.

Поэзия

Иван Молчанов-Сибирский

Иван Иванович Молчанов-Сибирский – родился в 1903 году во Владивостоке, умер в 1958 году в Иркутске. Член Союза писателей СССР. Автор книг: «Покорённый Согдиондон» (1932), «Зарницы» (1952), «Лирика» (1959), «Синий снег» (1970), «Моё предместье» (1985), «Дяди Ванин тусок» (2003) и др. Первая книга стихов Молчанова для детей «Милая картошка» была издана ещё в 1933 году. За ней последовали «Лыжежнята», «Таёжная тропинка», «Лодка-мореходка», «Мальши», сборник маленьких рассказов «Медвежонок на палубе» и др. Не обошёл в своём творчестве поэт и военной тематики. Об этом его книги «Граница на Востоке» (1939), «Полевая почта» (1942). В годы войны был военным корреспондентом, участвовал в боях с японцами, отразилось это и в стихах, таких как «Русская гармошка на Хингане», «Дуб в пустыне Чахар», «Танк в облаках» и др.

* * *

Серый, серый гаснет вечер,
Запотело окна плачут.
И висят скупые речи:
Как нам быть? Иль жить иначе?

Не придёт весна до срока,
Не растеплится в лазури,
И ручьёв весенний рокот
Не разбудит сонный Урик.

Дым удушливый повиснет
В дряхлой, старенькой избёнке.
Тополёк в последних листьях,
Будто стрижен под гребёнку.

Скоро ночь! И за амбаром,
Где стоят немые ёлки,
Заглушив напев гитары,
В тишине завоют волки.

12.01.1922

* * *

Снова старенькая комната,
Расписной узор гардин.
Я сижу, печалью скованный,
В тёмной комнате – один!

Монотонно время тукает,
Как сегодня и вчера.
Со своею старой мукою
Буду снова я играть.

Плещет белыми метелями
Ночь из чёрного ковша.
Будешь в полночь ты расстреляна
Злой тоской, моя душа!

12.01.1923

Я БЫ РАД...

Я бы рад полюбить горячо,
Да скучны будут страсти страницы.
Потому-то я их не прочёл,
Не прошёл сокровенной границы.

А теперь в сердце зреет печаль...
Вспоминаю последнюю встречу...
Мне любви неизлюбленной жаль
И проколотый звёздами вечер.

4.01.1923

ОСЕННЕЕ

За решётками парка
Томно, нежно зарделись
Молодые боярки –
Ягод колкая прелесть.

Под вуаль паутины
Скрылось золото листьев.
У рябины – рубинов
Светят тяжкие кисти.

Ветерок втихомолку
Пробежался по клумбам,
Сбросил пыли ермолку
С алебастровой тумбы.

Солнце стало с монету,
Часто прячется в тучах.
После пылкого лета
Стало время тягучим.

По утрам заморózки,
Серый день слёзы точит.
Обнажились берёзки,
Ветер в парке хохочет.

Он своею метёлкой
Вымел чисто аллею
И стыдливую ёлку
Заласкал, залелеял.

15.01.1923

МАТЬ

Что ты ходишь за околицу
Неустанно каждый день,
Где согнулся, словно молится,
Перекошенный плетень?

Ты куда идёшь – печальная –
Через старый-старый мост,
Через лысую прогалину
На заброшенный погост?

Там часовенка забытая
Робко скрылась за сосну,
Здесь ты хочешь горе вытаять,
Вылить сердца глубину.

Не проси прощенья строгого
Непреклонного Творца,
Что пошёл отец дорогою
Пролетарского бойца.

Не ходи ты за околицу
Неустанно каждый день,
Где согнулся, словно молится,
Бурый скошенный плетень.

12.02.1923

КУЗНЕЦ

С каждым ударом – каскад,
Брызги рубиновой стали.
Острый, отточенный взгляд,
Щёки латунными стали.

Тени по стенам бегут
И осыпаются в горны.
Искры плечо моё жгут,
Молот вздымаю упорно.

Воет железо стропил,
Сталь голосит серенаду.
Жжёт меня, словно тротил,
Пламя кузнечного ада.

Эй, кузнецы! Я – кузнец!
Бронзою волос мой вьётся.
Молотом наших сердец
Новое время куётся!

Февраль, 1923

* * *

Ваши очи – небесные выси,
Как цветок – ваша нежная стать.
Вот бы мне ваше сердце приблизить
И родные глаза целовать.

Растопите же снежную горечь,
Растопите в груди лёд и яд...
Я сотку вам на небе узоры,
Я спою вам стихи серенад.

Заласкаю вас музыкой звуков,
Зацелую словами любви,
Позабуду жестокие муки,
Эти сладкие муки мои.

Вы умеете ласково мучить,
Вы умеете нежно играть.
Дайте сердца мне вашего ключик,
Мне спокойнее с ним умирать.

1923

Я НЕ ЗНАЮ...

Поцелуй твой – он был или не был?
Может быть, это вымысел, бред...
То ли день был, запудренный снегом,
То ли ночь нам шагала вослед.

На полянке ли девственно-белой,
Под вуалью живого куста,
В первый раз трепетали несмело,
В поцелуе сливаясь, уста.

Что-то ветру пропели берёзы,
Что-то ветер нашёптывал нам.
Наши очи сверкали, как звёзды,
Мы по облачным плыли волнам.

У реки иль у старого бора,
Где, насупившись, дремлет кедрач,
Мы любви нашей ткали узоры
В страсти алой, как будто кумач.

Нас пленило безумие красок,
Нас качала любви колыбель,
Опьянила порывистость ласок,
Окуная в живую купель.

Ты в потоках червонных сияний
Распустила каштановость кос...
Мы всю ночь, в водопаде лобзаний,
К счастью строили шаткий свой мост.

Я не знаю – он был или не был
Поцелуй? Или это – мечта?
Может, ночью придумало небо
Шаткий мост... поцелуй... уста...

26.02.1923

* * *

Скучно в городе. Шум переливчатый,
Словно кашель, засевший в груди.
О, скорей бы к родному заливику
В старый домик на Чёрной пади.

Больно режет глаза мне витринами,
Ветер гневно срывает плакат.
Посмотреть бы, как ТАМ –
над вершинами –
Гаснет радужный, зимний закат.

Проводами, как будто тенётами,
Город спутан... Затоплен в гранит.
Хорошо – за пустынными гротами –
Волны моря о скалы гранить.

Режет волны лодчонка смолёная,
Смутный берег маячит вдали,
А луна, в эти горы влюблённая,
Золотит серых туч корабли.

Улыбнётся рассыпчатым золотом,
Загрустит и глядит из-за туч.
Позови в этот край меня, молодость!
Я ещё и красив, и могу!

Не хочу оставаться я в городе:
Здесь замкнулся томительный круг.
Закрутили меня, как на ворота,
На колодезном ворота мук.

Февраль, 1923

В ТАЙГЕ

Далеко, далеко от города,
От извечного гама и шума,
Там, где леший хохочет в бороду,
Где волнуются кедр угрумо.

Где в глуши, позабытой временем,
Силы тайные мчатся в ступе,
И где в небо под снежным бременем
Поднимаются гор уступы,

Есть могила одна забытая –
Без креста (их в окрестностях много...) –
Стерегут их, туманом увитые,
Великаны в заснеженных тогах.

Вот лежит, в земле захороненный,
Революции красный апостол,
Сражённый в борьбе за Родину,
Похороненный тихо и просто.

И качаются кедр гордые,
Шелестят погребальные песни, –
Над сыном бессмертного города!
Он был нового времени вестник...

И струит свои вóлны ладана
Пихтач низкоствольный, ползучий...
У сосны – смóлы-слёзы падают,
Салютуют – летучие тучи.

1923

СКАЗКА

Когда перебросит серебряный мост
Луна через воды Байкала,
В томлении ночи проснётся погост
От пения сонма русалок.

Русалки плывут чешуёю блистать,
Покинув заветность чертогов.
У берега моря – вдали от креста –
Стремятся они на дорогу.

Нагие их плечи ласкает луна,
Целует коварные очи...
А на берег катится мерно волна,
И галька шуршит и рокошет.

Чудесна их пляска... Несёт ветерок
Обрывки забытых мелодий...
Пока не зардеется кровью восток,
Кружатся они в хороводе.

И сладость, и радость, и горе для тех,
Кто в круг заколдованный встанет...
Былого красавца русалочий смех
В подводное царство затянет

И пламенем страсти лицо опалит,
Сожжёт онемевшие губы,
И в тяжкой воде погребёт без молитв.
И нежно на дне приголубит.

Соткёт золотую парчу из лучей,
Живыми цветами украсит
И мёртвому скажет: – Ты мой и ничей!
Красавцу не нравлюсь я разве?

И станет, любуясь, всю ночь целовать,
Упрячет в сверкающий терем...
А утром запенится озера гладь
И выбросит тело на берег.

1923

КРЕПЧЕ КОРЫСТИ

Видно, спятила девка с ума:
У него всё именье – сума,
У него – винтовка да лайка,
За такого девку отдай-ка?
– Уходи ты, отчаянный, прочь,
Не отдам за бродягу я дочь.
У тебя в заплатках олочи¹,
Ты по шахтам скитался рабочим.
Вот те бог. А вот те порог!..
Много, много в тайге дорог.
– Ну, прощайте. (Сказал не сразу.)
Не моргнула Олёнка глазом.
Чёрной тенью морщинки у губ,
Синих глаз помутнела глубь.
– Отойди от окна-то: не застуй.
Скоро, скоро услышишь «здравствуй».
Стал на лыжи. Легко пошёл.
Твёрдый наст. Бежать хорошо.
После хаты таёжный хмель.
Плотно к ели прижалась ель.
А мороз-то, однако, за сорок.
Хлеб в мешке, оленина да порох.
Много шкурок добыл кабарги,
Жизнь сломал из-за старой карги,
Не пустила Олёнку мать,
Одному мне теперь зверовать...
Пёс лохматый к порогу прилёт.
Растопил смоляком камелёк.

Хватанул спирту полмерки,
Кипяток завертелся в манерке.
Мрак подходит со всех сторон,
Добрый спутник – хороший сон.
Звёзды по небу катятся ниже.
Засвистели по насту лыжи.
По сугробам трещал мороз,
Не вскочил, ошетинаясь, пёс.
Дверь открылась. В дверях Олёнка.
– За тобой помчалась вдогонку.
Пусть старуха твердит про корысть,
Я с тобою на новую жизнь.
И когда мороз покрепчает,
Нас с тобою пурга обвенчает.

1932

ОТТЕПЕЛЬ

От клейких почек тополей
Любовь и молодость струится.
Чудесный воздух, как ни пей,
Не можешь всё-таки напиться.
Он свеж, слегка голубоват,
Он в глыбах льда, он в снежном хрусте...
И вот рождаются слова
Любви, и радости, и грусти.
Идём по снегу напрямик
В далёкий бор по первым лужам
И неожиданно родник
Под хрупким снегом обнаружим.
Он вестник молодости. Он
Вступает смело в поединок...
Чуть ветер – раздаётся звон
Расколотых лучами льдинок.
Они звенят. О ком? О ней
И ветра песнь, и птичьи крики...
Глаза её – озёр синей,
А губы – ярче костяники.
Весны поход. Любовь – гори
И молнией зелёной брызги.
Готова юность до зари
Встречать большую радость жизни.
Сознаюсь: я бы сам не прочь
По тропке выйти за предместье,
Под звёздами бродить всю ночь
С любимой девушкой вместе.
И закрывать её глаза
Губами, горькими от жажды,
И слово редкое сказать,
Неповторяемое дважды.

1935

¹ Олочи – зимняя обувь охотников-промысловиков.

Поэзия

Зоя Колесникова

Зоя Колесникова (Зоя Константиновна Покорная) – родилась в селе Елизаветино Воронежской области. Окончила исторический факультет Воронежского педагогического университета. Поэт. Член Союза писателей России с 2001 года. Автор девяти стихотворных сборников. Стихи публиковались в журналах: «Подъём», «Наш современник», «Берега», «Новая Немига литературная», «Молодая гвардия». В альманахах: «Академия поэзии», «День поэзии – XXI век» и других литературно-художественных изданиях. Лауреат премий: «Кольцовский край» (Воронеж), Святой Татианы (Санкт-Петербург), премии Николая Гумилева (Коктебель) за книгу «Выбирала цветы по цвету...». С 2010 года – руководитель Литературной студии «Современник» при Воронежской писательской организации. Живёт в Воронеже.

ЭТОТ ДОМИК НА ТИХОЙ ВОДЕ...

* * *

Этот домик на тихой воде.
Мы к нему глубиною причалим.
Весь в зелёные ветви одет,
так радушен – до слёз, до печали.
Постоим у вечерней воды...
Это – август! Созрели плоды...
Как угодно сей миг назови –
мы полжизни его дожидались.
Постоим, помолчим о любви,
о которой и в снах не сознались.

* * *

Уже ущербная луна,
как чаша, полная вина,
на небо тёмное легла,
не понимая, что она
и чёрная полночи мгла
ведут неравный разговор
добра и зла.

* * *

Домики. Дубы. Берёзы. Осы.
Небо. Солнце. Ива и камыш.
Предвечерье. Но ещё не осень.
Цапля полетела выше крыш.

Выше дома выросла рябина.
Улетает праздничное лето.
Этот домик цапля полюбила,
Искренне, как дети и поэты.

* * *

Когда-нибудь в тебе воскреснет лето,
Как свет всеослепляющий во мгле,
И женщина, воспитанная поэтом,
Пройдёт по засыпающей Земле.
Но и тогда уже за гранью света,
Как струны, память тихо теребя,
Та женщина, любимая поэтом,
Однажды станет вечной для тебя.

* * *

Эти грустные листья тополя...
Во Вселенной совсем одна,
приютилась душою около
эта женщина у окна...

Как теряются дни и месяцы!..
Листья падают с тополей,
приближаясь к Небесной лестнице,
к той, которая всё видней...

Погрустневшие листья тополя...
Дни сентябрьские напролёт
там, где ставни при ветре хлопают,
соловей для неё поёт...

* * *

Смотреть цветы и бабочек на них,
полёт шмеля над разноцветным полем...
Не ждать забот печальных тех, иных,
навязанных судьбе нерусской волей.

Не видеть дом, разрушенный войной,
и дикий страх в глазах детей своих,
и дождь цветной сквозь уходящий зной,
и шёпот сквозь незавершённый крик.

На улице моей, где тополя,
дома танцуют в мареве звучащем...
Ветра, ветра... И мается Земля...
Ей нелегко – немой и говорящей...

.....
Но будет шмель гудеть по-над рекой,
и бабочки взлетать над разнотравьем...
И мама у плетня махнёт рукой,
отправит в путь благословенной ранью.

* * *

Приютился домик на окраине
меж рекой и брошенным погостом.
Русская душа так любит тайное
бурное течение, где звёзды
постигают видимую истину
единенья. Или – одиночества?
Русская душа здесь очень искренна
если не в Отечестве, то – в отчестве.

* * *

Уже нетрудно думать о поре,
зовущей нас к Божественному Свету –
взойти к Нему на утренней заре,
иль на вечерней... в полудрёме ветра.
Легко быть добрым. Белый свет жалеть...
Идти к Голгофе тысячу ступеней...
И до заката, может быть, успеть
услышать о причастности к Успенью...
Как тихо на кордоне у реки!
Но птиц многоголосое звучанье –
как жест всё той таинственной руки,
махнувшей нам отсюда на прощанье.

* * *

Всё тот же дом, всё тот же сад,
всё так же дикий виноград
оплёл над крышей грушу.
Здесь зимний гром
и летний град
устроили стихий парад
и подменили душу.
И что теперь, и как теперь,
куда найти иную дверь,
какое небо слушать?
Хотя, быть может, не спеша
другая выберет душа

с небесным зреньем сушу.
И чтобы можно было знать
о том, что мы придём опять
и – вольные – заплачем
о том, что гром, и град, и сад,
и тот же дикий виноград –
любимы.
Но – иначе.

* * *

И вода успокоилась к осени.
В ней лучи, как пчелиные соты,
полонив её, сети набросили
на мои молчаливые ноты.

Прикорнули две лодки. Отрадно им
так лежать и глядеть в небеса.
В поле где-то работают тракторы,
а за полем темнеют леса.

Здесь особое небо. Поверь ему.
О тебе, обо мне, обо всех,
всё вместить ему надо безмерному
и простить неосознанный грех.

Эту синь так впитали глаза мои,
что, смятенная прежде, душа
по небесным законам-экзаменам
стала жить, и любить, и дышать.

* * *

А жизнь почти что прожита...
На горизонте лишь остались
любовь, раскаянье и жалость:
«Ах, если б с чистого листа!..»

Ошибки все бы зачеркнуть,
убрать неожиданные помехи...
И вновь наметить добрый путь,
где ждут удачи и успехи.

Всё было – ливни и дожди,
отъезды, встречи и разлуки...
Всё было – радости и муки
и восклицанье: «Только жди!..»

Теперь и внука дождалась,
Любви и кроткой, и щадящей...
Но отложилось в долгий ящик,
что предназначено сейчас...

24 июля 2019

* * *

Уходит лето в край полынный,
и ветер треплет ставни грубо.
И тень сужается до линий
там, где особый запах утра.
Рябит река. И тёплый ветер
раскачивает деревья...

.....
...Нет замечательней на свете
тех дней, где всякие слова
не могут выразить значенье
всего, чем мы живём и верим,
что этих чистых вод свеченье –
как в рай распахнутые двери.

* * *

А ветры осенние снова устали,
открыли небесные нежные хляби...
А воды зеркальные с лёгкою рябью
глядят, как сбиваются вороны в стаи.
Река обращает нас к теме участия
Великого Неба и малой Земли,
Она понимает безмерное счастье,
которое мы сохранить не смогли.
Там будут сиять купола не над нами,
и клеток, и щебет себя воплотит
в незнание наше, начавшись с печали
о том, что планета летит и летит...

* * *

Мысли о смерти, мальчик,
как суету, гони...
Где твоей жизни ларчик,
там и её огни...
А в небосводе завтра
грянут колокола...
Чем бы ты ни был занят,
ангельские крыла
будут тебя лелеять,
будут тебя беречь...
Будет ещё светлее
в храме от слов и свеч!..
Будут летать букашки,
будет янтарный свет...
Будет совсем не страшно
думать, что смерти нет.

* * *

Единственное яблоко в саду
в начале ноября и наряду
с побегими зелёными на пнях
и силами, увядшими в корнях,

небесному сиянью вопреки
и стойкости берёзок у реки...
И это длилось долго. А затем,
при всей его огромности, летел
с тобой и мной один небесный шар,
и яблоку в саду он не мешал,
искал в нём воплощения опять...

.....
Но мы о том могли уже не знать.

БЕЗ ТЕБЯ

Что вы, деревья, мне скажете?
Что мне нашепчет трава?
В этой пожизненной пажити
тонут и тают слова.
Сохлые тонкие ветви ли,
выводок уток в пруду
самозабвенно поверили
в праздничную ерунду.
Жёлтое, колкое слишком,
так одичавшее впрок,
смотрит глазами мальчишки,
не выучившего урок.

* * *

Ничто не предвещало холода.
Земля была приветливо прогрета.
Мелькали дни. Смыкались города,
как тьма и свет, совсем сойдя со света.
Там было тяготение меня к тому,
что называется «до смерти», –
тень мотылька на линии огня,
там, где всегда и до «всегда» –
о лете. И вот теперь мне видится броня
твоей души у каменной избушки,
где не узнать, любимую, меня
в той, у окна, почти слепой старушке...
...Ничто не предвещало холода.

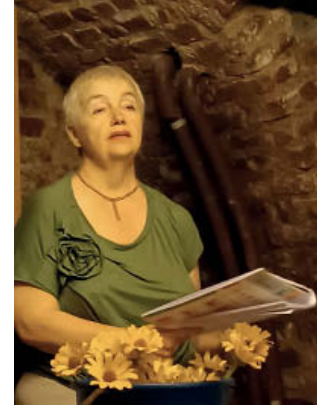
* * *

Силы Небесные! Где Вы?..
Здесь, на Земле, неуют...
Ангелы – справа и слева –
грустную песню поют...
Вот уже утро. Светает...
Там, далеко, на краю...
Кто-то незримый играет
горькую песню свою...
.....
Двери откроем и выйдем
там, далеко, на краю...
Краешек Солнца увидим,
света его колею...

Поэзия

Эляна Суодене

Эляна Суодене – доктор гуманитарных наук. Тема диссертации «Анафора в поэзии Марины Цветаевой (стилистический аспект)». Автор книг о поэтах Серебряного века: «Поэма об Анне Ахматовой», «Поэма о Борисе Пастернаке» и др. Организатор Международного фестиваля духовной поэзии «Покрова». Председатель жюри Международного литературного конкурса «Балтийский Гамаюн». Вице-президент РО Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП).

СТИХИ О СТИХАХ

* * *

Всё призрачнее все устои,
Всё неустойчивей каркас,
Всё ниже своды миростроя,
Готовые вот-вот упасть.

И бездны зев всё ближе, ближе,
И всё неразличимей суть,
И пламя бездны строки лижет
Тех книг, что знали наизусть.

Божественного провиденья
Неужто вправду близок час,
И мы, уже осоловелые,
Очнёмся от дурного сна...

Неужто вправду осознаем,
Что происходит наяву...
Мы сами разорвали знамя –
Одно лишь древко на ветру.

Но сердце всё ещё способно
Любить и верить в торжество.
Мир окормляется любовью,
И это – основной закон.

* * *

В сплетеньях вздыбленных артерий
Век вырабатывал язык.
Фонемы плавилась, твердели
И задевали за кадык.

Фонемы шли волнообразно.
Пульсации не превозмочь.
От этих грозных новоязов
Век содрогался день и ночь.

От мощных звуковых потоков
Дробилась вековая кость.
Гудели больно перепонки,
Томилась временная ось.

Мы вглядывались вглубь эпохи,
В извивы мировых кулис,
И проступал сквозь плач и хохот
Смысл сочетаний узловых.

* * *

На звёздных вехах бытия
В предошущенье предстояний
Январская светлеет рань
И чётче контуры реалий.

Онтологических кривизн
Чурается давно уж сердце,
За неосмысленную жизнь
Пред Богом и людьми отвечаю.

На перепутьях вековых,
На переплётах новолетий
И в перехлёстах всех стихий
Стоим, невольные свидетели

Обвала всех бытийных норм
И слома древних заклинаний.
Вновь с беспощадной прямой
Всесильный Рок играет нами.

Ещё неясно, что грядёт,
Но явственно одно – стремление
Оформить в строки гул времён,
Очистить от плевел явления.

Лишь междометий колотьё,
Желающих облечься в форму
Ещё несозданных стихов,
Небесные стяжая корни.

* * *

Это – странная форма служения
Вдохновенной надбытной силе,
Это – тайное испугление,
Это – жертвенность непрерывная,

Словно дан небесный обет,
Словно это – веленье Рока:
Ты – избранник, чтоб дать ответ,
Что творилось в твою эпоху,

Что творилось в твоей душе
В непрерывном противоборстве,
Представая в добре и зле,
В преткновениях неосознанных,

В неизбежных слезах вины
За содеянное когда-то.
Если сам ты себя постиг,
То свидетельствуешь о главном,

Представая перед Творцом,
Пред согражданами и родом,
Отвечая за каждый слог,
За строку свою стихотворную.

* * *

О, средоточия ночные!
Как будто бы энергий вышних
Доступны тайные стихии,
И кажется – пространство дышит.

Неизъяснимо торжество,
Вобрать его душа не в силах,
И мнится – Горнее родство
В часы ночные ощутимей.

И в этих бдениях ночных
Ты ощущаешь связь с мирами
И полновесной тишины
Восторг тебя уже не ранит,

И весь, от головы до пят,
Ты замираешь пред величием,
И строк ещё нестройный ряд
Уже предчувствуют страницы.

* * *

Неведомая сила
Влечёт слова друг к другу,
Диктует форму стиля,
Определив структуру,

Взаимопритяжение,
Взаимопроницание
Склонений и спряжений,
Всех знаков восклицания,

Всех умолчаний тайных,
Гипербол и литот.
Неведомое знание
Строку мою ведёт:

Как будто текст творится
Из самого себя,
Своих глубин надвысних –
И пишется строка.

Свершается наитие –
Явление души,
Запечатлённой истоиво,
Дыханье затаив.

А может, это свыше
Диктуются слова,
И сердце небо слышит,
Соизмеряя такт.

* * *

Как часто в предстоянье таинств
Я жду летящую строку,
Чтоб всё, что испытала, стало,
Преобретало строй и звук,

Чтобы укладывалось плотно,
Себя выстраивая так,
Чтоб мыслям было бы вольготно
И слышен музыкальный такт,

Чтоб ритм мой артериальный
Звучал с природой в унисон,
Чтоб траекторий орбитальных
Незримый ритм дышал строкой,

Чтоб совершалось чудотворство
Как будто бы само собой.
Так листик, осылая осень,
Легко взлетает над землёй.

* * *

Какой-то импульс – и мгновенно
Приходит первая строка,
Её мелодика и тембр,
Диктуется ритмичный такт.

Слова идут сами собою,
Укладываемаясь в стройный ряд,
Чтоб не было случайных сбоев
И слов, идущих невпопад.

Как будто волны смысловые,
Как луч, проходят сквозь меня,
И возникает контур линий –
Реалий текстовая ткань.

* * *

Рифма не терпит одиночества –
Она диалогична,
Чтоб стать предельно точной,
Чтоб стать предельно чистой,

Чтоб луч преображался
Естественно в созвучие,
Нежданное, как счастье,
Как совпадение чувства,

Чтобы прообраз формы
Предошущался в слове,
Чтоб импульс Первотворный
Искал себе подобных.

Она диалогична,
Как сам процесс мышления,
И для Другого пишется
В экстазе озарения.

* * *

Реальность очищая от плевел,
Божественную суть являя,
Предошущая тот предел,
Где вся палитра световая

Дана в нетленной полноте,
Блаженством наполняя сердце –
Преображённый светом век
Предстанет в красоте словесной.

Гармонии надвысний лад
Все оттеняет срывы, сбои,
И рифмы богоданный ряд
Вернёт священство Мирострою.

Нас приближает красота
К святому состоянью счастья:
Реальность преображена,
Возжаждав благодати райской.

* * *

Летним ливнем окатило
Снова с головы до пят.
Гром гремел неодолимо,
Молнии пронзали взгляд.
Нет, конечно, не укрылась,
Не бежала под навес –
Этой бурей окрылилась:
Был небесный свод отверст.

Первотворные стихии
Пронизали мою плоть.
Этот прибалтийский ливень
Вёл со мною диалог.
И пыталась я ответить
На предбытном языке,
Что, хоть стала человеком,
Молнии по вкусу мне.

Люб мне летний гром небесный
Как аккорд вселенских сил.
Мою русскую словесность
Бог стихией одарил.
Я стояла в центре парка,
Молнией озарена.
Нить нанизывали парки,
Вилась нить веретана.

СТИХИ МИХАИЛУ КУЗМИНУ

В палате места не нашлось –
Он умирал в больничном коридоре.
Сместилась временная ось,
Преумножая песни скорби.

Смешались запахи лекарств.
Лежал он – нищий, слабый, сирый,
И слушал песни дальних царств,
И видел свод Александрии.

Признание, почести, богатство,
Прельщение чувственной стихии –
Он всё утратил в одночасье,
Он был унижен, обессилен.

Но тьма серебряных форелей
Лёд разбивала на страницах,
Чтоб холод одолеть смертельный
Серебряного века искрой.

Поэзия

Светлана Кекова

Светлана Кекова – лауреат литературных премий, в том числе премии им. Аполлона Григорьева, премии журнала «Новый мир» «ANTOLOGIA», Новой Пушкинской премии, премии 12-го Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2021), Патриаршей литературной премии им. свв. Кирилла и Мефодия (2023). Автор 18 поэтических книг, трёх литературоведческих монографий и более 80 статей, посвящённых творчеству поэтов-обэриутов, Н. А. Заболоцкого, А. А. Тарковского, В. Ф. Ходасевича, В. В. Набокова, Ф. М. Достоевского, философов Ф. А. Степуна и С. Л. Франка и др. Член Союза российских писателей. Живёт в Саратове.

ЩЕГОЛ

Я, вступившая в мамин посмертный возраст,
вдруг да вспомню вечером, как она
посыпала сахарной пудрой хворост
и стирала скатерти изо льна,

огурцы с грибами солила в кадках –
были эти хлопоты ей близки,
шила детям платьица в лёгких складках
и вязала варежки и носки.

Было разных дел и забот немало,
не кончался вечером день её,
и сияло в панцире из крахмала
на шершавой полке в шкафу бельё.

Есть у быта русского сонмы пленниц,
несть и русским мученицам числа,
но она – смиренница из смиренниц
так светло и ясно свой крест несла.

Ей печаль
открыла свои объятия,
а болезнь
в свою занесла графу,
и всего одно выходное платье
много лет висело в её шкафу.

И когда ушла из земного плена
птица светлая об одном крыле,
в День святого
мученика Гермогена
мы предали тело её земле.

Я возьму засохшего хлеба крошку,
что она когда-то давно пекла,

и надену варежку на ладошку,
на которой жив силуэт щегла.

И, как будто празднуя именины,
запоёт в конце февраля щегол,
и икона мученицы Антонины
увенчает наш поминальный стол.

* * *

Ведёт дорога туда, где много
впустую прожитых мною лет.
«В пустыне трудно не верить в Бога», –
сказал когда-то один поэт.

Он был любитель вина и пиццы,
а летом ягоды рвал с куста.
Еду ему приносили птицы
в дни мясоеда и в дни поста.

Кормили, словно Илью-пророка, –
и птичьи бились в груди сердца...
А он рассказывал им про Блока,
про Льва, про Ангела и Тельца.

А было ли у поэта имя,
не ведают Гумилёв и Блок,
но каждый ищет свою пустыню,
в которой должен явиться Бог.

* * *

Одуванчик в поле –
поседевший инок –
отпустил на волю
облако пушинок.

Вот летит пушинка
высоко-высоко,
а внизу – кувшинка,
таволга, осока.

То улитка в клетке
движется неловко,
то замрёт на ветке
Божия коровка.

А в колючей хвое –
пауков палатки...
Но пушинка – что ей
наши неполадки?

В небе веселее,
есть во что одеться:
облако белее,
чем душа младенца.

«Да, в земной юдоли
нет завидней доли», –
шепчет облысевший
одуванчик в поле...

* * *

Олесе Николаевой

Чем мысль отчётливей, чем чувство горячей,
тем больше мы найдём разгадок и ключей,
предчувствия и сны свои откроют тайны,
мы вникнем в мятежи и Польши, и Украины,
в их безобразный бунт и злое бесовство
и собственных страстей познаем естество.

Мы будем верить в то, что этот морок сгинет...
Но если в суете любовь твоя остынет,
мысль затуманится, душа уйдёт в полон –
унынем и тоской ты будешь опалён.
Одумайся, душа! Отвергни бремя сытых
и вспомни о других – обманутых, убитых,
об огненных словах, забытых впопыхах,
опомнись – и заплачь о собственных грехах.

Но нравится душе блуждать по бездорожью,
согласия искать меж истиной и ложью
и тело на себя, как пыльный плащ, надеть,
чтоб танго танцевать и в зеркальце глядеть.

* * *

Птица пролетит, как тень разлуки...
Ты узнаешь детский наш секрет:
терпит тело родовые муки
в час, когда душа рождает свет.

Тополь в одеянии просторном
тянет руки к облачной гряде,
Млечный Путь искрится в небе чёрном,
лунный серп блестит в речной воде.

А когда-то было всё иначе:
спал Адам, земля была гола,
как ребёнок, заходилась в плаче
мир под тенью птичьего крыла.

В ожиданье глады, мора, труса
тучи затевали разговор,
но, как пламя, Тело Иисуса
засияло на горе Фавор.

Пётр смотрел, закрыв лицо руками,
не смыкая воспалённых век,
как, пренебрегая облаками,
трогал ветер ткань Его одежд.

Там, внизу, сужалась бесконечность,
втягивая мира круговерть,
и стоял Христос у входа в вечность,
крестной мукой побеждая смерть.

* * *

Миску с красною чечевицею
снова жадно схватил Исав –
и Россия с её столицею
Богом взвешена на весах.

И бесстыжие, безобразные
бесы вновь сорвались с цепи –
кони рыжие, кони красные,
кони мечутся по степи.

Сердце сделалось белой птицею
и, рыдая, летит на юг...
Убивают Царя с Царицею,
и Детей их, и верных Слуг.

В дни июльские, в дни январские
стала красной, как кровь, заря.
Если б были мы слуги царские,
мы б спасли своего Царя.

Штык наточен, и ямы вырыты,
спит Россия во власти тьмы,
и её убивают Ироды,
а в убийстве виновны мы.

Мы заплатим за всё сторицею,
чтоб душа не была пуста...
Как нам жить без Царя с Царицею,
без молитвы и без креста?

* * *

Александр Казину

Снег лежит на деревьях, не тая.
Огоньками мигают такси...
И мерещится Русь Золотая
нам, зачатым в Железной Руси.

Мы теперь не Обломовы – Штольцы,
Но крещёные наши отцы –
богомольцы тире комсомольцы,
комиссары тире чернецы –

спят в земле, словно в братской могиле,
под покровом сияющей тьмы
и не ведают, как их любили
и как их ненавидели мы.

Мы – наследники тьмы и сиянья –
купола различаем вдали
и целуем в слезах покаянья
антиминс драгоценной земли...

* * *

Памяти Р. Х. Измайлова

В небе облако белее,
чем январский снег.
Вдоль каштановой аллеи
ходит человек.

Созерцая листьев алость,
дышит их огнём...
Детство, юность, зрелость, старость –
всё смешалось в нём.

Листья, словно снег, заносят
мёртвую траву.
В золотую эту осень
человек у Бога спросит:
– Так ли я живу?

Пусть листва раскинет полог:
гол я как сокол.

Хлеб мой горек, путь мой долог,
жребий мой тяжёл.

Но Господь ему ответил
в шелесте листвы:
– Хлеб твой сладок, путь твой светел,
помыслы чисты.

И звезды ты станешь ярче,
над землёй летя.
Ничего не бойся, старче,
юноша, дитя.

И легли сквозные тени,
как призыв благой,
и умолкло шелестенье
листвы под ногой,

и они, горя и тлея,
сбились в пёстрый ком
там, в каштановой аллее,
в парке городском.

ИКОНОПИСЕЦ

Венчает небо украинский місяць,
а где-то рядом пасть открыл дракон...
Личины адописанных икон
упрятал под левкас иконописец.

Закрыв глаза, он убегает прочь,
подобно колдуну из «Страшной мести».
Тиха, глуха украинская ночь,
и всё идёт по плану, честь по чести.

Не знаю, кем придуман этот план
и кто навёл на лик иконы глянец –
католик, осторожный польский пан
иль грубый атеист-американец?

И в царстве искажений и подмен
одеи вора в красную рубаху,
чтоб он смотрел, как хлещет кровь из вен
святой Руси, отправленной на плаху.

Поэзия

Сергей Воробьёв

Сергей Павлович Воробьёв – родился в Ленинграде в середине прошлого века. Моряк, полярник, путешественник. С 2011 года состоит в Союзе писателей РФ, редактор и составитель региональных литальманахов. Издано одиннадцать авторских книг прозы и сборник стихотворений. Три из них удостоены литературных премий. Проживает в Тихвине.

Я ВЫГНАН ИЗ ДЕТСТВА

Я выгнан из детства –
из райского сада,
как будто снарядом
прошло мне сердце,
бессонною ночью
был я обесточен –
достались в наследство
одни междустрочья.

Возможно, по кругу
ходил я, пружиня,
и в двери чужие
врывался без стука,
натруживал жилы
и брал на поруки,
забыв о наживе –
древнейшей науке.

Но всеми оставлен,
живя по подвалам
и вашим, и нашим –
в краю буцефалов
в селении вражьем
их меньше не стало –
громадностью башен
я был ошарашен.

Кому-то – не так ли? –
сидеть в Вавилоне –
в стоячем затоне,
где царствует Маклер,
но вечные башни
обломками лягут,
не раз и не дважды
падут, как в спектакле.

Проснувшись однажды,
при тусклой лучине
не лица – личины
увидел, где каждый,

как мира химера,
не ведая веры
уткнулся в свой гаджет
и Бога не жаждет.

Что толку, что рядом
висят в ряд иконы,
и курится ладан,
и чтутся каноны,
и ангелов пенье,
как мира услада,
и звонницы звоны
взывают к спасенью.

Уехать подальше,
стать истинно нищим,
поспать бы подольше,
ни меньше ни больше,
в земной той пылище,
в тех суетных буднях
никто не отыщет,
никто не разбудит.

Но голосом зычным
знакомый фельдфебель,
оплывший от лени,
трубой-геликоном
разбудит привычно:
«Где музыки гений?!»
И явятся феи
эпохи античной.

На празднике оном
забыт, опечален:
когда-то случайно
всё шёл на удачу

и звался поэтом,
но был кем-то предан
и сбился со следа,
а с курса тем паче.

Туманились мысли,
отмаялись вальсы –
на клавишах пальцы,
тоскуя, зависли,
сомнения грызли –
ревел словно гризли,
мечтая о детстве –
потерянном девстве.

Душою разъятой
искал отблеск Солнца –
с Архангелом Божьим
там шли богомольцы
за хлебом насущным,
и с ними Пресущий,
в страданиях распятой,
спасенью присущий.

Идут богомольцы,
звонят колокольцы,
зовущие в девство
призывно-тревожно.
И я с ними в детство
иду осторожно,
мечтая согреться
Дыханием Божьим.

УХОДИЛ, КАК ВСЕГДА, В НИКУДА

Уходил, как всегда, в никуда,
Ожидая судьбы перемены,
Сознавая, что жизнь наша тленна,
Поседевший от долгого плена,
Уходил от него навсегда.

Уходил в моря синюю даль,
Под луной в серебристые скалы,
Но украдкой судьба мне шептала:
Будет холод, перроны, вокзалы –
Стань, как в битве булатная сталь!

Берега погружались в туман,
Там с надеждою ждал я рассвета,
Где душа моя будет согрета,
Но веками шатаюсь по свету,
Находил на обмане обман.

Как безумный пускался в бега –
Всё мерещилось: вот оно – счастье!
Но опять наступало ненастье,
И я снова с неистовой страстью
Рвался рьяно к родным берегам.

К ним пришёл я ни раньше ни позже –
Ко всему, что от Бога дано.
Скажет кто-то: – Пришёл, ну и что же?
Я узнал тебя, край мой пригожий:
Хлеб насущный в нём есть и вино.

Мироточат в церквах образа,
Все законы земные нарушив,
Озарив и внутри и снаружи
Наши павшие гордые души...
Посмотрела мне Вечность в глаза.

ВРЕМЕНИ СТАРЫЙ БАРКАС

Везёт меня времени старый баркас,
И я в нём, скиталец – ненужный балласт,
Баркас свой на волнах качал и качал,
Мечтая найти долгожданный причал.

Увидев на склоне истраченных лет
Слепца без наград и золотых эполет –
Себя, как я есть, безо всяких прикрас,
Который качал и качал свой баркас.

Качалось и время – водицей в песок
В бездонный оно уходило поток,
А мне оставалось идти по волне
С ненужным, лежащим в баркасе на дне.

Ненужными стали, отжившими вдруг
Вчерашние нужды – безвременья круг,
В безвременье этом держать мне ответ
За всю череду разбазаренных лет.

Закатный диск солнца неярко алел,
В лучах тех увидел, чего не имел –
Надежды и веры – любви благодать...
Но волны взметнулись как чёрная тать.

Баркас захлебнулся от чёрной воды,
О, где долгожданный ты, мой Поводырь,
Неведомо сущий в бездонности лет?
Плыву и плыву, а Тебя нет и нет.

Нежданно-негаданно в утренний час
В песчаную отмель уткнулся баркас –
Предстал предо мною невиданный сад
И Ангела в нём проникающий взгляд.

Не часто швартуются здесь корабли
 Во имя ликующей, властной любви.
 И вышел я в сад, и к земле той приник,
 И мира божественный облик постиг,

Увидев, что были скитанья мои
 Для поиска именно этой земли –
 Где старый баркас я уже не качал
 И где мой причал стал началом начал.

VIA DOLOROSA

Град в камне и каменных тропах –
 Давидов Иерусалим,
 «Распни Его», – слышится ропот,
 Недавно пирующих с Ним.

В том пламенном, каменном граде
 По улице Скорби бреду,
 В чужом цепенеющем взгляде
 В толпе я кого обрету?

Но с поля идущий помощник –
 Симон, – крест взвалив на плечо,
 Несёт его, немощный, мощно,
 Не зная, на что обречён.

И сотник Пилата из Рима,
 Копьём поразивший Христа,
 Святым назовётся Лонгином,
 Омыв Его кровью перста.

И мать Константина Елена,
 Молясь, крест святой обретёт,
 И будет он ночью и днём
 Стоять как бессмертья оплот.

Несущий спасенье «Путь Скорби» –
 Всё тянется вслед за Христом,
 И, спину под тяжестью сгорбив,
 Идём под Господним крестом.

СЧИТАЮ ПРОЖИТЫЕ ГОДЫ

Считаю прожитые годы,
 Ушедшие в небытие,
 Похоже это на рытьё
 Пустой и бросовой породы.

Мне горький фатум не узреть
 Похмельным оком близоруким.
 Меж тем великий праздник скуки
 Раскинул призрачную сеть.

И ловчий что-то там сипит,
 Корявым когтем ловит крайних –
 Зелёных, молодых да ранних,
 Кто в час охоты ночью спит.

Но мой полудремотный взгляд
 Сквозь поволоку различает,
 Как мир в беспечности ветшает
 И медленно сползает в ад.

Скажи, проклятый кукловод, –
 Назад мне страшно оглянуться –
 Когда от слепоты очнётся
 Все те, кто продолжает род?

Ответа нет! Но я-то знаю,
 Князь тьмы – он потаённо ждёт,
 Пока его час не придёт,
 И ты качнёшься в пропасть с края.

И РАСПАХНЁТ КРЫЛА ЛЮБОВЬ

Вот Южный Крест, и я на нём распятый,
 Саднят не раны, но саднит душа:
 Припомнил всех – Иуду и Пилата,
 На звёздах умирая чуть дыша.

Вселенную окинув долгим взглядом, –
 Зачем мой курс всегда на Юг лежал? –
 В вино украдкой сыпал кто-то яды
 И кто-то тайно душу искал.

Без сожаленья прошлое отринув,
 Архангелов услышал голоса
 И, хляби синие морей покинув,
 К Звезде Заветной взвился в небеса.

Там Крест Его и Южный Крест далёкий
 Соединила вера рыбаей,
 На звёздный свет, и нищих и убогих,
 Ушедших в лов из сумрака теней,

Чтобы одежд Спасителя коснуться
 И сеять в мир Заветные слова:
 «Все грешные Крестом Моим спасутся
 И жизни вечной обретут права».

И Крест Его в пути далёком светит,
 Как Южный Крест среди потьмы любой,
 И распахнутся запертые клетки,
 И распахнёт крыла души Любовь.

Поэзия

Ольга Флярковская

Ольга Флярковская – театровед, окончила ГИТИС им. А. В. Луначарского. Автор трёх поэтических сборников: «Таинственное ремесло» (2014), «На кукушкиной зорьке» (2017), «Земля-скрижаль» (2019). Стихи публиковались в журналах: «Москва», «Двина», «Сибирь», «Берега» и др. Лауреат трёх литературных премий. Заведующая отделом культуры и искусства литературного альманаха «Гражданинъ». Руководитель творческого клуба «Чернильная роза» при МИКК «Особняк Носова» в Москве. Член МГО Союза писателей России.

А ДУШЕ ДЛЯ МОЛИТВЫ ДАЮТСЯ ПРОСТОР И МОЛЧАНИЕ...

ПСКОВЩИНА

Церковки твои мне в сердце вброшены,
но красой их глаза не обжечь –
нет земли на свете проще Псковщины.
Вот бы мне в неё однажды лечь
и смотреть, как мечутся пожарища,
а потом стихают в небесах...
Вспоминать о вас, мои товарищи,
знать, что здесь сам Пушкин на часах
русской расцветающей словесности,
русской сострадательной души...
В Выбутах – святой и дикой местности –
валунам кивают камыши.
У Ключей все тропы в крошке каменной,
по курганам свищет ветровей.
Не пугают жар и прах окалины
местных меднолицых скобарей.
Овевает близость приграничия
словно незаметным холодком –
оттого ли холод безразличия
я не ощутила здесь ни в ком?
Греют сердце лики чудотворные,
а вокруг раскинулись леса,
и глядятся в отмели озёрные
эти заревые небеса...
Мне бы вновь пройти звенящим августом
по траве, растущей из камней,
по земле, так поздно мне показанной,
но до самой капельки моей.
И под вечер слушать не наслышаться
благовеста вдумчивую речь
и смотреть, как медленно колышется
Кром в реке, которой не истечь.

В ПУШКИНСКИХ ГОРАХ

Пол-июня откушено земляничкой с куста,
Сан-Сергеича Пушкина ныне кружка пуста.
Цвета вишен Тригорского зори белых ночей.
Сад уютный Петровского, да в кувшинках ручей,

Да проказы потешные для господских утех...
Поцелуя поспешного обжигающий грех.
Всё аллеи, да мостики, да от писем зола...
Как под ситчиком простеньким грудь русалки бела!

В синей роще за Соротью сныть раскрыла зонты.
Ну а мы, коль по совести, все пред Богом чисты?
Катит лето каретою, льёт туман молоко.
Это время заветное так от нас далеко!..

От гусяного пёрышка на коленях труха.
Александр – наш – солнышко! Светлый ангел стиха...
Сыплет деревце вьюжное белым цветом с плеча.
Панихида отслужена... Но не гаснет свеча.

ОБЕРЕГ

Не жука-скарабея, катящего солнце в овражину,
Не заглавную букву в колечке – серебряной
прорезью, –
Я беру в обереги дорогу, крутую и влажную,
И утиное царство на глади зеркального озера.

Деревянный мосток, и осоку, и мхами заросшую
Грудь скалы, где, сливаясь в единое звонами,
Колоколят ключи, и живёт величавое прошлое,
И легенды кружат над Изборском ветрами калёными.

Здесь в низинах туман вечерами, как леший,
лохматится,

А над озером храм, а над храмом – небесное пастбище.
Здесь прильнуло ко мне отсыревшее летнее платище,
Но коснулась плеча, согревая, кленовая лапища.

Только здесь и тревоги, и страхи ночные излечатся,
Потемневший мосток проведёт от отчаянья к чайнюю.
Здесь мгновенье одно, народившись, становится
вечностью,
А душе для молитвы даются простор и молчание.

НИКАНДРОВА ПУСТЫНЬ

Вьюнок, кукушкин лён, ползучий белый клевер –
Венка родной земли неяркие цветы.
Влечёт меня к себе прохладный Русский Север
Великой простотой разбросанных святынь.
Люпины, резеда, гвоздика полевая,
Черничные кусты в овражине лесной –
Пути к самой себе вернее я не знаю,
Здесь даже чудеса случаются со мной.
Никандровой тропы уложенные брёвна,
Радоновый родник – бессонный синий глаз!
Пусть ноги устают, но я рождаюсь словно,
В студёную купель ныряя в первый раз.
Малина на подол украдкой брызнет соком,
Докучливый комар нацелит копыцею,
Тень утки промелькнёт в разросшейся осоке,
И двери отворит высокое крыльцо!
Обитель тишины, умерь мои тревоги,
Оставь мои грехи и слёзы осуши!
Я обретаю здесь, у храма на пороге,
Лесной недолгий рай, пристанище души...

ОТЧЕГО ТЫ ПЛАЧЕШЬ?

Станиславу Александровичу Золотцеву

Господи, помилуй и спаси
Терпеливых жителей Руси,
Кто с рожденья ранен на века
Тем, как в дымку прячется река,
Тем, как бродят аисты в росе,
Как на землю льётся тихий свет.
Сердцу свет откликнуться велит
На вечерний колокол вдали,
Где темнеют псковские леса,
Где собор крылится в небеса,
Где погоста замерли кресты,
Где люпины дикие густы...
Там чиста становится душа,
Там покосы песнями шуршат.
Всё в сравненье с этим – миражи!

– Отчего же плачешь ты, скажи?..

ПСКОВ

Не Париж, не Лондон, не Мадрид –
Луч на древнем куполе горит.
Говорит из замети веков,
Колокольный взяв из языков,
Псков.

Стая уток в небе над Псковой,
Плащ рассветный ясно-голубой.
Строгий ход Довмонтовых часов
Отпирает к утрени засов –
Псков.

В полдень Кром распахнут всем и вся.
В Троицком соборе спят князья,
Тишины молитвенный покров
Исцеляет сердце от грехов.
Псков...

Чужестранкой я не буду здесь:
Этот город – искренность и честь.
В серой шубе тающих снегов,
В опоясе стен и берегов –
Псков.

Здесь прямее плечи, выше дух.
Здесь названья улиц ловит слух –
Воевод и воев из низов.
Город-князь среди русских городов –
Псков...

Раз Великой долгая рука
Поманила жить издалека –
И меня средь башен и холмов
Встретил брат мой, ласков и суров, –
Псков.

КАПЛИ

Облака по небу плыли,
Но устали.
Мы с тобой из водной пыли –
Не из стали,
Нам прозрачный выпал жребий –
Пара капель...
До поры подремлем в небе,
Вроде цапель.
Но парением наскучив,
Не друг другом,
Мы сорвёмся, будто с кручи,
Над округой.
Ожидание полёта –
Миг отчаян!
Мы с тобой, как в песне ноты,
Прозвучали.
И раскрылись близ дороги
В глубь лесную
Две пролески-недотроги
На Страстную.

Поэзия

Владимир Масалов

Владимир Иванович Масалов – родился в деревне Неверово Тумского района Рязанской области в 1940 году. Российский поэт, дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посланник России. Секретарь Союза писателей России, почётный доктор Чувашского университета, мастер спорта СССР по борьбе самбо и дзюдо, академик Академии поэзии, лауреат многих российских и международных литературных премий, в том числе «Золотое перо Московии» (2002), им. Николая Гумилёва, Сергея Есенина, Николая Рубцова, Фёдора Тютчева, Александра Грибоедова, Александра Суворова, Михаила Лермонтова. В 2008 году стал победителем конкурса поэтов на фестивале славянских стран и был удостоен премии «Летящее перо», в 2008 году ему присуждена международная премия «Золотая медаль» им. Л. Н. Толстого. Награждён орденом им. Гавриила Державина за плодотворное

служение отечественной литературе и творческие достижения В 2012 году был удостоен премии «Лучшая книга года 2011–2012 гг.» за сборник стихов «Мой парус». С 1999 года вышли в свет его 27 книг. Его стихи переведены на польский, болгарский, албанский, шведский, испанский, английский и китайский языки.

ПРОСЬБА СЫНА

ПОГИБШЕГО В ВОВ 1941–1945 гг.

Позовите меня на войну.
Я из тех, кто не струсит в атаке.
На себя сам возьмёт тех вину,
Кто слабее за Родину в драке.

Я из тех, кто вовек не забыл
Тех, кто пал за Россию, сражаясь.
В той войне, силой духа питаюсь,
Кто защитой для Родины был.

Мне отец в той войне завещал
Сохранить, что они отстояли.
Мне он верил, когда умирал
Под Варшавой, где многие пали.

Мне нельзя его мысли предать,
Мне нельзя быть слабей в этой драке.
Я готов рядовым с теми встать,
Кто не струсит в последней атаке.

ПАВШИМ

Пусть уходят годы скоротечно,
Пусть летят, как голуби, года,
Только память о героях – вечна,
Словно негасимая звезда.

Время мчится с каждым днём быстрее,
Отцветают юности года,
Только с вами сердце не стареет,
Только с вами – память не седа.

Вы собой Россию отстояли.
Сколько вас на фронте полегло...
Словно зёрна, в поле вы остались,
Памятью то поле поросло.

Сколько вас из Курска и Рязани,
Сколько вас из Томска и Твери?
Матери истаяли слезами,
Чистыми, как росы у зари.

Потому ли каждый так стремится
Прикоснуться к памяти тех лет, –
Чтоб душою грешной причаститься,
Пропустить сквозь сердце чести свет.

* * *

Снятся мне российские берёзы,
И такая наступает грусть,
Что текут, текут порою слёзы:
Хочется обнять берёзовую Русь.

Хочется поглаживать листочки,
До ветвей дотронуться рукой
И весной, когда набухнут почки,
Целовать их нежно по одной.

А когда раскрасит кудри осень,
В золото оденет их печаль,
Не спешить, их сердце слёзно просит,
Не спешить листать мой календарь.

ПАВШИМ В ВОЙНЕ

Вы с миром почили, но память жива.
Она в нашем сердце навеки.
О славе героев людская молва
Несёт свои бурные реки.

О вас будут помнить и внука и внук:
Ваш подвиг – служение Богу.
Но только вот слёзы любимых подруг
Вовек оживить вас не смогут.

За вас «фронтовые» поднимут не раз
Друзья по борьбе – ветераны.
О, знали бы боги, как сильно за вас
Болят в сердце пламенном раны.

* * *

О Русь моя, люблю твои поля,
Люблю луга, болотца, перелески,
Где гомон птиц и вольный ветер резкий,
Где пахнет мёдом грешная земля.

Люблю тебя, моя святая Русь,
Люблю до капельки и сердцем и душою,
Быть может, сам не многого я стою,
С тобою я и чёрта не боюсь.

Страна моя, как сладко мне с тобой,
Порой я плачу, что тебе так больно,
Порой слеза грудь оросит невольно,
В моей душе ты остров счастья мой.

РУСЬ

Не зря меня нежданно разбудила
Строка про Родину опять:
Молил её найти немного силы,
Чтоб, не качаясь, на земле стоять.

Просил страну напрячься до предела,
Подняться исполином во весь рост,
Чтоб ни одна паскуда не посмела
Согнуть стальную у России ось.

И с каждым часом становилось легче,
Как будто видел – Русь моя встаёт,
Как будто бы мои молитвы лечат,
Бинтуют тело вдоль и поперёк.

06.11.2008

Поэзия

Руслан Кошкин

Руслан Леонидович Кошкин – родился в 1975 году в посёлке Аркуль Вятского края. Живёт и работает в Москве. Стихи автора публиковались во многих центральных и региональных литературных изданиях (антологиях, альманахах, сборниках, журналах, газетах). Автор трёх книг стихов. Член Союза писателей России.

СТЫДОБА

В иные дни, как от утруски,
в иных в ущербе ум и дух.
«Сейчас мне стыдно, что я русский», –
пропел ещё один петух.

Не крикнуть бы, как от пластида,
от ложного стыда тебе!
Что русский ты – мне тоже стыдно.
Содольщик по стыдобе!

ОТСТУПНИКАМ

Плохие вести я несу для вас, панове.
Недолго красоваться вам ещё в обнове –
тактической, с господского плеча.
Широкое открыто перед вами пекло,
и вы сигаєте в него освирепело,
открывшего кляня и сволоча́.

Вы – как аммонитяне, амаликитяне
и прочие: небытие вас так и тянет;
всё та же кровожадность, гонор тот.
Вот вам поклонники ваала и молоха.
Для них всё кончилось когда-то очень плохо.
И вас, поганцев новых, то же ждёт.

И тех служителей ваала и астарты
не просто так изжили мировые карты.
Изводится озлобившийся род.
А вы, паны, чего себе «наванговали»?
Ну да, из морока-то вырвешься едва ли,
когда кровавых дел невпроворот.

И те хеттеи, аморреи, хананеи
«во время оно», видно, так осатанели,
что и земля стерпеть их не смогла.
Вот и по вам, панове, злыдни, душегубцы,
давно тоскуют в пекле цепи, плоскогубцы,
трезубцы да кипящая смола.

А вы всё кровью заливаєте «ватсапы».
Но не кончаются «проклятые кацапы»,
как ни пыхти заморский господарь.
И вновь мечом своим Творец избрал кого-то
для истребления, а не для укорота
язычников кромешных, как и встарь.

Отступники, клеймённые арийским чёртом!
Самим не жутко ли под солнцем вашим

чёрным –

предвестником народных похорон?
Безумству вашему, паны, предел не виден...
А не опомниться ли вроде ниневитян,
пока не пересёк пути Харон?

ВЕТКА

Разгулялся буйно ветер на юру.
Закачалась ветка ивы на ветру.
Ох, не обломилась бы ты, ветка,
под напором бешеного ветра.

Разгулялась бурей злоба во степу.
Разбрехалась – на язык бы ей типун,
на каком – калякай не калякай –
ветка называется «гилякой».

Разгулялась бурей злоба в черепах.
Раздраконила округу в пух и прах.
Разберись теперь, кто первый выкнул
это: «Москаляку – на гиляку!»

От злодейства нет природе барыша.
Так откуда эта чёрная душа,
что себе для чёрного же дела
наперёд «гиляку» приглядела?!

Исподлобья злобно, хищно и хитро
мир оглядывает чёрное нутро,
и на всё, что в скверне не лежало,
смертоносное наводит жало.

Ох ты, ветка, «гіля», беды без числа!
И зачем же ты на иве проросла?!
Для того ли, чтоб когда-то, ветка,
виселицей стать для человека?!

Где ты, первый звавший вешать и карать?
Вон в степи лежит откликнувшихся рать.
*Бачиш? – на гіляці не людина,
а скажена від злоби країна.*

Если кто-то не скумекал, подмогнём:
злобным словом, камнем, залповым огнём
не швыряйся: прилетит ответка.
Злоба, буря – обломилась ветка.

НЭНЬКА

Кто не знает ещё, народ,
что хохол уже век орёт,
во всю дурь верещит, визжит:
«Москалів – на ножі!»

Больше века уже вопит.
И за то уж не раз побит.
Да помёту, видать, не впрок
прежних лет горевой урок.

Вон – толпа, упыря лютей,
жаждет крови чужих детей,
распалается на резню –
«москалей» потрошить, «русню»:

– За «країну» весь род – под нож!
И младенца на ноль помножь.
Лейся, кровушка ребятни.
«Рідна ненька», прими, глотни.

«Нэнька»! Что ж это за дела?!
Ты кого это родила?
Вон один такой из толпы –
сосунок, а уже упырь.

Ну а «нэнька» – как есть, в дыму,
мутный взор обратит к нему,
долго зрит, как дурит бандит,
и такое в сердцах гундит:

*«Що ж робити з тобою, синку,
щоб не вбив ти чужу дитинку?
Що б зробити мені такого,
щоб ти вбити не зміг нікого?»*

Всё глядит на дурной помёт
и что делать с ним – не поймёт.
А припомнит былой залёт –
и кровавые слёзы льёт.

ДО НЭБА

1

Ласковые дяди, радушные дяди
подошли к мальчонке, наивность
во взгляде,
угостили щедро съестным из буфета:
«Вот тебе печенюшка, а вот и конфета».
Не жалели дяди хвалебного слова.
Интересовались, где дом у малого,
где его родители спины горбатят
и когда не дома маманя и батя.
Спрашивали – шарили будто рукою:
есть ли у родителей то и другое,
кем ещё их славная хата богата.
Отвечал мальчонка про старшего брата.
Обещали дяденьки сказку малому,
если он братишку спровадит из дому,
если пригласит их на чай и на сушки,
поиграть без мамы и папы в игрушки...

2

Подходили взрослые, видные мэны
к удалому хлопцу, что топал со смены,
угощали «правдой», что вовсе не правда,
предлагали «прадство» – без брата,
но с «Prada».
Баяли, мол, можно всё сладить на славу,
только надо братцу устроить подставу.
А резон простой – во-вторых
и во-первых:
потому что братец – по жизни соперник.
Толковали что-то про «славного діда»
и «яка від діда» осталась обида.
Привязались и наущали подолгу,
сбили простачка лопоухого с толку.
Нашептали парубку, что тому «треба»,
подбивали купно «скакати до неба».
Сведущие дяди, вожди-мозгокруты...
Без вертання вийшло до неба скакнути.

ИЗНЕСЕНИЕ

Это что за облако над нами?
Извыси спустилось и висит
пологом у нас над головами,
как бы проча знаковый визит.

Это что за мóлодец с дозором
к нам из облака того сошёл?
Ликом светел, но тревожен взором,
облачён в сиянье, словно в шёлк.

Это что за пламенные крылья
полыхают за его спиной,
создавая ощущение гриля
на сырой поверхности земной?

Это что за горн (труба, фанфара)
серебрится в шуйце у него?
А в его деснице – горну пара –
что за меч сверкает огневой?

И к чему пытаюсь нас привлечь,
он оставил нам и горн, и меч?

НАСЛЕДНИКИ

Искони на семи мир шатает ветрах,
по земному лицу носит семя и прах.
Народясь, приходили народы сюда.
И потом уходили, порой без следа.
Извергались какие-то с лика земли,
коль её меж собой поделить не могли.
Были разного семени здесь племена.
Кровью ими земля эта осквернена.

Тьмы и тьмы. В толпах, полчищах, ратях
и ордах
сколько было их – вольных, могучих и – гордых!
Как свинтили на вечный заслуженный отдых?
На каких они жарятся нынче курортах?
(То есть там, за чертой, побирает ли чёрт их?)
Боевых и заносчивых – сколько их было!
Каково им пришлось на своих Фермопилах?
Сколько было таких – бес ли их обморочил? –
что с чего-то себя вознесли выше прочих!
Вот и ныне таких, поглядишь, – неоглядно –
о себе возомнивших какого-то ляда.
Заражённые древней пещерною спесью,
хоть бы что задирают носы к поднебесью.
И при этом, как будто высокое что-то,
мозжечками смакуют мораль готтентота.

Вот и лезет теперь у таких из подкорки:
– Мы – не то что вон эти поганые орки.
Мы-де этих во всём будем краше и выше –
тех, кто рожей, иначе породой, не вышел.
Слава нашей (умывшейся кровью) краине!
Поклянёмся на сале и на кокаине
ей на верность и скверность, смелы и могучи!
За себя, за детей. И за внуков, до кучи.
И да хватят же голодомор и поруха
тех, кто в сале не смыслит ни рыла ни уха!
Слава нам! Слава нашенскому самочинию!
Ну а кто не согласен – мочи его!
Слава нам! – горделиво они голосят,
словно стадо голодных визжит поросят.
Трётся порос о пороса, рыло о рыло.
И кидается стадо свиное с обрыва...

Вновь на Авеля семя оскалилось Каина –
в жажде славы: видать, не по вкусу окраина.
И беснуется племя его окаянное –
тут и злоба, и кривда, и просто кривляние;
и умыт киевлянин в крови киевлянина;
и дешевле свинины теперь «киевлянина».
Чем кичишься-то, семя ты каиново,
семя Каина, племя украиново?
Ведь от самообмана, как от кокаина,
пропадаешь ты пропадом, Украина!

После мора, и труса, и хлада, и глада,
после мрака и жути военного ада,
после всех столкновений, побоищ и бедствий
поле брани кому перейдёт по наследству?
Эти данные свыше земные просторы,
эти реки, моря, эти доли и горы,
вся всемирная ширь, вся Земля, вся планета –
и кому же потом всё останется это?
Сильным? Вольным? Крутым?

Исключительным? Гордым?!
Устремлённым к победам, вершинам, рекордам?
Растворявшимся в общем ярящемся оре?
Обрекавшим себя и подобных на горе?
(Как ни глянь – на злодее злодей, вор на воре.)
Но они ли у Господа в вечном фаворе?
(Да не будет помянут в пустом разговоре.)
На таких ли взирают с небес благосклонно?
Таковым ли земное завещано лоно?
И не будет ли так, что над всяким укромом
вдруг Всевышнего голос раскатится громом,
от которого съёжится гордый и смелый:
– Выходите, наследники, из подземелий,
поднимайтесь из пепла, сходите с распятий,
выбирайтесь из братских могил – для расплаты?
Тише вод, ниже почвопокровных растений –

вот такие и выступят – кротко – из тени,
из-под сени спасительной выйдут – и свыше
приглашением самым особым услышат:
– Время скорби прошло. Вот и вечность веселью!
Принимайте в удел исцелённую Землю.
Мнящий дело своё оборонным и правым,
не забудь же душой уподобиться травам,
напитаться безмолвием вровень с водою.
Укротись – и вступиай в своё право святое.

НОВЫЙ АТТИЛА

1

Их крепости были ему нипочём.
Прошёлся по ним он огнём и мечом.

Когда-то Европа была молода.
Но с веком уходит не только вода.
И гнев был, и Божия милость –
так многое здесь изменилось.

Но есть ещё камни на древних местах,
что знают животный, панический страх,
что помнят несметные силы
и грозное имя Аттилы.

Их крепости были ему нипочём.
Прошёлся по ним он огнём и мечом,
Что стены пред ним?! Что охрана?!
Пустяк на пути урагана!

Аттила! Пред ордами диких племён,
что вёл за собою по Западу он,
дрожали все без исключений –
от римского папы до черни.

2

Был свыше в измене их мир обличён.
С того и явился он Божьим бичом.

Стояла Европы судьба на кону.
Спасения не было впрямь никому
под гуннским жестоким навалом –
ни сырым, ни старым, ни малым.

Но Запад скумекал, что тем обличён,
и в страхе нарёк его Божьим бичом;
и поздно, скорее, чем рано,
но вымолил щит от тирана.

А время себе продолжало идти.
И вновь совратилась Европа с пути,
по злему чьему-то расчёту
буквально отправившись к чёрту.

Торопится в пекло других поперёд.
И вот уже новый Аттила грядёт
на пустоши правды и веры,
на пажити кривды и скверны.

3

Их каверзы будут ему нипочём.
И явится новым он Божьим бичом.

Суть та же, но лик его будет иным.
И Запад уже не признает вины,
и, тянущийся к преисподней,
не примет направики Господней.

О древние камни дворцов и твердынь!
Готовьтесь к нашествию новой орды,
что станет последним, возможно,
для отчины вашей безбожной.

Стоит на панели она неглиже
и не опасается, видно, уже
ни серных дождей, ни потопа.
Готовься к погрому, Европа!

Вот новый властитель в твои города
идёт и изменит тебя навсегда.
И вот уже в порты и фьорды
заходят несметные орды.

4

Им сети и козни твои нипочём.
За новым идут они Божьим бичом.
Такого не будет второго.
И заступ не будет дарован.

А явится новый на соплах курных.
И вслед за собой приведёт четверых:
усобицу после раскола,
поветрие, холод и голод.

И будет, Европа, такой тебе кнут,
что дети твои же тебя проклянут
за то, и другое, и третье,
за что ты пред ними в ответе.

И спросит – вотще – тебя совесть твоя:
– Чего ты добилась, беспутство твоя?
Какого ты наворотила?..
И смехом зайдётся Аттила.

И станет явившийся Божьим бичом
над миром, который уже обречён.

Берега юбилеев

Светлана Савицкая

*Дорогая Светлана Васильевна! Сердечно поздравляем Вас с юбилеем!
Примите нашу искреннюю благодарность за Вашу литературную деятельность
и пожелание новых книг, новых творческих достижений, вдохновения,
радости, любви и всемирного признания!*

С. В. Савицкая 15 сентября 2010 года награждена Союзом писателей Евразии, Союзом писателей переводчиков, МГО СП России орденом В. В. Маяковского «За глубокое психологическое исследование, смелую творческую новизну и литературные находки романа “Назови имя Бога”». Роман получил Диплом и почётную медаль «Достояние отечества» как победитель областного фестиваля полезной деятельности в РФ «Мир глазами молодёжи» – Озёрск Челябинской области. Роман был полностью опубликован в 3-м номере литературного журнала «Метаморфозы» (Гомель, Беларусь, 2018). В 2022 году роман был дополнен второй частью. Переведён на турецкий, английский, немецкий, вьетнамский, хинди, китайский языки.

НАЗОВИ ИМЯ БОГА

Космическое эсперанто

Имя Бога – шифр Вселенной, пароль для достижения заветного желания, реализации истиной цели души. Но как узнать это имя? Ведь генетический код у каждого индивидуален! Распознать таинство удаётся трём учёным. В процессе решения задачи читателя ждут захватывающие вхождения в Бездну, которая обитаема разными инопланетными существами. Жанр, в котором работает Светлана Савицкая, называется магический реализм. «Правда» её научной фантастики имеет свойство сбываться. Фундаментальные произведения, написанные ярким литературным языком, представляют собой скорее некие астрологические прогнозы, исторические и философские открытия. Прототипами романа «Назови имя Бога» являются живые люди. Так, Юрий Всеволодович Лушниченко, автор корректирующих матриц, фигурирует в роли профессора ЮрВедыча Лебедева. А Зайцев Андрей Викторович (Дмитриев Андрей Геннадьевич) – и в жизни изобретатель системы глобального хранилища данных, за которыми – будущее!

П. П. Глоба. Астролог

ГЛАВА 16

Имя Бога

Пробка. Снег снова выпал обильно и щедро. И ещё продолжал падать сквозь очищенный прозрачный воздух в радужных утренних лучах. Снег будто бы разглядывал сам себя, как разглядывает собственные новогодние локоны девочка, впервые оказавшись у зеркала в бальном платье. Славка выехал рано, ожидая катаклизм. На правом сидении рядом с водителем – Лебедев. Он в обычном светливо-приподнятом настроении, несмотря на очередную бессонную ночь. Глазёнки блестят. Брови шевелятся.

- На, – протягивает Лебедев Славе мобильник.
- Что там?
- Сюрприз.
- Длинные гудки.
- Мама?

– Да, сынок.
– Мама... – у Славы на глаза наворачиваются слёзы. – Я люблю тебя, мама, – говорит он, давясь чувствами недавно пережитых событий.

– И я люблю тебя, Светик.

– Как ты, мама?

– Коровку новую купила. Та совсем мало молока стала давать...

– Мама, прости... я не звонил...

– За что ж прощать, не звонил – значит, складывалось всё хорошо, а сейчас, наверное, ещё лучше вдруг стало...

– Я приеду?

– Давай, к весне. Сад зацветёт, и встречу по-людски...

Телефон отключен. Славка тупо смотрит на пустую картинку мобильного, вопросительно поворачивает голову к профессору.

– Что? Что! – огрызается тот, чувствуя укор во взгляде и с места в карьер начинает нападать: – Мать-то твоя психолог покруче тебя будет!..

К своей деятельности Светослав относился очень ответственно. Там, за стенами института, – социум, его поле деятельности, его хлеб, ум и совесть, – ждёт для изучения. Ждёт от него помощи и коррекции.

Требовательный к себе, он никогда не опаздывал до этого сумбурного непредсказуемого месяца, пока не увидел её: тридцатилетнюю наивную красоту, показавшуюся совершенством. Как назвал это состояние Лебедев – «На всякого мудреца найдётся хоть одна дура, от которой он без ума!»

Он едет к ней. Сегодня он снова едет к ней.

Он знает, что сказать. Он уверен в себе как никогда.

Дива, к которой он летел, ради которой дёргал за усы Вечность, удивлённо улыбнётся, обдав ледяным равнодушием зрачков, и тут же опустит глаза. А может, всё-таки остановит на нём взгляд? На секунду? Ему хватит секунды, чтобы разложить перед нею звёзды? Хватит!

Что говорить? Какая разница!

И вот он застыл в режиме ожидания, напрягшись наполненной информацией пружиной факса.

– Имя назовите, – просит Мечта о Счастье, опустив полные недоступности и отрешённости профессионально-озабоченные работой очи в длинные списки.

– Светик, – говорит он ей, уверенно улыбаясь как старой знакомой, с которой играл в детстве в одной песочнице, да и сейчас не прочь пошалить.

– Светик? – подымает очи Дива. Невероятно! Она... Господи. Нет! Она, царевна Несмеяна! Она теперь улыбается совсем не холодно. А скорее, задорно. Похоже, Славка её заинтересовал. И даже рассмешил. – А фамилия у вас есть, Светик? Светик – это что за имя? Я раньше такого не слыхала, – прыснула в кулачок мгновенно помолодевшая Дорожкина. Она оборачивается на коллег-подружек из бухгалтерии, чтобы разделить и с ними веселящую новость. И те, оторвавшись от бумажек, тоже окружают великовозрастного детину, назвавшего себя именем ребёнка, назойливым вниманием взглядов.

– Это Светослав Петрович Большаков! Мать моя, разлюбезная Надежда, назвала меня так однажды, – деланно кланяется влюблённый пятидесятилетний юноша. – Заметьте, Большаков! Не Башлыков там какой-нибудь, Бахметьев или Бурмистров. Большаков бывает один. И на всю жизнь.

– Вы уверены, Светик?

– Больше, чем когда-либо!

– Тогда распишитесь!

– Без раздумий могу расписаться с вами и под любым более интересным документом. Да, кстати, есть такое мнение, что икра может быть и чёрной. Лишь бы хлеб был белый.

Сегодня день зарплаты.

В незастёгнутом пальто Светослав Петрович вылетает из дверей. У машины ждёт ЮрВедыч:

– Ну, что? Получилось?

– Звёзды нужно складывать самим! Ты прав, Лебедев. Тысячу раз прав!

– Ты по-человечески можешь объяснить, что ты ей сказал?

– Я назвал имя.

– Какое имя?

– Светик!

– Светик??? И что теперь?
– А теперь мы вместе едем в отпуск. В Геленджик! Представляешь? Море! Чайки! И мы вдвоём! Счастье!

- Втроём!
- Никаких втроём! И даже не думай! У меня медовый месяц!
- До трёх башенок хоть подвезёшь?
- Подвезу... Как же. Видишь? Встали.
- Это из-за вас. Ничего. Сейчас всё разгоним. Глаза закрой!
- Что-о?

И снова радужные круги. На этот раз вместе с машиной оба оказались в Бездне между мирами и временами. Энергетический кокон автомобиля Светослава распался на мириады светящихся точек. Лебедев замагнитил их рукою в верхний карман пиджака.

Кабинет Командора казался мутновато-призрачным, потому что друзья наблюдали за ним из параллельного пространства. Ему докладывает какой-то учёный, вырванный с кафедры в лабораторию Зака:

– Для выращивания рептоидов в балансе Земли температуры в регионе Центрально-Европейской части должны в течение трёх месяцев держаться у отметки нормального зародыша.

- 36,6 градусов??? – восклицает Лебедев.
- Ну и что? – не понимает Большаков.
- Как это, что? Представляешь? В Москве температуру летом от 30 до 40 градусов, поддержанную искусственно?

- Да, классно!
- Что классно? Что классно? От жары гипертоники сдохнут. Трава станет белой! А пожары?
- Что пожары?
- Полетели, – без слов скомандовал Лебедев.

Мгновенно вывернув карман и радужную оболочку на обычную дневную земную на МКАД, под гудение машин Лебедев и Большаков медленно катятся в затруднённом движении в районе трёх башенок. Только жара мгновенно наполняет вдруг каждую клеточку организма. Пот, как в сауне, покрывает всё тело. Оно становится липким. Чужим. Противным. Хочется снять кожу. Сбросить, вылезти из неё ужом.

Видимость, как в тумане.

Термометр показывает плюс 38.

Жара сразу заставляет сбросить верхнюю одежду и включить кондиционер.

- Что происходит?
- Мы на полгода впереди в Москве. Сейчас узнаем. Радио включи.
- Аномально жаркая и сухая погода установилась в Москве и области, – сообщило радио. – Обычные для этого периода температуры с начала месяца были превышены на 8–9 градусов, кроме того, в городе почти не было дождей. Количество вызовов скорой помощи в Московской области не сокращается уже вторую неделю, сообщают в понедельник «РИА Новости» работники подмосковных станций скорой помощи. Власти Москвы ведут активную работу по предотвращению возникновения пожаров в зелёных зонах столицы в период аномальной жары, что позволяет снизить ущерб от возгораний до минимума. По данным МЧС, площадь пожаров в Подмоскovie сократилась почти на четверть – с 174 до 126 гектаров. Город страдает от гари и дыма, которые наносит из Подмоскovie, Рязанской и Нижегородской областей. В Москве ожидается двадцатый за лето температурный рекорд. Треть из проверенных газонов в Москве в жару не поливалась. Содержание кислорода в воздухе почти на четверть ниже нормы. Отключения электроэнергии участились в 2–4 раза. Московские власти констатировали, что смертность в столице в последнее время «подскочила» вдвое...

- Рептоидов выращивают, паразиты.
- В смысле?
- Ты же слышал сам, нужно несколько месяцев температуру держать, которая необходима для поддержания жизни зародыша.

– А потом?

– Они, скорее всего, производят гибриды. Сами на нашей планете жить более трёх дней не могут. И приняли решение скрестить «хорька, барсука и штопора»... забавные, должно быть, зверьки!

– Похожие на людей?

– Да, в людском теле, судя по всему.

Слава глядел по сторонам и не узнавал столицу. Трёх башенок, по крайней мере, не было видно, хотя стояли практически под ними. Исчезла разница между светом и тенью, и весь город погрузился в серые полутона сплошного туманного дыма. Такой Москвы ему никогда видеть не приходилось! Внезапно он вспомнил случайно услышанную фразу «облучён и квитирован»... Что она означала?

– А ты, случаем, не рептоид? – покосился он с опаской на Лебедева.

Тот громко захохотал. Брови, невероятно длинные его брови, которых Большаков не видел ни у одного человека на свете, зашевелились тараканьими усами.

– Где б ты увидел рептоида с голубыми глазами?

– Но тогда, «бабушка-бабушка, зачем тебе такие большие» брови?

– Эх, касатик, – загадочно улыбнулся Лебедев, – сейчас очутимся прямо у башенок. Только в том времени, откуда прилетели. Пиджак одевай. Выключи кондиционер. Глаза закрой.

– А что с рептоидами?

– Пока не знаю. Есть тут один человек. Надо будет потолковать, – Лебедев нащупал в кармане консервную баночку, – поехали!

И...

Снег! Слава не удержался и, вспотевший, вышел без пиджака после жаркого смога в этот снег, только что выпавший у МКАД. На него косились другие водители, зябнувшие в своих авто.

– Господи! – упал он на колени, сгрёб ладонями непорочную охапку леденящих снежинок. – Вседержитель. Всевышний. Всемогущий. Сый. Господь. Сущий. Бессмертный. Предвечный...

– Предвечный? – подошёл вездесущий Лебедев.

– Да, именно Предвечный!

– Ты что? Молишься, что ли? Ты же атеист!

– Не мешай!

– Если ты по поводу рептоидов, так не переживай! Они эти опыты уже сто раз проделывали. Ну, не годится им наша планета для проживания! Расслабься, Слав. Да и мы тут на что? Вселенская матрица... она не позволит...

На Москву падал снег. Просто падал. Туманом загораживая небоскрёбы. Оседал на линиях электропередач.

– Я не хочу в будущее, – тихо сказал Слава.

Зазвонил мобильник.

– Светик? – весело прожурчала Дорожкина.

– Да, солнышко моё! – ответил мгновенно изменившийся в лице Большаков. – Да, уже еду за билетами...

– Гхы-гхы-гхы! «Со-о-олнышко», – гоготнул Лебедев.

Большаков победно глянул на него, закрывая лягушку телефона:

– А что? Может, вправду жизнь-то налаживается? Так ты со мной?

– Я-я-я, – скромно опустил хитрые голубые хулиганистые глазёнки профессор, – только прослежу, чтоб тебя рептоиды не украли. – Засветился весь и довольно плюхнулся в овечий ворс сидения. – Ведь ты же должен и меня понять. Так прикольно наблюдать за разворачивающимися на глазах новыми любовными отношениями! Всё равно, что глядеть премьеру Голливуда.

– А в будущем тебе разве это посмотреть нельзя?

– Ты изменил положение звёзд. Я, правда, до конца не понял, как ты это сделал... Как ты додумался, коллега?!

– Так ты подсказал.

– Да? Склероз! – стукнул себя по лбу деланно Лебедев.

Снег пошёл с ещё большей силой. Наверное, Бог, Сый, Бессмертный, Всевышний, или как его там, решил порадовать москвичей роскошным подарком, зная, что впереди будет дождь. А потом жара. Дым... Только почему-то столица не радовалась. Гневно повизгивая резиной автомобилей, МКАД шорами держала взволнованную кишку пробки. Злобно включали и выключали моторы водители, выбрасывая из окон искусанные окурки в снег. А он всё падал. Белый-белый. Чистый-чистый. Непорочный. Сый. Всевышний. Неубиваемый.

У Славы в голове мелькнула фраза Лебедева о том, что бесполезно спорить, что первично: лёд, вода или пар... Снег. Первичен снег.

Снег умиротворённо пытался освежить замученную, издёрганную людьми землю. Но Слава знал, что этот снег уже в прошлом.

Берега Беларуси

Михаил Поздняков

Михаил Павлович Поздняков – родился в 1951 году в деревне Забродье Быховского района Могилёвской области. Окончил Белорусский государственный университет. Работал учителем в школе, научным сотрудником Института языкознания Академии наук Беларуси, директором литературного музея Максима Богдановича, главным редактором издательства «Юнацтва», главным редактором журналов «Вожык», «Нёман». Председатель Минского городского отделения Союза писателей Беларуси. Поэт, прозаик, переводчик, критик, языковед, публицист. Почётный член Союза писателей Беларуси, член Правления Союза писателей Беларуси, член Правления Союза писателей Союзного государства. Председатель Минского городского отделения Союза писателей Беларуси. Автор более 100 книг. Перевёл на белорусский язык многие романы, повести, рассказы классиков русской и зарубежной литературы, в том числе роман-эпопею Мухтара Ауэзова «Путь Абая», стихи Александра Пушкина, Сергея Есенина, Николая Рубцова, Игоря Григорьевея и др.

Лауреат 38 литературных премий, в том числе Национальной литературной премии Беларуси, а также международных премий им. В. Бианки (Москва), им. И. Григорьевея (Санкт-Петербург), им. Н. Гоголя, им. Б. Хмельницкого, им. Г. Сковороды (Киев, Чернигов), им. А. де Сент-Экзюпери (Париж), им. Ф. Петрарки (Рим), им. М. Твена (Сан-Франциско), им. Г. Бёля (Германия – Украина) и др. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, академик Международной академии литературы и искусств (Украина), председатель общества дружбы Беларусь – Россия. Директор Театра поэзии. Имеет государственные награды Беларуси и Союзного государства. Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь. Академик Международной академии русской словесности. Живёт в Минске.

Перевод стихов на русский – Михаила Кулеша

* * *

О, как прекрасно! –
Месяц над вербой,
Кольшется бесшумно
Ветер в клёнах...
День угасает
Розово-зелёный
И уступает
Свежести ночной.

В шатрах зелёных
Липовых аллей,
Восторженный, влюблённый
И счастливый.
С неповторимым,
Дивным переливом
Поёт подружке песню
Соловей.

Мигают звёзды,
Шлют нам свой привет,
Пронзает небо
Быстрая комета...

Как славно быть
Живой частичкой света,
Которой
Дан для счастья этот свет.

* * *

Качает в волнах тихая река
Улыбки лилий нежно-золотые.
И нежностью на крыльях мотылька
Порхают детства тени дорогие.

Душа полна любовью, тишиной,
Но сердцу почему-то одиноко.
Не надо, луг, вернулся я домой,
Прими меня, как брата, без упрёка.

Здесь, на помосте старого крыльца,
Я вспоминаю годы молодые.
Во мне не отгорела до конца
Боль за грехи и горести земные.

КРАЙ РОДНОЙ

Пока рассвет встаёт над полем нежно-розовый,
Спешу сюда с любовью, словно в рай
В мой ненаглядный, в мой ромашково-
берёзовый,
В мой васильковый, милый сердцу край.

Не чужедальный, не бананово-фисташковый,
На перекрёстке жизненных дорог
Живёт родной мой, мой берёзово-
ромашковый,
Родительский заветный уголок.

Здесь позабуду я проблемы все столичные,
Волшебной сказкой буду окружён,
И лес подарит мне поляны земляничные,
И в синих волнах заколышет лён.

И пусть зовёт меня столицы голос ласковый,
Он не заменит нежный щебет птичьих стай.
Я не оставлю свой берёзово-ромашковый,
Свой васильковый, тихий, светлый край.

В РОДНОМ ЗАБРОДЬЕ

Пью глазами волшебство земное,
На душе ни боли, ни тревоги.
Здесь родное всё мне, всё святое:
Сад, река, тропинки и дороги.

И вода в колодезе живая,
И покосов ровенькая стрижка.
Крапиве и той, хоть обжигает,
Радуюсь азартно, как мальчишка.

Хоть и жить сегодня здесь не в моде,
Хоть и глушь, далёкая от рая,
Только я любимое Забродье
На заморский край не поменяю.

* * *

Раздольно забродские клёны
Кольшут лазурность небёс.
Счастливым смотрю и влюблённый
И им благодарен до слёз.

Другой стороны мне не надо,
Здесь дом мой, деревня моя.
И нет мне дорожке награды,
Чем эта родная земля.

И я, словно клён тот высокий,
Смотрю и так хочется жить!
Одним мы напоены соком,
Одни нам просторы любить.

Я в памяти годы листаю,
На сердце моём благодать.
Земля предо мною святая,
Дорожке её не сыскать.

РОЖЬ ПОЁТ

А рожь поёт, и нежно ветер струны
Перебирает мастер-виртуоз.
Я в этой песне слышу знак фортуны
И с детства мне знакомый шум берёз.

Прислушайтесь, как в поле, за деревней,
В мотиве ровном недозрелой ржи
Тревожит сердце мудрый голос древний
Веков давно минувших миражи.

А рожь поёт – её мотив о хлебе.
Послушай сердцем трепетный мотив,
И ты услышишь жаворонка в небе
И ностальгии ощутишь прилив.

И эта песня радостна, любима,
Как в печке хлеб, как в роднике вода,
А рожь поёт, стремленьем одержима,
И светом наполняет нас всегда.

А рожь поёт, и песня так прекрасна,
А вместе с нею и душа поёт.
И нам по жизни ничего не страшно,
Пока звучит мелодия её.

НА РОДНОМ ЛУГУ

Летний полдень, звонкий луг,
Дивных красок хороводы.
Так спокойно – и вокруг
Всё прекрасно у природы.

Я цветов себе нарву
На лугу моём богатом.
Упаду лицом в траву,
Наслаждаясь ароматом.

И дорожке всех наград
Солнце ласковое светит.
Я, как всё здесь, очень рад,
Что живу на этом свете.

ПОЭТАМ

Кричим или шепчем о вечном,
И полнитесь чувством строка.
Предвидим свой век человеческим,
Стремимся творить на века.

Мы мчимся – никто не догонит
Успешных, уверенных нас.
Галопом крылатые кони
Несут на желанный Парнас.

Там звёздные слёзы-дождевики
Омоют нам душу и плоть,
И слов золотые крупинки
Протянет в ладонях Господь.

* * *

Снова цветом пенятся сады,
Их наряд красивый и богатый.
Вечером у речки от воды
Медленно ползёт туман лохматый.

Песня соловьиная слышна,
И она мне сердце согревает.
Грустная огромная луна
Позолотой сумрак осыпает.

Милая, родная мне земля,
Без тебя тоскую и страдаю.
Только здесь всё время счастлив я,
Только здесь душою отдыхаю.

И всё чаще я к тебе стремлюсь,
Ты живи свободно и богато.
И всё чаще я к тебе клонюсь,
Как клонился к матери когда-то.

* * *

Небо в россыпи звёзд над безмолвьем
речным,
И теснит мою грудь вдохновенье.
Я читаю стихи привиденьям ночным
И драчам, что кричат в исступленье.

Зашумела трава под густым ветерком.
До свиданья, родные закаты,
Лишь звезду зачерпну из реки котелком
И в рюкзак соберу ароматы.

* * *

Весна, словно добрый кудесник,
Поёт, и цветёт, и звенит.
На крыльях восторженной песни
Душа молодая летит.

Надежды, мечты и затеи,
Дороги, что вдаль нас ведут,
И тайно и явно пред нею
Как будто впервые встают.

КЛЁНУ ДЕТСТВА

Ветер подул за садами,
Руки нельзя опускать.
Можно на небе, как в храме,
Вечные письма читать.

Не поддавайся заботам,
Лучше сыграй Полонез.
Скроется за поворотом
Наших гостей «мерседес».

Слух наведёшь свой на звёзды, –
Пусть помолчат соловьи.
Пусть по полю борозды
Мощные корни твои.

Летом волнующе-свежим
Здесь хорошо и светло.
Будешь дарить ты приезжим
Родины милой тепло.

* * *

Любой сюда зайдёт – и ахнет.
Цветёт сирень – сиренью пахнет!
Она, как облако, витает,
Над крышей дома закипает.

Крыльцо накрыла лёгкой тенью,
Весь двор насквозь пропах сиренью.
И в доме аромат душистый,
А куст – нарядный и пушистый.

Такое сказочное чудо!
Его вовек я не забуду.
Но, жаль, что нет тебя со мной
Вот в этой сказке неземной.

В РОДНОМ КРАЮ

Поют кузнечики, играясь,
Ромашки водят хоровод.
Я, Музе нежно улыбаясь,
Иду на озеро, в поход.

Меня встречает земляникой
В лесу поляна за рекой.
И в этой сказке многоликой
Я сердцем чувствую покой.

За целый день устану малость.
Но вдоволь отдохну душой.
Мне снимет озеро усталость
Живой хрустальной водой.

А я наполнюсь новой силой,
И мне покажется тогда,
Что, может быть, деревни милой
Не покидал я никогда.

ТРИОЛЕТ

Подсолнухов прямые гряды
Струятся свежей красотой.
Стекает утро с них росой,
Глуша кузнечиков рулады.

Зелёный, мягкий и густой
Вьюнок заплёлся у ограды.
Подсолнухов прямые гряды
Струятся свежей красотой.

ТРИОЛЕТ-2

Залитый светом тихий сад,
Луна над яблоней зависла.
Как много в этой сказке смысла!..
Залитый светом тихий сад.

До Спаса считанные числа, –
И чертит небо звездопад.
Залитый светом тихий сад,
Луна над яблоней зависла.

* * *

На сердце кровоточит рана, –
Мои друзья ушли так рано.
Ушли, – оттуда нет возврата.
Такая горькая утрата.

Вестей оттуда не бывает,
Что там и как – никто не знает...
Пускай и не приходят вести,
Когда-то встретимся мы вместе...

* * *

В деревне вечером блуждает
Моя усталая душа.
И неба купол обливает
Свет из Великого Ковша.

И городскую грязь смывает
С моей чувствительной души,
Надеждой звонкой засекает
Её в восторженной тиши.

* * *

Как хочется крикнуть: «О люди!
Отбросьте обман и раздоры.
За них вам прощенья не будет,
Как жителям грешной Гоморры.

Спасут же вас правда, и совесть,
И благо, что людям творите.
И в путь свой последний готовясь,
Все камни свои соберите.

* * *

Падают, падают строчки
С клёнов гигантских на луг,
Словно цветные листочки,
Рифмы играют вокруг.

Словно земле своей милой
Это признание в любви.
С нежностью, лаской и силой,
С искренним чувством в крови.

Дом мой, Отчизна родная!
Пахнет отава-трава...
Всю эту радость вдыхая,
Кругом идёт голова.

Берега Беларуси

Вениамин Бычковский

Вениамин Николаевич Бычковский – родился в 1953 году в Уфе, куда в годы Первой мировой войны вывезли из Гродненской губернии почти весь род. С 1995 года проживает в Беларуси. Творческие пристрастия – литература и краеведение. Член Союза писателей Беларуси, лауреат конкурса «Золотое перо Руси», Общества любителей Русской словесности им. Л. Толстого, дипломант Международного конкурса им. А. Платонова; Вторая премия Международного Тютчевского конкурса. Издано пять сборников прозы и стихов. Как краевед изучает прошлое Полесья: создал два музея, разработал ряд экскурсий, построил часовню – в память безвинно убиенных жителей четырёх деревень; награждён медалью «За личный вклад в сохранении памятников военной истории», православной медалью «Преподобномученика Макария, игумена Пинского», медалью им. Адама Мицкевича.

ЖИВОТВОРЯЩИЙ КРЕСТ

Быль

Староселье

Утренний звонок из деревни застал Владимира Николаевича уже в кабинете, когда он, как заведующий отделением Института травматологии, готовился к совещанию, которое должно было начаться через пять минут. По телефону сообщили о том, что на деревенском кладбище случился ураган, который повредил памятники на могилах его родителей. Он сразу решил сегодня же выехать в деревню, но, вспомнив о важной операции на следующий день, отложил свой выезд на два дня. А за это время узнает все подробности и обдумает, как быстрее восстановить памятники. Уже к вечеру Владимир Николаевич знал время выезда из Минска и где закажет новые памятники. Поначалу он хотел взять сына с собой в деревню, но, подумав, решил отдохнуть от всех, и потом, в прошлое надо возвращаться одному, чтобы не стесняться слёз и комплексов из детства. Через день, оформив недельный отпуск, он выехал в родную деревню.

По трассе Минск – Брест Владимир Николаевич проехал на хорошей скорости, не останавливаясь, но, съехав с трассы в направлении Пинска, сбавил скорость. Вдоль дороги стоял густой лес с двух сторон, из которого в любой момент могли выйти лось или косуля, и его взгляд скользил по соснам, одновременно любуясь зелёным цветом после чёрно-белого городского ландшафта. Владимир Николаевич безмерно любил лес! Он мог часами гулять по лесу, разглядывая деревья и вслушиваясь в их шёпот. В такие часы он чувствовал, что его корни здесь, в Полесье! И скоро его встретят – родной лес, родная деревня. Проезжая указатели деревень вдоль дороги, он мгновенно представлял их улицы, дворы, вспоминал знакомых, и всё это сливалось в фильм из прошлого, не хватало только самых важных кадров – из родной деревни. Но очень скоро и они высветятся на фоне весеннего неба!

Последние пятнадцать километров до деревни Владимир Николаевич решил ехать по лесной дороге. Он знал, что эта дорога всегда разбита лесовозами, но сейчас ему хотелось посмотреть, где прошла вырубка и много ли леса пострадало. Проехав несколько километров, Владимир Николаевич остановился напротив недавней вырубке, где ещё чувствовался запах древесной смолы и чего-то такого, от чего дышать было трудно. Этот запах сильно отличался от благотворного лесного запаха.

«Это и есть запах “крови и слёз” деревьев, и такой же запах стоит сейчас на кладбище», – задумался Владимир Николаевич об урагане в деревне.

Затем, пройдя немного по вырубке, увидел срез от большой ели, а рядом, как перья расклёванной птицы, лежали кучей ветки от ели.

Дальше он увидел красноватый срез от берёзы и вспомнил, как однажды в весеннем лесу вышел на вырубку берёзовой рощи во время движения соков. Сок ведрами лился из срезанных стволов, заливал землю вокруг, как снегом, и какое-то время нестерпимо блестел на солнце, потом начинал краснеть, краснеть, и скоро всё становилось ярко-красным, отчего казалось, будто он проходил между шеями, на которых недавно были головы. Он как врач за многим наблюдал у деревьев и всегда находил схожесть в жизни деревьев и людей. Например, ураган может обломать у дерева сучья или переломить самый ствол, но весной от корней снова пойдут молодые побеги и вырастет новое дерево. Если же в дереве заведётся грибок, съедающий его изнутри до самого корня, то ему уже ничто не поможет. Так и у человека: внешняя, наружная рана, даже перелом костей, залечивается быстро, в то время как болезнь, развивающаяся в глубине организма, оканчивается неизбежной смертью.

Ему было больно тогда и сейчас за весенние вырубки, и он вернулся к тем же мыслям: «Это ж нужно как-то вовсе оторваться от земли, от любви к цветам, к деревьям, чтобы так издеваться над природой – прерывать весну жизни. А ведь когда-то человек своим трудом и молитвой сохранял землю, засаживал деревьями и каменистую землю, а теперь деревья пытаются вымолить благодать земли. Когдаходишь в большой лес с весенней вырубкой – воздух совсем другой: как будто деревья не живут в нём, а молятся, чтобы человек оглянулся и задумался. Порой взглянешь на поведение людей в лесу – становится стыдно ходить по земле! Древний человек и тот находил в лесу и разум, и чувство, и волю. В шуме лесов, в шелесте листьев ему слышались те загадочные разговоры, которые ведут между собою деревья; в треске сломленной ветки, в скрипе расколотого дерева он узнавал болезненные стоны, в увядании – иссушающее горе...»

Тут он снова вспомнил главную цель своего приезда и поспешил в деревню.

Подъехав к дому в деревне, машину он оставил на улице, поскольку выгружать ничего особого не надо было, а пакеты с продуктами он донёс в руках. Войдя в дом, он перекрестился на иконы, раздвинул занавески на окнах, чтобы следом и солнечный свет проник в дом и известил все комнаты о весне. Подключив холодильник, насос, он сходил в сарай за дровами, потом затопил печь, грубку, и пока дрова разгорались, он позвонил в Минск, чтобы сказать жене, что доехал хорошо. Он ещё говорил по телефону, когда в дверь постучали.

– Заходи, Петрович, я уж думал о тебе... что-то не заходит, уж не заболел ли? Но теперь вижу, жив и здоров!

– Здравствуй, Николаевич! Я-то жив, а вот дед Антон умер.

– Когда? Ведь недавно звонили мне...

– Да вскоре после урагана. А звонить уже не стали, знали, что приедешь. Вовремя подъехал, хоть проводишь деда, – он уважал тебя!

– Что же сразу не сообщили? Помог бы чем, с районной властью связался...

– Да дед Антон сам обо всём заранее подумал: гроб сам сделал, во что одеть – наказал близким, даже дорогу на кладбище обговорил – везти только на телеге, запряжённой Орликом!

– А как умер? Дома?

– Да прямо во дворе. Вышел из мастерской, прислонился к поленнице и повалился. – Петрович продолжал говорить уже сидя на табуретке. – На «скорой» сказали, что сердце подвело. Да и какое сердце выдержит! Можно сказать, жил в мастерской сарая – всё что-то пилил, строгал, не мог без работы и дня прожить. А ведь уже за восемьдесят было! Мне семьдесят, а уже задыхаюсь с косой, сын привёз бензокосилку, на ремень надо цеплять через плечо, так и она тяжёлая зараза...

– А похороны когда? – прервал его Николаевич.

– Сегодня. Вот батюшка приедет, отчитает, и тронемся в заветное место.

– Петрович, ты выручишь меня? Подкинешь ещё дровишек в печку, а я пойду, посижу рядом с дедом, пока священник не приехал.

– Конечно, Николаевич, не беспокойся, всё сделаю. А ты иди, дед уважал тебя! Только оденься теплее, солнце вроде бы пригревает, но ещё прохладно. Или ты на машине на кладбище?

– Ну вот ещё! Я пешочком с вами...

– Вот и правильно! На машине только батюшка поедет.

– Ну, я пошёл, Петрович?

– Иди, иди...

– А ты подложишь ещё раз и возвращайся. Дверь прикроешь.

– Да ладно, иди уж...

Шагая к дому деда, Владимир Николаевич вспоминал, что уже не первый раз его приезд совпадает с похоронами очередного старичка в деревне, а сейчас он шёл прощаться не просто со старичком, а с двоюродным дедом Антоном.

Давно наблюдая, как дед прихрамывает, Владимир Николаевич не раз предлагал ему лечь к нему в отделение.

– Нет, Николаевич... За стены не удержишься! Даже за больничные, – отвечал ему дед Антон, снисходительно улыбаясь, когда тот уговаривал его по осени обследоваться в больнице. – Не обижайся, Николаевич, но мне надо быть поближе к родной деревне, к могилам родных, где так приглубно склоняются дубы, за ветви которых ещё могу удержаться! А пока вот опираюсь на палку.

При этом он что-то чертил палкой по песку, а потом вдруг принимался разговаривать сам с собой, с небом, с лесом, с птицами, и всё его слушало и понимало, одни мы не понимали.

«Выходит, дед Антон чувствовал, что скоро ляжет под ветви дубов», – подумал Владимир Николаевич, подходя к дому деда, где уже стоял народ в ожидании выноса гроба.

Долго посидеть у гроба Владимиру не удалось, приехал батюшка на отпевание с двумя певчими из прихода. В доме стало тесно от людей, и Владимир Николаевич решил не толкаться, а подождать во дворе. К тому времени подошёл и Петрович, от которого Владимир узнал подробности урагана и последние деревенские новости. А новостей хватало, оказывается, не так давно похоронили бабу Веру, которую забил родной сын. Выяснением всех обстоятельств смерти старушки никто не занимался, а по заключению «скорой» – умерла по возрасту. Но её соседки, зная обстановку в доме и характер сына, не верили этому заключению. Но поднимать шум из-за этого им не хотелось, сына покойной пожалели – мол, не со зла, а в пьяном угаре... И уж очень искренне сын раскаивался на похоронах – рыдал, падал на гроб и неустанно просил прощения у мёртвой матери. А уже к вечеру над деревней слышался пьяный гомон. После поминок в доме покойной сын собрал компанию собутыльников и всё закончилось пьянкой.

Выслушав рассказ Петровича, Владимир Николаевич вспомнил и другой способ избавления от стариков. Год назад привезли в деревню на покой другую старушку. Привезли из города, куда дети забрали по причине болезни, да вот только жила она не с ними, а в доме престарелых.

Горько было это осознавать, зная о том, что в старину заботились даже о состарившихся быках, их не только не закалывали, а продолжали кормить и заботиться о них.

– Как можно забить, это ведь наши кормильцы были, – говорили сельяне.

Владимир Николаевич шагал на кладбище среди родных деда и десятков двух старушек и старичков, опиравшихся кто на трость, кто на палку. Шагал по хорошо знакомой дороге. Впереди ехала телега, на которой покачивался простенький, сделанный из светлых сосновых досок гроб. И не по бедности гроб выглядел скромно, просто почивший дед Антон ещё при жизни наказал детям, чтоб хоронили в том гробу, где каждая досочка обработана его же руками. Ещё года два назад Владимир Николаевич застал деда в мастерской, когда он, зачищая одну из досок, говаривал: «И каждую досочку делаю с напуском: большой гроб – не беда, ведь всегда вытягиваешься чуть-чуть. Вот когда жмёт – тогда дело хуже». Дед Антон был мастером по дереву и мог сделать всё, но больше всего дед гордился сундуками, которых он сделал за свою жизнь не один десяток. После войны случалось и гробы делать под заказ. Тогда же он решил: и для себя сделает. В сравнении с покупными гробами, обитыми бархатом или парчой, этот гроб действительно напоминал новый сундук, крышку которого открыли лишь для того, чтобы всякий мог увидеть аккуратно сложенное «всё добро», украшенное венчиком, цветами и свечечкой, точно она понадобится Там деду Антону, чтобы лучше рассмотреть загробный мир. Дополнял всю эту «красоту» рушник на кресте. «Прости, Господи! – если можно так говорить о смерти?» – заключил свои воспоминания и мысли Владимир.

Дорога на кладбище проходила по староселью, так назывался большой пустырь, тянувшийся до самого озера. Когда-то именно здесь было начало деревни Бобровичи и до кладбища было рукой подать, но в войну деревню сожгли вместе с людьми. Может, поэтому после войны здесь уже не строились, рука не поднималась закладывать тут дома, где земля хранила кровь и слёзы, пепел и прах б76 сельян, заживо сожжённых фашистами. В основном погибли женщины с детьми и старики. Молодёжь к тому времени вывезли в Германию. В том огне и сгорели почти все родные родителей Владимира. Только

Ольга Васильевна с дочкой Анной, впоследствии его матерью, которой на то время было десять лет, чудом спаслись. Рано утром Ольга Васильевна повела приболевшую корову в табун на пастбище, взяла с собой и дочку Анюту, чтобы та присмотрела за коровой, а к вечеру привела обратно. Пока нашла табун, пока поговорила с пастухом и уже собралась идти в деревню, как услышала хлопки выстрелов и увидела дым со стороны деревни. А вскоре прибежал и соседский хлопец Колька, спрятавшийся в разоре, когда увидел, что фашисты сгоняют жителей в центр деревни. А услышав первые выстрелы, тут же бежал лесом подальше от деревни, так и выбежал весь в слезах на табун, и дальше спасались уже вместе. Да так и остался жить с ними, потому как вся его семья погибла в тот день. Впоследствии он и стал отцом Владимира. Колька уже не представлял жизни без девочки Анюты, с которой вырос рядом.

Владимир Николаевич с детских лет испытывал волнение, когда шёл по староселью. Казалось бы, уже давно никаких следов трагедии: земля свои раны залечила травой, деревья свои раны залечили смолой, всё тихо и обыденно – не слишком яркое солнце, лёгкий ветерок с близлежащего озера, к которому примешивается приятный аромат разнотравья полесских болот, и всё это кружит, скользит, задевает песчаную дорогу и скромную процессию. Но в этой тихой процессии было столько правды жизни, что Владимир Николаевич всматривался в каждый фрагмент процессии. То разглядывал стариков, одетых почти по-зимнему; то рассматривал старого Орлика, последнего коня в деревне, который неспешно тянул телегу, привыкший выполнять любую работу не торопясь, надёжно. А может, дед Антон и с Орликом сговорился о последней дороге? И конь, как никогда, шёл тихо и осторожно. Но больше всего Владимира Николаевича занимала жёлтая дорога, её песок был так чист и светел, как будто его перемывали всю зиму. Под весенним солнцем, даже не наклоняясь, можно было разглядеть каждую песчинку, и в каждой песчинке играл свет. И всё это как будто светилось не только от лучей весеннего солнца, но и от какого-то едва уловимого внутреннего света, который казался нездешним, потусторонним. Этот свет не слепил, а мягко стелился под ногами, и хотелось идти, идти – идти до конца. И было не важно, куда он заведёт – на край земли или на тот свет.

Владимир Николаевич поглядывал на деда Антона в «сундуке» и находил в его лице что-то такое, от которого на сердце была радость жизни! Он не понимал, что это с ним: в глазах стоят слёзы, а в сердце радость жизни? Похороны... и радость жизни?! А ещё в этот мартовский день ранней весны гроб с дедом был самым ярким пятном на земле. С этим «светлым пятном» соперничала только дорога, её рыжий песок явно опережал весну.

Правда, после городского асфальта ноги Владимира Николаевича как будто вязли в песке. Однако он всё равно обгонял старушек, которые не шли, а плыли по дороге, как по реке жизни.

«Вот как надо шагать по земле», – подметил про себя Владимир Николаевич и постарался шагать уже мягче и неторопливее. И всё же ему продолжало казаться, что он шагает тяжело и жёстко.

Вот так, по каким-то мелочам, он всё больше стал замечать за собой, как быстро теряет связь с родной землёй. Вон как неслышно шагают старушки! А может, они хотят неслышно подойти, тихо похоронить соседа и так же неслышно уйти, чтобы кладбищенский мир не обратил на них внимания – здесь не место заявлять о себе громко. У стариков своё отношение к кладбищу, ведь они знают, что эта встреча с роднёй не за горами, и они уже сердцем ощущают внутренний трепет, какой переживает человек перед встречей с родными, которых давно не видел.

Господи! Сколько простоты и красоты в этой деревенской процессии! А жёлтая дорога под ногами точно в золоте! Он идёт, идёт, и эта дорога есть ему как самая близкая родина! – открыл для себя Владимир Николаевич, когда осознал всю красоту и важность своего наблюдения.

Одному деду Антону в гробу было всё равно, дед даже веки закрыл перед селянами, чтобы не смущать живых. Да и смотрел он сейчас в потусторонний мир бездорожья, и по спокойному выражению на его лице было видно, что потустороннее его не раздражает, а вот от настоящего у него были причины закрыть глаза. Уж очень неудобно стало жить старикам. Им, плохо видящим и слабо слышащим, уже не по силам ответить современности, и старики сердцем чувствуют своё унижение. На их измождённые трудом плечи ложится не только усталость, но ещё безответственность молодых, которые не очень-то способны обеспечить себя трудом, и многие доедают всё то, что было нажито старшим поколением. А за все недостатки ещё и обвиняют стариков.

Конечно, дед всё это видел и понимал, а может, и боялся оказаться беспомощным. Поэтому встретил свою смерть на ногах и с улыбкой, если верить словам его сына. Хотя об этом же говорит умиротворённость на застывшем его лице.

Владимир Николаевич взглянул в сторону озера и увидел такую же умиротворённость над старосельем. Благодатный воздух умиротворяющего душа добра витал над старосельем. Тут было тихо. Задумчиво. «А когда-то здесь паслись лошади, – задумался Владимир Николаевич. – Умирают старожилы, и родная земля, родительский дом уже не останавливают нас, родившихся на селе, и большая часть из нас разъехалась по городам, и только благодаря дачникам жизнь в деревне ещё как-то подерживается. Но остаётся связь с этой землёй, и первое чувство при соприкосновении со старосельем – это смириться, отдалиться, даже припасть. Слабым приходишь сюда, а уходишь сильным».

За процессией тянулась машина священника, в которой сидели певчие и несколько старушек, которым было уже не под силу пройти пешком до кладбища. Благо, что машина позволяла всем уместиться. Но своим видом современная машина никак не вязалась со старым конём, тянувшим обычную телегу. Видимо, понимая это, священник за рулём держал солидную дистанцию.

Процессия прошла мимо поворота на озеро, потом миновала тропинку, которая вела в деревню напрямки, через небольшое болото за огородами. Сколько Владимир помнил себя, эта тропка всегда была: то рыбаки сокращали себе дорогу к озеру, то детвора утаптывала её летом, бегая купаться; по ней можно было сократить путь и на кладбище. Уже с тропки виднелась величавая вершина тысячелетнего дуба, которая маяком возвышалась над последним пристанищем. Само же кладбище располагалось в дубовой роще, которая в древности являлась языческим капищем, и было чудом, что оно сохранилось до настоящего времени, пережив две мировые войны и ту ужасную трагедию, когда горела деревня. Погост спасло болото, вставшее на пути огня от горящих домов. Одно это заставляло людей преклоняться перед дубовой рощей с тысячелетним дубом в центре. Тем более что под сенью вековых деревьев разместились могилы предков, а недалеко от дуба захоронили останки сожжённых фашистами жителей деревни, где был прах всех родных по отцу и по матери Владимира. И, приближаясь сейчас к кладбищу, он всматривался в голую надломленную вершину дуба вдалеке и вспоминал Ольгу Васильевну бабушкой, когда она рассказывала Владимиру, что дед очень почитал старый дуб и, если появлялось свободное время или что-то болело, то непременно шёл к дубу, и, как правило, шёл один. Что уж он там делал, никто не знает, только через это ходили слухи о нём: одни называли его чудачком, другие – колдуном. Впоследствии и отец стал ходить к дубу. Местные люди тоже с почтением относились к дубу, а некоторые испытывали к дубу необъяснимый страх. Поэтому в деревне не любили говорить о дубе, а если уж вспоминали о нём, то в связи со смертью. И все знали: если дуб заскрипел, то жди покойника в деревне. Точно дуб напоминает людям о потустороннем и за каждую человеческую жизнь скрепит, шелестит, вздыхает... Или в непогоду попадаешь под его шум как под дождь, как под молитву, как под крест... Точно шумит навстречу. И когда Владимир шёл на кладбище, он шёл не только к могилам родных, но и к дубу, он шёл в своё детство, в невинность.

Вот и сейчас, подходя к заповедному месту, Владимир стал испытывать непонятное волнение перед воротами кладбища и, как мог, попытался подавить в себе это волнение. Уж очень не хотелось ему пускать слезу на людях.

И всё же при погребении прослезился. Но кого утешит его плач? – подумал он. – Приходим к могилам и, чтобы утешить мёртвых, приносим им свои слёзы. Только для чего несём им то, что в земле имеется с лихвой? И наши слёзы над могилой могут утешить только нас же самих, нам нужно пожалеть себя перед неизбежной смертью.

Когда гроб с дедом опустили, он бросил на крышку гроба горсточку песка «на лёгкое лежание» и с болью подумал: человек умирает, песок остывает, согретый им... И теперь он старшим остался из рода.

Когда же засыпали могилу, он долго всматривался в свежий холм и силился поймать то неуловимое, что знает только один Бог, – тайну ненужности и в то же время значительности всего земного. Хотя бы этот желтоватый холмик, над которым он сейчас стоял. В его песчинках он видел что-то очень важное, искристое, которое рассыпалось по земле, но своим блеском проникало в его сознание и вызывало мысли о предках... Мысли до рези в глазах, до слёз... Точно это последние капли животительной влаги из умершего корня в его роду. Он явственно ощущал сейчас, что корень умершего деда и его корень имеют общую сердцевину, уходящую в вечность.

После погребения, когда большая часть селян двинулась в деревню, Владимир подошёл к тысячелетнему дубу, чтобы обнять его, а от него перешёл к могилам родителей, которые располагались совсем рядом. Думая с сожалением о поломанных памятниках на их могилах, Владимир крутил в голове

мысли об установке новых гранитных памятников, а ещё вспомнилась берёза: «Ещё издали белел её ствол, а теперь нет белизны, остались дубы-кавалеры без местной красавицы-берёзы, чурки которой были сложены за оградой кладбища и ждали вывоза. Пока была жива берёза, то достаивалась чести расти на кладбище, а погибла – вынесли за ограду. Выходит, люди смертью заслуживают этих мест, а деревья – жизнью».

Но сейчас Владимир переживал за живые деревья на кладбище, поскольку от селян узнал, что местная власть приняла решение убирать большие и старые деревья с деревенских погостов. Он умолял жителей деревни не позволять такую вырубку, а если что, то тут же звонить ему в Минск, а там он найдёт способ, как остановить распоряжение районных чиновников. А пока опять взглянул на древний дуб и увидел его очень одиноким среди крестов и памятников, которые как бы выстроились рядами и шагают на него со всех сторон, а если какие-то падают, то на их месте возникают новые каменные плиты. А дуб крепко стоял, гордо разбросав по сторонам свои мощные ветви. В это же время колыхались венки, рушники. Словно разгуливали усопшие и поправляли все украшения на крестах; целовали бескровными губами свежепринесённые цветы. Но этого не было. И только дубы продолжали стоять над могилами в застывшем молении да время пролетало над тихой обителью лёгким дуновением, наклоня юные дубки.

Перед тем как уйти с кладбища, Владимир вновь подошёл к дубу и прижался к нему всем телом. Он верил в то, что корни дуба сплетаются в земле с корнями его рода и в проросших корнях дуба есть знаки от предков: в морщинах коры – морщины его предков, в ветках – руки предков, в шелесте листы – шёпот предков. И, обняв дуб, он это чувствовал руками, лицом, губами, сердцем! И в эту встречу он, как в детстве, просил: «Дуб-дубище, яви силищу!» Затем прислонился к дубу спиной и прикрыл глаза. Холод лизнул ему щёки, и он услышал странный шумок. Как будто кто-то отвлекал от медитации с дубом. Через мгновение он увидел, кто шумел: маленький сморщенный листок дуба, гонимый ветром, шуршал по земле и был похож на маленькую полевую мышку. И даже двигался, как она. Он был живой! Дубы всегда сопротивляются наступлению зимы, и Владимир не раз наблюдал, как они подолгу держат свой лист. И весной старые листья расстаются с дубом лишь после того, как начинают расти молодые. И сейчас воздух был напитан ароматом весны и божественной влаги. В тишине под благостной сенью ещё не познавших вандализма вырубки деревьев, щедро обволакивающих доброй энергией Владимира, очищался его разум от всего наносного и случайного, чтобы сказать дубу вслух:

– О, если бы мы были чисты и искренни, как вы, деревья, и так же верны небу в своей молитвенной устремлённости...

Владимиру казалось, что его слышит не только древний дуб, но и другие деревья, а может, и кресты на могилах.

Животворящий крест

Владимир Николаевич был прав, его слова растрогали не только Стародуб, они долетели и до других деревьев на кладбище, но даже те деревья, которые его не слышали, всё равно наблюдали за ним. Все старые деревья на погосте знали его ещё с того времени, когда он был не Владимиром Николаевичем – по-городскому, не Николаевичем – по-деревенски, а просто мальцом Вовкой, приходившим сюда с отцом, держась за руку. Можно сказать, он вырос на виду дубов. Будучи ещё подростком, Вовка обходил почти все дубы после ураганных ветров и непогоды, чтобы убрать поломанные ветки или вырубить побеги случайных деревьев, кустов. А Стародуб и вовсе помнит весь род Владимира, особенно поминает его деда Трофима, который часто говорил со Стародубом и черпал силы от него. Эту любовь к Стародубу унаследовал и Владимир. При каждой встрече он обнимает Стародуб так крепко, что, кажется, врастает в кору своим телом, а лицом ложится на глубокие морщины коры и горячо дышит, точно хочет горячим дыханием разгладить всю кору. Конечно, и Стародуб приходит в волнение и тоже старается поделиться своим теплом и укрепить его сердце силой и энергией.

Их встречи волновали многих на погосте: одни деревья соперничали, другие завидовали их дружбе, но равнодушных не было. Деревья видели Владимира и весёлым, и задумчивым, и грустным, нередко замечали и слёзы в его глазах. Но были и такие деревья, которые поскрипывали на его дружбу со Стародубом, особенно бурчали на него деревянные кресты. Вот и сегодня кресты первыми начали ворчать, когда Владимир обнял Стародуб: «Опять пришёл и жмётся к своему старому другу!.. Точно Стародуб

мёдом обмазан! И кто бы ни пришёл на кладбище, все льнут к нему и начинают мерить его ствол объятиями... И когда он иссохнет? Или сгниёт, как мы гниём... А сколько нас свалилось после урагана?! А ему ничего! Лишь одна подсохшая ветка сломалась. И стоит себе как ни в чём не бывало...»

Но больше всего от урагана пострадали берёзы: одни сломались под корень, другие пополам, что также не давало им шансов выжить. К тому же упавшие деревья сломали не только старые кресты, ограды, но и гранитные памятники, которые, казалось, будут стоять вечно. Но сила стихии бывает крепче гранита!

Эта трагедия вызвала такой переполох на кладбище, что не только пострадавшие деревья и кресты стонали от боли, но и люди из деревни, наводя порядок на могилах, также выражали недовольство. Затем селяне дружно и довольно быстро попилили сломанные берёзы на чурки и вынесли за территорию кладбища, а упавшие кресты часть сложили на месте мусора, а какие-то кресты приставили к оградкам или к стволам больших дубов.

Сломанные кресты поначалу молчали, потрясённые ураганом, но потом стали приходить в себя и роптать на судьбу. Их ропот сливался со стоном повреждённых деревьев, в котором слышалась обида на всё, что окружало их, но больше всего сетовали в адрес Стародуба. Тысячу лет стоит и ничего с ним не происходит?! А тут ещё увидели человека, который сердечно обнимал его. И тогда даже здоровые дубы, подчиняясь общему настроению, стали ворчать на Стародуб. Молчали только выжившие побеги молодых деревьев, довольные тем, что пережили весь этот кошмар, но и они покачивались в сторону Стародуба, как будто кивали, соглашаясь с мнением большинства.

Поглядывали в сторону Стародуба и новые кресты из мраморной крошки, из гранита. Но их взгляды были вскользь, с пренебрежением, в них ещё оставался лоск и надменность ко всему старому и тленному. Они заискивали только перед специалистами по надгробным изваяниям, когда те резали их сверхпрочными пилами, ковыряли другими инструментами, эти мастера со знанием дела кромсали гранит и мрамор, чтобы в них не осталось крепости и памяти о родных горах и скалах. Вместо природных вкраплений и наростов родных скал на ровных зашлифованных спилах красовались портреты людей, орнаменты и слова посвящений усопшим. Природы для каменных изваяний уже не существовало.

Какое-то время Стародуб не особо вслушивался в ропот и стон над кладбищем, он был погружён в свои мысли над случившимся: «Похоже, что в природе серьёзные перемены, и подтверждением этому являются участвовавшие катаклизмы, которые тревожат не только людей, но и растительный мир, – засухи и пожары, ливни и заморозки среди лета, смерчи и ураганы. Например, недавний ураган. Казалось бы, здесь отродясь всё жмётся к земле, так нет же, стихийным силам этого мало. А может быть, эти силы не такие уж стихийные? И в сломанной ураганом большой берёзе есть некий знак или неведомый смысл? Даже мой тысячелетний возраст не позволяет мне быть уверенным в таких случайностях, когда здоровое и сильное дерево вдруг ломается как спичка. Ведь этой берёзе было около ста лет, и она испытала многое за свой век, я-то уж это знаю, если помню берёзу ещё росточком. Уже тогда берёза показала свою стойкость – сколько прочных корней по соседству хотело лишиться её влаги, отнять земли, но берёза не поддалась, не засохла. А сколько ураганных ветров пронеслось над ней! И вдруг разом сломалась. И так упала, что подмяла под собою сразу несколько могильных крестов – даже каменные не устояли!»

Стародуб окинул взглядом место, где росла берёза, потом вспомнил селян, распиливших упавшую берёзу на чурки... И невольно подумал о себе: «Когда-нибудь и меня вот так же распилят на чурки и вынесут за ограду, только людям на руках их не вынести, нужна будет техника, чтобы справиться с такой тяжестью...» Эти мысли прервал усиливавшийся ропот над могилами. Стародуб вслушался в стенания крестов, деревьев, и сразу понял, что опять осуждают его стойкость и древность. Поначалу он решил молчать, пусть выговорятся и хотя бы таким образом снимут боль и обиду за пережитое. Но когда во всеобщем ропоте он узнал голоса не пострадавших дубов, то понял, что самое время объясниться с молодой порослью дубовой рощи, а заодно и с другими деревьями и, конечно, с крестами, которые он всегда жалел. Но сначала Стародуб обратился к деревьям:

– Друзья, я хорошо понимаю боль крестов и сильно пострадавших деревьев, но я слышу, что и дубы, не тронутые ураганом, за исключением двух-трёх деревьев, тоже стонут... Что же у вас болит? Хотя вы давно растёте с плохим настроением, что я не удивляюсь вашему нытью и увядающему виду. Вот ты, – Стародуб обратился к искривлённому от молнии дубу, – говоришь, что умираешь, потому что не можешь быть таким высоким, как сосна...

– Ну, а ты что чахнешь? – обратился Стародуб к молодому дубу, который то и дело размахивал ветками, будто хотел избавиться от них. – Ведь ты ещё так молод и полон сил!

– Хорошо тебе рассуждать, – перестав махать ветками, заговорил молодой дуб, – когда ты всё пережил – девственный цветущий лес, древние поселения с их обрядами, в центре которых ты занимал почётное место, да что там говорить, ты всего насмотрелся за свою жизнь. А я как увидел цветущую грушу, так и покой потерял, просто засыхаю, оттого что не цвету такими же цветами, как она.

– А вы не подумали о том, что мы не сами по себе растём дубами, да и растём не там, где нам хотелось бы, – продолжал говорить Стародуб, – у каждого из нас есть прошлое, которое бесценным жемчугом попало в наши жёлуди. Хотя жёлудь – это ещё не дуб. Чтобы крохотный жёлудь превратился в могучий дуб, ему нужно попасть в почву. Влага и песчаная почва переполнят своей энергией его оболочку, и она прорвётся росточком. И каким росточком – первые листочки в виде креста! И какая бы крестная мука ни взвалилась на росточек, его жизнь будет осенена животворящим крестом! В свою очередь росточек будет хлестать дождь, палить солнце, клонить ветер, пока в этом «трении» он не разовьётся в прекрасное дерево. Это ли не сила нашего креста! Господь вложил в нас этот знак ещё в райском саду – поэтому все наши ветви растут крестообразно. Но что вам прошлое и знак «креста», когда одному захотелось стать сосной, чтобы стать выше и подняться над нами. Другому захотелось цвести и благоухать цветами... Не удивлюсь, если вон тот росток, – Стародуб опустил тяжёлую ветку в сторону молодого побега, – и вовсе захочет стать розой!

Дубы на время замолчали, как бы застеснялись своих откровений. А Стародуб продолжал вещать:

– Я считаю само собой разумеющимся, что мы растём именно здесь. Всё предопределено нашими корнями. Уж не говорю о том, что солнца и влаги здесь в достатке. И люди с благоговением относятся к этому месту и стараются не тревожить нас. Если они вдруг захотят нас выкорчевать, то им придётся нарушить покой своих предков, а это весьма опасно для их будущего. А для вашего будущего опасно осуждать прошлое – это равносильно тому, что вы отказываетесь от своих корней, которые дали вам жизнь и питают вас. Мы не можем быть ничем другим, а только тем, что мы есть. Тем более что дубов в этом крае осталось не так уж много. К тому же наша дубовая роща сохранилась с древнейших времён! Тем самым мы выполняем ещё историческую миссию, и не случайно нас объявили памятником природы в Полесье! Мы растём здесь, потому что мы нужны миру такими, какие мы есть! Иначе здесь были бы другие деревья. Узнайте же, кто вы! Просто взгляните внутрь себя. Правда, некоторым деревьям может помешать этому совесть. Совесть обличает изнутри – «его червь точит». А как этот червь оказался изнутри? Всё просто и начинается с одного червя, который может быть незаметным под корой, и можно не придавать ему значения, но потом вдруг окажется, что их десятки, сотни и они кромсают уже ствол. Не надо быть бесчувственным, ведь с этого-то червя нередко и начинается болезнь. И поразить она может до самой сердцевины. А прогнать до сердцевины ствола – это стать деревом Чернолесья... А мы рождены и растём в благодатном крае Полесья! Ещё вы должны знать, что этот червь неумирающий, который только и ждёт ослабленного духом дерева, чтобы с лёгкостью добраться до сердцевины ствола и выжрать её. И вторая сила, вечно разрушающая нас, – это огонь не угасающий, но они бессильны до конца разрушить наш растительный мир, потому что у нас животворящие корни от Всевышнего! Корни – это наши истоки. По природе своей, когда корень прорастает, он смиряется с земной жизнью, все его силы устремлены в небо, а каждая веточка или сучок на стволе – это скорбь, которая не даёт нам возгордиться высотой, а напротив, каждой новой веточкой учит смирению. А за каждую смиренную ветку приходит благодать и сила. Но это совсем не значит, что любое дерево обладает необходимой прочностью. При быстром росте как раз прочность и теряется, а теряется оттого, что действительного подъёма земли к небу не происходит, дух такого дерева как будто отрицает землю – отделяясь от земли, он ничего не берёт оттуда – нет красивых веток, его листья бесцветна, точно выгорела на солнце, – нет радуги соцветий. Красота веток, краски, формы – всё это теряется с каждым метром высоты. Всё, что торопится вверх, как будто отрекается от земного, отрекается как от «презренного»... А в земле вся корневая жизнь дерева, вся память о прошлом. И это беспомыслие не укрепляет породу дерева, и при сильном порыве ветра первыми ломаются самые высокие деревья. Когда-то и я придавал большое значение росту ствола, а не кроне и листьям, в которых родовые семена будущего. Тогда мне показалось, что я достоин большей высоты, и все мои устремления были в высоту. Сейчас всем хорошо видно, что основной мой ствол сломан как раз в той части моего ствола, где предполагается вершина. Этот знак

навсегда остался напоминанием мне о том времени, когда я поверил в свою избранность и за это был наказан. Однажды случился ещё более сильный ураган, чем недавно, и он разом сломал мою вершину, а следом молния угодила туда же и выжгла всю мою гордость. Случилось это пятьсот лет назад, поэтому вторую половину жизни я уже не думал о высоте, все мои помыслы были о корнях и о кроне. Как видите, ствол почти высох, а на ветвях по-прежнему богатая листва! Чтобы ствол дерева был крепким, нужно расти не только стволом или ветками, желательнее в каждом новом побеге повторять корень, то есть не изменять корневой системе и над землей, как бы прорасти в пространство как в землю. Это на первый взгляд кажется, чего проще, но за внешней простотой таятся все мыслимые и немыслимые испытания. Всмотритесь в основание всех ветвей, на всех уровнях, и вы без труда заметите, что рядом с живыми ветвями обязательно есть сухие ветви или то, что осталось от них. Не прижились в пространстве, хотя для земли вполне годились. Выходит, непросто повторять корень над землёй, непросто поднимать его «крест» на высоту. Но случается беда и с тем, кто растёт низко и всегда уверен, что не упадёт. Но это низкорослое деревце забывает о том, что на него может упасть большое дерево. Это в лесу, а на пустынном месте его может сломать даже небольшой зверёк.

Многое из того, что слышали сейчас деревья от Стародуба, было для всех откровением и вызвало затишье на кладбище. Но скоро один из молодых дубов зашелестел всеми листьями:

– Стародуб, если Господь так любит нас, то почему моя надломленная ветка не приживается до сих пор?

– Если в этой веточке остались живые соки, – уже спокойнее отвечал Стародуб, – то она и сама оживёт, а с благодатью с небес может получиться так, что вместе с веткой ты потеряешь и веру в благое.

– А при чём здесь вера?

– Видишь ли, твоя надломленная ветка, возможно, высыхает. Правда, листья на ней ещё есть, но вот сока для новых побегов может не хватить. И если бы недавний ураган доломал эту ветку, то ветка первой бы сказала: «Я росла бы и дальше, но ветер сломал меня окончательно!» Поэтому Господь сознательно не хочет прикасаться к надломленной ветке, ведь не исключено, что потом, сломавшись совсем, ветка станет протестовать: «Это Он до меня дотронулся, и потому я сломалась!» Но раз ты была надломленной, еле держалась и вот-вот сломалась бы сама, то что же ты обвиняешь Бога в том, что Он до тебя дотронулся и тебя сломал? Поэтому, брат-дубок, дожись своего часа, когда ветка окончательно отсохнет или оживёт. И то и другое будет принадлежать только твоей судьбе, и в случае плохого исхода тебе не надо будет искать виновного, то есть лишний раз искушать свою веру в Господа. К тому же всё, что надо для жизни, тебе дано, и уже дело твоё, как переносить тебе потерю или приобретение.

Стародуб на время примолк, чтобы деревья немного подумали о своих ослабленных ветках, которых хватало на каждом дереве, а потом продолжил:

– Очень надеюсь, что наш разговор останется в вашей памяти, и всё же я призываю все деревья, независимо какой породы, прежде всего прислушиваться к своим корням – в них основная ваша сила, ваше будущее. Не секрет, что в нашу жизнь вмешиваются природные стихии – как недавний ураган или молнии, от которых можем сгореть. Только это не тот костёр, что разводят люди. Костёр от молнии небеса согревает! Но ещё есть человек, от которого также многое зависит. Вы прекрасно знаете, с какой лёгкостью человек может погубить нас. Да что говорить, посмотрите на деревянные кресты, ведь каждый из них когда-то был деревом, лучшим деревом на тот час, если человек сделал из него крест. Для креста человек выбирает, как правило, самое крепкое дерево. И если бы не ураган, то сломанные кресты простояли бы ещё не одно десятилетие...

Стародуб замолчал и удивился тишине: не верилось, что деревянные кресты молчат... «Но так молчат, когда срывают горло от воплей и стонов! – подумал Стародуб. – А им есть что вспомнить, у каждого дерева свой крестный путь, и кто может упрекнуть их в случившемся... Никто. И нелегко им смотреть на моё долголетие, ведь не попади они под топор человека, возможно, и из них кто-то мог стать долгожителем в лесу».

– Даже когда вы молчите, – Стародуб обратился к крестам, – я слышу ваш ропот и стон: вы завидуете моей долгой жизни, а себя считаете мучениками, потому что вас порезали на кресты и вы доживаете свой век обрубками. И в каждом обрубке уже нет корня, вместо него только обида и злость... Но у вас остались кольца роста – это как родинки на теле человека, в них сконцентрирована память прошлого, а в памяти сила, которая позволяет даже маленькой щепке держаться на плаву волн и тече-

ний. Но вы не на плаву течений, а на вершинах жизней! Смерть – это вершина, с которой открывается Вечность. А вспомните время, когда вы утопали в венках и цветах... Вы что-нибудь подобное видели вокруг дерева? И всё же вы считаете себя мучениками, потому что порезаны на кресты. А теперь представьте, – ещё убедительнее заговорил Стародуб, – что переживают доски, на которых пишут иконы? И сколько с них снимают стружки? Но они терпеливо всё переносят, потому что знают, что большая часть чудотворных икон писана по дереву. Это они излучают нетворный Фаворский свет, испускают благоухание, мироточат, плачут и темнеют в предчувствии бед и скорбей, и даже источают кровь и не горят в огне. И наконец, иконы исцеляют! И за всем этим стоит их смирение и вера в божественное предназначение. А ведь и на вас стоит божественная печать «креста»! Но если вам не судьба уже подняться с земли, то считайте, что удобрили почву для других растений.

Все кресты погрузились в молчание. Стародуб почувствовал, как холодный сок под корой вдруг заструился там, где ствол, казалось, давно уже высох. Вероятно, это было вызвано тем, что к этому месту люди прислонили несколько ветхих крестов с могил, точно надеются, что я избавлю их от червей и гнили...

– А в чём величие людей? – вступил в разговор второй по возрасту дуб на кладбище, которому было пятьсот лет. – Если люди повинны в гибели большинства лесов? Более того, человек смотрит хозяином не только на деревья, он убеждён, что вся природа земли создана в услужение ему. Человек считает, что и солнце светит ради него, луна со звёздами украшает его ночь!

– Что до людей... Они едят лишь сладкие плоды, – немного подумав, отвечал Стародуб, – и в жертву Богу слёз своих не льют – смолу деревьев в кадиле приносят в жертву Богу... Елей готовят из маслин, собранных с деревьев, но не из тех, что упали на землю. И через это они приходят в умиление, что приношение благоухает... А ведь это наши соки. Зачем людям страдать, если за них распяли Христа. А кто распял? Они же и распяли! А сколько люди обезглавили корней... Но если я обличаю людей как главных врагов леса, то это совсем не значит, что я смотрю на них как на вырожденцев человеческого рода. В моих претензиях к людям больше размышлений, чем обвинений. В другом случае я не стал бы стоять тысячу лет над их прахом, если бы презирал их. Мне даже жалко их – легковёрных и легковесных. Потом, их так обрабатывают и обтёсывают, что большинство людей стали «обрубками», и что самое прискорбное, они не хранят свою породу, то есть свой род. Никто не считал, сколько листьев на каждом из нас, но однозначно их гораздо больше, чем жителей в нашей округе, и такое огромное количество листьев держится на одном могучем стволе. Так и люди принадлежат одному могучему стволу, которое является деревом рода. А теперь посмотрите, сколько забытых могил на нашем погосте, и их количество растёт – вот к чему приводит непочитание рода. И наш долг оберегать брошенные могилы. А ещё наш удел не только вдохновлять поэтов и художников своими формами и красками, не менее почётно стать и посохом, на который будет опираться какой-нибудь странник или больной старец. При жизни человек много попирает нас, но в конечном итоге это его прах лежит подле нас. Но главное – не в земле дело и не в прахе, который покоится здесь. Если мы и храним что-то важное, то только предание. И пока мы стоим здесь кто крестом, кто деревом – предание продолжается. Наше Полесье – прародина славян, которые такие рощи, как наша, считали священными и называли божницами, а заповедным лесам присваивалось название Божелесье. Чтили леса и рощи как святилища и клялись при деревьях. И порубку таких деревьев считали святотатством и порой наказывали смертью.

Стародуб замолчал.

В упругом воздухе над кладбищем – сзади и спереди – звучали голоса и шёпот деревьев. Стародуб понимал, что его речь ещё долго будут обсуждать деревья, передавать друг другу последние новости из того, что им открылось сегодня. Он понимал и то, что не всем была по душе его откровенность. И по-прежнему одни будут называть его старцем, другие – старым пнём, а он не более чем величайший мученик. Сколько столетий он несёт свой крест!

Он мог бы сказать деревьям и крестам ещё одну важную мысль, но вряд ли они его правильно поняли, а сказал бы он следующее: «Я хочу беседовать с Небом о вас, а не с вами о Небе. Так лучше для вас».

Что лучше для самого Стародуба, он точно не знал, но в последнее время он каждый день жил в ожидании полуночи. Приходила полночь, и тогда он касался своими огромными ветками небес, пробуждая ночь, звёзды, вдохновляя их на песню во славу вечности. И если кто-то слышал её, то каждый находил в ней что-то своё: один видел, как загораются на небосводе звёзды, другого волновало таинство ночи, третьего – сам древний дуб, который искал святость не на земле, а на небе.

То был мир природной мудрости, в который и людям порой совсем не мешает вернуться.

Берега Янтарного края

Наталья Советная

Наталья Советная – прозаик, поэт, публицист. Автор 18 книг поэзии, прозы, публицистики, статей о литературе, изданных в России, Беларуси, Сербии, в том числе «В поиске сокровища», «Тепло свечи», «Святой благоверный князь Александр Невский», «За краем света», «Тайна русского Царя», «Два поклона», «Цветок на морозе», «Увидеть ветер», «Пучок травы», «На земном подсвечнике», «Венчики золотые», «Одна судьба», «Угадывай любящим сердцем», «Затаённое слово», «В краю светозарной земли», «Кремень», «Зеркало», «На земле заревой» (на сербском).

Победитель и лауреат республиканских, всероссийских и международных литературных конкурсов, в том числе «Словенское поле» (2015), им. А. К. Толстого (2016), «Золотой Витязь» (обладатель Серебряного Витязя в номинации «Публицистика» (2019)), им. И. Шамякина (2023) и др. Имеет награды: медали «Василий Шукшин» (2014), «Святой благоверный Князь Александр Невский» (2008), «Поэт и воин Игорь Григорьев (1923–1996)» (2015), «За вялікі ўклад ў літаратуру» (2016), «Максим Богданович» (2020), орден Фонда мира «За веру и верность» (Москва, 2016) и др.

КОЛЫБЕЛЬНЫЙ МОТИВ

Записки о Янтарном крае

Единению народов России и Беларуси посвящается

Внешние события вокруг Калининграда в последнее время беспокойные: блокада товарных перевозок по железной дороге через Литву и Латвию, скопление вооружения и войск НАТО у границ, враждебное отношение Финляндии, присоединившейся к экономической агрессии Запада против России и стремящейся войти в воинственный блок НАТО.

Все эти факты, как неопровержимые, использовались моими знакомыми, чтобы убедить меня отменить поездку в Янтарный край. Мол, не самое удобное время для экскурсий.

Но доводы совершить путешествие оказались гораздо весомее. Во-первых, это была давняя мечта: побывать в местах, где я родилась (посёлок Янтарный), где прошли молодые годы отца и мамы и моё раннее детство (Балтийск, Гвардейск, Гусев...). Конечно, помню я из того времени мало, больше то, что запечатлено на фотоснимках, хранящихся в родительском альбоме, иначе и быть не может: слишком мала была. Но, непостижимо для разума, родовая память звала, душа мистически тянулась к Балтийскому морю, хотелось зачерпнуть в ладони берегового песка, ощутить касание морских волн, побродить по улочкам Калининграда.

Во-вторых, меня пригласила в гости добрая знакомая – писательница, краевед, журналист, главный редактор литературного журнала Союза писателей России «Берега», кандидат философских наук Лидия Владимировна Довыденко: «Составим план и побываем везде, куда ты захочешь поехать!» Разве можно не ответить согласием?

В-третьих, я обещала поклониться Калининграду от имени писателя, руководителя секции документально-художественной прозы Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Валерия Евгеньевича Ширского, капитана второго ранга в отставке. Оказалось, что и его жизнь была связана с Калининградом. Не нынешним, а послевоенным, тогда ещё Кёнигсбергом.

– Не поленитесь, – уговаривал меня Валерий Евгеньевич, – отыщите в Интернете старый художественный фильм «Секретная миссия» киностудии «Мосфильм», режиссёр – Михаил Ромм. У вас будет возможность сравнить город прежний, ведь съёмки велись на его развалинах, и настоящий.

Не поленилась, отыскала. И была потрясена: события киноленты 1950 года и нынешних дней оказались настолько тождественны, что в пору было удивиться. Ничего не изменилось в отношениях между Западом и Россией. В фильме даже прозвучала фраза, уже набившая оскомину: «Во всём виновата Россия!» Да и другие были словно списаны из последних новостей: «Мне страшно подумать о Китае, об Индии, о Бирме! Россия должна была исчезнуть! Россия должна быть сметена с лица земли! Мы должны начать новую войну!» И ещё много подобных им.

В ответ на моё удивление по поводу «Секретной миссии» Ширский разразился эмоциональной тирадой:

– Что касается отношения к России – так было, так есть и так будет всегда. Американо-европейским негодьям ненавистна наша страна. Она большая, богатая, мудрая, с миролюбивым народом. А враги наши извечные – Польша, Ливония. Посмотрите, как они стараются нагадить нам сейчас. И такой же наш враг Англия – «англичанка гадит»... Ивану Грозному после смерти польского короля предлагали стать королём Польши. Зачем? Да просто: взять и присоединить к себе Россию. Сейчас диву даёшься, что стало с Украиной, Болгарией, любимой нами Грузией, которых Россия много раз от погребели спасала... Куда подевалась их память? Сегодня у всех придурков совсем крыша съехала. Как может руководить страной сбежавший из дурдома Борис? Посмотрите на сморчка – «ливерную колбасу», у которого дед был генералом СС! А дедушка американский, забывающий, как его зовут? И ведь что любопытно, все они отошли от Бога! Что было заповедано в Библии? «Плодитесь и размножайтесь!» Вот теперь у них мужики друг с другом и пытаются сотворить чудо... А взять пресс-секретаря Белого дома? Это убожество: безграмотную... да ещё с испорченной ориентацией – посадили на видное место! Как же – чёрная и извращенка! Как можно всех их считать нормальными людьми? На Украину зачистили (руководители европейских стран. – *Н. С.*) – посмотреть на разбитые их же ракетами дома и трупы расстрелянных ВСУшниками мирных жителей. Мол, это Россия убивает! Так захали бы в Донецк и посмотрели... И как это назвать – негодья, или придурки, или большие подонки? Всё понимают и видят, но гадят...

Самолёт «Аэрофлота» по маршруту Санкт-Петербург – Калининград плавно взлетел и стал быстро набирать высоту. Мне повезло: место у иллюминатора. Прильнула к стеклу. От эмоционального предвкушения будущих встреч и прекрасного настроения первые минуты путешествия показались восхитительными.словно в радостных сновидениях, в которых летаешь: разбегаешься и вдруг отрываешься от земли, и уже паришь высоко, и под ногами нет ничего, а земля с домами, улицами далеко внизу, будто густо рассыпанный бисер.

Самолёт вонзился в облако легко, словно в масло, и оказался внутри белой-белой пушистости. Ничего не видно, только крыло. Но молочные дымки, пёрышки, клубочки двигались, плыли, гонимые воздушными потоками, и навстречу нам вдруг открылось голубое оконце. На мгновение ярко вспыхнуло, ослепило солнышко и снова исчезло, погрузилось в непроницаемую белую пену. А мы поднимались всё выше и выше, туда, где солнцу не спрятаться, потому что тучи и облака остались внизу. И казалось мне, что летим не в Янтарный край, а к Северному полюсу. И под нами раскинулся Ледовитый океан с холодной синева солёных вод, покрытых огромными заснеженными льдинами и дрейфующими айсбергами. Что же это за синева такая? Может, мы над Балтийским морем, просвечивающимся сквозь облака? Или во чреве небесном?

Наш авиалайнер накренился, качнул крылом, устремился ещё выше. Показалось, даже солнце светит уже где-то внизу. А в иллюминаторе – безоблачная, ровная, прозрачно-чистая пустынная синева. «Седьмое небо!» – решила я.

Мы приближались к Калининграду, расстояние между землёй и самолётом стало медленно сокращаться, и снова под крылом – мой воображаемый Северный Ледовитый со снежными барханами, льдинами, айсбергами облаков.

На моих «островах» в иллюминаторе флагов не видно. Да и сами облака уже плывут совсем рядом, и самолёт вот-вот нырнёт в их зефирный туман. Стекло окошка буквально на глазах покрылось тонким ледяным узором. Чудеса!словно из июля на мгновение мы очутились в зимнем морозном дне. Но только на несколько минут – даже не успела заметить, как ледок растаял. Самолёт погружался в серый, пасмурный калининградский вечер.

Международный аэропорт Храброво по результатам конкурса «Великие имена России» с 2019 года носит имя императрицы Елизаветы Петровны. Я тоже принимала участие в том народном голосовании, когда выбирались имена для сорока семи аэропортов России. В течение двух месяцев можно было отдать голос на сайте, в социальных сетях, по телефону или заполнив анкету у волонтеров. В проекте приняли участие почти шесть миллионов человек. В Калининграде выбор был сделан в пользу Елизаветы Петровны. Ещё в 1758 году жители Кёнигсберга присягнули на верность русской императрице.

Высокая стройная блондинка, призывно махавшая рукой, выделялась из толпы встречающих необыкновенно приветливой, светлой улыбкой. Я сразу узнала Лиду. И вот мы уже мчимся по калининградской земле, въезжаем в долгожданный город.

Взгляд беспорядочно выхватывает то своеобразного прибалтийского стиля здания с остроконечными черепичными крышами, то увитые зеленью металлические решётчатые ограды, то могучие столетние деревья, то тонкие молодые краснолистные клёны, то узкую улочку, мелькнувшую за поворотом, то серебряный блеск озера... Калининград!

Снова вспомнились письма Валерия Евгеньевича. Теперь они приобрели более глубокое значение, ведь звучали как завещание: к великому сожалению, как раз накануне моего отъезда Ширский покинул этот мир.

«Приветствую тебя, город-мечта, и поклон тебе, поклон!» – произнесла я мысленно, но меня тут же отвлекла Лида:

– Завтра утром едем в Янтарный. А после обеда встречаемся с читателями в библиотеке имени космонавта Леонова, – и улыбнулась: – Возражений нет?

Какие могут быть возражения, если сбываются мечты!

Проснулась рано, ещё не было и семи часов: сказались привычка и разница во времени на один час. Распахнула окно, заглянула на балкончик, обрамлённый цветущими геранями, петуниями, календулой. Под ногами – гладкие морские камушки, заменяющие массажёр. По углам, в отдельных горшочках, прекрасно себя чувствовали карликовые томаты с ещё зелеными плодами, размером с черешню, и петрушка. Отщипнула листочек – приятный пряный вкус и аромат лета.

А на улице дождило. Серые тучи, сквозь которые пробивалось утреннее солнышко, особенно и не сопротивлялись ему, уступая место, теснились к западу. Было ни холодно ни жарко, дышалось легко, а душа ликовала в предчувствии новых впечатлений и радостных встреч.

Где-то громко и скрипуче прокричала птица. Я наклонилась над перилами, пытаюсь разглядеть пернатую незнакомку, но её и след простыл. Зато внизу мне открылся чудесный дворик с детскими площадками, шатрами от дождя и даже мангалом для шашлыков. Красота!

Янтарный

До Янтарного, первое упоминание о котором (с названием Пальмникен) датируется 1654 годом, пятьдесят километров.

Мелькающие за окном пейзажи показались мне... знакомыми! Как это можно объяснить? Неужели детская память все эти десятилетия хранила нежно-голубые цикории, вековые липы, сплетающиеся кронами над узкой извилистой дорогой, разноцветье лугов, пасущиеся на них немногочисленные стада, будто сказочные – домики-фахверки...

Но главным всё же было море. Мы спешили к нему, словно можно было опоздать. То тут то там вдоль тропинки торчали розетки широких, остроконечных листьев голубой травы, жёсткой, с опасно-острыми краями, как у болотной осоки. Местами дюны покрывала песколюбка, её колоски на высоких стеблях качались и склонялись к самой земле под порывами ветра. Наши ноги утопали в песке, зернистом, белом. Совсем не такой устилают озёрные берега моей родной белорусской Гордодокцины, там песочек мягкий, жёлтенький. Детвора обожает лепить из него куличики и строить крепости и дворцы.

Но и балтийский песок, и эти сизые травы казались мне знакомыми!

Словно вспышкой в памяти – чёрно-белое фото из родительского альбома: на морском берегу полторагодовалая девочка в панамке чертит прутиком на песке, а ветер пригибает к земле травы с колосками на высоких стеблях...

Взволнованное море бурно катило зелёные волны с белыми барашками к нашим ногам. Кроме Довыденок и меня, на берегу – никого. Погода не пляжная. Ветер неумолимо гнал по небу облака, собирая их в тяжёлые дождевые тучи. А волны накатывали всё ближе, так и норовили коснуться кроссовок, словно котят, обнюхивающие незнакомую обувь. Они громко вздыхали и, пятась назад, шумно удивлялись: как же можно было отправиться к морю без купальника?

Я не выдержала и, разувшись, шагнула в воду. Море ласково поцеловало мои ноги, весело заплескалось в руках, брызнуло в лицо, а налетевший ветер с готовностью растрепал мне волосы, в которых засверкали дрожащие солёные капли... Наша встреча состоялась!

На следующий день, который, словно по заказу, был солнечным и жарким (разогрелся до двадцати семи тепла), мы снова отправились к морю. На этот раз на зеленоградское побережье. Курортный городок – в белых и синих красках, вперемешку с зеленью и яркими цветами, с рисунками игривых котиков и котят на стенах домов, заборах, шторках и пакетах, дышал вечным праздником. Желающих отдохнуть у моря – хоть отбавляй! Но это не помешало нам с Лидией Владимировной и её любознательной внучкой накупаться вволю и отыскать свободное местечко на пляже, чтобы поваляться на белом песке, наслаждаясь свободой, покоем, солнцем и общением. Потом, любуясь с террасы прибрежного кафе на качающиеся в волнах парусники и далёкие корабли, мы ещё продегустировали «Голубую масалу» и зеленоградскую пиццу...

Однако всё это было на следующий день. В Янтарном же нам ещё предстояло посетить музей комбината, где добывают солнечный камень, замечательный парк имени Морица Беккера и рукотворное озеро, образовавшееся на месте старого янтарного карьера.

Сначала подъехали к озеру. По узкой асфальтированной дорожке спустились к воде. Она была сверкающе чистая, пронизанная солнцем и такая прозрачная, что видна каждая донная песчинка. На берегу, заросшем камышом, подсушивали свои полукруглые бока лодки, а деревянный павильон хранил подводное снаряжение дайверов. Именно здесь, у этого романтического озера, снимались некоторые эпизоды известного телесериала «Морские дьяволы» о доблестных российских спецслужбах.

Миновать знаменитый парк, основанный 21 мая 1881 года, было бы непростительно. Не только потому, что это излюбленное место гостей и жителей Янтарного, но ещё из-за того, что среди аллей и тропинок, пролегающих между вековыми липами, уникальным тюльпанным деревом, яворами, дубами, краснолиственными буками, каштанами, лиственницами, диковинными видовыми елями и соснами, серебристыми тополями, ясенями и трёхсотлетними вязами, есть и одна заветная – литературная!

Все аллеи парка выходят к морю. Тропинка же, вдоль которой установлены стенды с профилями известных поэтов и отрывками их стихов, тянется параллельно берегу, к северу от центральной аллеи. Пока бредёшь по ней, узнаёшь, что янтарь упоминали в своих произведениях многие знаменитые поэты, среди которых Александр Пушкин и Михаил Лермонтов, Афанасий Фет и Анна Ахматова, Мариэтта Шагинян и Иван Бунин и даже неизвестный автор древнерусских былин. Всего двадцать три стенда. Но мне кажется (нет, я уверена!), что это лишь маленькая капля в том огромном море поэзии, где таится янтарь, пусть и не в тяжеловесных самородках, как у классиков, а всего лишь в солнечном бисере. Даже мои скромные стихи не прошли мимо этих волшеббно-медовых камешков. Впрочем, почему «даже», всё-таки я родилась – в Янтарном!

Застывшим солнцем в капельках смолы
Волна морская, берег окропляя,
Явила связь стихий с небесным краем
Застывшим солнцем в капельках смолы!

В янтарный одуванчиковый май
Весна, цветущим светом озаряя,
Плеснула нам Божественного Рая:
Янтарный одуванчиковый май...

(«Стихи»)

Именно Янтарный – сокровищница Балтийского побережья. Самый крупный в мире комбинат по добыче солнечного камня расположен здесь. Гостеприимная Лида с готовностью согласилась стать

моим гидом, так как, являясь автором нескольких книг о Калининграде и области, знала всё о предприятии, которому как раз в июле исполнилось семьдесят пять лет.

Впечатлил меня автоматизированный макет комбината, образованного в 1947 году на месте бывшего немецкого рудника (первые шахты были заложены ещё в семидесятых годах девятнадцатого века). Как на ладони – комплекс надшахтных сооружений, различных сопутствующих служб, фабрика, железная дорога и, конечно, огромный карьер, где янтарь добывается с глубины до пятидесяти метров, а его запасы оцениваются в пятьдесят шесть тысяч тонн.

Не менее впечатляюще воздействовали на воображение представленные в музее ювелирные украшения и художественные изделия. Приятно обрадовало, что можно не только прикоснуться, но даже присесть на трон, украшенный янтарём. И теперь у меня в альбоме смешное памятное фото: восседаю на янтарном троне, у янтарного столика, словно сказочная владычица морская, потому что на заднем фоне плещется синее море и ярко горит летнее солнце.

Удивили и понравились украшения из не обычного янтаря, а зелёного. Хотя меня предупредили, что такой цвет появляется в результате специальной обработки и, скорее всего, камень уже не обладает той целительной энергией, которой наделены его солнечные собратья, но браслет из него я всё-таки приобрела, и не жалею.

По-настоящему шокировала экспозиция самородков весом от килограмма и больше. Даже не догадывалась (пусть простят меня знатоки), что такие существуют! Оказывается, в год их здесь добывают до двух десятков. В 2017 году был найден «Губернаторский» – камень весом 3060 граммов. В мае двадцать второго коллекцию янтарных гигантов пополнил «Чудотворец» (1089 граммов), обнаруженный в день памяти святого Николая Мир Ликийских Чудотворца. К этому времени он стал уже четвёртым самородком года. А самый большой российский великан хранится в Калининградском областном музее янтаря. Его вес – 4280 граммов.

Наша экскурсия подошла к концу. Предстояло ещё сделать несколько снимков на фоне храма Казанской Иконы Божьей Матери, уникального здания бывшей лютеранской кирхи, построенной в готическом стиле из валунов и фигурного кирпича в далёком 1892 году.

Потом сфотографировались возле необычной водонапорной башни, высотой тридцать пять метров, с флюгером в виде мифического единорога, охраняющего клады. И у вековых лип, которые помнят так много, что нам и представить сложно.

И снова – в путь! В Калининград. К читателям библиотеки имени космонавта Леонова.

Библиотека

Было заметно, что Лида переживала: как бы из-за летнего сезона отпусков не сорвалась намеченная презентация журнала «Берега». Соберутся ли в библиотеке калининградцы, к которым мы так спешили из Янтарного? Однако просторный зал храма книги на радость нам полнился благодарными поклонниками литературы и гостями – авторами журнала.

Из Москвы прибыл заслуженный деятель искусств Ювеналий Александрович Калантаров, театральным режиссёром, в прошлом двадцать лет проработавший в драматическом театре Калининграда, где до сего дня помнят поставленные им спектакли: «Святая святых» И. Друцэ, «Жаворонок» Ж. Ануя, «Дон Карлос» Ф. Шиллера, «Ретро» А. Галина, «Акселераты» С. Ласкина. Постановки отличались неординарностью, дискуссионной остротой. Этими же свойствами отмечены и книги Калантарова. Он – автор статей и эссе о культуре, театре, политике под названием «Выбранные места из переписки с Президентом». Его выступление было артистично, завораживающе, при этом Ювеналий Александрович не уставал восхищаться редким талантом Довыденко Лидии Владимировны, которая, являясь главным редактором журнала, обладает редким даром любить каждого автора, искренне восхищаться его профессионализмом и радоваться успехам.

Известный журналист и писатель, победитель журналистского конкурса на право полёта советского журналиста в космос Валерий Громак, лауреат премии Валентина Пикуля и премии Союза журналистов России «За профессиональное мастерство», представил в «Берегах» статью «Украина: НАТО и культ палачей. Из блокнота украинского “иноземца”».

Тема оказалась горячей. Записки о поездке в прифронтовой Мариуполь и в Донецк звучали непредвзято. Это был реалистический, беспристрастный взгляд человека думающего, неравнодушного,

сердцем откликающегося на волнующие события, связанные с военными действиями на Донбассе. И не мудрено, ведь сам он родился на Украине, служил срочную в Беларуси (тогда ещё Белоруссии) в ракетных войсках стратегического назначения, затем отдал тридцать восемь лет жизни Вооружённым силам СССР и России. В отставку ушёл в звании капитана первого ранга.

Не менее увлекательным оказался рассказ Сергея Рослина, ветерана флота рыбной промышленности, члена областного клуба краеведов, сотрудника музея форта № 11 «Дёнхофф». Уж кому-кому, а ему-то отлично известна история и культура Янтарного края. Тем более, многим событиям он сам был свидетелем, потому что Балтийский район Калининграда стал ему родным ещё в пятидесятых годах прошлого века. Старые снимки того времени, которые продемонстрировал Рослин, пробудили массу ассоциаций. И снова вспомнились письма Валерия Евгеньевича Ширского:

«...Бородинская улица упиралась в улицу Дмитрия Донского, далее была поляна наша любимая, кончалась она обрывом, под которым раскинулись яблоневые сады и за ними железная дорога, ведущая в Балтийск, как я позже выяснил. В этих садах стояли крупнокалиберные зенитки, на которых мы и катались. Каруселей-то и аттракционов не было. Вот и зенитки пригодились. Наверное, эту поляну сейчас застроили. На ней ещё было бомбоубежище, которое мы проходили с факелами. Для такого похода требовалось немного мужества, было жутковато...»

Историк, генеалог, автор ряда книг, представитель древнего дворянского рода, служившего России, Григорий Некрашевич рассказал о своих предках. Он автор исследования «Потомок старинного шляхетского рода. Служа царю и Отечеству. Иосиф Григорьевич Некрашевич-Поклад». Оказалось, что жизнь его предков была тесно связана с белорусскими Браславщиной Витебской области и Мстиславлем Могилёвской.

Ещё одна гостя – сотрудник областного архива. Не писатель. Так что же привело её на презентацию? Наталья Ивановна Дроздова поведала о капитане первого ранга, командире подводной лодки Викторе Ширяеве, тоже авторе журнала. Своей публикации он увидеть не успел. Поэтому его представителем стала родственница. По её словам, капитан Ширяев был гордостью семьи. Такой высокой культурой, какой он был одарён, не каждый обладает. А его преданность флоту – пример для любого офицера.

«Какой же талантливый наш народ! – думалось мне. – Без счёта у нас одарённых людей и в литературе, и на флоте, и на производстве, и в поле... А красивых душой? Ещё больше! Каждый – неизведанный океан. Только бы всмотреться внимательней и научиться любить друг друга, просто – ценить и беречь каждого, уважать, как вселенную – возлюбить человека. И ведь всякий, встретившийся в жизни, вовсе не случайный попутчик. Зачем-то, для чего-то. А выбор всегда за нами...»

Много лет назад петербургский писатель Юрий Серб (Георгий Александрович Лебедев) поделился со мной известием о новом калининградском журнале «Берега». Заинтересовалась, предложила редактору отрывок из повести и поэтическую подборку. А потом мы с Лидией Владимировной оказались на одном мероприятии в Минске, в музее Якуба Коласа, где она презентовала журнал. Затем вместе ожидали на вокзале: каждая свой поезд. Пили кофе, беседовали – знакомились. И вот я уже в Калининграде, в гостях у четы Довыденко и у читателей библиотеки космонавта Леонова – первого в мире человека, совершившего выход в открытый космос. Такой же таинственный и волнующий, как первая любовь, как рождение малыша, как первая книга... Разве всё это случайность?

Книги, которые захватила в поездку: свои, авторские («За краем света», «Одна судьба», «В краю светозарной земли»), и петербургский литературно-исторический сборник «Береста Онфима» (составители Ирина Катченкова и Татьяна Никольская), а также один из многочисленных словарей Анатолия Бесперстых, известного лексикографа из Беларуси, – я с радостью подарила библиотеке. Из рук в руки передала заведующей Ларисе Владимировне Пшеницыной.

Гости искренне благодарили хозяйку мероприятия, восхищались журналом, предвкушая уже новые, юбилейные «Берега». Из номера в номер на их страницах появляются новые рубрики, заменяя собой устаревшие или потерявшие актуальность. География авторов журнала не устаёт удивлять, потому что здесь находят приют писатели из Сибири и Беларуси, Мурманской области и Москвы, городов Орла и Воронежа... Встречаются имена знакомые и очень уважаемые, происходят открытия новых интересных авторов. Журнал, родившийся в 2014 году, уже удостоился многих наград, в том числе был отмечен Международным литературным форумом «Золотой Витязь».

И всё это благодаря редактору, неутомимой, талантливой Лидии Довыденко, моей белорусской землячке. Ведь, хотя я родилась в Янтарном, школу всё же оканчивала в городе Городке Витебской области, откуда родом моя мама Зоя Егоровна. И Лида появилась на свет в Беларуси, в Могилёвской области, училась в Минске, а живёт большую часть своей жизни в Калининграде. Такие вот переплетающиеся пути-дорожки!

Калининград

Третий день моего пребывания в Янтарном краю был посвящён Калининграду. Прежде чем отправиться на прогулку по городу, снова заглянула в переписку с Ширским:

«Я жил в Кёнигсберге в ранние ученические годы и два года учился в школе № 1. Игры наши были экстремальные. Запросто могли найти кусок “мыла” – тола. Знали, что он горит и не взрывается. Но если оглянуться по сторонам, то можно было отыскать и взрыватель, который надо ввинтить в этот кусок. Однако этого тоже мало. Если ещё раз осмотреться, то тут же легко обнаруживался и бикфордов шнур. Его надо было подсоединить к взрывателю, зайти в разбитый дом, поджечь и делать ноги. Секунд через 15–20 раздавался приличный “бабах”. И это в наши 12–13 мальчишечьих лет очень развлекало. А жил я на Бородинской улице, почти на углу с улицей Дмитрия Донского. Любили побродить по немецкому кладбищу, оно было дальше, за углом. Позже из части кладбища, выходящего на улицу Победы, сделали парк культуры... Когда я служил в Балтийске, то часто бывал в Калининграде. Однажды познакомился с девушкой, и она привела меня на нашу Бородинскую, к моему дому, но сама жила в соседнем, который в мою пору ещё был разрушен. Забавно...»

Тяжело вздохнув, ещё раз пожалела, что не успел Валерий Евгеньевич побывать в современном Калининграде. Видимо, сочувствуя моим переживаниям, взгрустнула и погода за окном. Было пасмурно, даже немного дождило. Не дождавшись такси, мы с Лидой, прихватив зонтик, отправились в центр города на маршрутке.

– Познакомлю тебя с нашими зубрами! – хитро улыбнулась она. – У нас тоже водятся, не только в белорусской Беловежской пуше.

– Заинтриговала! В зоопарк, что ли, едем? – попыталась угадать я.

Но огромные зубры, сцепившись рогами, упираясь мощными лбами, мерились силой прямо напротив Калининградского государственного технического университета. Вылитые из бронзы в натуральный рост немецким мастером Августом Гаулем, они взобрались на постамент ещё в 1912 году. В советскую бытность в народе их быстро переименовали в быков. Так и стали назначать свидания: «Приходи в сквер “У быков”!»

– Ещё их дразнили: «Прокурор и защитник», – просвещала меня Лида, – потому что раньше в здании университета располагались административный и земельный суды.

– Не приведи боже встретиться в лесу с таким зверем, как его ни назови! – заметила я, приставиваясь к зубрам, чтобы сфотографироваться.

Недалеке заметила пышно цветущие деревца в обрамлении клумб с яркими цветами. Решив пошутить, оглянулась на скульптурных быков:

– Они по ночам цветы с клумб не объедают? И что это за деревья, я похожие только на Святой земле видела, но в Калининграде?!

Лида рассмеялась:

– Какие зубры, такие и деревья! Они искусственные! А кроны составлены из десятков цветочных горшочков с пылающе-алой звёздчатой геранью.

Выглядели они, конечно, потрясающе! Мой фотоальбом пополнился новыми снимками.

Мы неспешно продолжили прогулку и остановились возле памятника Петру Первому у здания штаба Балтийского флота. Вполне логично, ведь царь Пётр был основателем российского флота. И всё вокруг тоже было основательно: пьедестал из красного гранита, сама трёхметровая бронзовая скульптура, здание штаба с красной черепичной крышей и с шестью ионическими колоннами и гордо развивающийся флаг Российской Федерации.

Мелко моросил дождик, но было по-летнему тепло, поэтому, не обращая на него внимания, мы направились дальше – к областному драматическому театру, которому исполнилось 75 лет со дня основания. На афишах значились премьеры 2022 года, среди них «Нюрнберг», о процессе, на кото-

ром слушались дела нацистских судей, «Прощание с Матёрой» по повести Валентина Распутина, «Материнское поле» по произведению Чингиза Айтматова... Серьёзный репертуар. Но в дни моего калининградского путешествия в здании театра, постройки 1912 года (разрушенного в годы войны и потом полностью восстановленного), проводился ремонт.

Полюбовалась внешним фасадом с шестью коринфскими колоннами и, перейдя на другую сторону дороги, очутилась возле памятника Фридриху Шиллеру. Бронзовая фигура поэта отлита в полный рост по проекту скульптора С. Кауэра в 1910 году.

Ширский упоминал ещё и о памятнике Бисмарку, который должен был бы находиться где-то рядом: «Недалеко от площади Победы, тогда она называлась Трёх маршалов, стоял разбитый замок королей. И рядом памятник Бисмарку. К сожалению, замок полностью убрали. А напрасно. В нём бывал, по преданию, Александр Суворов, юношей, со своим отцом... Вокзал был разбит, и поезда приходили на какую-то станцию на окраине. Ехать надо было через весь город, полностью разбитый, разрушенный. На мостовой валялись каски, обгорелые винтовки и автоматы. Картинка, которую сейчас и представить трудно...»

Действительно, куда ни ступишь в этом замечательном городе – обязательно рядом будет знаменательное место. Калининград богат на памятники. На сайте администрации их насчитывается полтысячи. В список входят не только монументы, скульптуры, обелиски, но и жилые дома, водонапорные башни, мельницы, исторические здания и даже фрагменты восточной валунной стены, связанной с оборонительным рвом. За один день осмотреть их все невозможно, думаю, недели и даже месяца не хватит.

Но ещё один – памятник Франциску (Георгию) Скорине работы белорусского скульптора Анатолия Артёмовича, установленный на улице Александра Невского, во дворе университета, упомянуть обязана. Скульптура первопечатника, переводчика, исследователя, который был родом из Полоцка (его работы продолжают изучаться до сего времени, в том числе в Калининграде), была подарена университету имени Канта Республикой Беларусь.

Дождик зарядил чаще. Спрятавшись под зонтиком, мы с Лидой добежали до торгового центра «Кловер» и нашли прибежище в уютном кафе на втором этаже, с которого открывался вид на обширную площадь Победы с Триумфальной колонной, напомнившей мне Александровскую в Санкт-Петербурге. Только вместо Ангела калининградскую колонну венчал трёхметровый орден Победы. Отлит он в Минске на Скульптурном комбинате Белорусского союза художников по проекту Виктора Ковача, известного белорусского скульптора. Вот так на калининградской земле, ставшей моей колыбелью, слились вместе Беларусь и Петербург, которые в моей судьбе тоже неразделимы.

И пока шёл дождь и остывал обжигающий кофе, мне вспомнились давно написанные строки:

Меж Русью Великой и Малой,
В краю светозарной земли,
Рекой ледниковой, талой
Рождались истоки мои.

В них тайна наследного кода
И связь испоконных времён.
В родне – кровь славянских народов,
А может, и дальних племён.

Листочки семейного древа
По свету развеяла жизнь.
Балтийского моря напевы
В мотив колыбельный вплелись.

Полярного Севера норы
Закалкой крутой одарил –
Идти – так идти до упора!
И верить, и жаждать зари!

Невы и Фонтанки течение
И храмов волнующий зов...
Стал город Петра – вдохновеньем!
Он друг, и наставник, и кров.

...Меж Русью Великой и Малой
Истоков моих окоём.
Над Белою Русью – взлетала,
В России – окрепла крылом!

(«Истоки»)

– Ну, если на поэзию потянуло, то пора нам и в собор заглянуть, тем более, он совсем рядом, – предложила Лида. – Вот там-то душу и отведём!

Я согласилась с радостью. Огромный, белый, с золотыми шлемовидными куполами и звонницей на тринадцать колоколов, возведённый во владими́ро-суздальском стиле храм Христа Спасителя находился на месте, где 30 апреля 1995 года митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом

(ныне Патриархом Русской православной церкви) был освящён закладной камень и установлен семи-метровый деревянный крест. Через год в основание будущего символа Православия калининградского края заложили капсулу с землёй от московского храма Христа Спасителя.

Когда мы подошли ближе, то пришлось задирать голову, чтобы рассмотреть кресты на шести куполах (шестой увенчал алтарную апсиду, как символ библейского шестоднева). Общая высота здания – шестьдесят девять метров. В Верхний храм Рождества Христова мы предпочли подняться на лифте.

Служба уже закончилась, поэтому было немногочленно, хотя помещение позволяет вместить три тысячи человек. Подали в свечной лавке записочки о здравии близких и об упокоении ушедших родных, поставили свечи, поклонились Господу, Пресвятой Богородице и святым, а потом, присев на скамью, долго и умиротворённо, под тихое непрерывное песнопение созерцали изумительную роспись, её воздушность, устремлённость в небеса, дивились красоте убранства, молились каждый о своём и об общем: о мире во святой Руси. И снова в памяти вспыхнули строчки, теперь уже стихотворения «Молитва»:

Быть частицею света удостой меня, Боже!
 Научи так любить, чтоб себя забывать,
 И мирить там, где кто-то примириться не может,
 И помочь там, где правду хотят отыскать.

Удостой меня, Боже, чтобы я утешала,
 И прощать боль обид Ты меня научи,
 Напой состраданьем, дай любовь мне и жалость,
 Укрепи, чтоб помочь заплутавшим в ночи.

Где царит безысходность, дай посеять надежду,
 Где согнула беда, дай подставить плечо,
 На озябшую душу дай набросить одежду
 Покаянных молитв, что шепчу горячо.

В темноте бренной жизни дай лампадку затеплить,
 Быть сиянием свечи дай во мраке сплошном,
 В час, когда я угасну на земном белом свете,
Свет иной обрести дай мне в Царстве Твоём...

Нижний храм в честь Нерукотворного образа Христа находился в цокольном этаже и был закрыт. Но, видимо, таков промысел Божий, что стоило Лиде обратиться с просьбой к одному из клириков, как двери этого храма распахнулись перед нами.

– Здесь надо побывать обязательно! – объясняла моя добрая путеводительница. – Во-первых, это храм воинской славы, храм-памятник русским воинам, погибшим в Семилетнюю войну, Наполеоновскую, Первую и Вторую мировые войны. Во-вторых, здесь установлен «Мемельский» иконостас, созданный во время Семилетней войны для русского гарнизона в Мемеле (Клайпеда). Его можно назвать путешественником, потому что прежде, чем быть переданным храму в 1996 году Свято-Князь-Владимирским братством из Германии, он совершил круиз вокруг Балтийского моря. Интереснейшая история!

И вот я стою перед этим старинным иконостасом, изготовленным по указу императрицы Елизаветы Петровны и установленным в церкви Преображения Господня в Мемеле в 1760 году, 20 июля. И ведь это означает, что в нынешние дни моего пребывания в Калининграде исполнилось с того знаменательного события уже 262 года!

Недолго иконостас пребывал в Преображенском храме. В то давнее время в результате исторических перипетий Мемель был возвращён Восточной Пруссии, а оборудование храма в 1762 году вывезено морем назад в Россию, в Санкт-Петербург, и хранилось в Петропавловском соборе, пока его не передали посольской церкви в Стокгольме. Потом с 1902 по 1996 год иконостас находился в Свято-Никольском храме Гамбурга.

Необычный, в стиле барокко, Мемельско-Елизаветинский иконостас был великолепен! Нигде я не встречала подобного. Эмоции переполняли, душа благодарила Бога. И казалось, что сил на новые переживания от впечатлений уже не осталось.

Однако стоило выйти из храма, как моё внимание привлёк ещё один – святых Петра и Февронии – венчальный храм в память Муромских чудотворцев, которые являются в России покровителями семьи. Над его лёгкими белоснежными сводами – удивительный сдвоенный купол, символизирующий непостижимое соединение в Спасителе – Божественного и человеческого, а в браке – слияние двоих в единое целое.

Сейчас, когда пишу эти строки, моя душа словно снова парит в том чудесном летнем дне, который был наполнен внутренней тишиной, спокойствием, небесным светом и Божьей благодатью. И вдруг, будто специально для того, чтобы выбить меня из этого умиротворённого состояния, в теленовостях прозвучала информация о дичайшей выдумке первой леди Франции. Оказывается, некоторое время

назад Брижит Макрон якобы внесла предложение в проект реконструкции восстанавливаемого (после пожара в девятнадцатом году) собора Парижской Богоматери. По её мнению, шпиль Нотр-Дама должен обрести фаллические очертания: поднятый фаллос с золотыми яйцами в основании.

Но, слава богу, у бывшего министра культуры Розелин Башло хватило ума и смелости отвергнуть проект с таким дизайном шпиля. Администрация президента Франции была этим расстроена.

Только кто его знает, что ещё может случиться в наше непредсказуемое время... До открытия собора в 2024 году больше года, а сатанизм на Западе, как и маразм, крепчает с каждым днём.

Помнится, в школьные годы меня переполняло чувство гордости от того, что родилась в такой огромной, могучей, прекрасной стране, какой была моя большая Родина – Советский Союз. «Какое же счастье, что я появилась на свет в Янтарном, на русском берегу Балтийского моря, а не где-нибудь в Африке или Америке!» – искренне радовалась тогда и радуюсь теперь.

А мысленно снова возвращаюсь в славное двадцать шестое июля двадцать второго года, на калининградскую площадь Победы, где мне светло улыбалась Лида Довыденко:

– У нас впереди ещё полдня! Ты готова продолжить путешествие?

– Всегда готова! – по-пионерски отрапортовала я, потому что желание смотреть, запоминать, улавливать нерв, впитывать исторический дух, энергию калининградской земли не иссякало во мне.

– Тогда – на остановку! Трамвайчик номер пять доставит нас в Рыбную деревню.

Я-то думала, мы едем за город или на окраину, но, оказалось, – в торгово-ремесленный центр, этнографический квартал на берегу реки Преголи. Раньше жители города отправлялись сюда, чтобы купить свежую рыбу, потому что здесь было скопление рыбных рынков. Теперь же в Рыбной деревне можно полюбоваться зданиями, построенными в неоготическом и ганзейском стилях, с элементами барокко и классицизма; воспользоваться широко предлагаемыми развлекательными и познавательными услугами: музеев, художественной галереи, бильярдной и тренажёрного зала, сувенирных и ювелирных магазинчиков, ресторанов и кафе.

Но мне была обещана прогулка на кораблике, поэтому сразу направились к причалу. Катер был во всеоружии: покачивался на воде в ожидании пассажиров, которых приготовился защищать от дождя и ветра прозрачным тентом и тёплыми пледами. Ими мы с удовольствием воспользовались. Аудиоэкскурсовод весело и без усталости знакомил с открывавшимися взору живописными пейзажами Октябрьского острова и острова Канта, рассказывал о «Рыбной бирже», башнях Бесселя и «Маяк». Последняя – высотой более тридцати метров. Если подняться по её ста тридцати трём винтовым ступенькам, то можно увидеть город с впечатляющей высоты.

Я восторженно глазела по сторонам, сноровисто фотографировала. Меня впечатлили не только великолепные здания, но и огромные корабли, мощные портовые краны, подводная лодка, вид Музея Мирового океана, храм у кромки воды, многочисленные мосты. И в который уже раз вспомнились письма Ширского: «Обратите внимание на набережную Преголи. Снимался фильм “Секретная миссия” как раз здесь, на правом берегу, если я правильно помню, куда течёт река. В дома заложили дымовые шашки, чтобы имитировать только что разрушенный дом. Все дома там представляли только коробки. И мне удивительно, что все они восстановлены в прежнем виде. Где-то там и мост есть. Мы по его балкам переползали реку. А на мосту было написано: “Мост разминирован...” Далее шло звание и фамилия, кто это сделал».

Трудно теперь сказать, о каком мосте шла речь в письме Валерия Евгеньевича. Взамен двух самых старых из семи мостов Кёнигсберга – «Лавочного» и «Зелёного» – в 1972 году над островом Канта был построен «Эстакадный».

«Деревянный» мост появился более шестисот лет назад, в 1404 году. И хотя он многократно ремонтировался и перестраивался, продолжает служить людям. По его натруженной старой спине до сих пор движутся шустрые автомобили и степенные трамваи.

Разводной мост под названием «Высокий», с мостовым домиком в стиле неоготики, также служит и для пешеходов, и для транспорта.

Самый молодой из семи исторических мостов (год рождения – 1542-й) – пешеходный «Медовый».

Современный – разводной пешеходный мост «Юбилейный» был открыт в 2005 году к 750-летию Калининграда. Для его возведения использовались опоры разрушенного «Императорского» моста.

Но мне почему-то кажется, что речь в письме Ширского шла о «Двухъярусном» мосте, постройки 1926 года. Нижний его ярус был предназначен для автомобильного движения, верхний – для желез-

нодорожного. В 1945 году «Двухъярусный» взорвали отступающие немецкие части, а через четыре года он был полностью восстановлен. Чтобы пропускать суда, для средней части моста был сооружён и подъёмный механизм (вместо бывшего поворотного).

Наша речная прогулка незаметно закончилась. Да и день подошёл к концу. Впечатлений от него хватало с лихвой. Однако утром следующего нас ждали новые...

Балтийск

Погода была словно на заказ: без дождя и с комфортной температурой. Машина мчалась мимо убранных полей с белыми катушками соломы, мимо лугов с травяным разноцветьем, так знакомым мне с детства. Вызревшие коричневые метёлочки трав, белые и жёлтые – донника, ярко-розовые – кипрея, а рядом – звёздочки голубоглазого цикория, солнечные мордашки любопытных ромашек в белых косыночках...

Говорящие названия посёлков и деревень – Взморье, Приморск, Приморье... – подсказывали, что и Балтийск уже где-то совсем близко.

– Мы проезжаем мимо нашей дачи. Заедем? – предложили Володя и Лида.

– Конечно! – с готовностью согласилась я. – Почему бы не познакомиться и с дачным посёлком?

Участок Довыденков, полученный ими недавно, хотя и представлял собой почти дикую песчаную поляну, поросшую выносливым бессмертником, серебристой полынью, лекарственным тысячелистником и изнывающей от жажды мелкой травкой, однако на насыпных грядках, почти без присмотра наливались силушкой тяжёлые помидоры, а на огуречных плетях подрастали хрустящие зеленцы, которые вместе с сочными листьями салата и ароматным укропом тут же перекочевали в хозяйский пакет.

Дождевой воды, набежавшей с крыши временного домика-вагончика, как раз хватило для полива грядок и саженцев роз. Так мы совместили полезное с приятным и, чтобы продолжить путь, двинулись к машине вдоль густого кустарника и могучих дубов, за которыми прятался морской берег.

Такие же дубы, а ещё развесистые липы, ясени и вязы, растущие вдоль шоссе, сплетались над ним кронами и образовывали плотный шатёр. Пробивающиеся сквозь листву солнечные лучи падали на асфальт тёплыми бликами. Похожие светотени стелились и в подножье деревьев лиственного леса, сквозь который бежала дорога к Балтийску. Видимо, от этого лес мне казался волшебносказочным, таинственно-загадочным, гофмановским. Не мудрено, ведь и сам писатель Эрнст Гофман родился в Кёнигсберге, его творческая натура формировалась в здешних местах, может быть, и от этого созданные им литературные образы удивительны: одновременно фантастичны и реальны, как причудливые очертания старых корявых стволов и ветвей.

Вот и промелькнул за окном указатель на Балтийск! Нам осталось преодолеть семнадцать километров пути. Вся жизнь и всего семнадцать километров отделяли меня от города моего раннего детства, от молодости моих родителей...

Огромные бетонные буквы, словно азбучные кубики, аккуратно разложенные неведомым великаном слева от дороги, составили такое дорогое для меня и долгожданное слово «Балтийск». Произнесённое вслух, оно прозвучало могуче и звонко, а душа моя радостно заиграла.

Володя остановил машину. Предлагая выйти, указал направо, в сторону двухэтажного здания с заколоченными окнами:

– Здесь служил твой отец. Это бывшее КПП «Застава».

Застава! Вспышка памяти высветила весенние цветущие деревья, отца в офицерской форме, а рядом, на ступеньках крыльца, мама – в лёгком цветастом платье с короткими рукавчиками-фонариками...

Я подошла к белому зданию с красной черепичной крышей. Осторожно прикоснулась к стенам, словно они всё ещё хранили тепло моего отца, Виктора Евсеевича Булаева, тогда ещё старшего лейтенанта. Дёрнула за дверную ручку. Закрыто.

С сентября 1945 года в город военных моряков можно было попасть только с пропуском, оформленным в комендатуре после объяснения цели поездки. Иностранцам въезд был запрещён категорически. С разрушением Советского Союза ситуация изменилась. В 1995 году через контрольно-пропускной пункт уже могли свободно пройти все, у кого имелась калининградская прописка. В 2009 году с заставы исчезли полосатые будки охраны, знаки «Стоп», здание опустело. Сохранилась

лишь табличка с предупреждением: «Территория с регламентированным пребыванием иностранных граждан (далее тот же текст на английском)». Удивительно, что иностранцам вообще разрешён въезд в город, где расположена военно-морская база.

Мы сели в машину и двинулись дальше. И никому до нас не было никакого дела...

Балтийск – самый западный город России, раскинувшийся на пятьдесят квадратных километров. Часть его находится на берегу Приморской бухты на Земландском полуострове. От Балтийского моря отделяет Гданьский залив, от Балтийской косы – узкий пролив, который образовался во время шторма в сентябре 1510 года. Сама же Балтийская коса, отделяющая Калининградский залив от Балтийского моря, имеет российский участок протяжённостью двадцать пять километров с почти такой же площадью.

В первую очередь мы направились к старинной крепости Пиллау, представлявшей собой пятиконечную звезду, каждый угол которой является бастионом со своим именем: Альбрехт, Пруссия, Кёниг (Король), Кёнигин (Королева) и Кронпринц (Наследный принц). Строительство цитадели началось четыреста лет назад по приказу короля Швеции Густава II Адольфа.

– А в 1697 году крепость посетил будущий император России Пётр I. Считается, что именно здесь он обучался бомбардирскому и артиллерийскому мастерству и фортификационному искусству. Сейчас из старинных сооружений сохранились лишь три здания и складские помещения, – просвещала меня Лида, автор книг «Тайны Пиллау» и «Балтийск. Портрет города в датах и лицах». – Экскурсия внутрь крепости возможна, но только в определённое время, так как там расположена действующая военная часть, в которой ведётся подготовка военных специалистов для работы под водой.

Я слушала, стоя на мостике перед краснокирпичными воротами цитадели, разглядывала крепостные валы, из которых торчали стволы старинных пушек, любовалась тёмными водами речки, её берегами, поросшими камышом, и снова ловила себя на мысли, что всё это мне знакомо. Причём картинка в памяти были достаточно свежими и яркими. Неужели детские воспоминания? «Да ведь здесь тоже снимались эпизоды фильма “Морские дьяволы”! Наверняка!» – догадалась и усмехнулась: а ларчик просто открывался!

Но всё же я уверена, что не только совпадение с кадрами фильма взволновало меня тогда. Помню! Да, помню эти места, потому что была там, хотя очень-очень давно...

А Лида продолжала рассказывать:

– Во время Второй мировой, весной 1945 года, за пиллаускую цитадель шли кровопролитные бои. 26 апреля бойцы 1-й Пролетарской Московско-Минской дивизии генерал-майора П. Ф. Толстикова штурмом овладели крепостью. Советским воинам, погибшим при освобождении нынешнего Балтийска, в небольшом городе Балтийске установлены многочисленные памятники и мемориалы. Один из них – «Они сражались за Родину» – был открыт на стене юго-восточного рavelина цитадели «Пиллау» в 2018 году. Он увековечил память более чем четырёх тысяч военнослужащих Краснознамённого Балтийского флота.

Второй мемориал, с Вечным огнём, создан на братской могиле воинов, павших в апреле 1945 года – более 460 человек, среди них два Героя Советского Союза: капитан Тарасевич К. М. и старшина Дадаев С. П.

Третий монумент в честь ратного подвига солдат, в виде огромного гранитного валуна и якоря с массивной цепью, установлен на набережной.

Ещё три памятника я увидела на площади Балтийской славы: стела в честь воинов-моряков водной охраны, металлический обелиск в память о десанниках Балтики и настоящий катер «Комсомолец» (1944 года, бортовой номер «З6»), установленный на высоком белом постаменте в честь балтийцев-моряков Первой Краснознамённой бригады торпедных катеров. По бокам катера – артиллерийские орудия эскадронных миноносцев «Стойкий» и «Славный».

Мы пришли на площадь, когда там шла подготовка к грандиозному празднику – Дню Военно-морского флота, который совпадает в Балтийске с Днём города. На бетонной площадке выстраивалась на выставку военная техника и вооружение. Я впервые воочию, совсем рядом, так, что можно было потрогать и сфотографироваться, увидела огромные Искандеры, РСЗО «Ураган», «Град», «Солнцелёк», ЗРК С-400 «Триумф», машины связи и управления огнём, БТРы...

Отрабатывая чеканный шаг, по площади маршировали матросы и морские пехотинцы – глаз не отвести!

А Лида смахнула накатившиеся слёзы:

– Такие же молодые красавцы-бойцы сейчас в специальной военной операции на Донбассе...
– Помогите им, Господи! – поддержала я. – Но то, что происходит на Донбассе, надо бы уже назвать не СВО, а Отечественной войной – войной за русские земли, за русский мир.

Через короткое время стало известно, что по всей Украине начали арестовывать, мучить, убивать православных священников. В храмах сатанисты открыто служили свои чёрные мессы и антилитургии. В захваченной раскольниками Киевской лавре зазвучали дьявольские песни: «Сотрём Москву с земли лица», «В бой на москаля», «Москаля сотрём на прах», «Убьём зельем москвина», «Пьём вражескую кровь, как воду», «Слава Богу, слава Иисусу, слава нашим ВСУ!».

Теперь я бы уже назвала нынешнюю войну против нацистов всего ополчившегося на святую Русь Запада – Священной, потому что это война против врагов Христа, врагов веры православной – бесценного сокровища, несущего истинный свет миру. А Бог поругаем не бывает. И Покров Пресвятой Богородицы – над Россией!

Святой Фёдор Ушаков, русский адмирал, не знавший ни одного поражения в сражениях на море, когда-то предупредил: «Не отчаивайтесь! Сии грозные бури обратятся к славе России», – эти слова написаны на его иконе, хранящейся в храме Балтийска...

С небес ласково и тепло светило янтарное солнышко, лёгкий ветерок, играючи, теребил листву на деревьях, в тени которых солдаты чистили оружие, бережно разложенное на аккуратно постриженной траве. Город жил предстоящим военным праздником, на котором жители региона будут с гордостью наблюдать за прохождением отряда ракетных кораблей, за атакой подводной лодки противолодочным кораблём, за противоминным обеспечением выхода подводной лодки, за высадкой диверсионно-разведывательной группы на необорудованное морское побережье.

В праздничном мероприятии готовились принять участие более сорока боевых кораблей, катеров и судов обеспечения, четырнадцать самолётов (истребители Су-27П и Су-30СМ2, фронтовые бомбардировщики Су-24М) и вертолёт (Ми-24 и Ми-8, корабельные противолодочные и поисково-спасательные Ка-27 и КА-27ПС).

Но до праздника, который должен был начаться 31 июля с торжественного молебна и возложения цветов к памятнику Петра Первого, оставалось ещё несколько дней. Поэтому в городе, словно в муравейнике, кипела работа, свидетелями которой мы и стали во время пребывания в Балтийске.

Вдоль набережной, как раз у дома, в котором жили Довыденки, когда Владимир Иванович служил на флоте, уже устанавливали зрительские трибуны. Памятник Петру I обновляли свежей краской. Неподалёку от величественного памятника императрице Елизавете Петровне, которая в форме полковника лейб-гвардии Преображенского полка, верхом на коне, словно встречает боевые корабли и гражданские суда на российском побережье Балтийского моря, разворачивались детские аттракционы. Мне это показалось символичным: где же играть детям, как не под покровом русской государыни?

Здесь же, в сувенирной лавке, продавались изделия из янтаря. Я не удержалась – на моей руке появился изящный браслет из прессованного камня. А ещё мне нестерпимо захотелось увезти домой горсть балтийского песка, отщипнуть с низкорослого кустика шиповника несколько красных ягод, нарвать букетик нежно-жёлтых шариков-цветочков здешнего бессмертника...

Напротив гостиницы «Золотой якорь», в которой когда-то останавливался Иосиф Бродский, о чём свидетельствовала памятная табличка, безбоязненно плавали рядом с кораблями белые лебеди. Их было много, несколько десятков. Подумалось, что и в этом есть особый смысл: русские военные корабли и доверчивые лебеди вместе, потому что мир и любовь нуждаются в защите.

Близость элегантных птиц, их романтическая красота не могли оставить безучастными никого: ни жителей города, ни его гостей. Всякий норовил подкормить лебедей и, конечно, сфотографироваться рядом с ними.

Мы бродили по Балтийску, а я всё представляла, как по этим же улочкам спешила на работу моя двадцатилетняя мама Зоя в военную часть торпедных катеров, где работала в бухгалтерии, а по вечерам и выходным она пропадала в Доме офицеров, потому что театр был её мечтой. В дальнейшем, получив соответствующее образование, мама долгие годы работала в культуре.

Воображение рисовало мне её вместе с отцом – оба молодые, счастливые...

Я жадно вдыхала балтийский воздух, подставляла лицо ветру и солнцу, потому что этим воздухом дышали мои родители, такой же ветерок перебирал их волнистые русые волосы, а их глаза видели

эти же дома (разве только крыши у них теперь новые, да и сами они – как на картинке), и такие же суровые корабли, и такое же завораживающее море...

В год, когда я родилась, постановлением Совета Министров СССР в Балтийске была сформирована военно-морская база первого разряда Краснознамённого Балтийского флота. В неё вошли более девяноста боевых кораблей и судов, в том числе около пятидесяти кораблей охраны водного района (в береговой охране и служил мой отец до назначения начальником заставы), девятнадцать тральщиков и два прорывателя минных заграждений и восемнадцать единиц отдельного дивизиона аварийно-спасательной службы. Командиром ВМБ Балтийск был назначен Герой Советского Союза контр-адмирал Костицкий Сергей Петрович.

Первого сентября в Балтийске открыли Дом пионеров и школьников, в котором работали кружки «умелые руки», радио, фотолюбителей, киномехаников и хореографии. Чуть позднее, в декабре, «в казармах строительного батальона по улице Советской открылась строительная школа», которую в 1960 году перепрофилировали в мореходное училище: готовили матросов рыбной промышленности заграничного плавания до 1987 года, в котором учебное заведение прекратило своё существование.

А тогда, в первый день моей жизни на белом свете, в Балтийске произошло знаменательное событие! Город торжественно и радостно, громким салютом боевых кораблей встречал возвратившиеся в родную гавань от берегов Англии эскадренные миноносцы «Смотрящий» и «Совершенный» и крейсер «Орджоникидзе», на котором были первые лица страны.

Впервые в истории советского ВМФ правительственная делегация высокого уровня совершила дипломатическую поездку на боевом корабле. На борту крейсера, кроме Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущёва и председателя Совета Министров СССР Николая Александровича Булганина, находились Андрей Николаевич Туполев, известный авиаконструктор, автор проектов свыше ста типов самолётов, и Игорь Васильевич Курчатов, советский физик, академик-атомщик, «отец» советской атомной бомбы.

И вот мне снова посчастливилось побывать в Балтийске! Как же не поблагодарить за это Того, без воли которого и волос с головы не упадёт? В Морском кафедральном соборе Георгия Победоносца, разместившемся в старинной кирхе готического стиля, построенной в 1866 году, мы с Лидой снова подали записки, поставили свечи, поклонились мощам святого праведного адмирала Фёдора Ушакова. Ныне канонизированный святой начинал свою службу на Балтике, затем создал Черноморский флот России, был его первым командующим.

В Балтийске я каждой своей клеточкой чувствовала себя счастливой, и мне очень не хотелось покидать этот город...

Но Володя умело утешил меня, предложив по пути в Калининград завернуть ещё в Светлогорск. А новым впечатлениям я всегда рада.

Светлогорск

Поразительно, насколько Светлогорск был не похож на все другие города, в которых мне, благодаря моим дорогим друзьям супругам Довыденкам, удалось побывать за эти невероятные четыре дня.

Утопающий в зелени, прячущийся под кронами могучих деревьев, бывший Раушен показался мне городом гномов в тысячелетнем лесу. И даже напомнил ставропольский Пятигорск: канатная дорога, гористая местность. И море где-то далеко внизу, чтобы спуститься к нему, надо пересчитать десятки ступенек. В самом же городе впечатлило озеро «Тихое» с камышовыми берегами, домиками для уток, с бесшумно скользящими по водной поверхности лодками. На противоположном берегу, словно застывший на огромном живописном полотне, раскинулся лес: величественные сосны и фактурные лиственные деревья.

Гвардейск

Конечно, было жаль, что мы не успевали побывать в Гвардейске (Тапиау), освобождённом от нацистов 25 января 1945 года 17-м гвардейским стрелковым ордена Суворова полком 5-й гвардейской стрелковой Городокской ордена Ленина Краснознамённой ордена Суворова дивизии Красной армии,

которая получила звание «Городокская» за наступательную Городокскую операцию по освобождению от фашистских захватчиков города моей юности, родового гнезда моей мамы – Городка Витебской области.

Из раннего детства (мне было года четыре) помню, что наша семья жила в доме на берегу реки с полуразрушенным мостом. На лодке мы переправлялись на противоположную сторону, где раскинулся луг с высокими цветущими травами. Однажды я перебралась через реку по мосту и одна отправилась искать начало радуги, чтобы взобраться на неё и посмотреть на город сверху. Шла долго, а радуга не приближалась. И я испугалась. Дома же никто так и не узнал о моём путешествии.

Гусев

Ещё один город пока так и останется лишь в моих детских воспоминаниях. Однако не умолчу о том, чем он славен: на его территории проходили боевые действия Первой мировой войны. Знаменитое Гумбинненское сражение, завершившееся 20 августа 1914 года одной из первых побед Русской императорской армии, получило название от города Гумбиннена, нынешнего Гусева, который от Калининграда – в ста двенадцати километрах.

В 2020 году администрацией Гусева было принято решение присвоить круговой транспортной развязке на пересечении улиц профессора Попова и Зворыкина наименование «Площадь имени Жореса Алфёрова». Поводом послужило то, что в 2015 году великий физик, нобелевский лауреат, посетил город и предприятия «Технополиса», в сквере которого посадил дерево, а также Гусевский историко-краеведческий музей, где была открыта выставка к 70-летию Великой Победы. Гостя заинтересовала ещё и экспозиция, посвящённая Первой мировой войне. Оказалось, что отец физика служил гусаром в 4-й кавалерийской бригаде и принимал участие в боях у Гумбиннена.

Но Иван Карпович Алфёров был хорошо известен и в Беларуси. Родился он в Чашниках Витебской губернии, жил в Минске, в Полоцке, где встретил будущую жену, и в Витебске, где у него появился на свет сын Жорес. В 1926 году Витебский обком партии направил Ивана Алфёрова на работу в город Городок – возглавить райисполком, а в 1929 году – лесопильный завод.

Воистину, пути Господни неисповедимы, а нити судеб сплетены в единый клубок жизни!

Я же помню в Гусеве лишь воинскую часть. Здания казарм из красного кирпича, вдоль которых располагались ниши со стеклянными крышками, а внутри – макеты оружия. Толстая кирпичная стена, за которой (слышала от взрослых) стояли танки. Дом, в котором жили семьи офицеров, тоже был красный. Мы занимали комнатку на первом этаже слева. Помню кусты барбариса с красными кислыми ягодами-костянками. Контрольно-пропускной пункт. Минувя его, через дырку в заборе я вывела детвору с нашего двора в город, и мы отправились искать тот сказочный лес, в котором жила загадочная лисичка, передававшая папе конфеты для меня. В это время в части начался настоящий переполох: пропали дети! А мы, уставшие, так и не дойдя до леса, повернули назад, решив в следующий раз обязательно найти добрую лисичку. Возвратиться незаметно через дырку в заборе нам не удалось. А дома каждого ждали родительские разборки...

Теперь же роль лисички исполнила Лида: домой я везла не папины леденцы, а популярные в Калининграде конфеты – марципаны, имеющие многовековую историю, их рецепт передавался из поколения в поколение. Своим вкусом миндальное угощение с натуральным шоколадом когда-то пленило королей, герцогов и принцесс, нынче же его с удовольствием уплетают наши детишки.

...Ночью шёл дождь. А утром я уже была на борту самолёта рейса «Калининград – Санкт-Петербург» и смотрела в иллюминатор, как ветер колышет травы, как машут вслед и низко кланяются неприхотливые ромашки.

Когда лайнер вырулил на взлётную полосу, на стекло упали дождевые капли, а когда он стал набирать скорость и отрываться от земли, дождь вычертил на окне чёткую кардиограмму взлёта.

Далеко внизу оставался аэродром, прямоугольники и квадраты жилых построек, полей и лугов Янтарного края. Яркой синевой заплескалось Балтийское море, и вскоре над ним поплыли айсбергами пушистые облака. Вспыхнуло белое солнце, и разлилась необыкновенно чистая лазурь неба, которое было вверху, внизу – всюду и для всех!

25.01.2023 г.

Берега Янтарного края

Ирина Моткова

Ирина Валерьевна Моткова – родилась в 1962 году в Нижегородской области. По окончании школы поступила на биологический факультет Горьковского госуниверситета им. Лобачевского. В 1982 году приехала в Калининград. Работала в школе и в детском саду, в Калининградском зоопарке, в музее «Фридландские ворота». Автор книг: «Марта, Пряник и другие» (рассказы о животных Калининградского зоопарка); «Карамельки» (сборник сказок и рассказов для семейного чтения); «Сон Лизы» (краеведческая сказка). Является постоянным автором регионального детского литературного журнала «Мурр+». Рассказы о животных были опубликованы в газете «Калининградская правда», журналах «Балтика» и «Юный натуралист». Дипломант V Международного славянского форума «Золотой Витязь».

* * *

Пройду мимо низко свисающих вишен,
Прижму к ним горячий висок
И, соприкоснувшись,
Сквозь кожу услышу,
Как в вишне пульсирует сок.

Он сладкою кровью её заполняет,
Что день ото дня всё красней,
И ярким румянцем щеку заливает
Под негой прохладных ветвей.

А косточка-сердце всё громче стучится,
Сигнал отправляя в эфир,
Что вишня готова собой поделиться.
И я прилечу, как вампир.

Насытившись терпкой вишнёвою кровью,
Я жажду свою утолю.
А косточку, может быть, в землю зарю –
Ей новую жизнь подарю...

* * *

Молодая весна за окошком
Продолжает плести кружева,
Надевает деревьям серёжки,
Ароматом пьянит без вина.
И рисует цветными мазками
Лепестки в изумрудной траве,
И играет простыми словами
И стихами в моей голове...

* * *

Притаились вечерние звуки
Под покровом ночной тишины.
К ним протянутся тени, как руки,
Из бездонной небес глубины.
Пальцы тонкие воздух пронзают
И на клавишах в чёрной ночи
Сокровенный мотив заиграют
При мерцании лунной свечи.
А потом светотенью узорной
Заколышутся на потолках,
Растворяясь последним аккордом
В беспокойных предутренних снах...

* * *

В бесконечное небо синее
Ели с туями ошетинились,
Устремили ветви колючие
В неизведанное и лучшее.

Потянулись в просторы вечные,
Где летают птицы беспечные,
С ветром яростным порезвились,
Богу-Солнышку помолились.

И, набравшись у неба силы,
Вновь на землю они возвратились.
Чтоб богатство своё умножить,
Чтобы путь свой земной продолжить.

Сделать воздух звеняще-чистым,
Дать уставшим спокойную пристань
И раскрыть в тишине объятия
Тем, кому не хватает счастья.

* * *

У дороги ждёт меня нежность,
В каплях утренней росы – свежесть.
Шелковистость розовой кожи
И уколы до крови тоже.

Запах юности и тёплого лета,
Отблеск розовой зари света.
Ощущенье неземного покоя
И ещё, ещё чего-то такое...

Прохожу опять, шаги замедляя,
Эту нежность на себя примеряю.
Так хочу я быть на розу похожей
Безмятежностью и розовой кожей...

* * *

Я вам собрала букет.
Ну чего в нём только нет!
Им, скажу вам честно, братцы,
Не могу налюбоваться.

Все цветочки (вот дела!)
Я на клумбе собрала,
Где они, нам вопреки,
И растут, как сорняки.

Взял меня сначала в плен
Красотой цветущий хрен:
Я б вплела его цветы
Прям в веночек для фаты.

Как ажурны, посмотрите,
Зонтики обычной сныти:
Лёгкость их и белоснежность
Придают букету нежность.

А высокие былинки
С золотистой серединкой
Лепестков атласной кожей
На ромашек так похожи!

С краю, нежно трепеща,
Ветвь зелёного хвоща
Обрамляет всех резной
Грубоватой бахромой.

Раз, два, три – букет готов
Из обычных сорняков!
И дарю его вам я,
Мои милые друзья!

* * *

Не живи в ожиданье беды,
А живи в предвкушении чуда
И мгновения счастья лови,
Даже если не знаешь откуда.
Наслаждайся неожиданным теплом
И прохладой туманных объятий,
Не откладывай жизнь на потом,
Прячься в сумраке мягких кроватей.
И кусочками солнце дари
Всем знакомым и всем неизвестным.
Пусть тепло в твоём сердце царит,
Напевая душевные песни...

* * *

Нет лёгкости в моей походке,
А вот в душе – хоть отбавляй!
Там каждый день – свои находки –
Бери, играй и удивляй!

Хоть отправляйся в птичье царство,
Хоть на танцпол – даёшь брейк-данс!
А хочешь – с рифмами сражайся
Или впадай в целебный транс.

Побудь певицей и жонглёром,
Создай дизайнерский проект,
Представь себя киноактёром –
Фантазии предела нет!

Душа в пленительном полёте,
Она танцует и поёт!
А тело тихо на работу,
Ногами шаркая, идёт..

* * *

Как жизнь коротка!
И нам бы успеть
Огней доброты
Побольше зажечь,
И руки друзей
Сердечно пожать,
И милых детей
Покрепче обнять.
В друзей обратить
Вчерашних врагов,
Гостей пригласить,
Напечь пирогов.
И с мамой своей
Тихонько попеть.
А дни всё быстрей...
Но нужно успеть!

* * *

Песня дрозда с высоты раздаётся,
Грустью-печалью во мне отзовется
О пролетающих мимо годах,
О сединою покрытых висках.
О неизвестности, что у порога
Благословляет любую дорогу.
И о тревожно-заботливых снах,
И о несбыточных наших мечтах.
Нет, неправда я, что ни говори,
Песня дрозда – о воскресшей любви,
О пробужденье природы и чувств,
И о признаньях, летящих из уст.
Дрозд с высоты всё поёт и поёт,
Петь с выражением не устаёт.
Я его слушаю, сколько хочу,
Может быть, песню с собой захвачу.
Пусть не кукушка считает года,
А чёрный дрозд распевает всегда
Песню любви в полуночной тиши
В клетке моей беспокойной души.

* * *

Весной звучат любви слова,
От них кружится голова,
И, их согласия не спросив,
Из нот рождается мотив.
В нём нотой си звенит роса,
Оркестром – птичьи голоса,
И дробной россыпью с небес
Прольётся дождь на фа-диез.
В любви рождаются мечты
И распускаются цветы,
Любовью, что коснулась вас,
Поёт задумчиво романс.
Я тоже спеть тебе хочу,
Но днём, пожалуй, промолчу,
А вечером любовь свою
Как колыбельную спою...

* * *

Продолжение следует –
Золотые слова!
Продолжение следует –
Это как дважды два.
Продолжение следует –
Мой отныне девиз,
Продолжение следует –
Это фраза на бис!
Всё когда-то закончится,
Но пока я жива,
Продолжение следует.
Золотые слова!

* * *

Жемчужного града
Холодная россыпь –
Весеннему саду
Нежданная проседь.

На юной траве
И на мокрых тропинках,
На нежно-зелёных
Листочках-косынках.

В тончайших,
Покрывших кусты кружевах,
На дышащих клумбах,
На первых цветах.

Но время прошло
Холодов и мороза!
И град превратится
В прозрачные слёзы.

Весна их небрежно
Смахнёт рукавом,
И в веру свою
Обратит под дождём.

* * *

О чём прошлогодние листья шуршат,
Устлавшие землю коврами,
Когда уж давно позади листопад
И голые кроны над нами?

В них краски поблёкли, в них яркости нет –
Ни зелени, ни позолоты.
Они безучастно лежат на земле,
Без имени и без заботы.

Они бы о многом могли рассказать,
Но к прошлому нет интереса!
Что им остаётся? Лежать и шуршать
Под пологом спящего леса.

Но знаете, всё-таки тайна живёт
Под блёклыми теми коврами,
И ранней весной она прорастёт
Травой и лесными цветами.

Всё, значит, не зря! В прошлогодней листве
Тепла и заботы немало.
А в тихом шуршанье – бесценный совет
Для тех, у кого всё сначала.

Берега Янтарного края

Анатолий Мартынов

Анатолий Мартынов – родился в городе Советске Калининградской области. Имеет высшее филологическое образование. Работает в Калининградском художественно-промышленном техникуме мастером-ювелиром. Пишет стихи, прозу. Им изданы четыре поэтических сборника и сборник повестей, рассказов, пьес. Возглавляет литературное объединение «Эклога».

ЖИЛИ-БЫЛИ

Рассказ

Жили-были... Нет, это не сказка. А если и сказка, то быль. В общем, жили-были в одном небольшом курортном городе, на третьем этаже многоквартирного дома, папа, мама, и было у них два сына. Младший – Серёжа, учился в первом классе, старший – Максим – в пятом. Разница в возрасте, конечно же, сказывалась на их отношениях. Старший признавал только свою гегемонию. Младший всячески сопротивлялся. Особенно ему не нравилось, что Макс, так он называл брата, с головой уходил в компьютерные игры, даже не думая о том, что и Серёже они интересны. Компьютер в квартире был один. На покупку другого денег не было. Папа с мамой выплачивали кредит за приобретённую недавно квартиру. До этого семья ютилась в однушке пятиэтажного дома-хрущёвки.

Серёжа недолго раздумывал над тем, как оттащить Максима от компьютера. Дедушка Коля на прошлой неделе заменил вилку шнура системного блока. Он попросту отрезал старую и на её место поставил новую разборную вилку. Серёжа всё это видел, и, когда Максим ушёл на кухню пообедать, он этим тайм-аутом воспользовался. Перерезал один проводок, аккуратно подсунил под него кусочек изоленты, замотал так, чтобы одна часть проводка не состыковалась с другой частью, собрал вилку и вставил её в розетку. Затем положил инструмент в выдвижной ящик стола, взял в руки карандаш, альбом для рисования и стал рисовать кошку. Сам он родился в год рыжей собаки, но любил кошек. Не раз и не два просил родителей взять в дом котёнка. Но мама даже слышать не хотела о дворовых бродяжках, а папа больше любил собак.

Вскоре в комнату вошёл сытый и довольный старший брат и сразу сел к компьютеру. Минут пять он пытался включить его, но не тут-то было. А Серёжа, как ни в чём не бывало, продолжал рисовать свою любимую кошку.

– Сергей, ты к компьютеру не подходил? – обернувшись к брату, – спросил Максим.

– Не-а, – беззаботно ответил Серёжа, не отрывая глаз от рисунка. – А что?

– Да ничего... Кажется, компьютер сломался.

– Ой, Максим, и будет тебе от папы!..

– А ты ему ничего не говори. – Я что-нибудь придумаю. – Максим вопросительно посмотрел на брата, и тот пообещал, что будет молчать. Как самая немая рыба.

В это время Максиму позвонил его одноклассник и друг Денис Купавин. О чём они говорили, Серёжа не разобрал – Максим вышел для разговора с другом в коридор. Через минуту он вернулся, взял спортивную сумку и сказал:

– Я на тренировку. Закрой за мной дверь.

После его ухода Серёжа соскочил с дивана, радостно потёр руки и крикнул: «Сработало!»

Он тут же закрыл дверь на ключ, достал инструмент и занялся розеткой. На ремонт у него ушло не более десяти минут. Попробовал включить компьютер. И эта проба увенчалась успехом. «Вот так-то! – возликовал Серёжа. – Всё работает. Ну, держись теперь пулялки-стрелялки!»

Пулялками-стрелялками называли игры детей папа и дедушка Петя, мамин папа, который работал инженером в энергосистеме района. Вот к нему Максим и решил обратиться за помощью. Но это

будет завтра, а сегодня у него тренировка в секции самбо. Юным спортсменам через неделю предстояло принять участие в областных соревнованиях по этому виду борьбы. И как сказал тренер Пётр Николаевич Тужик, «чтобы победить, надо попотеть». Максим потел в паре с Денисом Купавиным. Ему было тяжелее: он почти на пятнадцать килограммов был легче Дениса.

Серёжа в это время вёл бой с танками противника. Их было много. Появлялись они внезапно, как будто вырастали из земли. Его танк чудом уходил от чужих снарядов и стрелял, стрелял. Стрелял до тех пор, пока рука папы не легла на плечо сына.

– Так-так, – сказал папа, – мы с мамой звоним-звоним, а он, видите ли, в пулялки-стрелялки играет. Давай-ка заканчивай. Тебя и Максима ждёт сюрприз.

– Что за сюрприз? – Серёжа с любопытством смотрел на папу.

Но тот по-своему отреагировал на вопрос сына:

– Узнаешь. Но только после того, как наведёшь порядок на столе. Да, а где Максим?

– На тренировку ушёл. У него скоро областные соревнования по самбо.

– Соревнования – это хорошо. А вот домашние задания, наверное, не выполнил. Александр Сергеевич поднял с пола альбом с нарисованным котом. Задержал взгляд на рисунке. Кот был исполнен в сидячем положении. В нём, как в человеке, чувствовалось какое-то нервное состояние. Казалось, что вот-вот он сорвётся с места и помчится в ту сторону, куда были устремлены его пронзительные глаза. «Молодец!» – подумал папа и сказал это вслух.

На лице сына первоцветом появилась улыбка, и он, с присущей ему откровенностью, сказал:

– Понимаешь, это я так нервничал, когда рисовал котика. Макс меня к компьютеру не пускал, вот я и продумал одну штучку-дрючку.

– Какую ещё штучку-дрючку? – заинтересовался папа.

– Как сломать компьютер, – выпалил Серёжа и, испугавшись, что папа его неправильно поймёт, поспешил с разъяснением:

– Сломать не взаправду, а понарошку. Ну, чтобы Максим подумал, что компьютер сломан и побыстрее ушёл на тренировку.

– И что ты учудил?

– Да ничего особенного. Пока Макс обедал на кухне, я в вилке перерезал один проводок и всё. А после его ухода концы проводка соединил, заизолировал твоей лентой, и компьютер заработал.

– Однако сметлив ты у меня, – отметил папа. – И всё же твой поступок не совсем хорош по отношению к брату.

– А его поступок хорош? Компьютер-то общий. А за ним только он и играет.

– И его поступок не хорош, – согласился папа с сыном, – но я с Максимом поговорю, а если понадобится, то и расписание ваших компьютерных игр составлю... Ты закончил приборку? Вот и ладненько. Пошли на кухню. Мы с мамой познакомим тебя с твоим долгожданным другом.

А долгожданный маленький друг, голубой британец, в это время лакал из блюдца молоко. Серёжа, увидев котёнка, радостно закричал:

– Родители, вы супер! Я вас люблю!

Он сел на корточки перед котёнком и стал смотреть, как тот пьёт.

– И как это таким маленьким языком можно выпить столько молока? – спросил сын. Вопрос касался обоих родителей, стоящих рядом. Ответила мама:

– Коты не пьют, а лакают, то есть вбирают в себя молоко вытянутым языком и делают это довольно быстро. Сам увидишь.

Но увидеть, как опорожнилась чашка, Серёже пришлось вместе с братом. Максим пришёл весёлым и немного уставшим. Увидев котёнка, он, так же как и Серёжа, возликовал от радости.

– Ну наконец-то у нас появился настоящий, а не игрушечный друг! А имя у него уже есть?

– Морис, – делая ударение на втором слоге, сказала мама, – так записано в его родословной.

Максим скривился. Имя, данное коту, ему не понравилось, и он предложил:

– А может, назовём его по-другому... Ну, например, Норис, в честь Чака Нориса.

– Так котик же совсем маленький, – заметил Серёжа.

– Тогда пусть будет Малыш. И звучно, и по-нашенски.

– А когда Малыш вырастет, ты его будешь называть Большиш? И звучно, и по-нашенски, – засмеялся Серёжа.

– Ладно, умник! – нахмурился Максим. – Сам-то что предлагаешь?

– А ничего. Мама же сказала, что есть родословная и в неё уже внесено имя нашего красавчика... Максим, гляди, Морис уже всё съел! А я-то думал, он будет целый час лакать молоко. Серёжа придвинул лицо к котёнку, и тот вдруг лизнул его в нос, а потом подошёл к сидящему на стуле Максиму, потёрся о ногу и лизнул протянутую к нему ладонь.

– Ну всё, – сказал папа, – знакомство состоялось. – Так что дружите и дружно живите. Подумайте, где Морис будет спать и где будет его туалет.

Мальчишки ушли в свою комнату думать. И пока братья думали, а по большому счёту спорили, котёнок сам решил одну из проблем: он залез в картонную коробку из-под обуви и засопел в ней. А папа, Александр Сергеевич, и мама, Елена Петровна, занялись приготовлением ужина.

Вот так поселился в доме Варнавских не просто котёнок, а, как сказал папа, член семьи, который прибавил её обитателям новые и серьёзные заботы. Его нужно было кормить, поить, выгуливать, убирать за ним. К тому же он постоянно запускал свои коготки в обои и немилосердно рвал их. Пришлось сделать папе специальную доску, обтянуть её дерматином и установить в прихожей, в том месте, где коту особенно нравилось это занятие.

Выгуливали Мориса папа и Максим, а когда Серёжа перешёл во второй класс, то и ему доверили совсем нелёгкие прогулки с котом. Он это понял очень скоро. Вынося Мориса из подъезда, Серёжа заметил, что тот вдруг встревожился и стал вырываться из рук. За спиной загавкала собака. Кот вырвался и стремглав понёсся к ближайшему дереву. В один миг он взбежал (а может, взлетел) на большой сук клёна и оттуда с ядовитым интересом смотрел на пса-пустобрёха.

Серёжа растерянно наблюдал за происходящим. Собаку увёл со двора хозяин. А вот как быть с котом, Серёжа не знал. Он подошёл к дереву и стал уговаривать своего любимца:

– Морисик, миленький, слезай. Твой враг ушёл. Ну же, Морисик.

Но кот только мяукнул в ответ и продолжал сидеть на дереве. Серёжа даже сбегал на кухню за кусочком варёной курицы, которую так любил Морис, но не помогло и лакомство. Тогда он положил мясо под дерево на лист подорожника и сел на ближайшую от подъезда скамейку. Ему, как обычно, очень хотелось посидеть за компьютером. А тут такая невезуха! «Если я уйду, – подумал Серёжа, – то Морисик может слезть с клёна и потеряться. А сообщу-ка я об этом... папе или маме?» Папа отозвался тут же и пообещал минут через пятнадцать-двадцать приехать. Он приехал чуть раньше, попросил сына принести ключи от подвала, где хранилась лестница-раскладушка. С помощью этой лестницы он добрался до сука, позвал кота и, посадив его на плечо, спустился вниз.

– Па, ты супер! У тебя это клёво получилось, – восхитился Серёжа.

– И у тебя получится, – улыбнулся папа. – Я сейчас вернусь на работу, а ты отнеси лестницу и позаботься о Морисе. Через два часа буду дома. Смотри, чтобы всё было хорошо.

Александр Сергеевич предупредил сына не просто так: Серёжа был любознательным и незадиристым мальчишкой, но порой мог сказать такое, что смущало даже выдавших виды людей и ставило их в неловкое положение. То, что он обманул брата, испортив, пусть и на время, вилку системного блока, было его самой безобидной шалостью. Случались и другие безобидные шалости, а были...

Как-то, будучи в гостях у старшей сестры Валентины, Александр Сергеевич вышел во двор покурить. Неподдалёку, на скамейке, сидели молодые женщины, о чём-то увлечённо вели разговор. Одна из них заметно выделялась. И не только своим грубым голосом, но и короткой задиристой причёской, красным мужским галстуком на белоснежной рубашке и сигаретой, словно прилипшей к нижней оттопыренной губе. При этом рот был приоткрыт. Она одновременно и говорила и курила.

Серёжа появился из-за угла дома внезапно, как Чингачгук, с луком в руках.

– Здравствуйте, зенсины, – сказал он.

– Здравствуй, милый, – ответила одна из них. – Ты, никак, на охоту собрался?

– Не-а. Я вот лук смастерил, – Серёжа поднял своё оружие вверх и потряс им.

Тут же он переключил внимание на ту, которая и говорила и курила. Эту женщину Серёжа знал, она работала вместе с мамой, Еленой Петровной, в детской исправительной колонии. Секунд двадцать он разглядывал её и вдруг выпалил:

– Ситана Иванна, а скажите, пожалуйста, вы зенсина или мусина.

– А что, по мне не видно? – удивилась Светлана Ивановна.

– Не-а, – усомнился Серёжа. – Вы курите. А курить должны мужчины.

Женщины едва сдерживали смех. Светлана Ивановна чувствовала себя неловко и постаралась прогнать назойливого мальчишку:

– Вот что, юный мужчина, а тебя не учили, что некрасиво вступать в разговоры взрослых? Шёл бы ты лучше с ребятами гулять.

– Извините, Ситана Иванна, – ничуть не тушуясь, сказал Серёжа, – я, кажется, того... опростовосился.

– Опростоволосился, – поправила его Светлана Ивановна.

– Я так и хотел сказать, да забыл. Как это? Опросто... опростолосился.

Серёжа с неуклюжим достоинством повернулся к женщинам спиной и пошёл к играющим в футбол мальчишкам, бормоча: «Просто... опросто... опростово...»

Александр Сергеевич хорошо помнил этот случай из жизни сына, которому в то время было пять с половиной лет. Сарафанное радио разносило его по всей округе, каждый раз переименовая на свой лад. Теперь Серёжа повзрослел. Но не настолько, чтобы по-взрослому оценивать свои поступки. «Хотя мальчик ещё успеет стать скучным и вот таким, как я, занудой и законником», – подумал Александр Сергеевич. Его уничижительная ирония вызвала бы у коллег-юристов недоумение, так как он был не просто толковым, а талантливым юристом и всегда с честью защищал интересы своей городской больницы. Александр Сергеевич взял со своего рабочего стола мобильный телефон, чтобы позвонить сыну, но тот опередил его.

– Папа, – услышал он голос Серёжи, – ты знаешь, что... Нет, ты только вникни... Наш Максим... Ну это просто супер!..

– Серёжа, скажи внятно, что произошло? – испугался Александр Сергеевич.

– Да всё нормально, па. Помнишь, ты говорил, что без труда не вытащить и рыбку из пруда?

– Помню, – подтвердил Александр Сергеевич, – и что?

– А то, что Максим без труда занял первое место на соревнованиях по самбо. Так и в грамоте написано.

– Что-то я тебя не совсем понимаю. В грамоте написано, что Максим занял первое место без труда?

– Да нет же, папа! В грамоте говорится только о первом месте. А Максим сказал, что он ни разу не выходил на ковёр. В его весовой категории не оказалось противников.

– Так иногда бывает, – сказал Сергей Александрович. – Как с уроками? Кота кормил?

– Кота кормил. И Макс ещё ему добавки давал. Морис сейчас сидит на подоконнике и смотрит, как я играю. Па, он тебе привет передаёт.

– И ему от меня привет. Всё, Серёжа, разговор заканчиваю. Вернусь с работы, чтобы домашние задания и у тебя и у Максима были выполнены. Понял? Вот и хорошо.

2

Время неумолимо двигалось вперёд, оставаясь равнодушным к тому, что и как делал человек, к его страданиям и радостным мгновениям. Серёжины упражнения с котом, а он учил его ходить по канату, увенчались успехом. Как-то кот, одуревший от мальчишеских уговоров «пройтись по канату» и особенно от того, что его, британца, Серёжа называл трусом, неожиданно вскочил на один из двух стульев, к которым был привязан канат, и лихо пробежал по нему. Благо длина каната составляла чуть более полутора метров. Юный дрессировщик от удивления открыл рот, ещё не вполне веря в то, что произошло. Но тут же взял кота на руки, чмокнул его в нос и, захлёбываясь от радости, заговорил:

– Морисик, у тебя получилось, получилось! Ты супер! Талантище!

Талант Мориса оценил и Максим. А брату сказал, что тот вполне может стать дрессировщиком. Сам же Максим решил после окончания девятого класса поступить в строительный техникум. Папа, хотя и вслушивался в разговоры сыновей, но не вмешивался. Он знал, что многое в человеческой жизни относительно.

В недалёком прошлом Александр Сергеевич окончил высшее военно-морское училище и в звании капитана второго ранга в дикие ельцинские времена вынужден был покинуть флот. Вспоминать об этом не любил. У него хватило и силы и воли адаптироваться в обычной гражданской жизни. В те девяностые найти рабочее место считалось делом непростым. Но Александр Сергеевич был классным специалистом-профи в области связи. В совершенстве обладая компьютерными знаниями, он

мог отремонтировать компьютер любой сложности. В Центре занятости населения ему предложили работу в казначействе. Зарплата невысокая, но он согласился, ибо, как говорится, лучше синица в руках, чем журавль в небе. Без отрыва от производства, с отличием, окончил юридический факультет местного института...

То, как кот ходил по канату, сильно удивило Александра Сергеевича. «Значит, не только пулялки-стрелялки в голове сына», – подумал он. А вслух сказал:

– Молодец!.. Я знаю, что ваш класс принимает участие в смотре художественной самодеятельности. Вот и подготовь номер «Кот-канатоходец».

– А что, – загорелся этой идеей Серёжа, – надо попробовать.

Две недели он ходил с котом в школу (Мориса носил в плетёной корзине). Кот привыкал к тому месту, где он будет демонстрировать талант канатоходца. Репетировали они за ширмой, куда долетали голоса школьников, но они нисколько не пугали Мориса. Кот, как и его хозяин и друг, попросту были увлечены интересным занятием и посторонние шумы их не донимали. В результате номер с выступлением кота-канатоходца прошёл под неистовые аплодисменты и восторженные крики зрителей. Он был признан лучшим из представленных номеров.

Серёжа стал одной из значимых фигур в своём классе – и не только. Даже старшеклассники общались с ним как с равным.

Папа и мама от души порадовались за сына. Но Александр Сергеевич не преминул заметить Серёже:

– Ты, конечно, большой молодец! Но на всякий случай помни: будь к делу ближе, а от зазнайства как можно дальше. Эту истину я унаследовал от моего отца и твоего дедушки.

Как-то во время кормления Мориса Серёжа озадачил отца, казалось бы, банальным вопросом:

– Па, а почему Морис равнодушен к кошачьим свадьбам?

Александр Сергеевич замялся, сказал что-то невразумительное в ответ. А Серёжа возьми да и подлей масла в огонь:

– Ладно, па, можешь не говорить. Наш Морис, скорее всего, кастрат. Но я его всё равно люблю.

Серёжа наклонился и погладил кота. В свою очередь Александр Сергеевич, молча взберошил льняную шевелюру сына и ушёл на кухню. «Взрослеем», – только и подумал он.

3

А время всё шло своей дорогой, невидимое, но осязаемое, «меняя мыслей ход и изменяя лица». Вот уж Максим окончил девять классов и поступил в среднюю мореходку на отделение судовождения. Через полгода тяга к учению у него поостыла. Он стал прогуливать занятия. К тому же однажды, потанцевав с девчонкой, повадился ездить к ней на свидания в отдалённый посёлок, где она проживала.

Александр Сергеевич узнал о проделках сына от его классного руководителя. В душе сразу повеяло холодом. Появилась боль в сердце. Врач районной больницы определил у него стенокардию. Кроме выписанных лекарств, посоветовал побольше отдыхать и поменьше нервничать. Но Александр Сергеевич воспринял слова врача как нечто виртуальное и поэтому невыполнимое. Он винил себя в том, что недоглядел за сыном. Вспомнил, как сам уехал поступать в Нахимовское училище. Да, но сам-то он уехал с разрешения родителей. И поступил. А вот дисциплинарные строгости ему не понравились, и он, улучив момент, уехал домой. Правда, по окончании школы, набрав необходимое количество баллов, Александр Сергеевич стал успешным курсантом, а затем и офицером ВМФ... Вечером он tet-a-tet поговорил с сыном. О чём? Это осталось тайной даже для Елены Петровны.

Прогуливать занятия Максим стал гораздо реже. Выправил положение с оценками. Только всё равно радости от учёбы не испытывал. Закончив учебный год, он забрал из мореходки все свои документы и отнёс их в строительный техникум. Объяснил спонтанное решение тем, что всегда любил всякие и разные красивые строения. Ему нравилось наблюдать, как росла возводимая дедушкой Колей дача. Вот, казалось, только-только был положен последний газосиликатный блок, а уж и перекрытие готово и началась установка стропил... Максим не один раз помогал деду и учился у него. В это каникулярное лето Николай Егорович помог внуку устроиться на работу. В местной газете он прочитал, что на летний сезон требуются рабочие по уборке пляжей с оплатой тысяча рублей в день. Позвонил

в офис фирмы и договорился о времени проведения собеседования с Максимом и даже сопроводил внука до дверей офиса.

Александр Сергеевич не противился такому повороту в жизни сына. «Это его выбор», – сказал он себе. То же самое сказал он и Елене Петровне, когда та высказала недовольство поступком сына.

Серёжа к первой зарплате Максима перешёл в пятый класс. Родители определили его в спортивно-оздоровительный лагерь. После ужина Серёжа приходил домой. Благо лагерь находился в полутора километрах от дома. Объяснение этому простое: он скучал, долго не видя Мориса. Да и Морису было скучно без друга. Кот подходил к его тапочкам, обнюхивал, ложился рядом и подолгу лежал, положив голову на их ворсистую поверхность.

Серёжа позвонил дедушке Коле и попросил, чтобы тот забирал его по вечерам домой.

– Мне без Мориса ну никак: и грустно, и неудобно, и сон плохой, – так он аргументировал свою просьбу.

Дедушке оставалось лишь писать расписки, что он забирает внука на ночь и обязуется доставить его в лагерь к восьми часам.

А в один из вечеров папа сказал Серёже, что Морис заболел. Не сказал он лишь о его неизлечимой болезни. Только сын и сам вскоре всё понял. Пять дней Серёжа не отходил от кота. Он и плакал, и сквозь слёзы разговаривал с ним, и умолял Морисика не умирать.

Максим, в свою очередь, просил любимца съесть хотя бы кусочек курочки, но тот не ел и лишь благодарно шевелил ушами. В ночь, на шестое утро болезни, Мориса не стало. Он лежал между кроватями Серёжи и Максима и, казалось, спал. Однако Александр Сергеевич сразу понял, что Мориса среди живых собратьев уже нет. И ещё его удивило то положение, в котором застыл кот. Он как будто отдавал дань уважения своим друзьям Серёже и Максиму уже тем, что лежал на равном удалении от кровати каждого. На глаза Александра Сергеевича навернулись слёзы. Он смахнул их рукавом рубашки, положил бездыханное тело кота в полиэтиленовый мешок и вышел в коридор. Металлическая дверь при этом то ли всхлипнула, то ли скрипнула. Из неё уже никогда не выйдет и больше никогда в неё не войдёт красавец кот. Александр Сергеевич взял из подвального помещения небольшую складную лопату и отправился со своим печальным грузом в сторону морских дюн. В одном из укромных мест, под недавно отцветшей вербой, он похоронил Мориса. «Морис и море», – почему-то подумал Александр Сергеевич. На душе было муторно, тяжело, как после похорон близкого человека. А внизу надрывно шумело море, но человеку казалось, что оно пело какую-то свою зауспокойную песню.

4

Заканчивался май, и заканчивался учебный год. У Максима – в июне, у Серёжи – через два дня. Старший в этот день сдавал зачёт в техникуме. Младший шёл коротким путём домой вдоль железнодорожного полотна. Дойдя до шлагбаума, пересёк шоссе и направился в сторону улицы Крылова, от которой рукой подать до дверей квартиры его четырёхэтажки. На пути Серёжи благоухали сирени. Особенно красивы были фиолетовые и белые цвета. Серёжа непременно сломал бы пару веток для мамы. Но тут он услышал голос котёнка из-под ближайшего куста. В нём звучало какое-то непонятное отчаяние. Серёжа шагнул на голос и увидел его обладателя. Котёнок пытался выбраться из тесной глубокой ямки и не мог. Увидев человека, он испугался и одновременно с надеждой уставился на него удивлёнными голубыми глазами. Серёжа с любопытством разглядывал котёнка и вдруг сказал:

– Морис, это ты?

– Мяу, – услышал он в ответ, – мяу.

– Морисик, выходит, ты заново родился? Я знал, знал, что такое возможно!

Серёжа поднял котёнка и бережно прижал его к щеке. А тот, улучив момент, лизнул его в нос. Такое уже было, когда он впервые увидел Мориса. Серёжа поправил тяжёлый ранец за спиной. Его детская душа сама была как ранец, наполненная радостью.

Серёжа шёл, бережно держа котёнка в руках, и говорил ему:

– Морисик, потерпи. Ещё чуть-чуть, и будем дома. А там... Я угощу тебя твоей вкуснятиной – курочкой.

ГОРЕЛ КАМИН

Рассказ

В тот вечер ветер разгуливал свободно, казалось, он дул сразу со всех четырёх сторон, что противоречило здравому смыслу и наводило на мысль о какой-то невидимой силе, неподвластной для понимания обычного человеческого разума. Он немилосердно молотил по оцинкованной крыше небольшой двухэтажной дачи, где я нашёл своё временное пристанище, убежав от прелестей цивилизации, суеты городской жизни, двухместного холостяцкого неуюта. Здесь, на даче, в непосредственном соседстве с природой, я хотел написать стихи к романсу, да и саму музыку, если повезёт. В углу стоит старенькое, но вполне живое пианино, изготовленное ещё в советские времена на фабрике «Красный Октябрь». Его хозяин и мой стародавний товарищ следил за ним, насколько это было возможно, так как дача по вполне понятным причинам протапливалась не всегда. И уж кому-кому, а музыканту известно, как влияет перепад температур на состояние музыкального инструмента. Сырость, холод – его заклятые враги. В даче, на её первом этаже, благодаря моим стараниям было тепло. Горел камин. Весёлый треск берёзовых дров вплетался в симфонию звуков, творимых ветром. За окнами, в трёхстах метрах от дачи, бушевало море, натужно скрипели старички-тополя у веранды, гроыхала крыша, и этот грохот мешал мне, не давал сосредоточиться. «Видимо, ветер оторвал край листового железа, – подумал я, – надо будет с утра залезть на крышу и починить её».

Я отложил блокнот в сторону, откинулся на спинку кресла, вытянул ноги к огню и закрыл глаза. В голову лезли какие-то мысли, все они были нечёткие, как очертания деревьев в тумане.

Кажется, я задремал, так как не услышал стука в дверь. Голос же, несомненно, молодой и женский, заставил меня вздрогнуть и открыть глаза. Я увидел девушку лет двадцати пяти, может быть, чуть старше. И впервые, по-настоящему, растерялся. Девушка была не просто красивой, она была отчаянно красивой: высокая, в брючном костюме и широкополой шляпе, лицо смуглое и чистое, на которое жизнь не наложила ещё никаких отпечатков. Но в глазах-изумрудах, несмотря на то что они улыбались, жила какая-то тайна, и эта тайна была для меня и для другого постороннего ей человека на семи замках.

Моя прекрасная незнакомка, так мысленно я назвал её, сняла шляпу, и волосы, цвета вызревшего каштана, рассыпались по плечам.

– Валентин Сергеевич, я сяду за пианино? – её слова кое-как добрались до моего сознания.

– Да-да, пожалуйста, – промямлил я. И тут же, недоумевая, спросил себя: с чего это она назвала меня Валентином Сергеевичем? Разгадка пришла сама собой. Огнём каминного лица высвечивалось нечётко, и девушка приняла меня за хозяина дачи.

Между тем её длинные тонкие пальцы уже бегали по клавишам пианино. Какие знакомые, весёлые и одновременно печальные звуки! «Мендельсон, – сказал я себе. Вечно юный и вечно будоражающий душу Мендельсон». Потом были другие мелодии, другие страсти, другие творческие подходы. Я узнавал Гайдна, Брамса, Рахманинова и с удовольствием, уже в который раз в своей, казалось бы, солидной тридцатипятилетней жизни слушал и восхищался их божественными творениями.

В свете тускло горевшей настольной лампы, освещавшей в какой-то мере только клавиши инструмента, фигура незнакомки лишь угадывалась, а густая чернота сентябрьской ночи, незаметно вползшая в комнату и намертво прилипшая к оконному стеклу, создавала иллюзию бестелесности и нереальности. Мне стало казаться, что за пианино никто не сидел, оно в силу своей предназначенности играло само по себе и по воле самой музыки, хаотично разлитой в природе и собранной человеческим гением в величайшие по мысли и чувству произведения. На часы я не смотрел. Сколько прошло времени – час? полтора? – не знал. Больше того, я впервые остро почувствовал то, о чём когда-то сказал поэт: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно». Странно, но, уйдя с головой в мир музыки, я перестал слышать завывание ветра, скрипы тополей и грохот железа. А может быть, сентябрьская ночь умиротворила стихию? Но нет, шумы стали возвращаться ко мне, и я услышал голос незнакомки, оказавшейся вдруг за моей спиной:

– Спасибо, Валентин Сергеевич.

– Не за что, – ответил я, – это вам спасибо. Удовольствие получил несказанное. Вы талантливая пианистка.

Я хотел сказать иначе, мол, вы настолько талантливы, насколько красивы, но посчитал фразу напыщенной, хотя здесь явно просматривалось ниспосланное небом сочетание таланта и красоты.

– Боже! – девушка отпрянула от меня. – Вы не Валентин Сергеевич. Кто вы?

– Я друг Валентина Сергеевича. Здесь нахожусь на отдыхе, то есть на работе, то есть... Мой язык мне не повиновался.

А она смотрела на меня пристально, без лёгкой, пусть даже ничего не означающей улыбки. Удивление светилось в её глазах, таилось в уголках губ. И я никак не мог понять, с чем оно связано. С тем, что я её испугал, или с тем, что она хотела видеть другого человека, возможно, любимого ею. Что ж, Валентин Сергеевич человек достойный. Философ, кандидат наук. Пианино – его хобби. Он и внешне красив, куда мне до него! Но как же так? – тут же мысленно вскричал я, – ведь он женат, у него двое детей! Нет, тут что-то не так. Уж кому-кому, а мне-то известно, как любит мой друг свою Елену.

– Вы мне не верите? – мои губы с трудом разлепились.

– Верю, – девушка, наконец, улыбнулась, и её улыбка заставила ещё сильнее забиться моё сердце, – но я так и не услышала, кто же вы?

– Волошин Александр, – я поклонился незнакомке. – Немного поэт, немного художник. Люблю музыку, иногда пишу её. Словом, любитель во всём.

– Значит, вы любите жизнь, – так, без тени лукавства, обобщила она моё любительство. – Ну а я Мария Полянская, рядовой работник областной филармонии. Играю в оркестре народных инструментов. Домра... Пианино, как вы изволили выразиться, моё хобби.

Она подошла к камину, подбросила в него полено и, наблюдая, как языки пламени лижут берёзовую кору, сказала:

– Люблю сидеть у камина, смотреть на огонь и слушать музыку. Вот вы назвали себя немного поэтом, так?

Я согласно кивнул головой, ещё не понимая сути вопроса. Она же, не давая моей мысли вырваться на простор, потребовала, да-да, не попросила, а потребовала:

– Читайте!

– Что читать? – опешил я.

– Как что? Ваши немного стихи.

Мария села на дубовый табурет у камина и приготовилась слушать.

Я лихорадочно рылся в памяти, искал подходящие стихи и не находил. Все они вдруг стали казаться мне слабыми, незначительными и недостойными ушей прекрасной девушки, сидящей в сумасшедшей от меня близости. В конце концов я решил и прочитал одно из последних стихотворений, написанных в конце минувшего лета.

*Может быть, не совсем потерянный
Этот созданный кем-то мир.
Отчего же в душе растерянность,
Словно он мне не люб и не мил?
Словно нет ни дождя августовского
И нет сумерек в шуме сосен...
Я рассказы люблю Паустовского
И вставать на работу в восемь.
Ты придёшь – ты моя растерянность –
На мой остров, в дождях затерянный.*

Мария слушала внимательно, хотя чтец из меня если не скверный, то плохой. Эту свою особенность я подметил ещё в студенческие годы и впоследствии никогда никому стихов не читал, стеснялся. И вот он мой непредвиденный выход на сцену, без афиш, репетиций и аплодисментов. Вместо оваций Мария ещё ближе подвинула свой табурет ко мне и повторила последние строки стихотворения:

*Ты придёшь – ты моя растерянность –
На мой остров, в дождях затерянный.*

Её широко открытые глаза смотрели мне прямо в душу и неудержимо, неодолимо тянули меня к ней. Со мною никогда ничего подобного не происходило. Ни одна девушка не волновала меня столь сильно в моей прежней жизни. Господи, я уже поделил свою жизнь на прежнюю – до встречи с Марией – и нынешнюю. Ещё вчера я бы никому не поверил, что возможно вот так сразу, без оглядки, нырнуть с обрыва в воду, не боясь удариться головой о дно. А тут нырнул. И не просто в воду, а в любовный омут нырнул. Выходит, зря я сомневался в существовании любви с первого взгляда. Помню, ещё иронизировал по этому поводу над сокурсником. Ответом мне была улыбка, как будто мой товарищ знал, что случится со мной в ветреный сентябрьский вечер. Случилось! Моё сердце побеждено. Оно рвётся наружу, чтобы соединиться с другим сердцем.

Но первый шаг сделал не я, а Мария. Она вдруг привстала с табурета и поцеловала меня в губы. Ей не нужно было объяснять моё состояние. Оно проникло в меня сразу, как только она подошла к камину. Поцелуй был лёгкий и быстрый, как прикосновение бабочки к цветку. Я даже не успел на него ответить. Но всю его прелесть почувствовал сполна: щёки мои вспыхнули и стали пунцовыми, дыхание перехватило, я словно лишился дара речи и только смотрел в зелёные всепонимающие глаза Марии. В свете камина они казались мне луговыми травами, по верхушкам которых катились золотые искры, исчезали в необъятном зелёном просторе и вновь возвращались. Иногда искры, натываясь на невидимые препятствия, взлетали вверх и потрескивали. Нет, это трещали дрова в камине. Пламя, как некое живое существо, надеясь на помощь ветра, стремилось выползти наружу, оно освещало пространство вблизи нас и в меньшей степени – в глубине комнаты. Там отсветы огня играли в какую-то свою игру. Они как будто дразнили ночь за окном, им хотелось втянуть её в игру. Но ночь оставалась верна себе, она жила по своим законам и в своём, отведённом ей, времени.

«Боже, а сколько мне отведено времени? – испуганно спросил я себя. – Вот сейчас она встанет...»

Я невольно вздрогнул и поспешно, в безотчётном порыве, взял руки девушки в свои и поцеловал каждую. Она не сделала ни малейшей попытки отстраниться. Выходит, я ей не безразличен? С приходом этой мысли я почувствовал, что могу говорить. И я сказал, боясь своей смелости, боясь поверить в реальность происходящего:

– Как долго я искал тебя.

В уголках губ Марии появилась всё та же таинственная улыбка, она снова поцеловала меня и снова повторила последние строки моего стихотворения, несколько их изменив: «Я пришла – я твоя растерянность – на твой остров, в дождях затерянный». На её пальце засветилось обручальное кольцо. Почему-то я его заметил только что, и лицо моё сразу одеревенело, скорее всего, стало некрасивым. К сожалению, своё лицо можно ощущать, но не видеть. Мария видела всё. Ничего не объясняя, она сказала:

– Да-да, я замужем. Но твой остров теперь и мой остров. И я всегда буду с тобой, даже если мы не рядом.

До утра мы были вместе. Я не хочу идти против своей воли и воли Марии, описывать всё то, что произошло между нами. Мы любили друг друга так сильно и так нежно, как только могут любить люди, у которых страсть не замешана лишь на одном чувстве обладания. Наши тела растворялись друг в друге, дыхание сливалось, глаза лучились счастьем, а губы шептали самые красивые, самые заветные слова, какие только можно отыскать.

Мне хотелось, чтобы эта ночь длилась бесконечно, я умолял рассвет задержаться.

Но как можно умолить неумолимое? Оно двигалось в пространстве и во времени с заданной несговорчивостью и наконец проникло в комнату в виде бледно-серой полосы. С каждой минутой полоса расширялась, светлела, и вскоре расплывчатые очертания предметов стали отчётливыми и реальными. Ветра не было слышно, он затих или где-то затаился на время. А может быть, я его не слышал по другой причине. Именно потому, что сидел у изголовья самой красивой, самой желанной женщины на свете и любовался ею. Мне нравилось в ней всё: и то, как она спала, лёжа на боку и подложив под голову ладони, и то, как радостно и беспомощно улыбалась в своих сновидениях. Её ресницы подрагивали, они так же пребывали во власти сна, как и волосы, разбросанные на подушке.

Сколько я так сидел, не знаю. Но с первыми лучами солнца, проникшими в комнату, Мария проснулась. Её глаза встретились с моими, и, как бокал наполняется искристым вином, так они наполнились радостью.

– Значит, ты мне не приснился, – прошептала она и тут же то ли потребовала, то ли попросила: – Поцелуй меня.

Мы одновременно потянулись друг к другу, и наши губы слились в долгом, томительном поцелуе. Я ощущал её трепетное, жаждущее ласки тело. И повторилось всё, что произошло между нами вечером.

А потом она ушла, упорхнула, как лёгкий майский вечер. И я снова остался наедине с собой в просторной дачной комнате, но чувства одиночества не ощущалось. Наоборот, сердце моё пело, оно было переполнено неповторимой, непередаваемой словами мелодией. Теперь я знал, что эта мелодия будет сопровождать меня повсюду, она будет всегда в моих делах и поступках.

Я залез на крышу дачи и починил оторванный лист кровельного железа, сложил в штабель лежащие в беспорядке доски и газосиликатные блоки. Хозяин недавно привёз всё это богатство для строительства бани. С немалым старанием и удовольствием наколот берёзовых дров и большую часть сложил в поленницу у гаража, а охапку принёс в дом и растопил камин. Мелодия делала своё дело. Мне не нужно было понукать себя, не нужно было вымучивать из себя то, что до встречи с Марией называл стихами. Они, стихи, складывались сами собой, помимо моей воли. Я пытался положить их на музыку, и попытка почти удалась. Вскоре я повторю её и, уверен, повторю небезуспешно.

Так, в делах и заботах, коротал я день в надежде на скорую встречу с Марией. А он всё равно тянулся медленно, как будто знал что-то такое, чего не должен был знать я или мог узнать, но со временем.

С наступлением сумерек ко мне пришёл знакомый мальчишка с запиской от Марии. «Прости, – писала она, – но прийти не смогу. Приехал муж, и я вместе с ним должна вернуться в город. Ему с утра в командировку. А у нас дочь. Я знаю, ты удивлён. Но успокойся. С мужем я давно не живу. Соседействую. Он в своей комнате, я в своей. Спасибо за всё... Ночь была восхитительной. Люблю тебя. Мария».

Я посмотрел на часы и с досады чертыхнулся. Электричка ушла несколько минут назад. От Сокольников до Зеленоградска, если идти по берегу моря, сорок – сорок пять минут ходьбы. Там я сяду на рейсовый автобус и через час буду в Калининграде. «Но что мне это даст? – тут же спросил я себя. – Ответа не искал. Да он, в силу своей очевидности, и не требовался. – Вот и хорошо! – с лёгкостью сказал я себе», – буду ходить возле дома Марии всю ночь.

«Сборы были недолги» – так поётся в одной из старых песен. Куртку на плечи, дверь на замок и в путь. Вот бы удивилась моя бывшая жена столь быстрой реакции с моей стороны. Она считала меня тугодумом, человеком нерешительным, тяжёлым на подъём. И связывала всё это с моим характером. Определила меня почему-то в холерики и пыталась, как врач-психолог, сотворить из меня то, что ей хотелось. А в результате я ушёл от неё. Как-то утром по радио услышал удивительно мудрую фразу: «Лучше, когда тебя любят за то, что ты есть, а не за то, чем ты не являешься». И эта мудрость решила мою судьбу. К вечеру я оказался там, где сейчас живу. Друзья называют моё жильё холостяцкой конурой. А мне эта конура мила и желанна. Но в данный момент я думаю о другом – не об уединении, а о дороге и о встрече с той, что так внезапно и навсегда вошла в моё сердце.

Нынешняя ночь была резко противоположной прошлой ночи, когда властвовал ветер, море штормило и набрасывалось на берег с какой-то звериной яростью. Сейчас небо прояснилось и сквозь редкие облака светила полная луна. Она освещала мой путь. Успокоившееся море блестело, как чешуя огромной рыбы и казалось неопасным и ласковым. Я иду и представляю себе, как буду ждать заветного утра, а вместе с ним такой желанной встречи с Марией. Я ещё не знаю, как это произойдёт и какие слова скажу ей. Я ищу эти слова и найду их, если они существуют в природе. А может, они сами собой скажутся в момент встречи. Но прежде я куплю у ранних торговков розы. Я куплю их на все оставшиеся деньги. Что деньги? Я отдал бы всё, что у меня есть, лишь бы видеть светящиеся радостью небесные глаза Марии. Свет её глаз, как магнит и как маяк, который уже никогда не позволит мне заблудиться в огромном океане жизни.

Берега культуры и искусства

Бэлла Пак

БЕСЕДА С КНЯЗЕМ Н. Д. ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ

об американском периоде жизни, путешествиях, национальной кухне, жизни в Оксфорде, здоровом питании (24.01.2020)

Б. П.: Никита Дмитриевич, хотела бы поговорить о том, какие для Вас были самые важные годы в жизни? Самые значительные изменения?

Н. Д.: Самые важные годы в моей жизни были и в ней произошли изменения, когда я эмигрировал в 1953 году из одной политической системы и очутился в другой, где пришлось развивать другие навыки, другой подход к жизни. От скрытой и лживой к открытой и свободной. Со временем и с возрастом, пока я проживал на Западе, у меня появились внутренние изменения, как например, толерантность.

Б. П.: В каком возрасте развилась толерантность?

Н. Д.: Постепенно проявлялась, начиная с сорока лет.

Б. П.: Судя по Вашей биографии, Вы были очень активны в молодости.

Н. Д.: Да, я жил очень активной жизнью. Я на тридцать процентов работал больше, чем мои коллеги. У меня было очень много энергии и воли для того, чтобы «вкальывать». Воля родилась через спорт. Я научился заставлять себя работать. Например, полёт из Европы в Сан-Франциско, как Вы знаете, занимает одиннадцать часов. Я всегда летал первым классом. На «Boeing 747» на верхнем этаже есть салон, где можно сидеть и работать. Все свои отчёты я писал в самолёте. Приехав на работу, я сдавал отчёты машинистке и тут же включался в текущую работу. В отличие от коллег, которые выпивали на халяву и тусовались в самолёте. Вернувшись, проводили целый день в написании отчётов. Так что я мог работать и в ресторане или в поезде. Была способность выключиться и сосредоточиться.

Б. П.: Это, и правда, неординарное явление: после двадцати часов нахождения в самолёте и смены часовых поясов даже самые стойкие нуждаются в длительном отдыхе и восстановлении. Ведь циркадные ритмы организма очень нарушаются при таком неестественном образе жизни.

Н. Д.: К счастью, когда летишь на запад, утром вставать легко. Зато вечером рано тянет ко сну.

Б. П.: Можно ли сказать, что этот период был, наверное, пиком Вашей карьеры в банковской сфере?

Н. Д.: Да, несомненно. Когда я переехал в Лондон, ритм работы снизился, как и диапазон деятельности.

Никита Дмитриевич (справа).

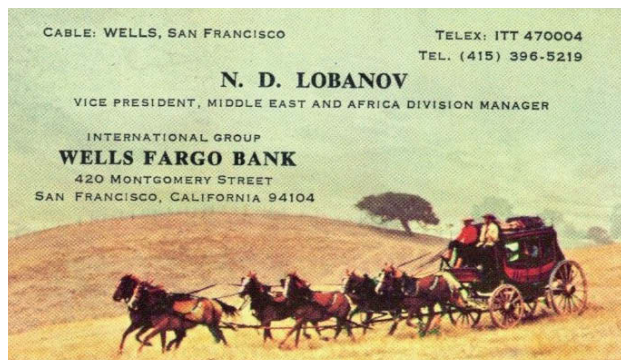
Подписание соглашения о долгосрочном кредите алжирской нефтяной компании Sonatrach. 1971 г.

Б. П.: Не могли бы Вы рассказать о Вашей работе?

Н. Д.: Работая в банке, я способствовал одалживанию денег государствам и компаниям. В 1960–1970-х годах США были экспортёрами капитала. На подобие Китая сегодня. Европа и Восток развивались. Им нужны были деньги для финансирования развития. Мне повезло быть «ростовщиком в эту эпоху», я занимался востребованным делом. В Алжире мы финансировали закупку зерна из Соединённых Штатов. В Касабланке (Марокко) – экспорт овощей в Европу. В Каире (Египет) и Хартуме (Судан) – экспорт хлопка в Европу и США. В Анкаре (Турция) – экспорт табака в США и импорт нефти. В Теге-

Поездка в Буэнос-Айрес. 1960 г.

Визитка. 1974 г.

ране (Иран) – строительство стального завода. В Кении – экспорт табака. В Южной Африке – импорт нефти. В Камеруне – покупку американских самолётов. И многое тому подобное.

Б. П.: Конечно, Вы очень много работали. Но ведь были и прелести такой жизни, доступные только очень состоятельным людям?

Н. Д.: Конечно, были. И я с радостью их воспринимал. Но было мало времени ими пользоваться.

Б. П.: Ну, например, где Вы отдыхали? Были ли какие-то излюбленные места? Как Вы проводили время на отдыхе?

Н. Д.: Отдыхали мы так же, как и сейчас. В феврале на тёплом море, на Гавайских и Карибских островах, в Таиланде и Малайзии. В сентябре на море в Европе, в Сардинии, Сен-Тропе, Калабрии. В июле – в горах Швейцарии, в Гштаде, где в это время по вечерам проходит музыкальный фестиваль Менухина.

Б. П.: А у Вас нет ностальгии по тем временам? Это удивительно красивые, киногеничные, даже гламурные времена. По крайней мере, так они видятся нам отсюда. Можно хотя бы вспомнить, как потрясающе выглядели ретростюардессы компании «Pan-American». Исключительно привлекательные, с широкой улыбкой, у них были элегантные наряды, они заботились о том, чтобы ваше путешествие стало незабываемым.

Н. Д.: Удобство дальних рейсов на PanAm незаменимо. На ночном рейсе из Тегерана в Нью-Йорк можно было спокойно заниматься интимностью. Стюардесса даже поправляла одеяло, если оно упало во время деятельности. Ностальгии нет, ибо из-за возраста тот образ жизни мне недоступен.

Б. П.: А Вы не скучаете по той жизни, когда Вы были помощником вице-президента Bache & Co в Нью-Йорке, вице-президентом Wells Fargo Bank в Сан-Франциско, а также возглавляли его отделения в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке? И в Ваших руках была сосредоточена огромная власть и возможности влиять на события в мире.

Джун и Никита. Сен-Тропé, 2010 г.

Никита верхом. Патагония, 1960 г.

*Тедди Доу, князь Никита Лобанов-Ростовский,
сэр Филипп Оппенгеймер*

кратно посещали СССР по делам банка, сотрудником которого Вы были, и встречались с высшими государственными чиновниками страны.

Н. Д.: Да, сначала по банковским делам, а затем семь лет – по алмазным.

Б. П.: Не могли бы Вы рассказать о наиболее запомнившихся Вам делах и встречах?

Н. Д.: Помнится следующий случай, связанный с алмазами. В пятилетнем договоре между Гохраном и «Де Бирс» указывалось, что девяносто процентов произведённых в СССР алмазов «Де Бирс» обязуется покупать по определённой цене. Эта формулировка была необходима при формировании пятилетних экономических планов СССР, из которых правительство точно знало, на какое количество валюты от «Де Бирс» оно может рассчитывать на этот срок. Никакая другая компания не могла бы подписать такой контракт, ибо стоимость алмазов, как и стоимость нефти, резко меняется со временем. Но «Де Бирс», который находился в собственности семьи Оппенгеймеров, мог брать такой риск, ибо им не приходилось отчитываться перед акционерами. Но главное, Оппенгеймеры были монополистами в торговле алмазов, контролировали их стоимость, держа в запасе алмазы стоимостью четыре миллиарда долларов. К тому же «Де Бирс» производил пятьдесят процентов мировой добычи алмазов. Гохран периодически – через свои каналы – продавал алмазы на мировом рынке с целью проверить, платит ли «Де Бирс» им правильную цену. Однажды Гохран уведомил Оппенгеймера, что через месяц-два он продаст на рынке часть своей десятипроцентной доли. Оппенгеймер письменно ответил, что считает решение неразумным, ибо предвидится падение цен на алмазы. Я присутствовал на заседании «Де Бирса» в Гохране, где сотрудники Гохрана сообщили сэру Филиппу, что они потеряли три миллиона долларов на этой сделке. Тим Кейпон, адвокат Оппенгеймера, присутствовавший на совещании, заметил: «Но мы ведь предупредили вас этого не делать». Сотрудники были сконфужены. Сэр Филипп вынул свою чековую книжку и выдал Гохрану в подарок чек на один миллион долларов, говоря, что он очень сочувствует их неудаче и надеется, что его жест поможет смягчить досаду. Когда мы вышли на улицу, я не удержался и спросил сэра Филиппа, почему он им подарил миллион долларов в компенсацию ошибки, которую они сделали против его совета. Сэр Филипп снисходительно улыбнулся и ответил: «Я привык работать с этими людьми в последние пять лет. В основе нашего дела лежит лояльность и долгосрочное сотрудничество. Я не стремлюсь к временным заработкам. Все разговоры на наших заседаниях прослушиваются и потом обсуждаются с начальством. Я бы не хотел, чтобы сотрудники, которые участвовали в этой продаже, были уволены, потому что тогда мне придётся заново налаживать отношения с их заменой».

Б. П.: Видела Ваши фотографии того времени. Вы выглядите на них будто с обложки GQ (журнал для светских мужчин). Консервативный костюм, со вкусом подобранный галстук, чисто выбритое лицо, безукоризненная причёска, волосок к волоску. Выглядите процветающим, как и подобает главе важного отделения ведущего западного банка; само воплощение авторитета, мужественности, энергии, интеллекта и знания рисков. Глядя на Ваши фото того времени, можно почувствовать корпоративную культуру, в которой Вы жили. Ведь это деятельность, требующая высочайшего профессионализма и колоссального нервного напряжения, что связано с высокими ставками,

Н. Д.: Я не скучаю по интенсивной деловой жизни, ибо насытился этим аспектом бытия. Главное, чем я жил, это собирательство русской театральной живописи. Работа, это было средство для его осуществления.

Б. П.: О каких наиболее запомнившихся и ярких эпизодах из Вашей жизни Вы могли бы рассказать?

Н. Д.: Их очень много. Приезд в Париж в 1953 году. В Оксфорд в 1954-м. В Нью-Йорк – в 1958-м. В Аргентину – в 1960-м. В Сан-Франциско – в 1974-м. В Лондон – в 1979-м. Все эти даты связаны с жизненными эпизодами, описанными в моих предыдущих пяти книгах.

Б. П.: Вы писали, что после 1970 года много-

с необходимостью жёсткого контроля над рисками других людей, с противостоянием своим собственным рискам, не так ли?

Н. Д.: Одалживание банковских денег тогда было одной из наименее рискованных профессий. Решения одалживать крупные суммы делаются коллективно. Основаны на изучении кредитоспособности клиента. Банковские законы обязывают банки не брать необычных рисков. Например, американским банкам не позволяется одалживать клиентам сумму, превышающую десять процентов капитала банка. Конечно, это не значит, что не было случаев, когда в руководстве того или иного банка это правило нарушалось, из-за чего происходила реорганизация банка, чаще всего посредством его покупки либо государством, либо конкурентом.

Б. П.: Но это, наверное, по-своему и очень обольстительный мир с дизайнерскими офисами, клубами, дорогими автомобилями, одеждой, напитками, идеальными корпоративными мирами.

Н. Д.: Да, конечно, это абсолютно так, во всех крупных компаниях и банках. Это минимальная компенсация за «стахановский» труд, который вкладывают высшие руководители банков и корпораций. И конечно же, это реклама благосостояния организации. Например, в штаб-квартире в Сан-Франциско «Bank of America», в высотке, облицованной гранитом, на каждом из пяти этажей, посвящённых отделам пяти континентов, есть маленький музей, отражающий культуры стран этих континентов. В Нью-Йорке в банке «Chase Manhattan» выставилась часть коллекции живописи хозяина Дэвида Рокфеллера, а перед входом стоит большая скульптура Жана Дюбюффе (Jean Dubuffet).

Б. П.: Возглавляя отделения банка в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке, Вы массу времени проводили в перелётах, не так ли? Какая Ваша любимая авиакомпания? Какой Вы чаще летали?

Н. Д.: Из Сан-Франциско в Европу и в Азию я летал на PanAm, «Pan-American», рейсом 001. Это был кругосветный рейс. Самые длинные полёты у меня были в Тегеран через Европу – восемнадцать часов. Можно было лететь и на восток через Тихий океан. Полёты в Тегеран обычно были с остановкой в Каире или Бейруте. На этом рейсе можно было выйти на промежуточных посадках, проводить там день-два и затем лететь дальше. Так было, по крайней мере, в те времена.

Б. П.: Речь, конечно же, идёт о знаменитых рейсах PanAm 001 и 002? Я читала, что на рейсах предлагалось поистине роскошное обслуживание, особенно в салоне первого класса.

Н. Д.: В те времена не было политкорректности. Стюардессы были все красивые, не более тридцати лет, элегантные, с прекрасной фигурой и макияжем. Перед взлётом они подавали напитки в белых перчатках. Бортпроводники запоминали имена пассажиров, чтобы обращаться к ним индивидуально. А после взлёта предлагали аперитив, вина и хорошее французское шампанское в серебряном ведёрке для льда на тележке. Представьте, звон льда в хрустальных бокалах. Стол каждого пассажира в первом классе был накрыт индивидуально: матерчатые скатерть и салфетки, серебро, винные кубки, маленькие хрустальные солонки и перчатки.

Б. П.: Это так контрастирует с сегодняшней общей ситуацией, и сервис на борту авиалиний изменился! Гламур, старания сделать путешествие на самолёте незабываемым, к сожалению, теперь в прошлом. Экипажи, как правило, игнорируют пассажиров, кроме как во время подачи еды.

Н. Д.: Да, конечно, массовый авиатризм радикально изменил стоимость перелётов и соответствующее обслуживание на борту. Сегодня из Стамбула в Лондон можно полететь за сорок пять евро без всякого обслуживания с восьмью килограммами ручной клади. Эта стоимость равняется ужину с вином в среднем ресторане в Лондоне

Никита Дмитриевич. Куба, 2000 г.

Джордж Ассейли и Никита. Бейрут, 1974 г.

Кладбище напротив гостиницы La Sirenuse, Positano. Могила Курбан Сауда. 1995 г.

Асейли, глава Ливанского союза предпринимателей, хозяин магазина белья «Dome-Tex» и партнёр ливанского банка «Schroeder-Asseilly». Он был женат на Саше, первой супруге сэра Иэна Рэнкина, который был вторым супругом моей теперешней супруги Джун. Мы все дружили, и я у них останавливался на выходные. Второй причиной было то, что в мусульманском мире пятница – выходной день, а в остальном мире выходные – суббота и воскресенье. Мне приходилось терять три дня в Бейруте, вкушая вкуснейшую пищу, общаясь с многонациональной компанией и купаясь в тёплом море. В Каире я всегда останавливался в ныне старой гостинице «Хилтон». Она находится напротив Национального музея. До деловых встреч, с 9:00 до 10:00, я переходил улицу и проводил час в музее. В это время было мало посетителей, и за три-четыре дня я с большим интересом и удовольствием общался с изумительной египетской античностью. Тегеран меня привлекал тем, что там проживало много друзей из Европы, как Амадео де Франкис, шарже д'аффер посольства Италии, большой коллекционер ковров; Франко Серсале, ныне хозяин гостиницы «La Sirenuse» в Амальфи в Италии, коллекционер восточного антиквариата; Джейми Хаусгоу, супруга корреспондента газеты «Financial Times» и сооснователя клуба коллекционеров ковров в Тегеране вместе с художником Парвизом Тановоли и коллекционером Фарманом Фармаяном. Дружеские отношения с премьер-министром Джамшидом Амосагаром дали возможность нам с первой моей супругой Ниной побывать на многих интересных мероприятиях.

Б. П.: 1970-е – это Бейрут в период расцвета, до того как разразилась война. По сохранившимся видео и фото того времени видно, что в своё время это было роскошное место, совершенно неотразимый город, где можно было увидеть массу восхитительных вещей.

Н. Д.: Да, в те времена Бейрут был городом, где отдыхал весь мусульманский мир. Половина населения была арабская, разговорный язык – арабский и французский. Здесь все пожелания плоти были доступны и законны в изобилии. Бейрут – это интересное сочетание. Это город на берегу моря у подножия гор. Зимой в тот же день можно съездить на день на машине в горы покататься на лыжах, после чего спуститься и искупаться в море.

Б. П.: Я слышала, что англичане любили проводить время в Бейруте.

Н. Д.: Да, накануне израильского вторжения 1973 года Ливан был интереснейшим местом. Страна с процветающей экономикой – после достижения баланса между её многоконфессиональным населением – христианами, коптами, шиитами, суннитами, друзами. Ливан был толерантной страной. Город являлся центром шпионажа на Ближнем Востоке. Там было приятно жить из-за климата, многонациональности населения, вкусной пищи и недорогой прислуги.

Б. П.: А вот, вообще, как Вам кажется, для людей, которые выбирают жить в таких странах Ближнего Востока, как, в частности, Бейрут, – это потребность в адреналине, наверное? Жажда острых ощущений? Нравится оставаться в зоне риска и опасности?

или Париже. Тридцать лет тому назад стоимость такого же авиабилета равнялась месячной зарплате младшего сотрудника банка в Нью-Йорке. Конечно, на рейсах первого класса Турецких или Сингапурских авиалиний или авиалинии «Qatar Air», на который билет стоит в восемь-десять раз дороже, чем билеты туристического класса, проводники стараются угодить пассажирам, беспрерывно угощая их напитками и харчами. Из-за политкорректности западным авиакомпаниям невозможно выпендриваться перед пассажирами первого класса – нанимать только красивых стюардесс и уделять персональное внимание и обслуживание пассажирам.

Б. П.: Вы могли, наверное, приземляться в Гонолулу, Токио, Гонконге, Бангкоке, Дели, Бейруте и Стамбуле, прежде чем вернуться в Сан-Франциско? Но чаще вы ходили в Каире, Тегеране и Бейруте? В каких городах подолгу останавливались?

Н. Д.: Да. Я часто останавливался в Бейруте. По двум причинам. Во-первых, там проживал Джордж

Н. Д.: Нет, опасности в те времена в Бейруте не было, было очень приятно жить. И жили из-за того, что те люди, которым нужен люкс, в Европе его не могли даже купить, в отличие, скажем, от Гонконга. Что значит люкс? Нет в Европе гостиницы, в которой вы можете позвонить лакею в три часа утра и попросить его выгладить ваш белый смокинг, потому что вы идёте в игровой зал. Или почистить ваши ботинки в это же время. Люкс существует только в Сингапуре, в Гонконге и, конечно же, в Индии! И для многих, которые любят хорошую пищу и люкс, Бейрут был идеальным местом. Море. А через полтора часа на машине вы в горах, где можно кататься на лыжах.

Б. П.: *Красивые женщины, наверное?!*

Н. Д.: Обилие красивых женщин разных национальностей! А также и чудная прислуга, и очень хорошая пища. Хозяева хвастались своими дворецкими из Судана.

Б. П.: *А пища напоминает турецкую?*

Н. Д.: Да, конечно. Весь Ближний Восток и Северная Африка до сих пор основаны на турецкой кухне.

Б. П.: *Но турецкая кухня, мне кажется, несколько грубоватая.*

Н. Д.: Никак нет. Её кушает вся Северная Африка, весь Ближний Восток и Балканы. Турецкая пища считается одной из четырёх мировых кухонь.

Б. П.: *Вы сказали, одна из четырёх, а остальные три?*

Н. Д.: Китайская, французская и русская.

Б. П.: *У меня была французская поваренная книга. Я удивилась, насколько у нас много блюд из французской кухни. А может быть, это у них от нас?*

Н. Д.: Я думаю, что французская кухня повлияла на русскую через нашествие Наполеона. После поражения 1812 года в России осталось огромное количество французов. Как вы помните, дед Александра Бенуа приехал в Санкт-Петербург в качестве повара.

Б. П.: *А Вам какая кухня больше всего по сердцу?*

Н. Д.: Больше всего мне подходит тайландская пища. Если бы мне нужно было нанять повара или кухарку, я бы нанял тайландского повара.

Б. П.: *У них много карри, да?*

Н. Д.: В основном это островатая пища, но зато очень разнообразная. Основана на морепродуктах, арахисе, кокосовом орехе и сладковатом соусе.

Б. П.: *Я понимаю, что Вы много знаете о здоровом питании. А какие фрукты Вам можно есть?*

Н. Д.: Мне можно есть голубику. Потому что сахар в голубике медленно усваивается организмом. Других фруктов я не ем из-за высокого содержания сахара, за исключением кислых зелёных яблок.

Б. П.: *А что ещё Вы едите. Например, на завтрак?*

Н. Д.: В основном семечки и орехи. Я толку грецкие орехи и семечки подсолнуха и тыквы. А иногда и миндаль или лесной орех. Я кладу эту смесь в йогурт с черникой. Обычно я использую нежирный так называемый греческий йогурт.

Б. П.: *Понятно. В Болгарии, где Вы родились, йогурт, наверное, очень хороший?*

Н. Д.: Болгария – родина йогурта. Он изготавливается на основе закваски из *bacillus bulgaricus*, которые придают ему особые качества для улучшения биома желудка. Так что йогурт – это основа болгарской национальной кухни.

Б. П.: *А хлеб Вы едите?*

Н. Д.: Нет, не ем.

Б. П.: *Вам даже чёрный хлеб нельзя?*

Н. Д.: Нельзя. Конечно, ржаной хлеб лучше пшеницы, но оба содержат сахар.

Б. П.: *Очень у Вас строгая диета. Но поэтому и прекрасно выглядите.*

Н. Д.: Прекрасно бы я не сказал, но, по крайней мере, ещё жив.

Б. П.: *Выглядите замечательно. Видела фотографию, которая была сделана пять-шесть лет назад. Вы не изменились совсем. А погода в Лондоне? Похожа, наверное, на московскую летом?*

Н. Д.: Нет, здесь очень редко бывает жара. У нас нет, например, кондиционера дома.

Б. П.: *Нет необходимости?*

Н. Д.: Летом в Лондоне бывает жарко. У нас дом выходит окнами на две стороны – север и юг. Мы открываем окна с двух сторон, и получается сквозняк, который навевает прохладу. С обеих сторон мы окружены деревьями и растительностью, которые дают тень.

Б. П.: Никита Дмитриевич, помню, Вы говорили, что в студенческие годы в Оксфорде от недоедания ходили в чайную, где сахарница стояла на столе, и в чай можно было добавлять сколько угодно сахара. В полной чашке чая можно растворить равное по объёму чашки количество сахара. Это поэтому у Вас диабет?

Н. Д.: Я не знаю, от этого ли. Диабет у меня обнаружили лет двенадцать тому назад. Случайно, когда мне сделали анализ мочи, когда я пошёл записаться в местную поликлинику. Может быть, он был у меня и раньше. Может быть, он появился по следующей причине. Лет двадцать тому назад в газете «Таймс» я прочитал статью на половину полосы, как один английский учёный задал себе вопрос, почему пчёлы не чихают. Они же всё время в пыльце возятся. Он подумал, что, так как мёд происходит из тела пчёл, то, может быть, он содержит то, что позволяет пчёлам иметь иммунитет к пыльце. Он отобрал двадцать студентов. Половине он давал ежедневно большую ложку непастеризованного меда, а другой половине глюкозу, похожую на мёд. Через три месяца выяснилось, что более пятидесяти процентов студентов, принимавших мёд, были менее подвержены весенним аллергиям. Так как я долгие лета страдал весной от сенной лихорадки, я стал каждый день принимать одну столовую ложку непастеризованного мёда. Его мне приходилось покупать у частников, ибо непастеризованный мёд запрещено продавать в магазинах. За год я навсегда вылечился от весенней аллергии. Но зато, может быть, развил у себя диабет.

Б. П.: Вы же долго жили в Сан-Франциско?

Н. Д.: Четыре года. Сан-Франциско очень красивый город. Расположен живописно. Из нашего дома открывался вид на бухту. После ужина я курил сигару у окна и смотрел на все лодки и корабли в проливе. Чудный вид! Вообще замечательный город. Эстетически там очень приятно жить.

Б. П.: Калифорнию ещё называют «Штат Эйфория». Так как жизнь там нереально хороша.

Н. Д.: Сан-Франциско настолько привлекательный город, что в банке мы получали по крайней мере двадцать заявок в день от людей, готовых работать у нас в Калифорнии бесплатно. Лишь бы было интересное занятие. Как вы знаете, в Сан-Франциско климат и температура почти не меняются с сезонами. Холодный воздух с Тихого океана каждое утро окутывает город прохладным туманом, который поднимается с восходом солнца, унося с собой загрязнённый воздух. Это подобно явлению в Крыму, где вертикальный поток воздуха постоянно чистит атмосферу. В Сан-Франциско не нужно иметь пальто. Из-за этого в международном отделе банка сослуживцы, которые ездили за рубеж, получали добавочные средства на покупку зимней или тропической одежды. Сан-Франциско славится качеством своих двух японских ресторанов, которое равняется высококачественным ресторанам Токио, и обилием разнообразной китайской кухни – от острой из Сезуана до льготной из Кантона. К этому надо добавить первоклассные белые и красные вина, не уступающие ведущим французским.

Б. П.: Я была в Беркли на конференции. Маленький город, но там есть всё. И красивый кампус университетский, и библиотека чудесная. Но есть угроза землетрясения. Люди как-то к этому спокойно относятся. Но я поняла, что Вам не очень там нравилось?

Н. Д.: Всё надо понимать в контексте. Относительно говоря, Сан-Франциско – провинциальный город по сравнению с Нью-Йорком. Потом, все наши друзья были в Нью-Йорке. Нам пришлось создавать новый круг друзей. Для супруги Нины это было гораздо труднее, потому что я был занят целый день, а она не работала. Она потеряла своё место в журнале «Ридерз Дайджест», у которого не было отделения в Сан-Франциско. «Ридерз Дайджест» – самый большой ежемесячный журнал в мире: тираж два миллиона.

Б. П.: А что было, по-вашему, самым сложным в Вашей жизни?

Н. Д.: Побег.

Б. П.: Побег был труднее, чем преодоление себя в Оксфорде?

Н. Д.: Побег был труднее, потому что я зависел от обстоятельств, которые я не контролировал.

Б. П.: Как бы Вы сравнили Оксфорд и Кембридж?

Н. Д.: Оба – старинные университеты. Кембридж – более красивый. В нём акцент больше на науку, чем на гуманитарные науки. В нём больше лауреатов Нобелевской премии. Оксфорд же славится старейшим музеем живописи в Великобритании, богатством библиотек, многонациональной студенческой средой, более удобным и быстрым доступом к Лондону. Как центр гуманитарных наук, он всегда был источником воспроизводства политической элиты Великобритании.

Б. П.: Спасибо Вам, Никита Дмитриевич!

Берега культуры и искусства

Александр Ралот

Александр Викторович Петренко (псевдоним – Александр Ралот) – краснодарский прозаик, публицист и краевед. Автор 20 электронных книг и 15 бумажных. Публиковался в периодических изданиях: литературно-художественных журналах «Берега», «Южная ночь», «Земляки», «Метаморфозы», «Созвучие» (Беларусь), «Зарубежные задворки» (Германия), «Новый континент» (США), «День литературы», русско-новозеландском вестнике «Наша Гавань», «Планета писателей», альманахах «Чайка», «West US» (США), «Что есть истина?». Победитель конкурса «Золотое перо Руси».

ЗА СЛУЖЕНИЕ РОССИИ К СМЕРТНОЙ КАЗНИ ПРИГОВОРИТЬ!

Рассказ

1812 год. Российская империя

– Уважаемый господин Кваренги, боюсь, у меня для вас дурные вести. – Чиновник итальянского посольства переминался с ноги на ногу, боясь переступить порог дома архитектора.

Хозяин указал гостю на венский стул:

– Да проходите уж, не стойте как истукан. Что там стряслось на нашем достопочтенном Апеннинском сапоге?

– Извольте ознакомиться и расписаться в получении. – Продолжая стоять, гость протянул Джакомо Кваренги конверт. – К сожалению, задерживаться не могу, в столице итальянцев немало, и мне надобно каждому лично вручить подобное послание. Вынужден также сообщить, что наше посольство уже завтра ждёт от вас ответ, ибо дело сие чрезвычайной важности и задержка недопустима.

Поняв, что гость к долгой беседе не расположен, архитектор распечатал конверт и быстро ознакомился с содержанием.

«...Всем итальянцам, состоявшим на русской службе, приказано вернуться в Италию... в случае отказа каждый ослушавшийся будет незамедлительно приговорён к смертной казни, с конфискацией имущества!.. Король Италии».

Хозяин дома отвлёкся и хотел что-то сказать посетителю, но того уже не было. Лишь громкий стук входной двери засвидетельствовал, что чиновник ретировался по-английски, поспешно и не прощаясь.

Джакомо подошёл к окну, долго смотрел на проезжающие внизу кареты и спешащих по своим делам людей разного чина. Затем кликнул супругу Анну Катерину Конради. Когда женщина вошла, протянул ей королевский вердикт:

– Что скажешь, дорогая? Как поступим? Будем паковать дорожные баулы или останемся?

– Последнее слово всегда за вами, мой господин, – молвила Анна. – Господь всегда посылает нам испытание по силам нашим. Вспомните, как девятнадцать лет назад во время родов покинула этот бренный мир ваша первая жена. И на вашем попечении осталась новорождённая девочка и четверо малолетних детей. Вы тогда покинули Россию, перебрались в Бергамо, но всё же через два года вернулись. По всему выходит, ваша Родина отныне здесь и, полагаю, уже навсегда, ибо правитель Италии слов на ветер не бросает. Окажетесь в его владениях, велит казнить без всякой жалости.

– Я тебя услышал, спасибо. А теперь ступай, мне надобно подумать.

Кваренги, покашливая и кряхтя, опустился на стул. Прожитые годы брали своё.

– Сделай милость, принеси мне кьянти. Нет, лучше завари кофе. Сейчас мне потребна трезвая голова.

* * *

Оставшись один, архитектор предался воспоминаниям. Перед глазами пронеслись годы далёкой юности, споры с отцом Антонио по поводу выбора профессии. Старший Кваренги настаивал, чтобы сын не смел нарушать семейную традицию. В случае если родятся три сына, два из них должны принять сан священнослужителя. А он, Джакомо, младший, второй. Обязан пройти курс обучения в известном в Бергамо коллеже «Милосердие», а затем облачиться в рясу.

«...не могу достаточно выразить отвращение, с которым я предавался таким занятиям. Но не буду отрицать, что в курсе риторики я чувствовал особенную склонность к поэзии и что мне до крайности нравились три изящнейших латинских поэта – Катулл, Тибулл и более всех Аергилий, из которых я перевёл в итальянских стихах несколько произведений... но склонность, сильно влёткая меня к художествам, не позволявшая, чтобы я стал ни поэтом, ни философом, ни духовным лицом, была причиною того, что я извлёк мало или совсем не извлёк плодов из таких упражнений».

В конце концов родитель сдался. Видя, как его наследник всецело увлечён изобразительным искусством, отправил его учиться рисованию у лучших художников города Бергамо Паоло Бономини и Джованни Раджи.

Но юный бунтарь на этом не успокоился. Утверждал, что манера их преподавания – устаревшая!

– Раз тебе и это не по нраву, остаётся одна дорога – в монастырь Сан-Кассино! – Отец в гневе стукнул кулаком по столу. – Примешь обет послушания и будешь всецело служить господу нашему Иисусу Христу.

– Отпусти меня в Рим. Там есть люди, у которых можно получить хорошие знания в области живописи и архитектуры. Обещаю, семью не подведу и фамилию не опозорю.

Настойчивость юноши была столь велика, что отец, немного поколебавшись, всё же сдался.

* * *

Архитектор открыл глаза и посмотрел на чашку с ароматным напитком. Супруги рядом не было. Она прекрасно понимала состояние мужа и, принеся кофе, тихо вышла из комнаты.

Джакомо попытался вспомнить, как пахнет кофе в далёком Риме, но не смог, а потому, закрыв лицо руками, вновь предался воспоминаниям.

«Аббат Торп познакомил меня со знаменитым меценатом Редзониго. И тот не побоялся заказать у меня проект церкви в Субиако.

Проблема была в том, что её надо было не построить с фундамента, а переделать уже имеющееся здание, причём изменения должны были быть минимальными.

Пришлось изловчиться и создать новый храм внутри уже существующего».

* * *

За тридцать три года до описываемых событий.

Санкт-Петербург.

Кабинет императрицы Екатерины Второй

Царица окунула в чернильницу острозаточенное перо, а затем начертала на чистом листе бумаги: «Италия. Рим. Барону Фридриху Гримму.

Мой любезнейший друг, не соблаговолите ли в кратчайший срок подыскать двух хороших архитекторов-итальянцев для работы в России. Ибо строительство затеваю масштабное, дабы держава наша не хуже иных европейских стран вид достойный имела!»

* * *

Хозяин дома в два глотка выпил ароматный напиток и поставил чашку на стол. Вспомнил, как, почти не колеблясь, принял предложение императрицы северной страны, как долго добирался через Крым до столицы огромного государства, как приступил к своей первой работе, перестройке дворца Её Высочества на реке Язуе. Затем были православные церкви в Царском Селе, Павловске и Пулкове, Английский дворец в Петергофе, Эрмитажный театр на Дворцовой набережной, реконструкция покоев царицы в восточной части Зимнего дворца.

«Мальтийская капелла при Воронцовском дворце. Это уже при правлении её сына Павла Первого, который и присвоил мне звание Архитектора высочайшего двора и капитула ордена святого Иоанна Иерусалимского. Потом было строительство Смольного института. Это уже при нынешнем самодержце Александре Первом...»

Его воспоминания прервал звон убираемой посуды.

– Так мы остаёмся или нет? – еле слышно произнесла супруга.

– Моя Родина отныне и до скончания дней – Россия, – ответил архитектор и, опираясь на стол, поднялся с места.

* * *

Два года спустя Джакомо Кваренги получил потомственное российское дворянство и за выдающиеся заслуги был награждён орденом Святого Владимира первой степени.

* * *

Архитектор тихо скончался 2 марта 1817 года.

Его тело было предано земле на католическом участке Волкова кладбища.

Сорок три года спустя место его последнего упокоения было утеряно.

Прошло ещё сто лет

В начале шестидесятых годов прошлого века могилу знаменитого итальянца и русского дворянина отыскали. А в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом – перезахоронили на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

«Значение Кваренги в истории русского зодчества конца XVIII и начала XIX века очень велико. Величайший мастер своего времени, не знавший себе равного в целой Европе, он является в значительной степени создателем той архитектурной физиономии, которую имеет Петербург. Ибо здесь ещё до сих пор стоят почти нетронутыми десять грандиознейших зданий из числа выстроенных им. Но со смертью Кваренги дух его архитектуры не умер, и он нашёл себе достойного продолжателя в лице даровитого К. И. Росси, довершившего начатое им дело украшения столицы. В Европе нет столицы, которая была бы так богата архитектурными сокровищами строгого вкуса»

(Игорь Грабарь).

Берега Новороссии

Виктор Николаев: ЛЮДИ НАСТРОЕНЫ НА ПОМОЩЬ ФРОНТУ

Беседовала Татьяна Медведева

Прозаик Виктор Николаев недавно вернулся из поездки на новые территории в рамках гуманитарной миссии. Он рассказал о своих встречах с читателями Луганска, Бердянска и других городов, поделился мыслями о значении писательского труда.

Досье. Виктор Николаев – выпускник Курганского военного авиационного училища и Военно-политической академии. Проходил службу в Афганистане и других горячих точках. Награждён орденом Красной Звезды. Автор книг: «Живый в помощи. Записки “афганца”», «Из рода в род», «Безотцовщина», «Время подумать о главном». Лауреат Патриаршей литературной премии 2012 года.

Т. М.: Виктор Николаевич, с какими впечатлениями Вы вернулись из поездки в Новороссию?

В. Н.: Я ездил на Донбасс в составе гуманитарной миссии, организованной Издательским советом Русской православной церкви. В нашу группу входили писатели Владимир Малягин и Александр Орлов, а также иеромонах Макарий (Комогоров) и другие участники. Мы выступали в вузах и учреждениях культуры, доставили в библиотеки комплекты книг. Самые главные мои впечатления от поездки связаны с жителями Донбасса. Их выдержка и стойкость поражают. Они искренние, приветливые и доброжелательные. Молодые люди, которые видели войну, гибель близких, отличаются зрелостью и собранностью. Они настроены на серьёзный разговор и мгновенно чувствуют фальшь.

На Донбассе жадное отношение к литературе, к общению с писателями. Мне особенно запомнилась наша встреча в университете Бердянска: нам рассказали, что, когда там верховодили бандеровцы, преподаватели прятали портрет Пушкина и портреты других классиков русской литературы, чтобы сохранить их.

В Бердянской епархии нас принимал владыка Лука. Он приехал туда служить из Новосибирска по благословию Святейшего Патриарха Кирилла. С ним приехали очень надёжные священники – спокойные и трудолюбивые. Я видел, как на жаре сорок градусов они полностью отдают себя работе.

Общее впечатление от встреч – каждый человек на своём месте делает что-то для созидания, для обустройства мирной жизни, хотя совсем рядом находится линия боевого соприкосновения.

Т. М.: Земля Донбасса – героическая. Там ощущается связь времён?

В. Н.: Мы были в музее «Молодой гвардии» в Ровеньках. Когда туда заходишь, то буквально цепенеешь. Это говорю я – человек, прошедший не одну войну. В музее много сохранившихся подлинников, там есть надписи на стенах, которые сделали Любовь Шевцова, Олег Кошевой. Поражает: молодые люди, зная, что им осталось жить несколько часов, проявили запредельное мужество. В музее работает пять женщин, которые пришли туда сотрудницами ещё девчонками, они вместе на протяжении многих лет. И это тоже морально-нравственный подвиг, что они все эти годы поддерживали память о молодогвардейцах. О «Молодой гвардии» нужно обязательно рассказывать современным школьникам. Это воспитывает патриотизм.

Т. М.: На что Вы ещё обратили внимание в ходе поездки, что узнали?

В. Н.: Не все местные жители перешли на сторону российского Донбасса: многие уехали со своей точкой зрения. Остались и такие, кто кричал: «Слава Украине! Героям слава!», а сегодня они с Россией. Все эти моменты нужно учитывать. Надо настроиться, что этот конфликт надолго. Процесс восстановления – и материальный, и социальный, и морально-нравственный будет постепенным. Все новые территории надо заполнять созиданием.

Особо хочется сказать об учителях: там очень непросто с образованием и воспитанием. Выросло целое поколение на бандеровской культуре, на учебниках, где искажена история. Нужно больше напоминать об общих страницах нашего прошлого, например, как украинцы сражались на фронтах Великой Отечественной войны, что среди них множество Героев Советского Союза.

Нужны хорошие преподавательские кадры – учителя физики, математики и, конечно, истории и литературы – те, кто отвечает за духовно-нравственное формирование личности, воспитание любви к родине.

Т. М.: Я знаю, что Вы часто бываете в поездках по России, какое там настроение у людей?

В. Н.: В подавляющем большинстве все настроены на помощь фронту. Я знаю, что даже пожилые люди из скромных пенсий что-то покупают для солдат и чувствуют свою вовлечённость. Я сужу по своему опыту общения. Мы много ездим по России с владыкой Климентом (Капалиным), с отцом Макарием (Комогоровым) и другими сотрудниками Издательского совета Русской православной церкви в рамках книжной выставки «Радость Слова». Я выступаю в разных аудиториях и стараюсь донести такую мысль: сегодня нужна поддержка не только нашим ребятам на фронте, нужна и поддержка президенту. Мы должны ощущать своё единство как народ.

Особое значение имеет патриотическое воспитание молодёжи. Я благодарен судьбе, что жил в Советском Союзе, где было много хорошего, где бережно хранили память о героях Великой Отечественной войны. Мы знали, кто такая Зоя Космодемьянская, кто такой Гастелло и Талалихин. Нужно, чтобы и современные школьники знали эти имена и имена героев СВО, например священника Михаила Васильева.

Т. М.: Вы лауреат Патриаршей литературной премии. В чём для Вас значение этой награды?

В. Н.: Я получил премию от Святейшего Патриарха Кирилла в 2012 году. Для меня это огромная честь. Премия обязывает быть более ответственным за сказанное и написанное слово. Я сам ценю в литературе поучительность. Когда человек читает хорошую книгу, он чувствует духовный подъём, находит что-то важное для себя. Хочется, чтобы имена лауреатов Патриаршей литературной премии разных лет были на слуху, чтобы эти писатели чаще появлялись на телеканалах. Для всех авторов очень важны встречи с читателями, обратная связь. Помню, когда я был в Хабаровске и меня пригласили выступить в институте ФСБ, я там узнал, что моя книга «Живый в помощи» изучается на двух курсах этого вуза – мне показали библиотечные экземпляры, которые были уже зачитанными. В такие минуты убеждаешься, что работаешь не зря.

Т. М.: Вы нашли свою дорогу к читателю. В чём секрет Вашего успеха?

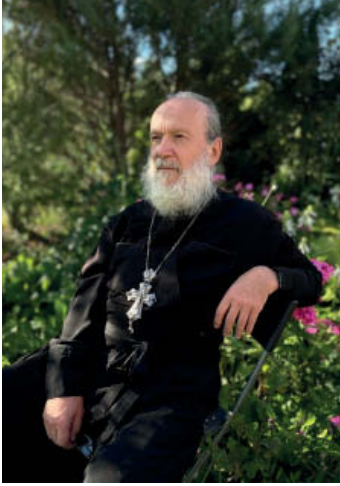
В. Н.: Мой секрет в том, что нет никакого секрета. В моей жизни были тяжёлые испытания – служба в Афганистане, ранение, болезнь, операция. Меня тогда спасла молитва жены и вера в Бога. Это всё детально описано в моей книге «Живый в помощи». Я рассказал о своём опыте, и это нашло отклик у людей.

* * *

Издательский совет Русской православной церкви приглашает писателей участвовать в проектах: Патриаршая литературная премия, конкурсах «Просвещение через книгу» и «Новая библиотека».

Берега Новороссии

Прот. Михаил Резин

В 1987 году окончил Литературный институт (семинар прозы у В. И. Амлинского). Все эти годы писал прозу и публицистику, публиковался в различных периодических изданиях. В 1988 году в Ижевском издательстве вышли книги очерков «Фазанка. О странностях любви», затем в том же издательстве книга повестей и рассказов «Рика». В издательстве «Молодая гвардия» в 1989 году – сборник рассказов «Пролог». В 1990 году в журнале «Юность» – повесть «Бегство талой воды». В 1989 году стал членом Союза писателей СССР. С 1990 по 1992 год жил с семьёй в эмиграции в Германии в земле Саарланд. Вернулся в Россию, принял священство и до сего дня служит штатным клириком в Знаменском соборе города Ардатова Нижегородской области. В конце 90-х учился в Свято-Тихоновском Богословском институте на пастырском факультете. В 2014 году отдельной книгой в Москве в «Объединенном гуманитарном издательстве» вышла повесть «Бегство талой воды», в 2020 году – в Москве в издательстве

«Серебро слов» – книга историй «Пожелайте мне Царство Небесное», за которую автор получил от Московской областной писательской организации медаль «За Веру, Царя и Отечество». В 2021 году в Московском издательстве Книжный дом «Б.С.Г.-пресс» вышла книга «Есть Бог!».

ЧАС СВЕТА ВОИНАМ СВЕТА

Рассказ

Сырой промозглый февраль в городке N. Небольшая деревянная церквушка возле кладбища. Всем приходом после молебна вышли провожать «буханку» и того, кто отважился сесть за её руль.

Отец Константин обильно окропил старую машину, трижды благословил Илью и вместе с группой женщин наблюдал, как со скрежетом и стоном начинают вращаться ржавые колёса военной машины. Илья в ноябре подписал контракт добровольца и служил в подразделении мобильной разведки в прифронтной полосе, пока осколок фугасного снаряда не разорвал мышцу левого предплечья. Месяц лечился, и вот снова туда, где решается судьба человеческого рода.

В «буханку», изъязвлённую ржавчиной, загрузили дизельный генератор, который купили вскладчину, две бензопилы, бочку особого термостойкого масла, ящики с гвоздями и скобами, коробки с окопными свечами, консервами, топоры, лопаты, кувалды, земляные буры – всё, что нужно на фронте для фортификационных работ.

На просевших рессорах машина добралась до конца улицы и остановилась. Спустило заднее колесо. Изношенная резина не выдержала, лопнула. Провожающие поддались ропоту: как? Ведь молились, кропили, благословляли... Отец Константин вздохнул: если бы не молились, не кропили, то техника могла бы выйти из строя далеко за пределами городка. И тогда никто бы уже не помог. Ничего страшного. Всего-навсего надо добыть резину. Отец Константин посадил Илью в свою выдавшую виды «копейку» и поехал к магазину автозапчастей. Огромного роста продавец, до бровей заросший щетиной, принёс два колеса для «уазика»:

– Куда их закинуть? В багажник?
– Сколько мы должны?
– Нисколько! Помолись, отец, о моём брате Димке. Вчера похоронили в Перми. Погиб под Угледаром.

Колесо починили, завёлся мотор. Илья подошёл под благословение:

– Батюшка, можно, я вас обниму! И простите меня!

В приемной «главы» города навстречу отцу Константину поднялась полная седеющая блондинка.

– Проходите, проходите! Лев Николаевич ждёт!

Из-за массивного стола встал грузный «глава» в белой рубашке, чёрном галстуке и распахнул руки.

– Ну вот вы снова у нас, отец Константин! Скоро в штат вас записывать будем. Садитесь!

И то правда. Отец Константин бывал в администрации часто. Принимали его с завидным терпением, выслушивали и отправляли, пообещав разобраться или подумать над очередной идеей. Например, отец Константин предложил проводить еженедельные крестные ходы по периметру города N за Русь Святую от нашествия супостатов.

– Вы помните, Лев Николаевич, 2010 год, когда кругом бушевали пожары, небо застилал дым, угроза эвакуации была столь реальна, что детей из дошкольных учреждений первыми собирались отправить в областной центр? И тогда мы с прихожанами, взяв иконы и кресты, пошли ранним утром вокруг города. Шли целый день до самой темноты. Огонь остановился буквально в километре от городской черты.

– Помню, дорогой батюшка! Просто погода изменилась, подул встречный ветер и пламя отступило. А сейчас мы не можем вас благословить на это во всех отношениях полезное мероприятие, поскольку нужно полицейское сопровождение. А людей, как вы знаете, катастрофически не хватает.

В другой раз батюшка предложил по всем школам детям объявить сбор макулатуры, чтобы на вырученные деньги купить бойцам рации и тепловизоры. И это предложение было отвергнуто, так как приёмный пункт макулатуры был закрыт, а в область везти посчитали нецелесообразным.

Вот и теперь отец Константин пришёл с предложением, которое, как ему казалось, вызовет бесспорный интерес у руководства.

– Вы даже не представляете, Лев Николаевич, сколь беспокойным стал мой сон! Хорошо, если забудусь на пару часов, а то и до утра глаз не сомкну. И вы знаете, поглядывая в окно, на тёмное небо, на улицу, на фонари, которые зажигаются с темнотой и гаснут далеко за полночь, я придумал вот что. Если гасить фонари не в час, допустим, а в двенадцать ночи. Ведь не трудно подсчитать, сколько стоит час освещения города! И эти сэкономленные деньги пустить на покупку необходимых вещей для фронта. Недавно приходом снаряжали бойца, Ильюшку, нашего горожанина. Купили у пасечника старенькую «буханку», набили всем, что по силам было приобрести. Он служит в разведке и говорит, что особенная нужда у них в «коптерах», чтобы осматривать местность. Площадь большая, людей не хватает, прорехи в обороне, а эти приборы позволяют видеть всё с высоты. Я уже и с депутатами пообщался, в прокуратуру заходил. Все только «за». Я даже название красивое придумал для нашей общей акции: «Час света воинам Света!»

Лев Николаевич добродушно улыбнулся.

– Сразу видно, что не чиновный вы человек! Идея, не спорю, хорошая и свежая. Но ведь армию нашу снабжают очень даже неплохо. И жалование у военнослужащих приличное. Могут купить всё необходимое. Понимаю вашу озабоченность, батюшка, но ведь, если честно, – мы напали, а не они! Вот и отдуваемся теперь. И потери людские несём, и материальные проблемы со всех сторон.

Лев Николаевич откинулся на высокую спинку кресла и снисходительно смотрел на отца Константина. Тот вздохнул.

– Слышал я много раз про это! И агрессоры мы, и оккупанты, и каины, и рашисты. Но если быть внимательным, то мы обсуждаем лишь один кадр, который суют всем под нос специалисты по информационной войне, один кадр из большого фильма под названием «Уничтожение России». Вот этот кадр, вот ключевой момент! Лобное место, плаха, на коленях измождённый, измученный долгими пытками и приговорённый к казни человек. Палач в капюшоне поднимает топор. Вокруг ряды сидений, занятые почтенной публикой. И вдруг происходит невероятное! Жертва нечеловеческим усилием рвёт путы, поднимается и бьёт в челюсть палачу. Тот роняет топор. Публика в бешенстве, все вскакивают. «Это нападение на нашего Чарли! Это агрессия! Каин ударил Авеля! Хватайте и вяжите! Его нужно добить!» Мы понимаем и видим, Лев Николаевич, что приговорённый к смерти и есть Россия, которая чудом оказалась способной сопротивляться. Вот и всё! Нагло врут жестокие и безжалостные устроители казни и ненавистники России. И мы им верим!

Лев Николаевич пожал плечами.

– Каждый имеет право на свою точку зрения. А по поводу отключения на час электричества, то та же самая прокуратура, которая одобряет и аплодирует вашей идее, если вдруг что-то случится,

если в темноте произойдёт авария, столкновение, она первая и обрушится на нас, представителей власти. Впрочем, мы подумаем!

Лев Николаевич встаёт, протягивает руку.

– Будем на связи! Благодарю за активную гражданскую позицию!

Дождавшись, когда за отцом Константином закроется дверь, поднимает трубку внутреннего телефона.

– Проводил! Тяжко, когда человек дурак, но ещё тяжелее, когда дурак с инициативой! Проверь и подчисти «хвостики», он ещё и в прокуратуру ходил!

Было далеко за полночь, приближалось утро, но петухи ещё не пели. Вначале погасла маленькая лампочка над аналогом и раскрытой Псалтырью, потом раздался звук отдалённого взрыва, задрожал пол. Отец Константин, который когда-то в армии, будучи сержантом, командовал сапёрным взводом, сразу определил направление взрыва и его мощность в тротиловом эквиваленте. Взорвана электроподстанция. Во всём городе погас свет. Завыли и залаяли собаки. Послышались одиночные выстрелы, автоматные очереди и взрывы гранат, сирены спецмашин.

Отец Константин перекрестился, нащупал карманный фонарик, накинул пальто, сунул ноги в сапоги и поспешил к двери. По раскисшей тропинке, прямо через огород, хромя, засеменил к церкви спасать антиминс. Пришла беда! Господи, помоги!

Две ДРГ общим числом до ста человек с разных сторон вошли в городок и уже вели бой в самом центре, где находились полиция и администрация. Работали пулемёты. Через какое-то время раздался ещё один сильный взрыв на выезде. «Противотанковая мина», – подумал отец Константин и перекрестил пространство, откуда долетел звук. Он не знал, что на mine подорвалась белоснежная «Discoveri», на которой пытался уехать из города Лев Николаевич.

Нина Черепенникова

Нина Черепенникова – родилась в Москве. Окончила философский факультет МГУ, там же – аспирантуру, кандидат философских наук. При Союзе писателей России занималась в семинаре у С. Н. Есина. Публиковалась в газетах: «Советская Россия», «Литературная газета», «Московский литератор», в журналах: «Берега», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Слово», на электронных сайтах: «Российский писатель» и «Русская народная линия». Автор книги прозы. Живёт и работает в Москве.

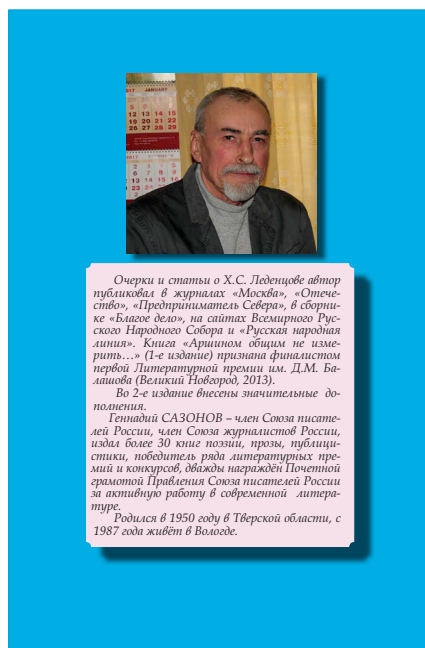
МЕЦЕНАТ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

О книге Геннадия Сазонова «Аршином общим не измерить...», но и не только...

«Спешите делать добро!» – эти слова, увековеченные в камне на могиле доктора Фридриха Гааза, вот уже третий век призывают людей всего мира, как бедных, так и богатых, творить добрые дела, хотя и очевиден тот факт, что последним это делать легче...

Когда я прохожу по главной аллее Немецкого (Введенского) кладбища Москвы, всегда подхожу к могиле Фридриха Гааза. И замечаю: опять на могиле лежат свежие цветы. А ведь минуло более чем два века. Получается, что и мои современники, поражённые его необычной добротой (Ф. Гааза называли «святым доктором»), не забывают содеянного им... И пока не переведутся люди, интересующиеся родной историей, его имя будут помнить...

Приехав в Россию за заработком и карьерой, трудолюбивый доктор, достигший полнейшего благополучия (заимел собственный дом и выезд, а также толпу клиентов), вдруг обращает внимание на «падших», «униженных и оскорблённых», которые не имеют сил выбраться из жалкого существования. И, увидев нищету и несправие, совестливый доктор уже не смог ощущать радость своего благополучия. И так вышло, что всю оставшуюся жизнь он помогал несчастным людям, выброшенным

Геннадий Сазонов «Аршином общим не измерить...»

на обочину жизни, и до конца своих дней настойчиво призывал имеющих состояния богатых людей помогать неимущим.

Его благотворительность была воистину безграничной: он делился последним и, потеряв всё, что заработал честным своим трудом, не сокрушался, а до последнего часа мчался на помощь нуждающимся. Его мечта скопить деньги и вернуться на родину не осуществилась... Хоронила же доктора вся Москва за счёт собранных народом средств, и, как доносит до нас история, такого огромного стечения людей, шедших за гробом, Москва не знала.

Мало назвать доктора Ф. Гааза модным ныне словом «меценат», но люди сами наградили доктора более подходящим эпитетом – «святой». Таким он и остался в истории России. И справедливо считается что, не будучи русским по происхождению, он по праву вошёл в историю нашей страны.

Однако мои размышления не о бескорыстном докторе немецкого происхождения, а об исконно русском нашем соотечественнике-меценате, думающем о процветании Родины и немало потрудившемся на ниве служения народу. Речь пойдёт о Христофоре Семёновиче Леденцове, Личном почётном гражданине, уроженце Вологды, внёсшим немалый вклад в развитие русской науки и культуры. Он тоже «спешил делать добро». А объединяет этих двух людей бескорыстное служение России, благородство и сострадание к людям.

О вкладе купеческого сословия в развитие России

«Чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу в каких-либо полезных учреждениях; мысль эта не покидала меня никогда во всю жизнь», – писал П. Третьяков дочери Александре в 1881 году. Говорить о полезности такого высококультурного учреждения для развития общества, каковым является Третьяковская галерея, излишне. Вне сомнения – Павел Михайлович Третьяков внёс немалую лепту в развитие культуры своего народа. И делал это всю сознательную жизнь, не требуя «рукоплеканий власти». Замечательного человека волновали мысли о культурном развитии Родины, а подкреплял он свои думы делами. Он любил русский народ и Россию не на словах.

Да, не чужда была русским купцам благотворительность. Говорят: чем больше отдаёшь, тем больше получаешь... Эти мудрые слова по-прежнему правдивы, как и то, что «имеющие уши да не слышат их». Но чаще всего «слышащие уши» имеются только у людей нравственно развитых и, как правило, образованных. Вот и у драматурга Александра Николаевича Островского купцы в его пьесах всё больше жадные, недалёкие и хитрые. Да и то верно: тяжело делиться нажитым «непосильным трудом» богатством. Труд-то они, конечно, вкладывали, однако на первом месте у них всегда были прибыль и собственное благополучие. Но состоятельные люди иногда думали не только о себе. И такие люди находились во все времена: известно, что некоторым русским купцам «совестливые позывы» не были чужды. И мы помним и чтим их имена. Правда и то, что «нажитое от общества» не всегда возвращалось в размерах, способствующих существенному развитию общества, поскольку далеко не всё купеческое сословие отличалось высокой культурой, справедливостью и хорошим образованием, чтобы всерьёз задумываться над социальными проблемами современности.

Но и нравы купеческие были тоже весьма жёсткими. Вспомните Александра Николаевича Островского: в его пьесах впервые прозвучало знаменитое «купеческое нерушимое слово» – клятва, которую нельзя было нарушать. «Святая клятва», которой скреплялось это сословие, была нерушимой, и её надо было держаться, иначе «стая загрызёт строптивного волка». Что и случилось с Фомой Гордеевым, выбившимся «из стаи» и нарушившим законы купеческой этики. Грамотные люди об этом знают. Русские купцы – «бородатые угрюмцы в смазных сапогах», какими они казались иностранцам, не простили и не поняли Фому.

Однако некоторые из купцов вошли в историю как люди, которым всё-таки не чужды были как благотворительность, так и сочувствие к простому народу. Жили бы богатые купцы и промышленники и наслаждались бы «взятым у народа». Так нет: находились и такие, которые и для России хотели сделать что-нибудь полезное. Даже находились и те, которые добрую память о себе потомкам хотели оставить... Вот ведь каким образом рассуждали редкие представители богатого купечества.

Вдохновляло ли их звучное слово «меценат», означающее в переводе с латинского человека, добровольно и безвозмездно способствующего развитию науки и искусства? Вряд ли, ведь немногие из купцов стремились к образованию. Вспомним хотя бы, как почти насильно отправлял Пётр I купеческих детей за границу для обучения.

Самым же прославленным меценатом в истории сльвёт Лоренцо Медичи. Считается, что и само слово «меценат» связано с его именем. А с появлением Интернета люди получили возможность ознакомиться и с обширной фотогалереей меценатов, имеющей корни с древних времён. И туда же поместили лики отечественных бизнесменов, по большей части известных своими высокими местами в «табели доходов». Что поделаешь, ведь хочется и богачам увековечить своё имя, хотя бы в таком ненадёжном формате, как Интернет, который к тому же стерпит всё, что ни загрузи.

Книга же Геннадия Сазонова не о тех, кому безразлична судьба Отечества, не о «людях мира», лозунгом которых всегда был и остаётся неизменный – «Где хлеб, там и родина», а о купце, жившем в унисон с чаяниями России и упрямо желающим видеть её богатой и процветающей. Были в России самостоятельные, не пугавшиеся общественного мнения и живущие по своей мерке купцы, такие как С. Рябушинский, братья Третьяковы, С. Мамонтов, С. Морозов, А. Бахрушин, К. Солдатенков, К. Тенишев. Однако людей, откликающихся на призыв, заключённый в эпиграфе к статье, было, конечно же, всегда очень мало, но они есть, и хочется верить, что и не переведутся в щедрой на добрых людей матушке России... А особенно они необходимы в трудные для нашей Родины времена...

Вот к числу таких самостоятельных и образованных людей, выходцев из купеческого сословия, думающих о судьбе России и стремящихся всей своей жизнью приносить пользу Отечеству, принадлежал и Христофор Семёнович Леденцов.

Повесть о деяниях русского мецената Х. С. Леденцова на пользу общества

Я не хочу дела благотворения,
исцеляющего язвы людей,
случайно опрокинутых жизнью,
я ишу дела, которое должно коснуться
самого корня человеческого благополучия.

Христофор Леденцов

Вот такой программой руководствовался в своей деятельности этот удивительный человек. Биографические книги, вышедшие из-под пера писателя Геннадия Сазонова, отличаются чёткой хронологией героя, что облегчает работу по ознакомлению с биографией выдающегося человека при написании учебного реферата или просто для познавательной деятельности людей, интересующихся культурной историей Родины.

Важно, что Христофор Семёнович Леденцов, родившийся в семье купца первой гильдии Семёна Алексеевича Леденцова, известен потомкам тем, что, согласно своей родословной, являлся представителем образованного купечества. Купечества, думающего не только о приумножении своего богатства, но и о будущем России, для чего вкладывало некоторые усилия в дело её процветания.

Во втором издании книга «Аршином общим не измерить... Повесть о великом русском меценате Христофоре Семёновиче Леденцове, 180 лет со дня рождения» (Вологда.: ИНТЕЛИНФОРМ, 2021, 304 с.) автор наиболее полно предоставил читателю новые материалы. Мы узнаём больше о детстве будущего мецената, хотя сведений об этом периоде его биографии не так уж и много. Однако тщательный анализ имеющейся документации и помощь правнучки Х. С. Леденцова Нины Дмитриевны Луковцевой позволили автору пополнить довольно стройный ряд важных жизненных фактов и событий, которые и стали существенным дополнением ко второму изданию книги о жизни и деятельности купца Леденцова.

Христофор Семёнович Леденцов родился в Вологде 24 июля 1842 года. Ребёнок был желанным и к тому же, подрастая, не причинял родителям больших огорчений, более того – мальчик осуществлял заветное желание своих родителей: был послушным и успешно развивал свои природные спо-

собности. К тому же сын глубоко уважал и чтит своих родителей, мечтавших о том, чтобы наследник стал достойным продолжателем купеческого рода Леденцовых, становившегося к тому времени всё более известным в России. Такому направлению своего жизненного пути юный Леденцов не противился и без особых колебаний вступил на коммерческую стезю. По православному обычаю мальчика окрестили в церкви и нарекли Христофором (что в переводе с греческого означает «Христонесущий»). На наш современный взгляд, его имя, конечно, необычное и редкое, но носитель этого прекрасного имени, кажется, всей жизнью доказал свою неординарность.

С фотографии, что украшает обложку книги, на нас глядят умные и внимательные глаза, высокий и широкий лоб обрамляет красивая шапка густых волос. Хочется отметить и некоторую типичность его лица, которую называют в народе «истинно русской».

Автор не имел сведений о каждодневных заботах и событиях жизни юного Христофора, но со всей определённой можно отметить, что детство мальчика протекало в комфортной обстановке и ребёнок развивался в благополучной семейной атмосфере.

Как считал В. Ключевский, «Древнерусская начальная образовательная школа – это дом, семья». Мне думается, что это определение применимо и к середине 19-го века. Согласно этому мнению, у будущего мецената Христофора Леденцова начало жизненного пути было прекрасным, так как нравственная атмосфера в зажиточной семье была традиционной, когда дети воспитывались на примерах родителей и не нарушали порядок домашнего уклада.

В 18 лет, получив аттестат об окончании полного курса Вологодской губернской гимназии, юный Леденцов, твёрдо решив продолжить своё образование, поступает в Московскую практическую академию коммерческих наук. В 1862 году Христофор оканчивает полный курс академии с похвальным аттестатом, давшим ему право на получение звания «Личного Почётного гражданина».

Для современного читателя, безусловно, любопытным является тот факт, что это «личное право» давало обладателю сего документа свободу от телесных наказаний и шанс участвовать в городском самоуправлении. И способный юноша по праву воспользовался привилегией. Правнучка Леденцова свидетельствует ещё и о том, что Христофор с юных лет отличался тяготением к филологии и что он самостоятельно выучил восемь иностранных языков. Однако для юноши это не было самоцелью: он не собирался стать филологом, но его склонность к самообразованию говорит о многом.

Из семейных преданий можно сделать вывод, что Христофор умел трудиться на научном поприще, что и подтверждает его биография: юноша блестяще выдержал экзамены в губернской гимназии, а затем и в практической Академии коммерческих наук. Своим усердием и успехами он также отличился и в Кембриджском университете, где некоторое время обучался и где, отметив его старательность в постижении наук, предлагали остаться для обучения на более длительный срок. Педагоги, видимо, увидели в юноше незаурядные способности, однако молодому Леденцову не терпелось начать собственное дело и как можно скорее на практике применить знания, полученные в Москве и за границей. Христофор рвался на родину, а, вернувшись, незамедлительно принялся за дело, проявив себя талантливым купцом и эффективным руководителем производства.

Как читатель убедится, прочитав книгу, образованный и энергичный купец Леденцов отличился и на ниве общественной деятельности. Он много раз избирался окружным судьёй и гласным (депутатом) Вологодской Думы, а в 1883 году Леденцова избрали главой Вологды. Не удивительно, что энергичный и грамотный Христофор Леденцов и на этом посту проявил себя талантливым администратором и организатором. Более того, по инициативе и на средства Христофора Семёновича в Вологде 15 октября 1888 года был открыт первый в России ломбард, направленный на облегчение жизни бедных слоёв населения. Позже по «вологодскому образцу» были открыты ломбарды и в Москве, Нижнем Новгороде, Петербурге и других городах.

Переехав в 1899 году на жительство из Вологды в Москву, Леденцов развернул широкую благотворительную деятельность и в столице. Он пожертвовал большую сумму денег на создание Технического музея содействия труду, открывшегося в 1905 году в Москве. По существу, это был первый в мире социологический институт, изучавший условия труда разных слоёв населения – от железнодорожных рабочих до извозчиков и прачек, к тому же он занимался разработкой рекомендаций правительству России. Также музей бесплатно предоставлял юридическую помощь рабочим и служащим России, вот почему именно под его крышей позже прошли первые съезды профсоюзов России.

Как считают некоторые историки, Христофор Леденцов участвовал и в выработке знаменитых «Принципов ведения дел в России», что, безусловно, послужило в дальнейшем хорошим научным подспорьем для научных разработок.

А вершиной творческих устремлений купца Леденцова стало созданное им Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений, что может служить и сейчас моделью поддержки частным капиталом научных исследований. Немаловажен и тот факт, что такая деятельность оказалась не только актуальной для своего времени, но и весьма приемлемой, даже своевременной для будущих поколений предпринимателей. И более того, может быть показательной для патриотически настроенных предпринимателей и промышленников.

Деятельность Христофора Леденцова, безусловно, сказалась на развитии фундаментальных и прикладных наук и способствовала тому, что Россия вышла на передовые позиции мировой науки. Так, о неопределимом вкладе в развитие отечественной науки купца Христофора Леденцова в своё время говорил и лауреат Нобелевской премии физиолог Иван Павлов. Более того, Иван Петрович отметил, что за всю историю человечества ни в одной стране мира не было человека, равного Христофору Леденцову. И более щедрого: так, на развитие русской науки он пожертвовал ДВА МИЛЛИОНА РУБЛЕЙ ЗОЛОТОМ, что было громадной суммой по тому времени, когда доллар стоил всего... две копейки.

А ещё любознательный читатель найдёт множество разнообразных и интересных подробностей о деятельности этой великой личности.

«Над книгой я работал более двадцати лет, – рассказал Геннадий Сазонов. – Изучал архивы Москвы, Вологды, встречался с родственниками моего героя, краеведами. Меня в первую очередь привлекла ЛИЧНОСТЬ Леденцова, его незаурядный характер и, главное – его жертвенность во имя процветания Родины. Христофора Семёновича можно смело назвать меценатом государства Российского, поскольку последствия деятельности созданного им Общества неопределимы во всех сферах бытия нашей Родины...»

К сожалению, примеру Христофора Леденцова не следуют потомки. Ныне задумаешься: чем, кроме светских скандалов, крупных хищений и разорения огромных советских предприятий, запомнятся современные толстосумы грядущим поколениям?

Измельчал современный предприниматель... Сейчас редко услышишь информацию о том, как тот или иной предприниматель знаменит своей благотворительностью. Когда же, наконец, современная власть поймёт необходимость активных деяний благотворительности со стороны преуспевающих промышленников? Может, давно пора всячески поощрять, приветствовать и пропагандировать бескорыстную помощь со стороны тех, кто может внести существенную финансовую лепту в развитие и процветание страны? Тридцать лет взращивали «успешных» и, наконец, когда народ увидел, что они погубили экономику, спохватились «власть имущие» и стали поговаривать о том, что неплохо бы заняться и восстановлением своей собственной промышленности, крепко стоящей на собственных ресурсах.

Однако пока неоспоримым фактом является то, что современные предприниматели – стяжатели, рвущиеся стать миллионерами, думают только о личной коммерческой выгоде, «считая каждую спичку в коробке» и совершенно не интересуясь своей репутацией. Своим поведением они являются живой иллюстрацией к теории Маркса о прибавочной стоимости, подтверждая её бессмертную актуальность...

Трудно обуздать ненасытную жажду наживы, присущую любому виду капитализма, но для людей гуманных и просвещённых рано или поздно всё же встанет вопрос ответственности перед обществом – и прежде всего перед своей совестью. Именно: направить своё умение и способность управлять большими предприятиями на созидательную стезю, приносить пользу всему государству, а не наслаждаться безудержным ростом своего обогащения за счёт общества. И вне всякого сомнения, меценатом назовут не человека, прославившего «народным благодетелем», однажды «отстегнувшим посильную деньгу» на нужды отечества, но человека-гражданина, живущего в родной стране, человека, не равнодушного к судьбе своей страны, человека, который не мыслит личное благополучие в отрыве от своей родины. И наконец, человека, заинтересованного в развитии отечественной науки и не жалеющего собственных средств на поддержание и развитие научной деятельности в родной стране.

Таков был Христофор Семёнович Леденцов, и таким он остался в памяти благодарных потомков, воздвигнувших ему памятник в Вологде, где родился знаменитый меценат.

И сейчас, как никогда прежде, важнее всего – поддержать умение талантливых людей руководить крупными отечественными производствами и, главное – поддержать талантливых руководителей, способности которых нацелены на благо и процветание своего народа и страны. Это всегда было и будет залогом процветания страны и нации в целом. Много лет назад это было обобщено в формуле П. Столыпина, вечно актуальной по своей значимости: «Народ, не имеющий национального самосознания есть навоз, на котором произрастают другие народы». А национальное самосознание, как известно людям просвещённым, всегда направлено на благо своей родины и своего народа.

Книга о великом меценате Леденцове тем более актуальна в наше время, поскольку в стране за последние десятилетия весьма значительно выросло количество «успешных» людей, но, увы, не возросло количество деятелей, желающих остаться в памяти потомков своими добрыми делами, деятелей, чьи интересы были бы сфокусированы на процветании державы. Как это было у Христофора Леденцова.

Летят годы, сменяются столетия, но, очень хочется верить в то, что в России параметры нравственной ориентации человека все ещё остаются неизменными... И нравственно здоровых людей по-прежнему радует, что из века в век в России существуют всё те же критерии в оценках добра и зла. И это, пожалуй, главное, чем жив русский человек, не забывающий своей истории.

Отрадно, что в Вологде, городе, где родился великий предприниматель, его не забывают. В 2022 году, в 180-летнюю годовщину со дня рождения знаменитого земляка, горожане стали свидетелями торжественного открытия памятника Христофору Семёновичу Леденцову.

Радует нас и последнее сообщение о том, что в Москве названы первые лауреаты Общенациональной премии, названной в честь русского мецената Леденцова. Привожу его целиком: «В Конгресс-центре Торгово-промышленной палаты (ТПП) РФ состоялась церемония награждения лауреатов премии известного в Российской империи благотворителя, купца и промышленника из Вологды Христофора Семёновича Леденцова (1842–1907). Награждение проходило в рамках научно-практической конференции, в ходе которой выступили и первые в истории современной России лауреаты Общенациональной премии Христофора Леденцова. Каждый из них в яркой лаконичной форме, с показом небольшого видеофильма, рассказал о своих инновационных разработках» (опубликовано в интернет-газете «Столетие» 16 августа 2023 года).

А совсем недавно, в июле 2023 года, в Вологде прошёл научно-практический симпозиум, где учёные и практики определяли пути развития реализации наследия русского мецената Х. Леденцова.

Отрадно сознавать, что Геннадий Сазонов становится продолжателем «биографической плеяды» писателей, не забывающих о своих знаменитых предках, принёсших неувыдаемую славу нашей Родине. А это – всегда желанное явление в современной русской литературе.

И тем более в наше время, когда авторы биографий великих людей весьма старательно отыскивают в их жизни то, что вызывает у читателя (согласно современной моде на «альковные подробности») нездоровый интерес к «правдивым деталям из жизни знаменитостей». При этом затушёвывается то главное, за что этот человек удостоивается вечной памяти своих потомков. От души желаю Геннадию Сазонову продолжать благородную и столь необходимую для современного мира традицию воскрешения гуманных литературных традиций: помнить о великих русских людях и об их бессмертных деяниях на пользу российского общества.

Берега прочтения

Вячеслав Лютый

Вячеслав Лютый – заместитель главного редактора журнала «Подъём». Автор книг о современной литературе «Русский песнопевец» (2008), «Терпение земли и воды» (2011), «Сны о любви и верности» (2014), «Предназначение» (2022). Лауреат премии журналов «Подъём», «Русская речь», «Русское эхо», «Аргамак», премии Общественной Палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», общероссийской премии по литературной критике «Русское эхо», премии Союза писателей России «Слово-2017», премии «Кольцовский край», Международной литературной премии «Югра». Лауреат сайта «Российский писатель» (трижды), газеты «День литературы». Награждён медалями им. В. М. Шукишина, Ф. И. Тютчева, И. А. Бунина. Секретарь Правления Союза писателей России, председатель Совета по критике Союза писателей РФ. Живёт в Воронеже.

ОТ ЖИТЕЙСКОГО К ДУХОВНОМУ

Одинокий русский человек в прозе Игоря Изборцева

Современный человек – существо одинокое. И речь здесь совсем не об одиночестве духовном, потаённом, которое невозможно до конца хоть кому-нибудь высказать, а об одиноким присутствии человека в миру, в житейском пространстве, в котором, кажется, и знакомые лица, и привычный распорядок часов, минут и забот способны вписать одинокую душу в окоём повседневности. Но что-то сломалось в устройстве нашего мира, и гнетущая, непреодолимая как будто оставленность – людьми, смыслом жизни, самим содержанием происходящего вокруг – терзает сердце нашего современника необъяснимо и постоянно. Здесь можно завести разговор о богооставленности человека нового времени – это будет логично и обосновано многими вещами, о которых мы часто просто забываем или легкомысленно о них не думаем. Но чувство личной богооставленности в мире приходит к человеку уже после того, как он ощутит себя включённым в некое общее целое, когда, привычно обретаясь в его рутине и вписывая своё присутствие в повседневный жизненный уклад, и станет, и осознает себя некой частью этого единого миропорядка.

Современная русская проза не очень-то погружается в обозначенную тему. Как правило, её более интересует – и в конечном счёте это правильно – соразмерность человека его задачам, соединённость с Богом и понимание собственного индивидуального духовного долга, о котором важно помнить в ежедневном течении дня и ночи. Но как быть с мгновениями реальной жизни, в которой так много случайного, печального и радостного – она составляет непрерывный поток, и из него нельзя самовольно «выпрыгнуть», остаётся только соединять себя с ним, принимая одно и отвергая другое. Такое житейское понимание одиночества, которое правильнее назвать *одинокостью*, сегодня чрезвычайно распространено, его проявления часты и многообразны и нуждаются в художественном внимании и реальном обозначении. Потому что первый шаг в постижении большого и общего заключается в естественной попытке вписать свою жизнь в контекст происходящего с людьми, с их памятью и чувством долга; с их обществом, в котором невидимыми нитями соединены родные и чужие, старики и дети; с эпохой, где всё норовит взаимно разладиться, но сохраняется по великой надмирной милости и смыслу...

Проза Игоря Изборцева¹ как нельзя лучше подходит для спокойного осмысления так странно сложившегося положения вещей. В его повестях и больших рассказах читатель сталкивается с палитрой стилей. Скажем, один сюжет берёт в качестве «творческого инструмента» постмодернистское смешение событий, логики, картин действительности и даже соразмерности плотных материальных

¹ Изборцев И. А. Сильнее бурь: повести, рассказы. Санкт-Петербург: Первый ИПХ: Литературный фонд «Дорога жизни», 2021.

предметов. Погружая читателя в советское мироустройство в «Чудесах болотных», автор, кажется, взламывает заведённый социальный распорядок, привнося в происходящее элемент фантазмагии и волшебства, и как будто показывает, что у знакомого мира есть параллельный объёмный отпечаток, где существуют свои законы и пути совмещения привычного и странного. Реальность словно «плывёт» под пером писателя... И читатель, изумлённый таким преобразованием осязаемого и почти стёртого в повседневности, начинает воспринимать прошлое уже не в качестве конструкции, заведомо рациональной и жёстко мотивированной, но – как прежний мир, очень важные и подчас фантастические свойства которого были упущены, оставлены без внимания. Существенно, что главный герой повести – подросток, и во многом именно потому способность окружающего пространства менять себя, принимать какие-то новые удивительные формы не кажется искусственной, вычурной, похожей на проделки либерального пера, склонного всё серьёзное превращать в пошлое или амигошонское. Мальчишка начинает свято верить в возможности собеседника-незнакомца влиять на происходящее, у него появляется своя тайна, душа устремляется в удивительное и прежде невообразимое. Он почти поднимается над пыльной землёй, забывая о жёстких правилах, принятых однажды и непререкаемых. Он теперь не один, хотя как сложится его последующая судьба, можно только догадываться. Но здесь важнее сам случай, прецедент, тот чудесный рубежный момент, когда мир предстаёт в неожиданном ракурсе, а одинокое существование отменяется решительно и навсегда.

В повести «Всего лишь пепел» центральный герой предлагаемой истории – фигура малопривлекательная. Это милицкий начальник Пузынёв, возомнивший себя вершителем судеб окружающих его людей и стремящийся переустроить социальное пространство по своему усмотрению. Он изначально одинок – как бывает одинок духовный отщепенец, для которого все вокруг представляются только «условно живой» мебелью, инертными вещами, в разной мере пригодными для использования: их позволительно передвинуть, отменить или даже уничтожить без лишних сомнений. Подобное душевное наполнение его с течением дней приобретало всё более устойчивую форму, что делало Пузынёва нетерпимым ко всякому иному человеческому правилу. Отчего-то его необъяснимо оскорбляло строительство храма неподалёку от личного особняка, все силы свои он старался положить на то, чтобы ни прихода православного, ни церкви рядом не было. Безумная логика и ненависть по отношению к соседям, людям русским и православным – подвигла его на клевету. Будь он человеком иного рода-племени, хоть какое-то объяснение можно было бы дать его немотивированной злобе. Но он – здешний, укоренённый в земле, по которой ходили его предки. И потому – нравственный изгой, человек, сам себя загнавший в социальную и психологическую ловушку, определивший собственному существованию путь одинокий, самонадеянный и... окаянный. Все злокозненные предприятия Пузынёва рушатся: уходит жена, православная прихожанка, вызванный им ОМОН пропадает в храме, не ведая часов и минут, пребывая в каком-то нездешнем времени. Претерпевает крах план воцариться на малой окрестной местности, предстать вершителем судеб простых смертных – в определённом смысле даже и его подданных, которым и слова в простоте и чести сказать было бы не позволено. В итоге он остаётся в пространстве сугубо одиноким: исполняя обязанности простого санитаря в психиатрической лечебнице, Пузынёв старается быть полезным и внимательным, находя в таком служении своеобразный уход от личной пустоты. И получает здесь то, чего ему так не хватало прежде, – чувство, что и он кому-то не только нужен, но необходим.

Два персонажа «романа в письмах по e-mail» с названием «Великий» сначала кажутся очень похожими друг на друга. Филологическая игра на фоне деталей биографии И. С. Тургенева сводит обоих в электронной переписке, где выстраиваются предсказуемые параллели с далёким прошлым, возникают подробности чужих биографий. В своих виртуальных посланиях каждый из собеседников хочет хоть в чём-то соприкоснуться с русским классиком и его героиней, походить на них. Однако писатель-дубль по мере развития этой истории выглядит всё более поддельным, не совпадающим со своим выдающимся литературным образцом. Тогда как дубль-героиня, поступательно двигаясь в сторону реальности и принимая людей со всеми их недостатками и достоинствами, кажется, доводится. Уходя от сухой интеллектуальности и вслушиваясь в биение собственного сердца, она обретает плоть и кровь, в ней просыпается доброта и участливость, а сухость ума и сентиментальная фантазия исчезают из переписки окончательно.

Героиня-дубль трагически погибает от хулиганского удара ножом. Дубль-писатель, и ранее не чуравшийся плагиата, готовит к изданию роман в письмах, в котором не забывает представить себя художником основательным и вдохновенным. Но, не дождавись выхода книги в свет, умирает при неясных

обстоятельствах. Главный бенефициар – издательство, предлагая читательской аудитории названное произведение, оно характеризует автора как фигуру великую...

Что ж, нынешние книжные дома либерального толка склонны каждого лилипута «вытягивать» в Гулливера. Однако важно подчеркнуть мысль, существенную для произведения Игоря Изборцева: фальшивый сочинитель ушёл в смерть, как в одинокое и безотрадное путешествие, а героиня, сливаясь со своим классическим прототипом, выбрала мир подлинной жизни – тёплый, отзывчивый и жертвенный.

Стоит заметить, что с уходом персонажей от душевной молекулярности, *одинокости* зримо изменяется литературное письмо автора. В повести «Всего лишь пепел» сама фактура текста в какой-то степени отсылает читателя к булгаковской фантазмагории. В «Великом» рафинированный стиль высказывания начитанных собеседников постепенно становится более прозрачным и этически определённым. По мере удаления литературных героев Изборцева от житейской пропасти и приближения к чаемому единению с чем-то большим, чем каждый из них, – и даже на удивление очевидным, авторская речь приобретает яркую и естественную выразительность, не теряя при том прозрачности изображаемых картин и состояний.

В рассказе «Свадьба» происходят события почти обыденные – живописуется свадебный пир на современный лад в деревне. Как будто всё теперь иначе на первозданной крестьянской русской земле: и обычаи позабыты, и хлебосольное гостеприимство стало в какой-то степени выборочным, и песни современные поются так, что с души воротит... Ушла традиция, забылась красота, потеряно значение многих обрядов и правил. Престарелого Ивана Васильевича за праздничный стол не пригласили, но любопытство заставило старика забраться в густой кустарник на улице и внимательно наблюдать за происходящим. И примечательно, что все описанные ухарства сельских обывателей, отличавшихся непредсказуемым поведением, не кажутся особенно яркими – в них бурлит только эмоция, подкреплённая водкой, а это не новость, примеров подобных множество. Но вот отпела молодёжь нынешние шлягеры с дрянными словами, отплясали гости положенное, и завели старики и молодые прежние песни, в которых душа и судьба не отворачиваются друг от друга, а сливаются во что-то одно, родное, никем и никак не делимое... Пусть казалось старику, что выглядит он нелепо в своём укрытии и что происходит всё положенное совсем не так, как должно. Но сошла короста текущего порченого дня – и обратилась душа одинокая, о том даже и не подозревающая, к знакам родовым, к символам объёмным, к бессознательному единению старого и молодого, минувшего и наступающего. К тому, что роднит одного русского человека с другим. Увиделось в этом глубинном родстве самое важное, что не позволено стереть никакому самоуверенному новому времени.

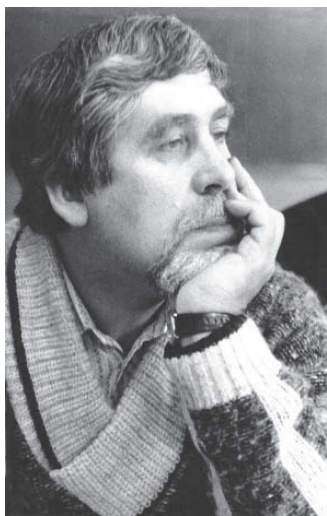
«Помни последняя своя...» – так называется проникновенный рассказ автора, в котором происходит слияние одинокого бытия человека с одиночеством его души и возникает долгожданный выход в то высокое духовное пространство, где все другие этапы возрастания личности становятся только небольшими отрезками тернистого душевного пути. Панорама колоритных фигур наполняет сюжетный объём текста, у всякого персонажа здесь своя примечательная черта характера или обыкновения. Но поверх имён и лиц присутствует в рассказе старик Мармеладыч, многие годы обретающийся на паперти храма. Его словам присуще совсем другое измерение – не житейское, в котором пребывают практически все остальные. Причём сама художественная ткань повествования – очень ёмкая по ассоциациям, по привлечению в прозаическую «живопись» суждений скрытых, вовсе не наглядных. Образность авторской речи, широта взгляда на самое ощущение жизни сообщают произведению особенное обаяние и изобразительную полноту. Рассказ может быть назван одним из лучших в творчестве Игоря Изборцева – так или иначе он подводит видимую черту перед проблематикой, которая исподволь обозначила себя в теме прозы «Сильнее бурь».

Русский человек теперь почувствовал себя не одиночкой, а живым, деятельным сыном своей земли. Это роковые события последних полутора лет прояснили его ум, настроили сердце, дали слова, которые он может говорить весомо и безбоязненно. Но хочется верить, что настоящая, честная проза наших писателей, в течение долгого времени отчуждённая от массового читателя, всё-таки непостижимым образом проникала в общественное сознание, делая в нём важные и необходимые «поправки», обозначая место, на котором стоит сегодня русский воин, – как родную почву.

Так мы восстанавливаем память рода и непрерываемость нравственного завета – двигаясь от житейского к духовному, постепенно находя в себе глубинные скрепы, значимые для стариков, отцов и детей. А литература наша, вглядываясь в современника, помогает ему понять себя не предвзято и не лукаво...

Берега прочтения

Владимир Скиф

Владимир Петрович Скиф – родился в 1945 году в посёлке Куйтун Иркутской области. Автор 27 книг, среди которых «Где русские смыслы сошлись» (2016), двухтомник «Древо с листьями имён» (Иркутск, 2017). Член Союза писателей России, секретарь Правления Союза писателей России, награждён орденом «За службу России», Золотой Есенинской медалью «За верность традициям русской культуры и литературы», медалями М. В. Ломоносова, М. Ю. Лермонтова, В. М. Шукшина, адмирала Кузнецова, Георгия Жукова, Акинфия Демидова и другими. Победитель V Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо – 2008», поэтического конкурса «Неизбывный вертоград» им. Николая Тряпкина (2010). Лауреат международных премий им. П. П. Ершова (2009), «Имперская культура» им. Э. Ф. Володина (2014), «Югра» за перевод «Слова о полку Игореве» (2015), всероссийских литературных премий «Белуха» им. Г. Д. Гребениčkова (2013), им. Николая Клюева (2014), премии издательского дома «Российский писатель» (2014, 2016), премии журнала «Наш современник» (2015), конкурса одного стихотворения «Донбасс, Донбасс, земля моя, ты весь горюшь в огне» в Петербурге за стихотворение «Бескрылый ангел» (2016), конкурса им. Николая Денисова (2017). Трижды лауреат Губернаторской премии Иркутской области (2010, 2011, 2015). Печатался в Америке, Аргентине, Канаде. Стихи переведены на сербский, венгерский, болгарский языки.

ИВАН МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ

Среди известных литературных имён Сибири имя Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского несомненно занимает одно из выдающихся мест. Ещё в начале прошлого века он формировал и создавал писательскую гвардию Иркутска, а затем возглавлял её долгие годы. Как поэт, Иван Иванович Молчанов-Сибирский оставил большое, ещё не до конца опубликованное и изученное литературное наследие – стихи и поэмы, публицистику, детские стихи и рассказы, дневники и записные книжки. Он вёл большую общественную работу, искал и воспитывал юные и молодые таланты и оставался таким до конца своих дней.

В 1985 году Георгий Марков, лауреат Государственных и Ленинской премий, первый секретарь Союза писателей СССР, бывший иркутянин, вспоминал об И. И. Молчанове-Сибирском: *«У него был редкостный талант находить людям полезное дело, вовлекать их в общественную жизнь. Он был неустойчивым на добрые выдумки, которые порой превращались в радостные события для многих... вспомните знаменитую “Базу курносых”».*

А вот воспоминания другого писателя, тоже иркутянина: *«Исключительно душевное расположение к людям, благожелательность, внимание к заботам близких и малознакомых, соединённые с ярким и оптимистическим настроением...»*

...Писательской организации мы не можем представить без Ивана Ивановича потому, что он вытесовал эту организацию, был многолетним и почти бессменным её руководителем, взвалил на плечи своё нелёгкое дело воспитания литературной смены. <...> И если в Иркутске на долгие годы создался особый микроклимат в литературной среде, то начало его идёт от “дяди Вани” Молчанова-Сибирского».

Так писал о Молчанове-Сибирском поэт Марк Сергеев – один из его прилежных учеников. А что до «дяди Вани», то так дружески, доверительно и с большой любовью называли его «курносые», пионеры-школьники иркутской школы № 6, которые под его руководством написали книгу «База курносых», а затем нередко – его друзья и коллеги. Даже Алексей Максимович Горький, подписывая

Молчанову-Сибирскому свою книгу на Первом съезде советских писателей в 1934 году, оставил на ней полушутливую, полусерьёзную дарственную надпись: *«Дяде Ване Молчанову-Сибирскому. Хорошее дело делаете, дядя»*. И позже, когда Горький переписывался с иркутскими школьниками и давал им совет относительно написания новой книги: *«Я предлагаю вам: когда дядя Ваня прочитает весь материал, пошлите рукописи ко мне, я бы тоже посмотрел...»*

Иван Иванович Молчанов-Сибирский родился 1 мая 1903 года во Владивостоке в семье военного моряка, баталёра героической канонерской лодки «Кореец». Помните песню «Гибель Варяга» на стихи Якова Репнинского: *Мы пред врагом не спустили // Славный Андреевский флаг. // Сами взорвали «Корейца», // Нами потоплен «Варяг»*.

Начало жизни Ивана Ивановича прочно связано с военно-морской славой Иркутска. Именно Иркутск стал форпостом зарождения и развития Тихоокеанского флота. снаряжение петровских экспедиций – Беринга и других, Российско-Американская компания, открытие и присоединение к России Алеутских островов, Аляски, первое посольство в Японии, первая навигацкая школа, первое Адмиралтейство, проект реформ российского флота, разработанный иркутским губернатором Корниловым (отцом знаменитого адмирала Корнилова, героя Севастополя). Так что маленький Ваня Молчанов появился на свет в морской колыбели восточной российской окраины, которая за три века была создана в основном силами иркутян. Не случайно его отец – Молчанов Иван Николаевич – на морскую службу был призван из Иркутска.

В 1905 году Молчановы вернулись в Иркутск, и вся последующая жизнь и судьба И. И. Молчанова-Сибирского связана только с Иркутском. В семнадцать лет Иван Молчанов работает помощником слесаря в иркутском железнодорожном депо, учится в железнодорожном техникуме. Работая в депо, он оканчивает курсы рабкоров, сотрудничает в газетах, вступает в комсомол. В те годы на железной дороге работали будущие писатели: Павел Нилин – в котельной, Костя Золотовский и Михаил Скуратов – в депо. Здесь, среди рабочей молодёжи, в комсомольской среде и зазвучал голос молодого поэта Ивана Молчанова.

В 1923 году в Иркутске возникает Иркутское литературно-художественное объединение (ИЛХО) – первая в Сибири писательская организация. И это опять же не случайно. В Сибири только Иркутск имеет в историческом арсенале почти десяток летописей, отражающих историю города и края. В Иркутске появилась первая публичная библиотека. В Иркутске написан первый сибирский роман «Дочь купца Жолобова» Ивана Калашникова. В Иркутске родилась первая в Сибири женщина-писатель – Авдеева-Полевая, здесь же написан первый советский роман – «Два мира» Владимира Зазубрина.

Михаил Скуратов, поэт, чалдон и сибиряк, жил в Москве, но не забывал своей родины. Его душевная приязнь к другу юности сквозит в строках воспоминаний: *«Иван Молчанов-Сибирский! Мой друг и побратим по писательскому ремеслу. Мы оба с ним служили одному делу – русскому поэтическому Слову, русской советской Поэзии... Мы с ним оба возрастали в былом Глазковском предместье Иркутска, и даже сражались в мальчишеских уличных драках, – когда улица шла на улицу. И уже в ту пору мы с ним оба стали «илховцами» – и вошли в пятёрку-шестёрку юных тогда поэтов... Напомню и перечислю имена: Иосиф Уткин, Джек Алтаузен, Иван Молчанов, Валерий Друзин, Василий Томский (Скрылев) и аз многогрешный – тогда выступавший под псевдонимом – Михаил Бельский...»*

Первые стихи Молчанова-поэта посвящены родному городу, родному краю, родному Глазковскому предместью: *Гора, за ней опять гора // Сплотили тесно плечи, // И мчится, стонет Ангара, // Совсем по-человечьи. // И каждый день, и каждый год // Упрямо камни гложет. // И синих вод упрямый ход // Скала сдержат не может.*

В 1932 году выходит первый сборник стихов И. И. Молчанова-Сибирского «Покорённый Согдиондон», где автор рисует широкий образ пробуждающейся Сибири и чувствует себя её верным сыном: *В тайге глухой голец Согдиондон // Вонзился в небо голою вершиной. // Его изрезали со всех сторон // Глубокие и резкие морщины. // Он сед, он стар. Давным-давно оглох. // Крутые скулы топором не бриты, // Как борода косматый белый мох, // И склоны пихтою обвиты. // Стихи поэта отражают эту сыновнюю любовь: // Милый край... Тишина... Тишина. // Милый край, где привольно и дико, // Под ногами бадан ибрусника, // Милый край молодого вина.*

Первая книга Ивана Молчанова стала добротной заявкой на творческое будущее: *Догорел осенний вечер, // Укатилось солнце прочь. // Даже собственные плечи // Не видать в такую ночь.*

Иван Молчанов входил в сибирскую литературу вместе со своими друзьями-одногодками – Иосифом Уткиным, Михаилом Скуратовым, Львом Черноморцевым, Валерием Друзиным, Анатолием

Ольхоном, Гавриилом Кунгуровым – и чуть ли не все они одного, 1903 года рождения. А ещё его литературные сверстники и друзья: Иннокентий Луговской, Павел Маляревский, Джек Алтаузен, Елена Жилкина, Константин Седых, Василий Непомнящих. С писателями старшего поколения у молодого Молчанова также дружеские отношения с Аполлоном Тороевым, Исааком Гольдбергом, Александром Балиным и особенно с Петром Поликарповичем Петровым.

В 1933 году Иван Молчанов ведёт литературный кружок в иркутской школе-интернате № 6. Он знакомит детей с русской и советской литературой, преподаёт им азы журналистики и публицистики, и, под впечатлением литературных познаний и рассказов наставника, они пишут первую в советской России коллективную книгу о времени и о себе «База курносых».

Юные иркутяне и не знали, что продолжили давнюю традицию, начатую ещё в 1835 году, когда иркутские гимназисты из собственных сочинений составили книгу «Прозаические сочинения учащихся иркутской гимназии» и их наставник, преподаватель изящной словесности Поликсентьев сумел издать её в Петербурге. В книге ребята описывали берега и воды чистой Ангары, затенённую и поэтичную речушку Каю, сверкающую и гремящую на камнях Ушаковку и, конечно, легендарный Иркут, приносящий к Ангаре отражение и прохладу Саян.

«База курносых» прогремела на всю страну, и руководство Иркутска наградило ребят поездкой в Москву. Иван Иванович получил в это же время приглашение на Первый съезд советских писателей – и в Москву поехали все вместе. Уже в дороге дети прочитали в «Известиях» отзыв Алексея Максимовича Горького об их книге и приглашении на I съезд советских писателей. После съезда ребята вместе с Иваном Ивановичем побывали в гостях у Горького в Горках, где он пожелал им творческих удач. Вернувшись, дети решили писать книгу о том, как ездили в столицу, как гостили у главного писателя страны. И конечно, вместе с ними работал и помогал им их любимый дядя Ваня.

И это не единственный пример творческого общения Ивана Ивановича со школьниками и молодёжью тех лет. Вот строки письма одной из многочисленных поклонниц творчества Молчанова-Сибирского Лины Белковой: *«Кажется, давно ли это было, когда в Красноярском техникуме путей сообщения, будучи пионеркой, я слушала его горячие выступления на комсомольском собрании. Как потом, в Иркутске, в бывшем Глазковском предместье, мы – комсомольцы – слушали его чудесные стихи. Память о нашем сибирском поэте всегда будет жить в сердце советского человека. Его жизнь достойна подражания, и я горжусь, что в молодые годы мне довелось слушать Ваню Молчанова. Его пламенные речи и стихи многим дали направление в жизни. Я была в числе этих многих.»*

Лина Белкова (из многочисленной семьи Яковлевых), г. Ленинград».

А вот строки известного журналиста, ученика и друга Ивана Ивановича, соратника по работе в газетах военного времени, собственного корреспондента ТАСС в Иркутске Александра Иовича Гайдая, поэта, написавшего две книги стихов.

Леонид и Александр Гайдаи, как и Молчанов, – глазковчане. Все они ходили по одним улицам, в одни годы, жили по соседству, и их творческий потенциал взрастал и питался соками одной и той же земли – в сосновых и берёзовых рощах над Иркутом, Ангарой и Касй. Здесь рождались не только поэтические образы у Ивана Молчанова и у Александра Гайдая, здесь обозначались и переходили в потенциал творческой реальности реплики, ситуации и эскизные черты будущих героев всемирно известных комедий Леонида Гайдая «Операция “БГ”», «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука».

Из воспоминаний Александра Гайдая:

«...Конечно, писательский труд – дело сугубо индивидуальное, и своими успехами, художественными открытиями авторы обязаны прежде всего самим себе, своему дарованию, но немаловажное значение имеет и та обстановка, то окружение, в котором работает литератор. Атмосфера доброжелательности, товарищеской поддержки и одновременно строгой взыскательности, какая сложилась в Иркутской писательской организации в пору работы на посту ответственного секретаря И. Молчанова-Сибирского, помогла выявить и вырастить новые таланты, способствовала росту творческой активности и молодых, и уже сложившихся опытных литераторов.»

Александр Гайдай подружился с Иваном Молчановым и никогда не терял связи с ним и его семьёй, даже тогда, когда Ивана Ивановича уже не было в живых.

В тридцатые годы у Молчанова-Сибирского выходят сборники: «Стихи», «Синие Саяны», «Граница на Востоке», а также книжки для самых юных читателей: «Милая картошка», «Лисёнок Тумай», «Лыжнята» с иллюстрациями иркутских художников. Голос поэта крепнет, набирает силу и звучит

чище, образнее, ярче. Имя его обретает не только региональную, но и всесоюзную известность, и это видно из писем со штемпелями Москвы, Ленинграда, Владивостока, Хабаровска, Якутска, Красноярска, Новосибирска.

Поэту пишут, к нему обращаются писатели, известные всей стране, – Александр Серафимович, Эдуард Багрицкий, Владимир Зазубрин, Самуил Маршак, Илья Сельвинский, Ефим Пермитин, Борис Полевой. Кроме просто дружеских и приветственных слов – это ещё и рецензии, и отзывы на его творчество, и многочисленные просьбы.

«Уважаемый тов. Молчанов! Ваши стихотворения “31-н” и др. производят впечатление: звучны, литературны. Вы будете расти. Стихи передал тов. Полетаеву в “Октябрь”. Он читает стихи. С приветом Александр Серафимович. 16.V.28».

«Внутренняя лиричность резко отделяет Молчанова от поэтов, у которых, кроме штампа, нет ничего. Сибирская экзотика для Молчанова не только эстетическое украшение, она также быт, она страна, которую нужно освоить. Он знает прошлое этой страны, он с ней в настоящем, он явственно видит её будущее. Эдуард Багрицкий. Москва. 1930 год».

«В песнях Ив. Молчанова-Сибирского есть и разлив, и язык, они увлекают и полны теми приятными неожиданностями, которые являются первыми признаками поэтического дарования. В них автор весь в обаянии своей темы – он поёт и не думает о том, чтобы это было похоже на то, как принято в “хороших домах”. Илья Сельвинский. 15.IX.1937 г.».

В 30–50-е годы XX столетия Иван Иванович был в глазах современников светлой, неординарной личностью, известным поэтом, которого знали и читали не только в Иркутске и в Сибири, но по всей стране, совершающей прорыв ко всеобщей грамотности, к знаниям, издающей самые большие в мире тиражи книг. Можно сказать, что Ивану Ивановичу Молчанову-Сибирскому повезло не только с верными друзьями, среди которых были писатели, офицеры, рабочие, пионеры, ему повезло и с необычайно широкой, отзывчивой и чуткой читательской аудиторией, которая признала и любила его. Но аудитория одна на всех, а потому главное, в чём ему повезло, – это с родиной Сибирью, восторгаться которой и воспевать которую он никогда не уставал. Названия его стихов говорят сами за себя: «Весна на Байкале», «Золотоносная тропа», «Костёр», «У таёжного ключа», «Избушка на Ичене», «Озерцо», «На берегу», «Затёсы», «Голубой дым», «Мунку-Сардык», «Безымянный ручей», «Подбрось в костёр немного веток», «Хорошо на Байкале вечером».

И не менее важным, чем родина в судьбе, стало то, что не обнесла та же судьба Ивана Ивановича до краёв наполненной, светлой чашей личной жизни – на протяжении всего жизненного пути, полного трудов и забот, был он счастлив с женой Викторией Станиславовной Молчановой, в девичестве Прушинской, и с детьми, которых в семье было шестеро. Да, он был востребован временем, уважаем коллегами по литературному цеху, которым помогал и сумел взрастить целую плеяду известных и даже выдающихся писателей. А ещё был он осиян немеркнущим светом родной, любимой и любящей души, согрет её теплом и заботой.

Не только литературой и работой с молодёжью и школьниками был занят поэт. В довоенные годы И. И. Молчанов-Сибирский несколько раз призывался в армию, где также была высока потребность в правдивом и честном слове, в подбадривающем и поддерживающем оптимизме, в устойчивой вере в общее дело, в правоте идей и устремлений целого народа. А что может быть нужнее и справедливее защиты своей земли, своего отечества? И его отправляли то на командирские сборы, то на тревожные рубежи, где вела сложную провокационную игру японская военщина, не желающая смириться с результатами давно отгремевшей гражданской войны, с господством России на Курилах, на Сахалине и на Камчатке. Ну и само собой, годы, когда гремела Великая Отечественная и у восточных границ стояла огромная Квантунская армия. Здесь, в полевой и часто боевой обстановке, росло и крепчало уже не литературное, а военное мужество и братство сильных и испытанных в боях людей.

Небезынтересно в этом смысле письмо генерал-лейтенанта в отставке Анатолия Александровича Никифорова, присланное 23 февраля 1965 года из Москвы в Иркутск: *«В 1934 г. командный состав запаса погранвойск в полевых условиях проходил переподготовку в 1-й пограничной школе (г. Новый Петергоф). На переподготовку был направлен и поэт Иван Иванович Молчанов-Сибирский. Я в это время командовал курсом переподготовки и не могу не вспомнить этого высокого, стройного и подтянутого, с большой белокурой шевелюрой и выразительными добродушными глазами, человека. Иван Молчанов был всегда примером на курсе, как при обучении, так и в повседневной лагерной жизни. Он был не только редактором стенной газеты, не только интеллектуальным кладезем подразде-*

ления, но и активным спортсменом, организатором серьёзных диспутов и участником многочисленных дружеских бесед. Вспомнив его, я раскрыл пожелтевшие от времени страницы с написанными им и подаренными мне на память стихами (по-видимому, нигде не опубликованными и мало кому известными) о тех днях, которые мы вместе проводили в напряжённой учёбе в лагере “Приморский хутор”. 1 июля 1934 года, на 45-й день сборов, мы решили организовать прощальный вечер...

Когда выступала наша самодеятельность, я получил “боевое донесение” на листках, вырванных из полевой книжки, предназначенной для таких донесений: “Кому: т. Никифорову А. А. Лагерь: Новый Петергоф. Время: 11.00. 1.VII.1934 г. Донесение № «Прощальный вечер»:

*Окончены речи, играет туш.
Товарищи, слушайте друга!
И вот запекает смущённый Вануш
Про солнце далёкого юга.*

*Стремительным шквалом ворвался оркестр,
По сцене поплыл Карахалин,
Танцует Шамиль, а природа окрест,
Как будто у нас на Байкале.*

*И тут же является солнце из туч
Над сумрачным Финским заливом,
Умытый дождинками солнечный луч
Искрится цветным переливом.*

*Быстрее и быстрее, как полёт колеса,
Стремителен танец кавказский.
Вот так бы и мне искромётно плясать,
Да нормы не сдал я по пляске.*

*И песне навстречу – другая встаёт,
Высокая песнь Закавказья.
Сегодня для нас эту песню поёт
Наш друг Тадеоз Сагарадзе.*

*Товарищ Шумаев, есть просьба к тебе,
Зови на подмогу флейтиста,
Чтоб грянул свой марш о любви и борьбе
Наш хор и наш тенор Денисов.*

*Подхвачена вмиг голосами друзей,
Под облако песня взовьётся,
И в песне волнуется горный ручей,
Лоза виноградная вьётся.*

*Мы с маршем победным пройдем до конца
Единым не дрогнувшим строем
Под грохот снарядов и посвист свинца...
Да будет здесь каждый героем!”*

Прочитав это “донесение”, я не удержался, чтобы тут же не огласить его всем присутствующим на вечере. Долгие, не смолкающие аплодисменты закончились возгласами “Качать Молчанова!” Это было достойной наградой за его тёплые, проникновенные слова о своих товарищах и за тот призыв, который прозвучал в концовке стихотворения. Время было, действительно, героическое, и многие из нас в будущей войне с фашистами стали настоящими героями своего времени. Его стихи светло и правдиво показывают ту обстановку, ту удивительную дружескую атмосферу, которая окружала нас, молодых командиров. А “Песня командиров запаса” стала нашим гимном. С ней мы направлялись в походы, на охрану государственной границы, с ней мы возвращались в наш учебный лагерь. Память о поэте Иване Молчанове-Сибирском сохранится у пограничников на долгие годы, и хотелось бы, чтобы земляки-иркутяне знали его не только как поэта, но и как воина в зелёной пограничной фуражке. Генерал-лейтенант в отставке А. Никифоров».

А вот воспоминания Анатолия Срывцева, которые относятся к тем же далёким, довоенным годам («Свидание». Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1972): «Однажды небольшая группа литераторов Иркутска решила выехать в летние лагеря, где проходил тогда военные сборы командир запаса поэт Иван Молчанов-Сибирский. Из темноты, качаясь, плывёт на нас желтоватый пучок света. Он то исчезает, то, внезапно приближаясь, ярко вспыхивает, выхватывая из сумрака стационарные постройки, крышу низкого сарайчика, пёстрый киоск. Обогнув вокзал, свет гаснет, скрипят колёса по гравию. И звонкий голос прорезает тишину ночи: – Товарищи писатели здесь? Потом пучок света несётся впереди нас, освещая мачтовые сосны, белую дорогу, и, наконец, упирается в деревянный забор, полосатую будку и часового с винтовкой. Выходим из машины, минуем часового и идём по мягкой дорожке. – Здравия желаю, товарищи писатели! – раздаётся громкий, с лёгким перекатом командирский голос, но в нём почему-то слышатся знакомые шуточные нотки. – Это же Ваня! – кричит Константин Седых, встряхивая густыми кудрями. Мы со всех сторон окружаем подтянутого, широкоплечего командира в лихо надвинутой на брови пилотке. Ольхон берёт в руки планшет, проводит пальцами по новеньким скрипучим ремням, которые крест-накрест перехватывают грудь Молчанова, и протяжно тянет: – Вот это да-а! – и в комическом удивлении: – Товарищи

старший политрук, неужто мы с вами цапались две недели назад на литературной пятнице?.. Непостижимо... – все хохочут».

В 30-е годы в Иркутск приехали Агния Кузнецова и Георгий Марков. Однажды Марков принёс Молчанову объёмистую рукопись и попросил посмотреть. Иван Иванович начал читать и не смог оторваться от рукописи, читал всю ночь. Наутро он, усталый, но с какой-то спокойной уверенной радостью сказал жене: «Витя! Ты знаешь, Готя написал выдающийся роман! Его надо срочно издавать!» Так, первым читателем и редактором книги Георгия Маркова «Строговы» стал Иван Иванович. Об этом с теплотой пишет и сам Георгий Мокеевич в своих воспоминаниях.

«Политработнику запаса, аттестованному в звании старшего политрука, И. И. Молчанову-Сибирскому довелось служить в Советской Армии во время боёв у озера Хасан в 1938 году и событий на реке Халхин-Гол в 1939 году. <...> Приобщение к воинской службе, знакомство с армейским бытом, доверительная дружба с бойцами и командирами не могли не отразиться на его творчестве», – напишет в 1983 году Александр Гайдай.

Уходить мне на работу надо,
У дверей из стульев баррикада,
А за нею дочка – пальчиком грозя,
Говорит мне ласково: – Нельзя!
Медленно идут переговоры,
Я иду, и смотрит дочь с укором.
Я иду и слышу позади:
– Не ходи!

Солнце плыло в пелене тумана.
Уходить собрался нынче рано.
Бушевала ненависть во мне:
Я услышал вести о войне.
И спросил я: – Доченька, отрада,
Я пойду на фронт? Сказала: – Надо!
Потеплело у меня в груди...
Помолчав, добавила: – Иди.

Прототипом этой маленькой и такой серьёзной девочки, несомненно, явилась Света, Светлана Ивановна, дочь поэта и будущая жена великого русского писателя Валентина Распутина.

Период службы в Монголии – бесконечные дороги, заставы, бои с японцами и подкупающе мирные картины тревожного времени – всё видит, всё отмечает поэт:

Трубила труба: по вагонам!
Трубе отвечал паровоз.
И травы шатались по склонам,
И ветер летел от колёс.
На горных лиловых отрогах
Маячил далёкий дымок.

Пред нами лежала дорога
На Дальний советский Восток...
И песня гремит по вагонам,
Синеет небес глубина,
И ждёт нас в конце перегона
Суровое дело – война.

А война никогда не заставит себя ждать:

Мы вспоминали, как играют дочери,
И задремали беспокойным сном...
Вдруг в тишине хлестнула очередь
Ручного пулемёта за бугром.
Чертили небо молнии зигзагами
И в горы ударяли вкривь и вкось.

Враги бежали в панике оврагами –
Нет, нападение их не удалось.
Ещё хлестала по бегущим очередь
И гром глушил врага последний крик...
И, может быть, в кроватках наши дочери
Во сне отцов увидели в тот миг.

А вот и мир посредине войны – его всегда больше, и он понятен каждому.

Подходит к Керулену караван,
К просторным дымным юртам Ундурхана.
Как путники, покинув океан,
Ещё несут дыханье океана,
Так караван доносит зной пустынь,

А в бурдюках – остатки терпкой влаги.
В осенний холод ворвалась теплынь.
Верблюды медленно вступают в лагерь,
Несёт старик-погонщик от майхана
Бойцам в подарок тучного барана.

Стихи Молчанова-Сибирского тех лет – это вообще редкое в нашей литературе широкое полотно предвоенной дальневосточной грозы: бои у озера Хасан, бои у Халхин-Гола, где фактически рождалась и закалялась в боях та армия, которая потом, в сорок первом, пережив первые разгромы, выстояв и набрав силы, неудержимо двинулась на запад, чуть ли не до Ла-Манша.

Подарочное издание «Бои Халхин-Гола» (Москва: Воениздат, 1940) и в обиходе имён, кто готовил это издание: Герой Советского Союза, генерал армии Георгий Жуков, генеральный секретарь СП

СССР Владимир Ставский, писатели Константин Симонов, Евгений Петров, Всеволод Вишневский и другие – стоит скромное имя молодого офицера Ивана Молчанова, выступившего в этом издании с очерком «Экипаж Михаила Рыбкина».

Уже в 1942 году и позже, после всех сражений в Отечественную, в 1948 году, выйдут книги Молчанова-Сибирского, обращённые к тем дням и годам: «Полевая почта» (Иркутск, 1942) и «Мои товарищи» (Иркутск, 1948), из которых всегда будут доноситься до нас знойное дыхание монгольских степей, пулёмётные очереди, артиллерийские канонады и грохот танковых гусениц. «Застава», «Городок», «Пограничный пост», «Ночная схватка», «Посылка», «В секрете», «Дружба», «Перед сраженьем», «Русская гармошка на Хингане», «О чём ты думаешь, солдат?..» и десятки других стихотворений – это не просто поэтические циклы о войне, это летопись сражений, живые страницы нашей истории, близкой и вечно живой.

Когда была объявлена война 1941 года, иркутские писатели во главе со своим секретарём Иваном Молчановым-Сибирским опубликовали в газете обращение и объявили себя полностью мобилизованными для фронта. Писатели высказали просьбу Политуправлению ЗабВО направить их в действующую армию, на запад, но их направляют на восток – здесь у наших границ стоит, и будет стоять до своего полного разгрома в 1945 году, огромная Квантунская армия – миллион прекрасно вооружённых и обученных солдат и офицеров Японии.

Десятки очерков и рассказов посылает в редакции военных газет военкор Молчанов-Сибирский. Вместе со своим давним другом, а теперь и фронтовым побратимом, с которым они, случается, делят поровну последнюю походную картофелину или последний глоток воды, с Георгием Марковым, пишут они и подписывают двумя фамилиями многие корреспонденции. «Герои первых боёв», «Встречи. Из дневника писателей», «Город полотняный», «На переправе», «Семнадцать против двухсот», «Дух традиций» – везде их имена «Иван Молчанов, Георгий Марков» стоят рядом.

И конечно, строками множества стихов освещает поэт и этот период жизни. Из воспоминаний Игоря Дружинина, писателя и фронтового товарища Ивана Ивановича: *«У него были удивительные глаза. Можно было и не спрашивать, удались стихи или нет... Сам искренний и правдивый во всём, он требовал от поэзии правды и откровенности...»*

...Вдали от Родины, за Хинганом, в маленьком маньчжурском городке мы встретили День Победы над империалистической Японией. Мы вместе ездили в часть – писать очерк о победителях. Редакционный фотограф запечатлел нас у машины: с пожелтевшего уже снимка молодо смеётся счастливый, влюблённый в жизнь человек. Иным я его и не представляю».

Через долгие дни и тяжкие годы приходит светлый и ослепительный День Победы. Майор И. И. Молчанов-Сибирский с орденом Красной Звезды, монгольским орденом, с медалью «За победу над Японией» заканчивает, и уже навсегда, свою военную страду. И разве можно не отметить эту победу стихами? И поэт пишет стихи, своеобразные, с отображением в них своей жизни, в память отца и во славу всех, кто сражался за Россию.

Мы так любили в детстве слушать
Рассказ отца про Порт-Артур!
Пред нами возникала суша,
Форты, глазницы амбразур.
Для нас бессмертною былиной
Вставали дни тревог и гроз –
Сраженье на Перепелиной
И Электрический утёс.
Мы в бескозырках из бумаги
С любимой песнею «Варяг»
Сражались яростно в овраге
В пылу мальчишеских атак.

Прошли года. Забыты игры,
Но песни старые звучат.
На западе пылают «Тигры»
От метких выстрелов внучат:
Потомки моряков «Варяга»
Врагу не сдали Сталинград.
Крепка старинная отвага,
Умноженная во сто крат...
Вновь Порт-Артур... Уже над фортом
Родные флаги зацвели.
Подходят к старым пирсам гордо
Моей державы корабли.

Военкор и поэт майор Молчанов-Сибирский печатал в редакциях военных газет «Героическая красноармейская», «На боевом посту», «Советский боец» рассказы и очерки не только о бойцах и офицерах, он, как наставник, хорошо поработавший в культуре, посвящал свои статьи и выступления не только войне, но и русской литературе. Это позволяли ему его познания в литературе, в истории, его эрудиция и бесконечная работоспособность.

Им написаны статьи о М. Горьком (1943), Е. А. Баратынском (1944), А. С. Грибоедове (1945), Салтыкове-Щедрине (1946), о романе Фадеева «Молодая гвардия» (1946).

Статья, написанная к 150-летию со дня рождения А. С. Грибоедова, – газета «Героическая красноармейская», № 12 от 14 января 1945 г.: «Как воин на посту погиб знаменитый русский писатель и пламенный патриот Александр Сергеевич Грибоедов. В расцвете сил и талантов прервалась его кипучая жизнь, озарённая горячей любовью к своему народу и к великой Родине.

...По образному выражению Гончарова, читающая публика “развеела всю соль и мудрость пьесы в разговорной речи, точно обратила миллион в гривенники”... Многие стихи превратились в поговорки и пословицы, обогащая русский язык».

Но вот и для Молчанова и его друзей закончилась война. Теперь домой, домой, к мирному труду, к родному городу, где друзья, библиотеки, жена и дети и всё-всё, за что сражались и не дожили многие фронтовые товарищи.

В походной, пробитой ветрами шинели
Солдат возвращался с победой домой.
Он ехал, и сёла навстречу летели.
Мгновенье... покажется город родной.
Иркутск возникает уже из тумана,
Возлюбленный с детства, окрепший в борьбе.

Солдат прошептал: – С перевалов Хингана
я видел тебя, возвращаюсь к тебе.
Всё – ново, всё – радость влюблённому взору:
Заводы и мост, заменивший понтон.
Поднялся солдат на Весёлую гору
И городу отдал глубокий поклон.

Очерки о писателях, о русских поэтах-патриотах он создаёт и в мирное время. Иван Молчанов-Сибирский пишет статью о Михаиле Исаковском «Всегда с народом» (газета «Советский боец», 1949 г.).

И наконец, Пушкин. «Наш Пушкин» – газета «Советский боец», № 131 от 5 июня 1949 г. Очерк посвящён 150-летию со дня рождения великого русского поэта, который, как и вся русская поэзия, сражался с врагами на всех фронтах – многие бойцы и командиры возили с собой в карманах шинелей и в рюкзаках томики Пушкина.

Патриотизм, как одну из составляющих черт русского характера, присущую и ему самому, прежде всего замечал Молчанов-Сибирский у других и подчёркивал эту национальную особенность как у воинов, так и у литераторов, о которых писал. Его чувства и мысли, его рассуждения о русском патриотизме актуальны и сегодня. Хотя многие стихи и очерки военных лет написаны Иваном Ивановичем за пределами России, в них поэт остаётся верным сыном Отчизны. И мы видим и слышим, как острота разлуки с Родиной дала Молчанову новый импульс, творческий взлёт. Это не требует доказательств, надо только прочитать произведения из его фронтовых тетрадей 1941–1946 годов, где предстают и война, и несладкие годы на чужбине, и природа, к которой поэт тяготел всем своим существом, пусть то были Маньчжурия или Россия, Хинган или Мунку-Сардык, озеро Байкал или река Керулен. И конечно же, родное Глазковское предместье: *Оно не такое теперь, как бывало: // Уже забралось на вершину горы. // Трамваи по рельсам бегут от вокзала // И смотрят в зелёную синь Ангары. // Здесь памятно всё: каждый дом, каждый мостик // И каждая тропка в сосновом бору, // Где часто бужит низовка от злости // И листья с бессмертьем вступают в игру.*

В послевоенные мирные годы Иван Иванович много пишет о родной природе, о строительстве ГЭС на Ангаре, о новом освоении края, и всё это проходит через его чуткое, доброе и отзывчивое сердце поэта. В его большом поэтическом наследии сохранилось много неизвестных, неопубликованных стихов, датированных сороковыми и даже двадцатыми годами. Этот, не освоенный издателями и литературоведами, осенённый светлым вдохновением, творческий пласт поэта Ивана Молчанова-Сибирского ещё на пути к читателю. Поэты – всегда пророки. Такой взгляд в будущее есть и в стихах Молчанова-Сибирского: *Увлечённый прибой рокотом, // Я безмолвно лежу на песке, // Бурь прошедших оваянный грохотом, // Ожидаю грядущих в тоске.*

Как будто поэт чувствовал в минуты прозрения, что случится с нами в будущем. Иван Иванович Молчанов-Сибирский был не только публицистом, поэтом, прозаиком, он являлся и внимательным, влюблённым в литературу читателем, тактичным, неподкупным редактором, прирождённым педагогом, а ещё и бессменным, с 25-летним стажем, руководителем Иркутской писательской организации. И это в самые грозные и воистину трагические годы жизни страны. Молчанов редактировал, наставлял на творческий путь, благословлял и прочил высокую писательскую судьбу многим сибирским литераторам. Ему доверяли первое знакомство со своими рукописями Георгий Марков, Константин

Седых, Василий Балябин, Франц Таурин, Михаил Скуратов, Борис Костюковский, Гавриил Кунгуров, Владимир Козловский, Александр Гайдай, Николай Печерский, Василий Непомнящих, Леонид Огневский, Иннокентий Луговской, Вячеслав Тычинин, Юрий Левитанский, Марк Сергеев, Анатолий Шастин, Юрий Самсонов, Пётр Реутский, Леонид Кокоулин, Анатолий Преловский, Виктор Киселёв, Алексей Самсония, Игнатий Дворецкий – имена, широко известные в стране. В его писательском архиве хранится огромное количество писем и телеграмм от российских литераторов со всех концов страны: Александра Твардовского, Бориса Полевого, Александра Яшина, Льва Стекольникова, Александра Смердова, Сергея Сартакова, Николая Яновского, Ефима Пермитина, от приморского писателя Георгия Халилецкого, новосибирской поэтессы Елизаветы Стюарт, молодого, безвременно ушедшего иркутского поэта Ивана Харабарова.

Молчанов-Сибирский встречался, общался и вёл переписку, и ему дарили свои книги Максим Горький и Александр Яшин, Марк Лисянский и Николай Рыленков, Лев Кассиль и Василий Ажаев, Сергей Сартаков и Павел Нилин, Афанасий Коптелов и Николай Задорнов.

О нём вспоминали и писали на страницах своих произведений, в статьях и очерках, посвящённых его творчеству, Максим Горький, Георгий Марков, Иннокентий Луговской, Михаил Скуратов, Анатолий Ольхон, Гавриил Кунгуров, Анатолий Срывцев, Василий Трушкин, Марк Лисянский, Василий Лебедев-Кумач, Александр Гайдай, Леонид Огневский, Игорь Дружинин, Пётр Боровский, Леонид Кокоулин, Владимир Козловский, Марк Сергеев, Анатолий Преловский, Елена Жилкина, Пётр Реутский, Ростислав Смирнов, Виктор Киселёв, Анатолий Шастин, Виктор Конев, Иван Козлов и многие-многие другие.

Иван Иванович Молчанов-Сибирский, человек потрясающей порядочности, необыкновенной сердечной чуткости по отношению не только к своим братьям-писателям, но и к совершенно незнакомым людям, бескорыстный и удивительно тактичный даже в мелочах, оставил глубокий след в памяти своих современников. Его книги выходили огромными тиражами в 30, 50, 100 и даже 110 тысяч экземпляров, это по нынешним меркам были фантастические тиражи. «Молчановские» книжки были в каждой школьной и сельской библиотеках, поскольку выходили в свет не только в Иркутске, но и в Москве: «Лисёнок Тумай» (1934), «Таёжница» (1954). В Чите: «Костёр» (1949), «Стихи для маленьких» (1954). В Красноярске: «Зорька» (1951), «Живой уголок» (1953). В Хабаровске: «Таёжная тропинка» (1953). В Чебоксарах: «Иринка» (1959). В Новосибирске: «Здравствуй, лагерь!» (1951), «В школе и дома» (1954), «Иринка» (1961).

Елена Викторовна Жилкина всегда говорила о неподдельном чувстве в лирике Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского: *«Иван Молчанов нашёл родник той настоящей поэзии, который никогда не иссякнет и будет питать сердце человека, сколько бы он ни прожил на свете. Горячей силой жизни продиктованы стихи Молчанова, обращённые к нам, его современникам»*. Елена Викторовна с живой радостью любила повторять строфу из стихотворения Молчанова-Сибирского «Ветка кедра»: *Я принёс тебе веточку кедра, // Что растёт на вершине скалы, // В ней дыханье байкальского ветра, // Запах моря и свежесть смолы.*

В воспоминаниях Леонида Огневского, посвящённых Молчанову-Сибирскому, чувствуется тот самый «сибирский характер», о котором много пишут, говорят и спорят. Огневский адресует нам не просто воспоминания, он передаёт колорит того самого времени, в котором пестовались известные в Сибири таланты. Он как бы проливает на нас тот свет, ту радость общения, которую испытывал и он, встречаясь с дорогим и близким ему человеком.

В книге есть воспоминания и Леонида Кокоулина, который ещё совсем молодым, юным человеком пришёл к Молчанову.

Неоднократно писал о Молчанове-Сибирском и Марк Сергеев. Но особенно хорошо, по-сергеевски мягко и сердечно он написал свои воспоминания: *«Мне всегда казалось знаменательным, что Иван Иванович Молчанов-Сибирский родился первого мая, когда оттаивает Сибирь от зимнего оцепенения, выплскивая первую зелень, когда гром оркестров и нарядные толпы, движущиеся подобно весенним рекам, зовут тебя из будничности твоей квартиры на простор, когда всё вокруг добром откликается в сердце твоём, радостью первоцветов, пронзительностью неба и взгляда, парадностью марша, торжественностью события. Иван Иванович и был по-майски добр и щедр.*

Уже выросли поколения, которые знают Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского по книгам, по воспоминаниям друзей и товарищей по работе в литературе. Да, вырастают дети, поколение

меняет поколение – и это неизбежно. Но мы, знавшие Ивана Ивановича живым, не можем представить себе без него ни Иркутска, ни нашей писательской организации, ни собственной судьбы.

Он ремонтировал паровозы, в годы послевоенной разрухи каждый из них был на счету, по-журналистски поддерживал всё новое, доброе, он выступал вдохновенно и безотказно в рабочих общежитиях и воинских частях, в школах и в пионерских лагерях, он весь свой темперамент и щедрое сердце своё отдал без остатка городу, который любил с детства, хотя родился не в Иркутске, а во Владивостоке, в семье военного моряка, баталёра канонерской лодки “Кореец”. Уже в молодости Ивана Ивановича отличает особенное свойство души, исключительное душевное расположение к людям, благожелательность, внимание к заботам близких и малознакомых, соединённых с ярким оптимистическим настроением, которое сохранял он даже в периоды тяжёлых болезней и жизненных неудач, не обходивших его.

К этому следует приплюсовать заботливость, организаторский талант, неуспокоенность сердца. Именно эти качества сделали его одним из выдающихся организаторов литературного процесса в Сибири и особенно в Иркутске. Может быть, одной из главных особенностей тона в разговоре друг с другом, существовавшего в отделении Союза писателей, когда возглавлял его Молчанов-Сибирский, была открытость, желание помочь друг другу даже острым и беспощадным словом. Какие порой разгорались баталии! Как спорили! Как остро и интересно говорили, не опасаясь, что за резкое слово в адрес товарища придётся при случае расплачиваться. И уверенность эта покоилась на том, что и сам Иван Иванович не боялся подставить под бой свои книги, свои рукописи, подавая живой пример другим.

Поднимались на такие кручи,
Где никто ещё не проходил.
Под ногами проплывали тучи,
Друг от бездны друга отводил.
Пот струится. Подниматься тяжело.
И орёл пониже нас парит.
Спутница солдатская – баклажка –
Больше суток без воды гремит.

Кухня батальонная в тумане.
Тянет провод по скале связист.
Русская гармошка на Хингане,
Русский на лафете гармонист.
То она поёт и веселится,
То грустит о чём-то в тишине.
Русская гармошка за границей.
На маньчжурской дальней стороне.

Это написано в сорок пятом... У кого из однополчан, из тех, кто принимал участие в последнем сражении войны, не вздрогнет сердце, не вспыхнет память, разбуженная этими давними, но вечно живыми строками».

Заметный, яркий след на земле и в сердцах современников оставил поэт и гражданин Иван Иванович Молчанов-Сибирский. Об этом свидетельствуют и его произведения, воспоминания его друзей и коллег по творческому цеху и те, кого он вводил в литературу, кто рядом с ним жил и работал. И удивительно, есть судьбы, как бы повторяющие другие судьбы, не в деталях и особенностях, а в главном, стержневом содержании, что, должно быть, говорит о прочности заложенных традиций, о духовной близости поколений, о зеркальности предопределения, о том, что всё прекрасное на земле имеет и будет иметь продолжение.

Мягкий по характеру, интеллигентный, внимательный, умеющий создать душевную обстановку общения – таким был Иван Иванович Молчанов-Сибирский.

В 60-е годы в прессе и на устах многих звучало выражение «Иркутская стенка». Это молодая группа начинающих писателей – Александр Вампилов, Валентин Распутин, Геннадий Машкин, Глеб Пакулов, Дмитрий Сергеев, Альберт Гурулёв, Евгений Суворов, Владимир Жемчужников, ломая некоторые представления о литературных процессах, вносили в судьбы российской словесности новые освежающие тенденции, веяния, представления.

Но скажем честно – подобное у нас уже было. В 20-е годы, ломая поднадоевшее декадентство и кокетливую вычурность в поэзии, молодые, начинающие литераторы Иркутска – А. Вечерний, А. Оборин, Д. Алтаузен, М. Скуратов, И. Уткин, И. Молчанов – вносили в литературу нового века чистоту и простоту языка, ставили новые задачи и цели перед литературой. Возможно, это была Иркутская стенка номер один. Во всём этом нет никакой фанатичной предопределённости, заданности по круговому движению. Нет, это вечно текущая, обновляющаяся жизнь, это школа, это прочно заложенные традиции, это творческое лицо Иркутска, его литературный бастион, это блистающее зеркало жизни, в которое ещё много лет, всегда, будут всматриваться наши современники и потомки.

Берега прочтения

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного государства, автор более 30 художественных, историко-краеведческих, публицистических и научных книг, прозаик, публицист, критик, член Союза журналистов России, кандидат философских наук.

БЛАГОДАРЕНИЕ, БЛАГО И ЧЕСТЬ

О книге Сергея Пылёва «Харисто»

Русский отличается верой, верностью и рассудком.

А. В. Суворов

Два года назад я написала о книге Сергея Пылёва «А за окном человечество» (Воронеж, 2019), в которой писатель испытывает острое чувство ответственности за происходящее в мире и понимает литературу как средство влияния на дух человека, а личность – как проводника человека на духовные высоты (см.: Лидия Довыденко «Русская мысль и человечество» // dovydenko.ru).

И вот я получила новую книгу Сергея Пылёва «Харисто» (Воронеж, 2023), состоящую из семи блистательных повестей и четырнадцати проникновенных рассказов. Остановлюсь в размышлении о некоторых из них. Неповторимый мастер прозы, Сергей Пылёв обладает особым голосом, окрашенным интонациями лёгкой иронии, мягкого юмора и сочувствия, порой глубокой симпатии по отношению к своим героям и тем условиям, в которых им предназначено жить или они сами осуществляют этот выбор. Время действия повестей и рассказов – это последние три года, начиная с объявленной мировым закулисным пандемии.

Как поётся в народной песне, герои книги говорят между строк: «Сейчас я песню вам спою // Не про чужую жизнь, а про свою...» Отличаясь верой и рассудительностью, встречая опасность лицом к лицу, часто демонстрируя в жизни присказку А. В. Суворова «Кто храбр, тот жив. Держись, пока силы есть!» – простые люди из народа держат и сохраняют достоинство на выражах принятия неожиданных решений правительством России в условиях, когда всемирное решало отличается повышенным стремлением сделать общество вне закона, обнулить всё и вся.

Трезво мыслящие герои книги «Харисто» говорят «Нет!» глобалистическим процессам и «играм кальмаров», выбирая нахождение в реальности, часто подвергаясь испытаниям на прочность тела и души. Мир обречён, если не перейдёт в реальный мир, – такова подоплёка «песка в шестерёнки смартфонной цивилизации». Русский человек в современном мире говорит: «Я падаю, но к тебе иду, Господи!»

Книга – автопортрет мастера слова, потому что выступают слёзы горечи на глазах русского мужика, не иссякает юмор и ирония в пространстве повседневности, сила любви, чувство радости в сердце как у писателя, так и у «искрящихся» искренностью его героев.

Харисто

Повесть «Харисто» начинается с размышлений Виктора Прокофьевича Степанова, героя повести, о главном человеке в нашей стране – «простом». Несмотря на «крайние годы жизни», «ему так и не довелось увидеть, чтобы “простой” человек жил нормально, в достаточном благополучии, а не на-

перекосяк». Правда, был порыв в светлые дали Хрущёва, распахнувшего «ширь небес», пообещавшего жизнь при коммунизме. Вспоминать грустно и забыть невозможно.

В беседах с соседом Анатолием темы всегда самые актуальные: скачок цен «на всякие там яйца, сахарок да рыбку какую-никакую, неподъёмная оплата услуг ЖКХ, да с Украиной никак на мирные рубежи не выйдем». Сосед уходил, а Виктор Прокофьевич просил у жены Алевтины «капелек», от «заискрившего» сердца.

И тут же возникает тема правительственного решения о повышении пенсионного возраста, воспоминания о Сталине, сказавшем последнюю фразу: «Без меня пропадёте», полёт Юрия Гагарина в космос, первый телевизор «КВН» и понимание того, что «бродивший по Европе призрак коммунизма не материализуется», получение юным Степановым характеристики после школы, что «в тюрьму не возьмут» за то, что на уроке он произнёс Хрущёв, не назвав по имени-отчеству.

В преклонном возрасте веру в коммунизм Виктор Прокофьевич теряет, Алевтина помогает ему понять, что «Моральный кодекс строителя коммунизма» – это та же Нагорная проповедь. Приняв Православие, бывший атеист понимает, что никогда он себя так свободно не чувствовал, «точно мой заветный коммунизм наступил. В душе! Небесный коммунизм!»

Во время операции на сердце ему ангел нашептал слова: «Харисто гунаиз!» Стоит только человеку произнести эти слова, как он и всё человечество обретёт заветное счастье. Он записал эти слова и другие, которые говорил ангел, но когда пришёл в себя, не вспомнил их значения и рассмотрел как бред. Что такое харисто, никто не знал. Но напоминает оно нам Евхаристию – благодарение, благодарность, признательность, добро, благо, почитание, честь, уважение, а также Святое Причастие. Если бы мы чаще их держали в уме и в сердце и повторяли вслух!..

Свет Православного слова, аура добра и духовного просветления загорается перед читателем книги Сергея Пылёва, предлагая искреннее и доверительное размышление.

Художественное творчество Сергея Пылёва даёт читателю возможность почувствовать жизнь так, что он почти осязает её в непревзойденной свежести и подлинности. Изображение им современной жизни захватывает нас, потому что в повести Россия жива во всей яркости и правде менталитета русского человека, обладателя высшего дара – быть счастливым не одному, а непременно со всем человечеством.

Антимир

В повести «Антимир» главный герой – Иван Морозов, шлифовщик шестого разряда. Его глаза «зорко всевидящие, лучисто-лазерные, точно способные высветить в душе любого человека те его глубинные качества и свойства, о которых тот сам и не подозревал». Душа его «была сродственна» с душой директора завода Михаила Анатольевича Вельяминова, «как два яблока на одной ветке». Всегда находились у них темы для обсуждения: «они предпочитали пристрастно отхлестать верхи за дерзостную махинацию с поголовным отнятием у населения сберегательных вкладов или за лицемерно невыполненное обещание выплачивать рядовым россиянам проценты с добычи богатств, содержащихся в недрах страны».

Сергей Пылёв среди немногих литераторов погружается в тему взаимоотношения старшего поколения и современного, смартфонного, трусливо показавшего себя в миллионном исходе после объявления мобилизации, доверчиво отправившись во враждебные их Родине страны, лишив себя корней и истоков. «Какой воздух свежий, – произносит Вельяминов, – сколько с началом СВО всякой дряни бежало от нас! Только бы они не вернулись...»

Вызывает неприязнь ярый борец за либеральные ценности, выходец из США, приехавший в Россию за двигателем для космических ракет, наделённый чертами скользкого, непорядочного человека, охарактеризованного в России как антихрист.

Высокое созерцание, всегда свойственное большому художнику, писателя Сергея Пылёва, за плечами которого водораздел крушения всех духовных ценностей, с которыми жили люди в СССР, и как будто попадание в тесно-мрачную комнатку перестроечных 90-х годов, наполняется отзвуками отечественных голосов русских мыслителей – Фёдора Достоевского и Василия Шукшина. Это волнительное, бережное отношение к родному народу, согревающее дыхание мысли и провидчества, потаённая красота русского характера.

Усилия длиною в жизнь

В повести «Небоевые потери» профессор, заведующий кафедрой самолётостроения Георгий Владимирович Шаталов готовился отметить своё семидесятилетие, когда в ответ на многолетний обстрел Донбасса Россия вынужденно объявила о начале спецоперации на Украине. Он совершенно не ожидал, что его дочь с мужем на такси за 40 000 рублей молчком уедут в Казахстан с намерением – переехать в Грузию, чтобы «Костика не мобилизовали». Дочь эсэмэской сообщила об этом отцу уже из Казахстана. Возникло отцовское ощущение напрасности всех своих усилий длиною в жизнь. Это было неприятно. Но главное, что он испытывал стыд за своё отстранённое место в стороне от боевых действий, когда видел взлетающие «сушки-бомбардёры», эти уникально совершенные машины, о штурвале которых он когда-то мечтал, но ростом и ввысь и вширь был более, чем полагается пилоту «ястребка». Как хотел он быть полезным, но понимал: «Кому ты нужен, дед...» Он всматривался в экран телевизора, обострённо чувствовал, что хочет понять идею, которая заставляла бы бандеровцев стрелять в сторону Донбасса, но видел лишь пацанов из тусовки в каком-нибудь затрапезном баре, часто хулигански-похабные, но никак не лица духовных защитников, борцов за правду. Героическое начало в них напрочь отсутствовало. «Или хотя бы черты развязного гегемонизма» тоже на лицах не читались.

Его мысли о военкомате вызывали у него же самого сдержанную усмешку. Приняли бы за выжившего из ума старикашку. И военный билет вызвал бы реакцию смеха, ведь он служил в армии начальником библиотеки. Дочь позвонила уже из Тбилиси. Она оставила в квартире собаку, хотя говорила, что любит её. Вот, оказалось, какие люди бегут от мобилизации. Друг дочери и её мужа Костика Гриша прячется в их квартире тоже от исполнения воинского долга. Боясь воя собаки, он её задушил. «Дрянь, тебя бы показательно расстрелять, да мы в подлые либеральные игры заигрались». – «Я не хотел убивать пёсика, так получилось, я зажал ему челюсть». – «Брысь, смартфонщик плюгавый».

Квартира была заполнена бутылками от пива и коробками от пиццы – вот уровень интеллекта Гриши. Собака же была похоронена в ближайшем сквере, на кладбище для животных с фотографиями питомцев. И некоторые даже с мраморными памятниками. А за окном шли колонны военных машин, по железной дороге везли зачехлённые танки.

Встреча с батюшкой, вера в Бога помогает Георгию Владимировичу сохранить связь земного и небесного, даёт смысл существованию человека. «Чем человечество вновь перед нами, Россией, провинилось, – спрашивает себя Георгий Шаталов, – что наглядно продемонстрирован нелепый кульбит: страны, некогда спасённые нами от фашизма, вновь сделали его своей сущностной основой. Наряду с принципами своей похотливой свободы».

Трагедия разума

Каждая повесть или рассказ Сергея Пылёва – часть огромной вселенной с обострённым чувством её восприятия, глубокой внутренней жизнью при внешней сдержанности, но целостность мира им ясно постигается. Человечество стало участником драмы разума, вступило в тот самый сон разума, о котором предупреждал испанский художник. Возникло усыхание разума, «оказавшегося под “железной пятой” экологически безумного Капитала...», как говорит современный петербургский философ Александр Субетто в своей книге «Диктатура кажимости» (2021). Драма разума несёт «культуру массовой смерти» как данность и обыденность, переходя в «трагедию разума» как момент «глобальной антропологической катастрофы».

«Есть ли жизнь на антресолях». Это произведение-воспоминание, ностальгия по счастливому детству, по прошлому, в котором всё так отличалось от современной жизни, где «столько политики в этой жизни... Без неё просто никуда. Словно именно ей и ради неё мы живём». Герой повести Игорь Юрьевич ловит себя на мысли, рассматривая давние, старые вещи в антресоли, что «появилось нежное, чуть ли не младенческое желание остаться здесь навсегда», и тут же заснул вмиг и благодатно. Жизнь, которую хранят в себе антресоли, оказалась милой сердцу и «даже развесёлой».

Игра с полом становится темой повести «Сорок домашних кошаков», где слабый характером герой по имени Виктор становится Инной по прихоти обеспеченной дамочки Инны, завещавшей свои

богатства Виктору на одном условии: он становится благодаря определенным операциям на теле ею – Инной.

«Ясно одно: бытие народа нашего есть глобальное испытание злом, – отвечает случайный мудрый человек на исповедь Виктора, – корёжит его на каждом шагу. Вот и лишние люди вновь появились на российских путях-дорогах. И ты, по всему видно, один из них. Только без обид, плюгавенький. Давненько вас было не видеть, господу никчёмные. Но роднит вас, нынешних, инфантильных и равнодушных, с Базаровым невозможность достойно реализовать себя». И в литературе, и в жизни судьба «лишнего человека» трагична.

За финансовой капиталократией или олигархатом, сумевшим обрести мировые масштабы, скрывается такая степень отчуждения от интересов человека и человечества в целом, от Природы и законов жизни, что она действительно превратила мир в «конец Света» или же, как охарактеризовал этот мир Уильям Астор, в «культуру массовой смерти», как физической, так и духовной.

Спасение мира в общественно-познавательных знаниях о мироздании и созидании, об истории человечества, в научно-познавательном и художественно-философском осмыслении.

Это шансы уцелеть в условиях манипуляции сознанием, гибридных войн и воссоздать себя где-то даже с нуля, только выкарабкавшись из «тьмы невежества», симулякров, антропологической катастрофы. Нам нужно, как говорит Людмила Воробьёва, критик из Минска: «восстановить наше гуманитарное полушарие, без которого, и это окончательно выяснится очень скоро, полноценный мыслительный процесс будет уже невозможен». Об этом книга-предупреждение Сергея Пылёва, о таких явлениях общественной жизни, как рабство, терроризм, геноцид и фашизм, и это его вклад в наше внутреннее оформление, чтобы России в её духовных основах сохранить себя и стать центром будущего развития человечества.

Об авторе: Сергей Прокофьевич Пылёв окончил филфак ВГУ. Автор 9 книг рассказов и повестей, вышедших в Воронеже и Москве: «И будет ясный день», «Обстоятельства», «Вам бы птицами родиться», «Радужная звезда», «Сон разума», «Человек Господа», «Удар возмездия», «На чистую волю», «Божьи искорки». Публиковался в журналах «Подъём», «Берега», «Север», «Волга – XXI век», «Сура», «Гостинный дворь», «Москва» – с повестями «Гололёд среди лета», «Никишин сад», «А за окном – человечество», «Опыты Луизы над Монтенем», «Матушка» и другими. Лауреат премии «Кольцовский край» за книгу «Божьи искорки», изданную Сретенским монастырём в 2017 году, дипломант журнала «Берега» за 2017 год. Награждён медалью общественного Совета ВДВ России «За верность долгу и Отечеству», медалью СПР имени В. М. Шукшина.

Наши друзья

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdexhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»
Журнал «Сибирь», Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnyaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздня, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргмак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина», гл. ред. Тамара Малеевская, Австралия: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛИТЕРА», гл. ред. Владимир Фёдоров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной
Журнал «Невечерний свет», гл. ред. Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении и подписке на журнал

Поддержка, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карту Сбербанка по номеру телефона 89118630467.